

Il CANTARINO

di
GIULIO
CANTARINI

con
UNA
INTRODUZIONE
di
GIULIO
CANTARINI

di
GIULIO
CANTARINI

di
GIULIO
CANTARINI

Annotation

«... Мережковский-поэт неотделим от Мережковского-критика и мыслителя. Его романы, драмы, стихи говорят о том же, о чем его исследования, статьи и фельетоны. „Символы“ развивают мысли „Вечных Спутников“, „Юлиан“ и „Леонардо“ воплощают в образах идеи книги о „Толстом и Достоевском“, „Павел“ и „Александр I и декабристы“ дают предпосылки к тем выводам, которые изложены Мережковским на столбцах „Речи“ и „Русского Слова“. Поэзия Мережковского – не ряд разрозненных стихотворений, подсказанных случайностями жизни, каковы, напр., стихи его сверстника, настоящего, прирожденного поэта, К. Фофанова. Поэзия Мережковского не импровизация, а развитие в стихах определенных идей, и ряд сборников его стихов кажутся стройными вехами пройденного им пути. ...» (В. Брюсов)

- [Дмитрий Сергеевич Мережковский](#)
 - [Стихотворения 1883 – 1887](#)
 - [Часть I](#)
 - [Поэту](#)
 - [Осеннее утро](#)
 - [«Герой, певец, отрадны ваши слезы...»](#)
 - [На распутье](#)
 - [«В борьбе на жизнь и смерть не сдамся я врагу...»](#)
 - [К смерти Отрывок](#)
 - [«Весь этот жалкий мир отчаянья и муки...»](#)
 - [Кораллы](#)
 - [«Все грезы юности и все мои желанья...»](#)
 - [«Порой, как образ Прометея...»](#)
 - [«Блажен, кто цель избрал, кто вышел на дорогу...»](#)
 - [«От книги, лампой озаренной...»](#)
 - [Поэту наших дней](#)
 - [«С тобой, моя печаль, мы старые друзья...»](#)
 - [Развалины](#)
 - [На птичьем рынке](#)

- «Пройдет немного лет, и от моих усилий...»
- «...Он сидел на гранитной скале...»
- Больной
- Весна
- «Когда вступал я в жизнь, мне рисовалось счастье...»
- «О жизнь, смотри – во мгле унылой...»
- «Скажи мне, почему, когда в румянном утре...»
- «Печальный мертвый сумрак...»
- «С потухшим факелом мой гений отлетает...»
- «Когда безмолвные светила над землей...»
- Солнце
- «Часовой на посту должен твердо стоять...»
- «И хочу, но не в силах любить я людей...»
- «Напрасно я хотел всю жизнь отдать народу...»
- «Любить народ?.. Как часто, полный...»
- «Тишь и мрак – в душе моей...»
- «„Христос воскрес“, – поют во храме...»
- «Как летней засухой сожженная земля...»
- «Июльским вечером следил ли ты порою...»
- «Покоя, забвенья!.. Уснуть, позабыть...»
- «Порой, когда мне в грудь отчаянье теснится...»
- Совість
- Пророк Иеремия
- «Сердце печальное, робкое сердце людское...»
- Часть II
 - Природа
 - «О дайте мне забыть туманы и метели...»
 - Молитва природы
 - «Если розы тихо осыпаются...»
 - Вечер
 - Южная ночь
 - «И вот опять проносятся, играя...»
 - В полях
 - Усни
 - На высоте
 - В Альпах

- Даль
- После грозы
- «В путь, скорее в далекий, неведомый путь...»
- «Пощады я молю! Не мучь меня, Весна...»
- «Сегодня в заговор вступили ночь и розы...»
- «Черные сосны на белый песок...»
- «По ночам ветерок не коснется чела...»
- «Ласковый вечер с землею прощался...»
- «Задумчивый Сентябрь роскошно убирает...»
- «Кроткий вечер тихо угасает...»
- «В сиянье бледных звезд, как в мертвенных очах...»
- «В этот вечер, горячий, немой и томительный...»
- «Природа говорит мне с царственным презрением...»
- «Здесь, в теплом воздухе, пропитанном смолою...»
- Родина
- На Волге
- Часть III
 - Из Альфреда Мюссэ
 - «Я никогда так не был одинок...»
 - Эрот
 - В сумерки
 - Осень
 - Из Бодлэра
 - «Меня ты, мой друг, пожалела...»
 - «...Потух мой гнев, безумный, детский гнев...»
 - Франческа Римини
 - Признание
 - «Мы идем по цветущей дороге...»
 - «Ты читала ль преданья, как жгли христиан...»
 - «О дитя, живое сердце...»
 - «По дебрям усталый брожу я в тоске...»
 - «Не думала ли ты, что, бледный и безмолвный...»
 - «Давно ль желанный мир я звал к себе, тоскуя...»
 - «Ищи во мне не радости мгновенной...»
 - Ариванза
- Поэмы и легенды

- [Протопоп Аввакум](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
 - [IX](#)
 - [X](#)
 - [XI](#)
 - [XII](#)
- [Уголино\[3\]](#)
- [Орваси](#)
- [Страшный суд](#)
- [Песнь баядер](#)
- [Дон Кихот](#)
- [Жертва](#)
- [Аллах и Демон](#)
- [Сакья-Муни](#)
- [Эскизы](#)
 - [Легенда из Т. Тассо](#)
 - [Детям](#)
 - [Из Горация](#)
 - [«В царстве солнца и роз я мечтал отдохнуть...»](#)
 - [Пир](#)
 - [Сон](#)
 - [Предчувствие](#)
 - [Искушение](#)
 - [На Тарпейской скале](#)
 - [Юбилей А. Н. Плещеева](#)
 - [Альбатрос](#)
 - [«Там, в глубине задумчивой долины...»](#)
 - [Изображение на щите Ахиллеса](#)
 - [Смерть Клитемнестры](#)
 - [Смерть Надсона](#)

- На даче
- Символы (Песни и поэмы)
 - Бог
 - Смерть
 - Первая песнь
 - I
 - II
 - III
 - IV
 - V
 - VI
 - VII
 - VIII
 - IX
 - X
 - XI
 - XII
 - XIII
 - XIV
 - XV
 - XVI
 - XVII
 - XVIII
 - XIX
 - XX
 - XXI
 - XXII
 - XXIII
 - XXIV
 - XXV
 - XXVI
 - XXVII
 - XXVIII
 - XXIX
 - XXX
 - XXXI
 - XXXII

- [XXXIII](#)
- [XXXIV](#)
- [XXXV](#)
- [XXXVI](#)
- [XXXVII](#)
- [XXXVIII](#)
- [XXXIX](#)
- [XL](#)
- [XLI](#)
- [XLII](#)
- [XLIII](#)
- [XLIV](#)
- [XLV](#)
- [XLVI, XLVII](#)
- [XLVIII](#)
- [XLIX](#)
- [L](#)
- [LI](#)
- [LII](#)
- [LIII](#)
- [Песнь вторая](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
 - [IX](#)
 - [X](#)
 - [XI](#)
 - [XII](#)
 - [XIII](#)
 - [XIV](#)
 - [XV](#)
 - [XVI](#)

- [XVII](#)
- [XVIII](#)
- [XIX](#)
- [XX](#)
- [XXI](#)
- [XXII](#)
- [XXIII](#)
- [XXIV](#)
- [XXV](#)
- [XXVI](#)
- [XXVII](#)
- [XXVIII](#)
- [XXIX](#)
- [XXX](#)
- [XXXI](#)
- [XXXII](#)
- [XXXIII](#)
- [XXXIV](#)
- [XXXV](#)
- [XXXVI](#)
- [XXXVII](#)
- [XXXVIII](#)
- [XXXIX](#)
- [XL](#)
- [XLI](#)
- [XLII](#)
- [XLIII](#)
- [XLIV](#)
- [XLV](#)
- [XLVI](#)
- [XLVII](#)
- [XLVIII](#)
- [XLIX](#)
- [L](#)
- [LI](#)
- [LII](#)
- [LIII](#)

- [LIV](#)
- [LV](#)
- [LVI](#)
- [LVII](#), [LVIII](#), [LIX](#), [LX](#), [LXI](#)
- [LXII](#)
- [LXIII](#)
- [LXIV](#)
- [LXV](#)
- [LXVI](#)
- [LXVII](#)
- [LXVIII](#)
- [Франциск Ассизский](#)
 - [Часть первая](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
 - [IX](#)
 - [X](#)
 - [XI](#)
 - [XII](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
 - [IX](#)
 - [X](#)
 - [XI](#)

- [XII](#)
- [Вера](#)
 - [Глава первая](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
 - [IX](#)
 - [X](#)
 - [XI](#)
 - [XII](#)
 - [XIII](#)
 - [XIV](#)
 - [XV](#)
 - [XVI](#)
 - [XVII](#)
 - [XVIII](#)
 - [XIX](#)
 - [XX](#)
 - [XXI](#)
 - [XXII, XXIII](#)
 - [XXIV](#)
 - [XXV](#)
 - [XXVI](#)
 - [XXVII](#)
 - [XXVIII](#)
 - [XXIX, XXX, XXXI](#)
 - [XXXII](#)
 - [XXXIII](#)
 - [XXXIV](#)
 - [XXXV](#)
 - [XXXVI](#)
 - [XXXVII](#)

- [XXXVIII](#)
- [XXXIX](#)
- [XL](#)
- [XLI](#)
- [XLII](#)
- [XLIII](#)
- [XLIV](#)
- [XLV](#)
- [XLVI](#)
- [XLVII](#)
- [XLVIII](#)
- [XLIX](#)
- [L](#)
- [LI](#)
- [LII](#)
- [LIII](#)
- [LIV](#)
- [LV](#)
- [LVI](#)
- [LVII](#)
- [LVIII](#)
- [LIX](#)
- [LX](#)
- [LXI](#)
- [LXII](#)
- [LXIII](#)
- [LXIV](#)
- [LXV](#)
- [LXVI](#)
- [LXVII](#)
- [LXVIII](#)
- [LXIX](#)
- [LXX](#)
- [LXXI](#)
- [LXXII](#)
- [LXXIII](#)
- [LXXIV](#)

- [LXXV](#)
- [LXXVI](#)
- [LXXVII](#)
- [LXXVIII](#)
- [LXXIX](#)
- [LXXX](#)
- [LXXXI](#)
- [LXXXII](#)
- [LXXXIII](#)
- [LXXXIV](#)
- [LXXXV](#)
- [LXXXVI](#)
- [LXXXVII](#)
- [LXXXVIII](#)
- [LXXXIX](#)
- [Глава вторая](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
 - [IX](#)
 - [X](#)
 - [XI](#)
 - [XII](#)
 - [XIII](#)
 - [XIV](#)
 - [XV](#)
 - [XVI](#)
 - [XVII](#)
 - [XVIII](#)
 - [XIX](#)
 - [XX](#)
 - [XXI](#)

- [XXII](#)
- [XXIII](#)
- [XXIV](#)
- [XXV](#)
- [XXVI](#)
- [XXVII](#)
- [XXVIII](#)
- [XXIX](#)
- [XXX](#)
- [XXXI](#)
- [XXXII](#)
- [XXXIII](#)
- [XXXIV](#)
- [XXXV](#)
- [XXXVI](#)
- [XXXVII](#)
- [XXXVIII](#)
- [XXXIX](#)
- [XL](#)
- [XLI](#)
- [XLII](#)
- [XLIII](#)
- [XLIV](#)
- [XLV](#)
- [XLVI](#)
- [XLVII](#)
- [XLVIII](#)
- [XLIX](#)
- [L](#)
- [LI](#)
- [LII](#)
- [LIII](#)
- [LIV](#)
- [LV](#)
- [LVI](#)
- [LVII](#)
- [LVIII](#)

- [LIX](#)
- [LX](#)
- [LXI](#)
- [LXII](#)
- [LXIII](#)
- [LXIV](#)
- [LXV](#)
- [LXVI](#)
- [LXVII](#)
- [LXVIII](#)
- [LXIX](#)
- [LXX](#)
- [LXXI](#)
- [LXXII](#)
- [LXXIII](#)
- [LXXIV](#)
- [LXXV](#)
- [LXXVI](#)
- [LXXVII](#)
- [LXXVIII](#)
- [LXXIX](#)
- [LXXX](#)
- [LXXXI](#)
- [LXXXII](#)
- [LXXXIII](#)
- [LXXXV](#)
- [LXXXVI](#)
- [LXXXVII](#)
- [LXXXVIII](#)
- [LXXXIX](#)
- [XC](#)
- [XCI](#)
- [XCII](#)
- [XCIII](#)
- [XCIV](#)
- [XCV](#)
- [XCVI](#)

- [XCVII](#)
- [XCVIII](#)
- [XCIX](#)
- [C](#)
- [CI](#)
- [CII](#)
- [CIII](#)
- [CIV](#)
- [CV](#)
- [CVI](#)
- [CVII](#)
- [CVIII](#)
- [CIX](#)
- [CX](#)
- [CXI](#)
- [CXII](#)
- [CXIII](#)
- [CXIV](#)
- [CXV](#)
- [CXVI](#)
- [CXVII](#)
- [CXVIII](#)
- [CXIX](#)
- [CXX](#)
- [CXXI](#)
- [CXXII](#)
- [CXXIII](#)
- [CXXIV](#)
- [CXXV](#)
- [CXXV](#)
- [Глава третья](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)

- [VII](#)
- [VIII](#)
- [IX](#)
- [X](#)
- [XI](#)
- [XII](#)
- [XIII](#)
- [XIV](#)
- [XV](#)
- [XVI](#)
- [XVII](#)
- [XVIII, XIX](#)
- [XX](#)
- [XX](#)
- [XXII](#)
- [XXIII](#)
- [XXIV](#)
- [XXV](#)
- [XXVI](#)
- [XXVII](#)
- [XXVIII](#)
- [XXIX](#)
- [XXX](#)
- [XXXI](#)
- [XXXII](#)
- [XXXIII](#)
- [XXXIV](#)
- [XXXV](#)
- [XXXVI](#)
- [XXXVII](#)
- [XXXVIII](#)
- [XXXIX](#)
- [XL](#)
- [XLI](#)
- [XLII](#)
- [XLIII](#)
- [XLIV](#)

- [XLV](#)
- [XLVI](#)
- [XLVII](#)
- [XLIX](#)
- [L](#)
- [LI](#)
- [LII](#)
- [LIII](#)
- [LIV](#)
- [LV](#)
- [LVI](#)
- [LVII](#)
- [LVIII](#)
- [LIX](#)
- [LX](#)
- [LXI](#)
- [LXII](#)
- [LXIII](#)
- [LXIV](#)
- [LXV](#)
- [LXVI](#)
- [LXVII](#)
- [LXVIII](#)
- [LXIX](#)
- [LXX](#)
- [LXXI](#)
- [LXXII](#)
- [LXXIII](#)
- [LXXIV](#)
- [LXXV](#)
- [LXXVI](#)
- [LXXVII](#)
- [LXXVIII](#)
- [LXXIX](#)
- [LXXX](#)
- [LXXXI](#)
- [Песни и легенды](#)

- [Пророк Исая](#)
- [Небо и море](#)
- [У моря](#)
- [На южном берегу крыма](#)
- [Монах Легенда](#)
- [Имогена Средневековая легенда](#)
- [Смех богов](#)
- [Гимн красоте](#)
- [Одиночество](#)
- [Христос, ангелы и душа](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
- [«Томимый грустью непонятной...»](#)
- [«Что ты можешь? В безумной борьбе...»](#)
- [Волны](#)
- [«Он про любовь ей говорил...»](#)
- [Рим](#)
- [Пантеон](#)
- [Будущий Рим](#)
- [Колизей](#)
- [Марк Аврелий](#)
- [Термы Каракаллы](#)
- [Сорренто](#)
- [Капри](#)
- [Праздник св. Констанция](#)
- [Везувий](#)
- [Помпея](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
- [Тибур](#)
- [«Addio, Napoli»](#)
- [Возвращение](#)
- [Семейная идиллия](#)
 - [I. Вступление](#)
 - [II. На даче под Москвою](#)
 - [III. Бабушка](#)

- [IV. Тетя Надя](#)
- [V. Крокет](#)
- [VI. Бури в стакане воды](#)
- [VII. Мама](#)
- [VIII. Проза любви](#)
- [IX. Отъезд с дачи](#)
- [X. Читателю](#)
- [XI. Поэзия будничной жизни](#)
- [Возвращение к природе](#)
 - [* * *](#)
 - [* * *](#)
 - [* * *](#)
 - [* * *](#)
 - [* * *](#)
 - [* * *](#)
 - [* * *](#)
 - [* * *](#)
 - [* * *](#)
 - [* * *](#)
 - [* * *](#)
 - [* * *](#)
 - [* * *](#)
 - [* * *](#)
- [Конец века](#)
 - [I. Евангельская притча](#)
 - [II. «GRILLE-D’-EGOUT»\[15\]](#)
 - [III. Ренан](#)
 - [IV. Новое искусство](#)
 - [V. Салон 1891 года](#)
 - [VI. Liberté, fraternité, égalité\[19\]](#)
 - [VII. Венера Милосская](#)
 - [VIII. Бульвары вечером](#)
 - [IX. Петербург](#)
 - [X. Родина](#)
- [Скованный Прометей](#)
 - [В горах Скифии](#)
- [Ворон](#)

- [Morituri\[21\]](#)
- [Новые стихотворения 1891 – 1895](#)
 - [Венеция](#)
 - [Расслабленный](#)
 - [Молчание](#)
 - [Любовь-вражда](#)
 - [Обыкновенный человек](#)
 - [Одиночество в любви](#)
 - [DE PROFUNDIS](#)
 - [I Усталость](#)
 - [II De Profundis\[23\]](#)
 - [Сеятель](#)
 - [Вечерняя песня](#)
 - [Нива](#)
 - [Ночь](#)
 - [Тишина](#)
 - [Осенние листья](#)
 - [Парки\[24\]](#)
 - [Микеланджело](#)
 - [Простое сердце](#)
 - [Волны](#)
 - [Мать](#)
 - [Гриндельвальд](#)
 - [Парфенон](#)
 - [Пролог на небе](#)
 - [Иов](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [Недолговечная](#)
 - [Неуловимое](#)
 - [В лунном свете](#)
 - [Самому себе](#)
 - [Песня Маргариты](#)
 - [Цветы](#)
 - [Счастья нет](#)
 - [Успокоенные](#)

- [Весеннее чувство](#)
- [Нищий](#)
- [Белая ночь](#)
- [Изгнанники](#)
- [Родник](#)
- [Пчелы](#)
- [Ювенал о Древнем Риме](#)
- [Краткая песня](#)
- [Старость](#)
- [Дети ночи](#)
- [Поэт](#)
- [Март](#)
- [Песня вакханок](#)
- [Лев](#)
- [Признание](#)
- [Титаны](#)
- [Леда](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
- [Голубое небо](#)
- [Пустая чаша](#)
- [Смех](#)
- [Леонардо да Винчи](#)
- [Скука](#)
- [Надежда](#)
- [Сталь](#)
- [Ноябрь](#)
- [Осенью в Летнем саду](#)
- [На озере Комо](#)
- [Средиземное море](#)
- [Шум волн](#)
- [Ласточки](#)
- [Не надо звуков](#)
- [Слепая](#)
- [Нирвана](#)
- [Темный ангел](#)

- [Проклятие любви](#)
- [Две песни шута](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
- [Из «Собрания стихов» \(1904\), «Собрания стихов» \(1910\) и «Полного Собрания Сочинений» \(1912\)](#)
 - [«Так жизнь ничтожеством страшна...»](#)
 - [Двойная бездна](#)
 - [«О, если бы душа полна была любовью...»](#)
 - [Детское сердце](#)
 - [Трубный глас](#)
 - [Молитва о крыльях](#)
 - [Веселые думы](#)
 - [Возвращение](#)
 - [Старинные октавы Octaves du passé](#)
 - [Песнь первая](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
 - [IX](#)
 - [X](#)
 - [XI](#)
 - [XII](#)
 - [XIII](#)
 - [XIV](#)
 - [XV](#)
 - [XVI](#)
 - [XVII](#)
 - [XVIII](#)
 - [XIX](#)
 - [XX](#)
 - [XXI](#)

- [XXII](#)
- [XXIII](#)
- [XXIV](#)
- [XXV](#)
- [XXVI](#)
- [XXVII](#)
- [XXVIII](#)
- [XXIX](#)
- [XXX](#)
- [XXXI](#)
- [XXXII](#)
- [XXXIII](#)
- [XXXIV](#)
- [XXXV](#)
- [XXXVI](#)
- [XXXVII](#)
- [XXXVIII](#)
- [XXXIX](#)
- [XL](#)
- [XLI](#)
- [XLII](#)
- [XLIII](#)
- [XLIV](#)
- [XLV](#)
- [XLVI](#)
- [XLVII](#)
- [XLVIII](#)
- [XLIX](#)
- [L](#)
- [LI](#)
- [LII](#)
- [LIII](#)
- [LIV](#)
- [LV](#)
- [LVI](#)
- [LVII](#)
- [LVIII](#)

- [LIX](#)
- [LX](#)
- [LXI](#)
- [LXII](#)
- [LXIII](#)
- [LXIV](#)
- [LXV](#)
- [LXVI](#)
- [LXVII](#)
- [LXVIII](#)
- [LXIX](#)
- [LXX](#)
- [LXXI](#)
- [LXXII](#)
- [LXXIII](#)
- [LXXIV](#)
- [LXXV](#)
- [LXXVI](#)
- [LXXVII](#)
- [LXXVIII](#)
- [LXXIX](#)
- [LXXX](#)
- [LXXXI](#)
- [LXXXII](#)
- [LXXXIII](#)
- [LXXXIV](#)
- [LXXXV](#)
- [LXXXVI](#)
- [LXXXVII](#)
- [LXXXVIII](#)
- [LXXXIX](#)
- [XC](#)
- [XCI](#)
- [XCII](#)
- [XCIII](#)
- [XCIV](#)
- [XCV](#)

- [XCVI](#)
- [XCVII](#)
- [XCVIII](#)
- [XCIX](#)
- [C](#)
- [CI](#)
- [CII](#)
- [CIII](#)
- [CIV](#)
- [CV](#)
- [CVI](#)
- [CVII](#)
- [CVIII](#)
- [CLIX](#)
- [CX](#)
- [CXI](#)
- [CXII](#)
- [CXIII](#)
- [CXIV](#)
- [CXV](#)
- [Песнь вторая](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
 - [IX](#)
 - [X](#)
 - [XI](#)
 - [XII](#)
 - [XIII](#)
 - [XIV](#)
 - [XV](#)
 - [XVI](#)

- [XVII](#)
- [XVIII](#)
- [XIX](#)
- [XX](#)
- [XXI](#)
- [XXII](#)
- [XXIII](#)
- [XXIV](#)
- [XXV](#)
- [XXVI](#)
- [XXVII](#)
- [XXVIII](#)
- [XXIX](#)
- [XXX](#)
- [XXXI](#)
- [XXXII](#)
- [XXXIII](#)
- [XXXIV](#)
- [XXXV](#)
- [XXXVI](#)
- [XXXVII](#)
- [XXXVIII](#)
- [XXXIX](#)
- [XL](#)
- [XLI](#)
- [XLII](#)
- [XLIII](#)
- [XLIV](#)
- [XLV](#)
- [XLVI](#)
- [XLVII](#)
- [XLVIII](#)
- [XLIX](#)
- [L](#)
- [LI](#)
- [LII](#)
- [LIII](#)

- [LIV](#)
- [LV](#)
- [LVI](#)
- [LVII](#)
- [LVIII](#)
- [LIX](#)
- [LX](#)
- [LXI](#)
- [LXII](#)
- [LXIII](#)
- [LXIV](#)
- [LXV](#)
- [LXVI](#)
- [LXVII](#)
- [LXVIII](#)
- [LXIX](#)
- [LXX](#)
- [LXXI](#)
- [LXXII](#)
- [LXXIII](#)
- [LXXIV](#)
- [LXXV](#)
- [LXXVI](#)
- [LXXVII](#)
- [LXXVIII](#)
- [LXXIX](#)
- [LXXX](#)
- [LXXXI](#)
- [LXXXII](#)
- [LXXXIII](#)
- [LXXXIV](#)
- [LXXXV](#)
- [LXXXVI](#)
- [LXXXVII](#)
- [LXXXVIII](#)
- [LXXXIX](#)
- [XC](#)

- [XCI](#)
- [XCII](#)
- [XCIII](#)
- [XCIV](#)
- [XCV](#)
- [XCVI](#)
- [XCVII](#)
- [XCVIII](#)
- [XCIX](#)
- [C](#)
- [CI](#)
- [CII](#)
- [CIII](#)
- [CIV](#)
- [CV](#)
- [CVI](#)
- [CVII](#)
- [CVIII](#)
- [CIX](#)
- [CX](#)
- [CXI](#)
- [CXII](#)
- [CXIII](#)
- [CXIV](#)
- [CXV](#)
- [Стихотворения разных лет](#)
 - [Лирика](#)
 - [Царство божие](#)
 - [Мудрецу](#)
 - [Мрамор](#)
 - [«Уж дышит оттепель, и воздух полон лени...»](#)
 - [«Летние, душные ночи...»](#)
 - [Смерть Всеволода Гаршина](#)
 - [«Кой-где листы склонила вниз...»](#)
 - [«В темных росистых ветвях встрепенулись веселые птицы...»](#)
 - [Два сонета](#)

- 1. Лилия
- 2. Тайна
- Свободная любовь
- «Дома и призраки людей...»
- «Трепетные зори...»
- «Возьми бокал с вином, венок из роз одень...»
- Степь
- «Мы в одной долине о любви мечтали...»
- Туман
- «Ты поклялась мне в любви...»
- «Кто нам решит...»
- «Как негодуют эти волны...»
- «О, нет, молю, не уходи...»
- «Как от рождения слепой...»
- «Как странник, путь окончив дальний...»
- «Пусть темна моя дорога...»
- Светляк
- На древнем Форуме в Риме
- Сплин
- Неразрешимые вопросы
- Молитва язычника
- Надгробные цветы
- Утренний гимн
- Одна природа
- Два сонета Петрарки
 - 1. «О красоте твоей молчать стыжусь, Мадонна...»
 - 2. «Лукавый бог любви, я вновь в твоей темнице...»
- Спокойствие
- Бумажные цветы
- «В моей душе – ни трепета, ни звука...»
- Родное
- Серый день
- «Не надо желаний...»
- «Напрасно видела три века...»
- Ода человеку.

- [Песня во время грозы](#)
- [Развенчанный лес](#)
- [Дети](#)
- [DIES IRAE\[48\]](#)
- [Природа](#)
 - [1. «Когда под куполом огромного собора...»](#)
 - [2. «Когда же дивный храм природы...»](#)
- [Солнце и сердце](#)
- [Песня Солнца](#)
- [Октябрь](#)
- [Последние травы](#)
- [Зимний вечер](#)
- [Дождь](#)
- [Часы](#)
- [«Еще огнем горит мой взор...»](#)
- [Сорренто](#)
- [«Увы! Что сделал жизни холод...»](#)
- [Перед грозой](#)
- [Спокойствие](#)
- [Зимние цветы](#)
- [Воля](#)
- [«Синеет море слишком ярко...»](#)
- [Любовь к земному.](#)
- [«Еще люблю тебя, родная...»](#)
- [«Октябрьский снег первоначальный...»](#)
- [Stabat mater](#)
- [Опять весна](#)
- [«Люблю мой камень драгоценный...»](#)
- [«Кто ты, он или она...»](#)
- [«Ослепительная снежность...»](#)
- [Амалии](#)
- [Чужбина-родина](#)
- [«Ты ушла, но поздно...»](#)
- [«Я всех любил, и всех забыли...»](#)
- [«Ужель мою святыню...»](#)
- [«В небе, зеленом, как лед...»](#)
- [Да не будет](#)

- Ночная песня странника
- «Люблю иль нет, – легка мне безнадежность...»
- «На те холмы, в леса сосновые...»
- «И снилось мне: заря туманная...»
- «Затихших волн сиянье бесконечно...»
- «Как наполняет храм благоуханье...»
- Осеннее-весеннее
 - 1. «Еще роса на сжатый колос...»
 - 2. «Купальницы болотные...»
- Не-Джиоконде
- «О, как порыв любви бесплоден...»
- «Все кончается смертью, все кончается сном...»
- Отшельник и фавн
- «Опять горит меж темных сосен...»
- «О, мука вечной жажды...»
- «Я от жажды умираю...»
- «Пусть же дьявол ликует...»
- Из дневника
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
- Кассандра
- Вечерняя песнь
- Песнь парок
- Царскосельский барельеф
- Псалом царя Ахенатона
- «Плавает лебедь в воде замерзающей...»
- Вдруг
- Сонное
- Одуванчики
- Я не был счастлив никогда
- Главное

- [Пятая](#)
- [Легенды и поэмы](#)
 - [Восточный миф](#)
 - [Старый Гуд](#)
 - [Родриго Испанская легенда](#)
 - [«Пастырь добрый»](#)
- [Шуточные стихотворения и дружеские послания](#)
 - [Ода Аларчину мосту.](#)
 - [Полонскому.](#)
 - [<А. В. Половцову>](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)

- [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
-

Дмитрий Сергеевич Мережковский
Полное собрание стихотворений

Стихотворения 1883 – 1887

Часть I

*И отдашь голодному душу твою и питаешь
душу страдальца; тогда свет твой взойдет во
тьме,
и мрак твой будет, как полдень.*

Исаия I VIII

Поэту

Не презирай людей! Безжалостной и гневной
Насмешкой не клейми их горестей и нужд,
Сознав могущество заботы повседневной,
Их страха и надежд не оставайся чужд.
Как друг, не как судья неумолимо строгий,
Войди в толпу людей и оглянись вокруг,
Пойми ты говор их и смутный гул тревоги,
И стон подавленный невыразимых мук.
Сочувствуй горячо их радостям и бедам,
Узнай и полюби простой и темный люд,
Внимай без гордости их будничным беседам,
И, как святыню, чти их незаметный труд.
Сквозь мутную волну житейского потока
Жемчужины на дне ты различишь тогда:
В постыдной оргии продажного порока —
Следы раскаянья и жгучего стыда,
Улыбку матери над тихой колыбелью,
Молитву грешника, и поцелуй любви,
И вдохновенного возвышенною целью
Борца за истину во мраке и крови.
Поймешь ты красоту и смысл существования
Не в упоительной и радостной мечте,
Не в блесках и цветах, но в терниях страданья,
В работе, в бедности, в суровой простоте.

И, жаждущую грудь роскошно утоляя,
Неисчерпаема, как нектар золотой,
Твой подвиг тягостный сторицей награждая,
Из жизни сумрачной поэзия святая
Польется светлою могучею струей.

Декабрь 1883

Осеннее утро

Неприветное утро в тумане седом,
Для кого ты, зачем поднялось?
Без румяных лучей в полумраке сыром
Ты слезами дождя залилось.

О зачем ты с осенних угрюмых небес
Заглянуло с усмешкой немой,
Проникая меж бархатных складок завес
В благовонный роскошный покой —

На помятое платье с увядшим цветком,
На бокал недопитый вина,
Эту спальню красавицы бледным лучом
Пробуждая от неги и сна?

О, рассвет, на тебя ей взглянуть тяжело:
Новый день – только новый позор...
И горит от стыда молодое чело,
И поник отуманенный взор.

Для чего ты, как вор, незаметно проник
К бедняку в его скорбный приют,
Где, усталые очи смежая на миг,
Он забыл недоконченный труд?..

У него ты похитил минутный покой:

День борьбы и забот – впереди,
День постылой работы он видит с тоской
В наболевшей, разбитой груди.

И зачем ты к больному на ложе проник?
Перед мертвенным блеском твоим
Отвратил он свой бледный, измученный лик:
Новый день, день страданий пред ним.

И зачем в эту келью, печальный рассвет,
В этот мир упоительных грез,
Где так страстно мечтал одинокий поэт,
Ты заботу и горе принес?

Его лампа померкла в холодных лучах,
И перо он роняет с тоской,
И трепещет слеза в его скорбных очах, —
Он бессилен и нем пред тобой.

О зачем тебе было над миром вставать
Перед этим мучительным днем,
О зачем ты нам не дал навек задремать
И забыться во мраке ночном?

Ноябрь 1883

«Герой, певец, отрадны ваши слезы...»

Герой, певец, отрадны ваши слезы,
И ваша скорбь завидна, мудрецы:
Нетленный лавр, невянущие розы
Вам обовьют терновые венцы.
Светло горит звезда высокой цели;
Вам есть за что бороться и страдать,
И обо всем, что втайне вы терпели,
Должны века векам пересказать:

То выразят пленительные звуки
Певучих струн, иль славные дела.
Все назовут святыми ваши муки,
И загремит им вечная хвала.

Но там, в толпе, страдальцы есть иные,
Там скорби есть, терзающие грудь,
Безмолвные, как плиты гробовые,
Что не дают подняться и вздохнуть.
И много их, героев неизвестных,
Непризнанных, но твердых до конца,
Что не шадят в борьбе усилий честных
И падают, не требуя венца.
Их не смутит ни злоба, ни проклятья,
Они идут, как мученики шли
На смерть и казнь... Припомним же их, братья,
И руку к ним для крепкого пожатья,
Хотя на миг, протянем издали!

1883

На распутье

Жить ли мне, забыв мои страданья,
Горечь слез, сомнений и забот,
Как цветок, без проблеска сознанья,
Ни о чем не думая, живет,

Ничего не видит и не слышит,
Только жадно впитывает свет,
Только негой молодости дышит,
Теплотой ласкающей согрет.

Но кипят недремлющие думы,
Но в груди – сомненье и тоска;
Стыдно сердцу жребий свой угрюмый

Променять на счастье цветка...

И устал я вечно сомневаться!
Я разгадки требую с тоской,
Чтоб чему бы ни было отдаться,
Но отдаться страстно, всей душой.

Эти думы – не мечты досуга,
Не созданье юношеских грез,
Это – боль тяжелого недуга,
Роковой, мучительный вопрос.

Мне не надо лживых примирений,
Я от грозной правды не бегу;
Пусть погибну жертвою сомнений, —
Пред собой ни в чем я не солгу!

Испытав весь ужас отрицанья,
До конца свободы не отдам,
И последний крик негодованья
Я как вызов брошу небесам.

Декабрь 1883

«В борьбе на жизнь и смерть не сдамся я врагу...»

В борьбе на жизнь и смерть не сдамся я врагу!
Тебе, наш рок-палач, ни одного стенанья
И ни одной слезы простить я не могу
За все величье мирозданья.

Нет! капля первая всей крови пролитой
Навек лицо земли позором осквернила —
И каждый василек на ниве золотой
И в небе каждый луч светила!

К чему мне пурпур роз и трели соловья,
И тишина ночей с их девственной лаской?..
Ужель ты прячешься, природа, от меня
Под обольстительною маской?

Ужель бесчувственна, мертва и холодна,
Ты лентой радуги и бархатной листвою,
Ты бриллиантами созвездий убрана
И нарумянена зарею,

Чтоб обмануть меня, нарядом ослепить
И скрыть чудовищность неправды вопиющей,
Чтоб убаюкать мысль и сердце покорить
Красой улыбки всемогущей,

Чтоб стал я вновь рабом, смирясь и позабыв
Все язвы нищеты, все ужасы разврата
И негодующий и мстительный порыв
За брата, гибнущего брата!..

Декабрь 1883

К смерти Отрывок

...Приди, желанная, приди,
И осени меня крылами,
И с нежной лаской припади,
Как лед, холодными устами
К моей пылающей груди!..

1883

«Весь этот жалкий мир отчаянья и муки...»

Весь этот жалкий мир отчаянья и муки,
Земля и свод небес, моря и выси гор,
Все впечатления, все образы и звуки,
Весь этот пасмурный и тесный кругозор
Мне кажутся порой лишь грезой ничтожной,
Лишь дымкой легкой над бездной пустоты,
Толпою призраков, мелькающих тревожно,
И бредом тягостным болезненной мечты.
И сердце робкое сжимается тоскливо,
И жалко мне себя, и жалко мне людей,
Во власть покинутых судьбе несправедливой,
Во тьме блуждающих толпою сиротливой,
Природой-мачехой обиженных детей...
Негодование бессильно замирает,
И чувства нового рождается порыв,
И трепетную грудь высоко подымает
Какой-то нежности ласкающий прилив,
Какой-то жалости внезапное волненье,
Участие ко всем, кто терпит, как и я,
Тревогу тех же дум, такие же сомненья,
Кто так же изнемог под ношей бытия.
За горький их удел я полон к ним любовью,
Я все готов простить – порок, вражду и зло,
Готов пойти на казнь, чтоб сердце жаркой кровью,
Терзаемо за них, по капле истекло!..

1883

Кораллы

Широко раскинулся ветвями
Чуждый неба, звуков и лучей,
Целый лес кораллов под волнами,
В глубине тропических морей.
Миллионам тружеников вечных —
Колыбель, могила и приют,

Дивный плод усилий бесконечных,
Этот мир полипы создают.
Каждый род, – ступень для жизни новой, —
Будет смертью в камень превращен,
Чтобы лечь незыблемой основой
Поколениям будущих времен;
И встает из бездны океана,
И растет коралловый узор;
Презирая натиск урагана,
Он стремится к небу на простор,
Он вознесся кружевом пурпурным,
Исполинской чащею ветвей
В полусвете мягком и лазурном
Преломленных, трепетных лучей.
Час придет, – и гордо над волнами,
Раздробив их влажный изумруд,
Новый остров, созданный веками,
С торжеством кораллы вознесут...

О, пускай в глухой и темной доле,
Как полип, ничтожен я и слаб, —
Я могуч святою жаждой воли,
Утомленный труженик и раб!
Там, за далью, вижу я над нами
Новый рай, лучами весь облит,
Новый остров, созданный веками,
Высоко над бездною царит.

1884

«Все грезы юности и все мои желанья...»

Все грезы юности и все мои желанья
Пред Богом и людьми я смело признаю;
И мне ни от кого не нужно оправданья,
И я ни перед кем в груди их не таю.

Я прав, когда живу и требую от жизни
Не только подвигов в борьбе за идеал,
Не только мук и жертв страданице-отчизне,
Но и всего, о чем так страстно я мечтал:
Хочу я творчеством и знанием упиться,
Хочу весенних дней, лазури и цветов,
Хочу у милых ног я плакать и молиться,
Хочу безумного веселия пиров;
Хочу из нежных уст дыханья аромата
И смеха, и вина, и песен молодых,
И бледных ландышей, и пурпура заката, —
Всей дивной музыки аккордов мировых;
Хочу, – и не стыжусь той жажды упоений:
Она природою заброшена мне в грудь,
И красотой иных божественных стремлений
Я алчущей души не в силах обмануть.
«Живи для радости!» – какой-то тайный голос
Повсюду день и ночь мне ласково твердит;
Волна, и темный лес, и золотистый колос, —
«Живи для радости!» – мне тихо говорит.
Все грезы юности и все мои желанья
Пред Богом и людьми я смело признаю;
И мне ни от кого не нужно оправданья,
И я ни перед кем в груди их не таю.

1884

«Порой, как образ Прометея...»

Порой, как образ Прометея,
Под вечным бременем оков
Весь род людей во мгле веков
Я созерцал, благоговей.
И я обнять его хотел
Моими слабыми руками,
И сердцем любящим скорбел,

И плакал чистыми слезами.
Я за него бы в этот миг
Пошел на смерть без содроганья,
Я жаждал пытки и страданья,
Я был герой, я был велик.
Но жизнь принять их не хотела,
Всех этих мук, и жертв, и слез:
Ей нужно – вместо пылких грез —
Простого, будничного дела;
Ей нужен – не полет орла,
Не смело поднятые крылья,
Но терпеливые усилья
Порабощенного вола.
А там, – за рядом дней убитых
Без вдохновенья, без страстей —
Смерть от уколов ядовитых,
Смерть – хуже тысячи смертей.
Могу я страстно ждать свободы,
Могу любить я все народы,
Но людям нужно от меня,
Чтобы в толпе их беспредельной
Под небом пасмурного дня
Любил я каждого отдельно, —
И кто бы ни был предо мной —
Ничтожный шут или калека,
Чтоб я нашел в нем человека...
Не мне бессильною душой,
Не мне принять с венцом терновым
Такое бремя тяжких уз:
Пред этим подвигом суровым
Я не герой – я жалкий трус...

1884

«Блажен, кто цель избрал, кто вышел на дорогу...»

Voluntas est superior intellectu^[1].

Дунс Скотт

Блажен, кто цель избрал, кто вышел на дорогу
И мужеством бойца и верой наделен,
Кто бросился стремглав в житейскую тревогу,
Кто весь насущною заботой поглощен.
Волнуем злобой дня, в работе торопливой
Он поневоле чужд сомнений роковых,
И некогда ему отыскивать пытливо
Заветного ключа вопросов мировых.
Со знаменем в руках вступая в бой кровавый,
Он может ранами гордиться пред толпой,
Он может совершить свой подвиг величавый
И на виду у всех погибнуть, как герой,
Погибнуть, как орел, что гордо умирает,
Пернатою стрелой пронзенный в облаках,
И гаснувший зрачок на солнце устремляет,
Встречая свой конец в родимых небесах.
Но горек твой удел, мечтатель бесполезный:
Не нужен никому, от жизни ты далек.
И, трепетно склонясь над сумрачною бездной
Неразрешимых тайн, ты вечно одинок...
Струной, надорванной мучительным разладом,
Твой каждый чуткий нерв болезненно дрожит,
И каждый твой порыв неотразимым ядом
Сомнений роковых в зародыше убит.
В бездействии прожив, погибнешь ты бесцельно...
Не тронет никого твой заунывный плач,
Не в силах ничему отдаться нераздельно, —
Ты сам своей душе – безжалостный палач.
Порой ты рвешься вдаль, надеждой увлеченный,
Но воля скована тяжелым, мертвым сном:
Ты недвижим, – как труп, в бессилье роковом,
Ты жив, – как заживо в могилу погребенный.
Хотя бы вечностью влачился каждый миг,

Из гроба вырваться на волю не пытайся;
Не вылетит из уст ни жалоба, ни крик, —
Молчи и умирай, терпи и задыхайся.

1884

«От книги, лампой озаренной...»

От книги, лампой озаренной,
К открытому окну я обратил мой взор,
Блестящей белизной бумаги утомленный,
На влажно голубой полуночный простор.
И слезы в тот же миг наполнили мне очи,
И в них преломлены, все ярче и длинней
Сплетаются лучи таинственных огней,
Что сыплет надо мной полет осенней ночи.
Склонился я в окно, и в пыльную траву
Бесплодно падают неведомые слезы;
И плачу я над тем, что завтра эти грезы
Я сам играю нерв, быть может, назову,
Над тем, что этот миг всю жизнь не будет длиться,
Над тем, что эта ночь окончиться должна,
Я плачу потому, что некому молиться,
Когда молитвою душа моя полна...
А ночь по небесам медлительно проходит,
И веет свежестью, и мнится, что порой
По жаркому лицу холодной рукой
Мне кто-то ласково проводит.

1884

Поэту наших дней

Молчи, поэт, молчи: толпе не до тебя.
До скорбных дум твоих кому какое дело?

Твердить былой напев ты можешь про себя, —
Его нам слушать надоело...

Не каждый ли твой стих сокровища души
За славу мнимую безумно расточает, —
Так за поток вина последние гроши
Порою пьяница бросает.

Ты опоздал, поэт: нет в мире уголка,
В груди такого нет блаженства и печали,
Чтоб тысячи певцов об них во все века,
Во всех краях не повторяли.

Ты опоздал, поэт: твой мир опустошен, —
Ни колоса — в полях, на дереве — ни ветки;
От сказочных пиров счастливейших времен
Тебе остались лишь объедки...

Попробуй слить всю мощь страданий и любви
В один безумный вопль; в негодованье гордом
На лире и в душе все струны оборви
Одним рыдающим аккордом, —

Ничто не шевельнет потухшие сердца,
В священном ужасе толпа не содрогнется,
И на последний крик последнего певца
Никто, никто не отзовется!

1884

«С тобой, моя печаль, мы старые друзья...»

С тобой, моя печаль, мы старые друзья:
Бывало, дверь на ключ ревниво запирая,
Приходишь ты ко мне, задумчиво немая,
Во взорах темное предчувствие тая;

Холодную, как лед, но ласковую руку
На сердце тихо мне кладешь
И что-то милое, забытое поешь,
Что навевает грусть, что утоляет муку.
И голубым огнем горят твои глаза,
И в них дрожит, и с них упасть не может,
И сердце мне таинственно тревожит
Большая, кроткая слеза...

1884

Развалины

*В тот день укрепленные города будут,
как развалины в лесах... и будет пусто.*

Кн. Исаяи XVII

То был зловещий сон: по дебрям и лесам,
Казалось, я блуждал, не находя дороги;
Ползли над головой, нахмуренны и строги,
Гряды свинцовых туч по бледным небесам;
И ветер завывал, гуляя на просторе,
И ворон, каркая, кружился надо мной;
И нелюдимый бор, как сумрачное море,
Таинственно гудел в пустыне вековой...
И вот, когда я шел кустарником дремучим,
Во мраке увидел я груды кирпичей;
Покрыты были мхом расщелины камней,
И плиты поросли репейником колючим.
По шатким ступеням спустился я к реке,
Где арки от мостов и темные громады
Низверженных бойниц чернели вдалеке.
Клубящийся туман окутал анфилады
Разрушенных дворцов и волны, и леса;
И палевой зари желтела полоса

Меж дремлющих столбов гранитной колоннады;
И расстилал залив безжизненную даль,
Едва мерцавшую, как матовая сталь.
То правда или нет, но мнилось, что когда-то
Бродил я много раз по этим берегам:
И сердце дрогнуло, предчувствием объято...
О нет, не может быть, не верю я очам!
В столице молодой все пышно и богато,
Там – жизнь и суета, а здесь лишь дикий бор,
Венчая мертвый прах покинутых развалин,
Уходит без конца в неведомый простор;
И шум его ветвей, торжественно печален,
Доносится ко мне, как грозный приговор:
«Тебя я победил, отверженное племя!
Довольно вам грозить железом и огнем,
Бессильные рабы! Мое настало время,
И снова мой намет раскинул я кругом.
Мои кудрявые зеленые дружины
Я приступом повел с полунощных пустынь
На величавый ряд незыблемых твердынь,
И вот в пыли лежат их жалкие руины!..»
Но шепоту дерев я криком отвечал:
«О нет, неистребим наш светлый идеал!
Надеяться и ждать, любить и ненавидеть,
И кровью истекать в мучительной борьбе,
Чтоб здание веков в развалинах увидеть,
О нет, могучий лес, не верю я тебе!
И смело проложу я путь к желанной цели!..»
А сосны мрачные по-прежнему шумели
И мне насмешливо кивали головой,
И я бежать хотел с безумною тоской,
Но лес меня хватал колючими ветвями,
Как будто длинными костлявыми руками;
И рвался я вперед и, ужасом объят,
Проснулся наконец... С каким порывом жадным
Я бросился к окну, как был я детски рад,
Как стало для меня все милым и отрадным:

И утра бледного сырая полутьма,
И вечный гул толпы на улице широкой,
Свистков протяжный вой на фабрике далекой,
И тяжкий гром колес, и мокрые дома.
Пусть небо надо мной безжизненно и мутно...
Я тех, кого вчера презрением клеймил,
Из глубины души теперь благословил!
О, как поближе к ним казалось мне уютно,
Как просто и тепло я вновь их полюбил!

Август 1884

На птичьем рынке

Из Анри Казалиса

Тоскуя в клетке, опустил
Орел беспомощные крылья,
Зрачки лениво он смежил
В тупом отчаянье бессилья...

А рядом – мирный уголок,
Где, о свободе не горя,я,
С голубкой счастлив голубок,
Целуясь, нежась и воркуя...

И полон дикой красоты,
Порой кидает взор надменный
Орел на ласки той четы,
Ничтожной, пошлой и блаженной.

1884

«Пройдет немного лет, и от моих усилий...»

Пройдет немного лет, и от моих усилий,
От жизни, от всего, чем я когда-то был,
Останется лишь горсть немой, холодной пыли,
Останется лишь холм среди чужих могил.
Мне кто-то жить велел, но по какому праву?..
И кто-то, не спросясь, зажег в груди моей
Огонь бесцельных мук и влил в нее отраву
Болезненной тоски, порока и страстей.
Откройся, где же ты, палач неумолимый,
.....
Нет, сердце, замолчи... ни звука, ни движенья...
Никто нам из небес не может отвечать,
И отнято у нас святое право мщенья:
Нам даже некого за муки – проклинать!

1885

«...Он сидел на гранитной скале...»

...Он сидел на гранитной скале;
За плечами поникли два темных крыла.
А внизу между тем на далекой земле
Расстилалась вечерняя мгла,
И как робкие звезды в прозрачной тени,
В городах в этот час зажигались огни.
И сидел он и думал: «Как счастливы те,
Кто для сна в этот миг могут очи сомкнуть!
Только мне одному никогда не уснуть:
Повелитель миров на немой высоте
С безграничною властью моей, —
Я завидую участи жалких людей,
Я завидую тем, кто ничтожен и слаб,
Кто жестокому небу послушен, как раб,
Кто над грудями золота жадно поник,
Кто безумно ликует над жертвой в крови,
Кто в объятых блудницы забылся на миг,

Кто вином опьянен, кто отдался любви, —
Только б чем-нибудь скорбные думы унять,
Только б мертвую скуку в груди залушив,
Охватил бы всю душу могучий порыв,
Только б боль от сознания могла перестать:
Эта боль хуже всех человеческих мук!
Исчезают миры, пролетают века,
Но сознание мое – заколдованный круг,
Но темница моя – роковая тоска!
Я могу потушить миллионы планет, —
Но лишь сердца в груди я убить не могу:
От него в целом мире спасения нет,
От него я напрасно бегу.
Вечно все до последнего атома знать —
Формы, звуки, движенья, цвета —
Знать, какой вопиющий обман красота
И что кроме обмана нам нечего ждать,
Что за ним – пустота!..
И нельзя умереть, позабыться, уйти,
Ни забвенья, ни мира нигде не найти!
Смерти, смерти!»...
И в грозный, далекий предел,
Где лишь хаос царит, где кончается мир,
Сквозь мерцающий синий эфир
Он, как черная туча, стремглав полетел.
Но напрасно руками он очи закрыл
И роптал, и метался, – забвения нет:
Ураган метеоров и звезд, и планет,
И над горами горы светил
Выступают во мгле, издеваясь над ним;
И страдающий Дух, жаждой смерти томим,
Будет вечно стремиться вперед,
Но покоя нигде, никогда не найдет.

Больной

День ото дня все чаще и грустнее
Я к зеркалу со страхом подхожу,
И как лицо мое становится бледнее,
Как меркнет жизнь в очах, внимательно слежу.
Взгляну ли я в окно, – на даль полей и неба
Ложится тусклое, огромное пятно;
И прежний сладкий вкус вина, плодов и хлеба
Я позабыл уже давно...
При звуках детского пленительного смеха
Мне больно; и порой в глубокой тишине
Людские голоса каким-то дальним эхом
Из ближней комнаты доносятся ко мне.
В словах друзей моих ловлю я сожаленье,
Я вижу, как со мной им трудно говорить,
Как в их неискреннем холодном утешенье
Проплядывает мысль: «Тебе недолго жить!»
А между тем я умереть не в силах:
Пока есть капля крови в жилах,
Я слишком жить хочу, я не могу не жить!
Пусть же мне грозят борьба, томленье, муки
И после приступов болезни роковой —
Дни, месяцы, года тяжелой мертвой скуки, —
Я все готов терпеть с покорностью немой,
Но только б у меня навек не отнимали
Янтарных облаков и бесконечной дали;
Но только б не совсем из мира я исчез,
И только б иногда мне посмотреть давали
На маленький клочок лазуревых небес!

1885

Весна

Лучи, что из окна ко мне на стол упали,
Весенний гам и крик задорных воробьев,
На темной лестнице далекий звук рояли
Или лазурь небес, что ярко засияли
Там, меж кирпичных стен теснящихся домов, —
Вот все, что нужно мне для смутного волненья,
Когда бываешь рад, не ведая чему,
И хочется рыдать, и жаждешь вдохновенья,
Когда забыть готов суровую зиму.
Я счастлив только тем, что позабыл мученья,
Что все-таки мне мил и дорог Божий свет,
Что скоро будет май и зашумят дубравы,
Я счастлив, как дитя, тем, что мне двадцать лет,
Я счастлив без любви, без гордых дел и славы.
Ко мне, мечты, ко мне! В блистательный туман
Окутайте мне взор и дерзкий ум свяжите,
О повторите вновь божественный обман,
И чтоб я счастлив был, про счастье мне солгите!

1885

«Когда вступал я в жизнь, мне рисовалось счастье...»

Когда вступал я в жизнь, мне рисовалось счастье
Как светлый чудный сад, где ветерок качал
Гирлянды белых роз, не знающих ненастья,
И легкие струи фонтанов колебал,
Где кружевом взвились причудливые зданья,
И башен, и зубцов так нежен был узор,
Что в розовом огне вечернего сиянья
Просвечивал насквозь их матовый фарфор;
Толпу нарядных жен баюкали гондолы,
Роняя за собой над зеркалом прудов
То складки бархата и звуки баркаролы,
То вздохи мандолин и лепестки цветов.
На гладких лестницах из черного агата

Павлины нежились, и в чудные цвета
Окрашивался блеск их пышного хвоста;
И всюду – музыка и волны аромата,
И надо всем любовь, любовь и красота...

Но жизнь была не рай, а труд во мгле глубокой,
Унылый, вечный труд сегодня, как вчера,
Бессонницы ночей, немые вечера
В рабочей комнате при лампе одинокой.
Зато бывают дни, когда я сознаю,
Что в муках и борьбе есть что-то мне родное,
Такое близкое и сердцу дорогое,
Что я почти готов любить печаль мою,
Любить на дне души болезненные раны
И серый полумрак, и холод, и туманы.
За прежний мир надежд, лазури, нег и роз,
Быть может, я не дам моих страданий милых
И бедной комнаты, и сумерек унылых,
И тайных жгучих слез...

1885

«О жизнь, смотри – во мгле унылой...»

О жизнь, смотри – во мгле унылой
Не отступил я под грозой:
Еще померимся мы силой,
Еще поборемся с тобой!

Нет, с робким плачем и смиреньем
Не мне у ног твоих лежать:
Я буду смехом и презреньем
Твои удары отражать.

Чем глубже мрак, печаль и беды,
И раны сердца моего, —

Тем будет громче гимн победы,
Тем будет выше торжество!

1885

«Скажи мне, почему, когда в румянном утре...»

Скажи мне, почему, когда в румянном утре
Дельфины прыгают в серебряных волнах
И снег Кавказских гор, как жемчуг в перламутре,
Таинственно мерцает в облаках, —
Скажи мне, почему душа моя томится
И, возмущенная неполнотой
Всего, что может дать земля, куда стремится
Она, как раненая птица,
С бессильной, жгучею тоской?..
Скажи мне, почему, когда в блестящей зале
Среди молитвенной, блаженной тишины,
Как духи светлые, над нами пролетали
Аккорды полные печали,
Аккорды плачущей струны,
И тихо, тихо умирали, —
О, почему в тот миг слились мы в ожиданье
Того, что никогда нигде не настает,
И страстно замерли, и думали: вот-вот —
Насытится безумное желанье
И что-то дивное великое придет,
Что сразу выкупит все прошлые страданья.
Но смолкла музыка, и в тишине глубокой
Нам сердце сжала вновь знакомая тоска,
Как чья-то жесткая, холодная рука,
И каждый про себя томился одиноко.
Скажи мне, почему и там, у милых ног,
Я не нашел того, чего искал так страстно,
И втайне чувствовал, что это все – напрасно,
Хотел отдаться и не мог;

И как-то холодно я радовался счастьем;
Я понял, что нельзя с душою душу слить,
Что никаким огнем, что никакою страстью —
Моей тоски не утолить...
Скажи мне, почему душа моя томится
И, возмущенная неполнотою
Земной любви, куда, куда она стремится
С бессильной, жгучею тоской?

1886

«Печальный мертвый сумрак...»

Печальный мертвый сумрак
Наполнил комнату: теперь она похожа
На мрачную, холодную могилу...
Я заглянул в окно: по-прежнему в тумане
Возносятся дома, как призраки немые;
Внизу по улице прохожие бегут,
И клячи мокрые плетутся в желтом снеге.
Вот лампа под зеленым абажуром
На пятом этаже у моего соседа,
Как и всегда, в обычный час зажглась;
Я ждал ее, как, может быть, и он
Порою ждет моей лампы одинокой.
Протяжный благовест откуда-то уныло
Издалека доносится ко мне...
Перо лениво падает из рук...
В душе – молчанье, сумрак...

1886

«С потухшим факелом мой гений отлетает...»

С потухшим факелом мой гений отлетает,
Погас на маяке дрожащий огонек,
И сердце без борьбы, без жалоб умирает,
Как холодом ночным обвеянный цветок.
Меня безумная надежда утомила:
Я ждал, так долго ждал, что если бы теперь
Исполнилась мечта, возшло мое светило,
Как филина – заря, меня бы ослепила
В сияющий эдем отворенная дверь.
Весь пыл души моей истратил я на грезы,
Когда настанет жизнь, мне нечем будет жить.
Я пролил над мечтой восторженные слезы,
Когда придет любовь, не хватит сил любить!

1886

«Когда безмолвные светила над землей...»

Когда безмолвные светила над землей
Медлительно плывут в таинственной лазури,
То умолкает скорбь в душе моей больной,
Как утихающий раскат далекой бури...

Плывут безмолвные светила над землей,

И небо – саркофаг с потухшими мирами,
Сиянье тихих звезд и голубая даль —
Печалью дышит все... Могучими волнами
И у меня в груди встает твоя печаль,

Огромный саркофаг с потухшими мирами!

Одним мучительным вопросом: для чего?
Вселенная полна, как роковым сознаньем
Глубокой пустоты, бесцельности всего,
И кажется, мы с ней больны одним страданьем.

Вселенная полна вопросом: для чего?

И тонут каплею в безбрежном океане
Земные горести с их мелкой суетой
Там где-то далеко, в лазуревом тумане
И в необъятности печали мировой, —

Ничтожной каплею – в безбрежном океане.

1886

Солнце

мексиканское предание

В дни былые солнце греть устало:
Без лучей, без жизни и тепла
В небесах, как труп, оно лежало;
И покрыла мир ночная мгла.

В темноте рыбак не видел сети,
Зверолов капканы потерял,
Люди в страхе плакали, как дети,
И повсюду голод наступал.

Но герой Тонати златокудрый
Мир спасти от гибели хотел
И на край земли – спокойный, мудрый —
Он пошел в неведомый предел.

Наклонясь к обрывистому краю,
Он воскликнул, бездну увидав:
«Я за вас, о люди, умираю!..»
И вперед он кинулся стремглав.

Но порыв любви непобедимой

Спас его, и, хаосом объят,
Как алмаз, прошел он невредимо
Через огонь и смерть, и самый ад.

И для мира, новое светило,
Он блеснул, как молния в ночи,
Он дышал божественною силой,
Рассыпал победные лучи.

Солнце, солнце!.. весь преображенный,
То герой на небо восходил:
Темный мир, страданьем утомленный,
Он любовью кротко озарил.

1886

«Часовой на посту должен твердо стоять...»

Часовой на посту должен твердо стоять:
У тебя молодые здоровые руки,
Ты не вправе на мир и на Бога роптать, —
Ты рожден для труда, не для призрачной муки.
Надоели нам вечные стоны твои;
Постыдись! Неужель ты умеешь, как дева,
Лишь вздыхать при луне о погибшей любви,
Неужель в тебе нет ни отваги, ни гнева!
О, поверь, — если в битву с могучим врагом,
Презирая мученья, ты кинешься смело,
Полон жгучей любовью, враждой и стыдом,
Если жизнь ты отдашь за великое дело, —
Будут детской игрою казаться тебе
Твои прежние песни, мечты и страдания,
Ты смертельные раны забудешь в борьбе,
Вместо жалоб и слез и проклятий судьбе —
Ты в крови будешь петь светлый гимн упования!

1886

«И хочу, но не в силах любить я людей...»

И хочу, но не в силах любить я людей:
Я чужой среди них; сердцу ближе друзей —
Звезды, небо, холодная, синяя даль
И лесов, и пустыни немая печаль...
Не наскучит мне шуму деревьев внимать,
В сумрак ночи могу я смотреть до утра
И о чем-то так сладко, безумно рыдать,
Словно ветер мне брат, и волна мне сестра,
И сырая земля мне родимая мать...
А меж тем не с волной и не с ветром мне жить,
И мне страшно всю жизнь не любить никого.
Неужели навек мое сердце мертво?..
Дай мне силы, Господь, моих братьев любить!

1887

«Напрасно я хотел всю жизнь отдать народу...»

Напрасно я хотел всю жизнь отдать народу:
Я слишком слаб; в душе — ни веры, ни огня...
Святая ненависть погибнуть за свободу
Не увлечет меня:

Пускай шумит ручей и блещет на просторе, —
Струи бессильные смирятся и впадут
Не в бесконечное, сверкающее море,
А в тихий, сонный пруд.

1887

«Любить народ?.. Как часто, полный...»

Отрывок

Любить народ?.. Как часто, полный
Неутолимою тоской,
В его неведомые волны
Стремился жадно я душой,
И в нем мечтал я, как в нирване,
От жгучей мысли отдохнуть,
И в этом мощном океане
Бессильной каплей потонуть.
Но тщетно! Бездною глубокой
Века позорные лепли
И оторвали нас жестоко
От лона матери-земли...
И что я дам теперь народу?
Он полон верою святой;
А я... ни в Бога, ни в свободу
Не верю скорбною душой.
С неумолимым отрицаньем
Я не дерзну к нему идти —
Его учить моим страданьям
И к той же гибели вести.
Зачем покой его разрушу,
И чем я веру заменю?
Ужель младенческую душу
Сомненьем жгучим отравлю,
Чтоб он в отчаянье бесплодном
Постиг ничтожность бытия,
И в мертвой тьме умом холодным
Блуждая, мучился, как я,
Чтоб без надежды в глубь эфира
С усмешкой горькой он взирал
И перед вечной тайной мира
Свое бессилье проклинал!..

.....

1887

«Тишь и мрак – в душе моей...»

Тишь и мрак – в душе моей:
Ни желаний, ни страстей.
Бледных дней немая цепь
Без конца уходит вдаль,
И мертва моя печаль,
Словно выжженная степь.
Жертвы, жертвы... с каждым днем,
Как на поле боевом,
Гибнут тысячи бойцов.
Мне наскучил этот мир
Пыток, тюрем и оков,
Мне противен буйный пир
Торжествующих рабов.
Боже, скоро ли конец!..
В сердце – холод, грудь – пуста.
Муза сбросила венец,
И не манит красота:
Ни желаний, ни страстей, —
Тишь и мрак – в душе моей...

1887

«„Христос воскрес“, – поют во храме...»

«Христос воскрес», – поют во храме;
Но грустно мне... душа молчит:
Мир полон кровью и слезами,
И этот гимн пред алтарями
Так оскорбительно звучит.
Когда б Он был меж нас и видел,
Чего достиг наш славный век,
Как брата брат возненавидел,

Как опозорен человек,
И если б здесь, в блестящем храме
«Христос воскрес» Он услышал,
Какими б горькими слезами
Перед толпой Он зарыдал!
Пусть на земле не будет, братья,
Ни властелинов, ни рабов,
Умолкнут стоны и проклятья,
И стук мечей, и звон оков, —
О лишь тогда, как гимн свободы,
Пусть загремит: «Христос воскрес!»
И нам ответят все народы:
«Христос воистину воскрес!»

1887

«Как летней засухой сожженная земля...»

Как летней засухой сожженная земля
Тоскует и горит, и жаждою томится,
Как ждут ночной росы усталые поля, —
Мой дух к неведомой поэзии стремится.

Плывет, колышется туманов белый свиток,
И чем-то мертвенным он застилает даль...
Головки васильков и бледных маргариток
Склонила до земли безмолвная печаль.

Приди ко мне, о ночь, и мысли потуши!
Мне надо сумрака, мне надо тихой ласки:
Противен яркий свет очам больной души.
Люблю я темные, таинственные сказки...

Приди, приди, о ночь, и солнце потуши!

1887

«Июльским вечером следил ли ты порою...»

Июльским вечером следил ли ты порою,
Как мошек золотых веселые стада
Блестят и кружатся над дремлющей рекою
В тот тихий час, когда янтарною зарею
Облито все – тростник и небо, и вода?..
Так перед тем, чтоб навсегда
Нам слиться с вечностью немою,
Не оставляя за собою
Ни памяти, ни звука, ни следа, —
Мы все полны на миг любовью и весною;
Потом, – не ведая, зачем, куда —
Уносимся мгновенною толпою,
Как мошек золотых веселые стада
В июльских сумерках над дремлющей рекою...

1887

«Покоя, забвенья!.. Уснуть, позабыть...»

Покоя, забвенья!.. Уснуть, позабыть
Тоску и желанья,
Уснуть – и не видеть, не думать, не жить,
Уйти от сознанья!

Но тихо ползут бесконечной чредой
Пустые мгновенья,
И маятник мерно стучит надо мной...
Ни сна, ни забвенья!..

1887

«Порой, когда мне в грудь отчаянье теснится...»

Порой, когда мне в грудь отчаянье теснится
И я смотрю на мир с проклятием в устах, —
В душе безумное веселье загорится,
Как отблеск молнии в свинцовых облаках:

Так звонкий ключ, из недр подземного гранита
Внезапно вырвавшись, от счастья дрожит, —
И сразу в этот миг неволя позабыта,
И в буйной радости он блещет и гремит.

1887

Совість

Поэт, у ног твоих волнуется, как море,
Голодная толпа и ропщет, и грозит;
Стучится робко в дверь беспомощное горе,
И призрак нищеты в лицо тебе глядит, —
А ты... изнеженный, больной и пресыщенный,
Ты заперся на ключ от воплей и скорбей;
Не начиная жить, ты, жизнью уstraшенный,
Бежал, закрыв глаза от мира и людей.
Над книгой ты скорбел, ты плакал над собою,
И, презирая труд, о подвигах мечтал,
И, в праздности гордясь печалью мировую,
Стенаньям гибнущих бесчувственно внимал.
Играл ты, как дитя, в искусство и науку.
В уютной комнате ты для голодных пел
Свою развратную бессмысленную скуку
И хлеб чужой, как вор, всю жизнь беспечно ел.
Об истине кричал, но в истину не верил,
И, чувства мнимого любуясь красотой,
Как в зеркале актер лубуетя собой, —
В слезах раскаянья ты лгал и лицемерил!

Что мог бы ты сказать измученному миру?
Кому свою печаль ничтожную поешь?..
Твой бесполезный стих – кощунственная ложь, —
Разбей ненужную, бессмысленную лиру!..
С людьми ты не хотел бороться и страдать,
Ни разу на мольбу ты не дал им ответа,
И смеешь ты себя, безумец, называть
Священным именем поэта!..

1887

Пророк Иеремия

О, дайте мне родник, родник воды живой!
Я плакал бы весь день, всю ночь в тоске немой
Слезами жгучими о гибнущем народе.
О, дайте мне приют, приют в степи глухой!
Покинул бы навек я край земли родной,
Ушел бы от людей скитаться на свободе.

Зачем меня, Господь, на подвиг Ты увлек?
Открою лишь уста, в устах моих – упрек...
Но ненавистен Бог – служителям кумира!
Устал я проклинать насилье и порок;
И что им истина, и что для них пророк!
От сна не пробудить царей и сильных мира...

И я хотел забыть, забыть в чужих краях
Народ мой, гибнущий в позоре и цепях.
Но я не мог уйти – вернулся я в неволю.
Огонь – в моей груди, огонь – в моих костях...
И как мне удержать проклятье на устах?
Оно сожжет меня, но вырвется на волю!..

«Сердце печальное, робкое сердце людское...»

Сердце печальное, робкое сердце людское,
Надо так мало тебе, чтоб довериться счастью,
Жаждешь забыть ты измены и горе былое, —
Только б скорей полюбить и отдаться участью.

Ты, как цветок отогретый, раскрыться готово,
Инеем полный, он с первым лучом возродится,
Иней прольется слезами, и будешь ты снова,
Солнце приветствуя, сладкой надеждою биться.

Ты, как звезда, что дрожит в золотом небосводе,
Гаснешь, в сиянье бессмертной зари исчезая,
С вечною жизнью сливаясь в бесстрастной природе,
Ты на мгновенье трепещешь, любя и страдая.

Холодно в мире тебе – в этой мертвой пустыне,
Но побеждаешь ты, кроткое, смерть и мученья,
И не изведаль никто еще, сердце, доньше,
Сколько в тебе бесконечной любви и прощенья!

Часть II

*К чему стремишься,
Природа, того и я хочу.*

Марк Аврелий

Природа

Ни злом, ни враждою кровавой
Доныне затмить не могли
Мы неба чертог величавый
И прелесть цветущей земли.

Нас прежнею лаской встречают
Долины, цветы и ручьи,
И звезды все так же сияют,
О том же поют соловьи.

Не ведает нашей кручины
Могучий, таинственный лес,
И нет ни единой морщины
На ясной лазури небес.

1883

«О дайте мне забыть туманы и метели...»

О дайте мне забыть туманы и метели
В затишье и тепле на взморье голубом
И в глубине долин, как в мирной колыбели,
С улыбкой задремать невозмутимым сном,
Чтоб там, на севере, под грохот снежной вьюги
Я мог припоминать во мгле моих ночей

Мой тихий уголок, мой сад на дальнем юге
В сиянье золотом полуденных лучей,
И дремлющий аул, где – тихо и безлюдно,
Крутых, лесистых гор утесистый обрыв,
И в зелени холмов, как в рамке изумрудной,
Роскошной бирюзой сверкающий залив.

1883

Молитва природы

На бледном золоте померкшего заката,
Как древней надписи причудливый узор,
Рисуется черта темно-лиловых гор.
Таинственная даль глубоким сном объята;
И все, что в небесах, и все, что на земле,
Ни криком радости, ни ропотом страданья
Нарушить не дерзнет, скрываяся во мгле,
Благоговейного и робкого молчанья.
Преобразился мир в какой-то дивный храм,
Где каждая звезда затеплилась лампадой,
Туманом голубым струится фимиам,
И горы вознеслись огромной колоннадой;
И, распростерта ниц, колена преклонив,
Как будто таинство должно здесь совершиться,
Природа вечная, как трепетная жрица,
Возносит к небесам молитвенный призыв:
«Когда ж, о Господи, окончится раздор
За каждый клоч земли, за миг существованья,
Слепых и грубых сил ожесточенный спор?
Пошли мне ангела любви и состраданья!..
Не Ты ли создал мир, Владыка всемогущий,
Взгляни, – он пред Тобой в отчаянье поник, —
Увы, не прежний мир, не юноша цветущий,
А дряхлый и больной измученный старик!..»

Тысячелетия промчались над вселенной...
О мире и любви с надеждой неизменной
Природа к небесам взывает каждый день,
Когда спускается лазуревая тень,
Когда стихает пыл и гром житейской битвы,
Слезами падает обильная роса,
Когда сливаются ночные голоса
В одну гармонию торжественной молитвы
И тихой жалобой стремятся в небеса.

1883

«Если розы тихо осыпаются...»

Если розы тихо осыпаются,
Если звезды меркнут в небесах,
Об утесы волны разбиваются,
Гаснет луч зари на облаках, —

Это смерть, — но без борьбы мучительной;
Это смерть, пленяя красотой,
Обещает отдых упоительный —
Лучший дар природы всеблагой.

У нее, наставницы божественной,
Научитесь, люди, умирать,
Чтоб с улыбкой кроткой и торжественной
Свой конец безропотно встречать.

1883

Вечер

Посвящается С. Я. Надсону

Говорят и блещут с вышины
Зарей рассыпанные розы
На бледной зелени березы,
На темном бархате сосны.
По красной глине с тощим мохом
Бреду я скользкою тропой;
Струится вечер надо мной
Благоуханным, теплым вздохом.
Поникнув, дремлют тростники;
Сверкает пенистой пучиной,
Разбито вдребезги плотиной
Стекло прозрачное реки.
Колосья зреющего хлеба
Глядят с обрыва на меня;
Там колья ветхого плетня
Чернеют на лазури неба...
Уж пламень меркнувшего дня
Бледней, торжественней и тише;
Он поднимается все выше,
Он охватил своим огнем
В деревне бедной над холмом
Две-три соломенные крыши
И стадо желтое утят,
И лужу в колеях дороги,
И темно-бронзовые ноги
Толпы играющих ребят...
И перед смертью кроткий взгляд,
О день, кидаешь ты с любовью
На беспредельные поля,
И, мнится, чей-то знойной кровью
Облиты небо и земля...
Погибший день, ты был ничтожен
И пуст, и мелочно тревожен;
За что ж на тихий твой конец
Самой природою возложен
Такой блистательный венец?

1884, Сиверская

Южная ночь

О ночь полуденного края,
Полна ты мощной красотой,
По небу тихо пролетая
Над очарованной землей.
Горя, как жемчугом, звездами,
Ты ароматом облита,
Прозрачно синими тенями
Ты, словно дымкой, обвита;
И, как над зеркалом, склоняясь
Над гладью моря голубой,
Залюбовалась ты собой,
Нарядом пышным облакаясь...
Скажи, богиня, для кого
Ты в ризы брачные одета?
Ты ждешь ли друга своего,
Порфиросного рассвета,
Чтоб, полон дерзостных надежд,
Он, как дрожащими устами,
Твоих лазуревых одежд
Коснулся алыми лучами;
Чтоб лучезарный юный бог
С тебя покров сорвал, ликуя,
И тело смуглое зажег
Могучим зноем поцелуя;
Чтоб, вся бледнея, вся дрожа,
Ты отдалась ему мятежно,
Как вешний цвет фиалки нежной,
Благоуханна и свежа;
Чтоб ты, с улыбкой тихо тая
Под лаской утра и тепла,
О ночь, вакханка молодая,
В объятьях солнца умерла!

«И вот опять проносятся, играя...»

И вот опять проносятся, играя,
Как вереница чудных снов,
По небесам ликующего Мая
Гряды жемчужных облаков;

Нам вечно мил привет его коварный;
А между тем уж сколько раз,
Обворожив улыбкой светозарной,
Весна обманывала нас!

Но что мне в том: пускай за призрак счастья
Погибло тысячи людей,
Купив ценой угрюмого ненастья
Тепло и ласку вешних дней, —

На этот раз так глубоко и ровно
Лазурью блещет свод небес,
И очи звезд мерцают так любовно,
Так нежно зелен юный лес,

Что, все простив, я должен им поверить,
К природе кинувшись на грудь:
Ей наконец наскучит лицемерить,
Ей будет стыдно обмануть...

Я так устал в цепях моей неволи
И в долгой медленной борьбе, —
Нет, не прошу, но, как законной доли,
Я счастья требую себе:

О светлый Май, пока еще не поздно,
Ты мне не вправе отказать —
Меня хоть раз, как жертву смерти грозной,

Цветами жизни увенчать!

Май 1884

В полях

Зданья, трубы, кресты колоколен —
Все за мной исчезает вдали;
Свежий воздух – прозрачен и волен,
Напоен ароматом земли.
И скользят, как жемчужная пена,
Облака из-за дальних холмов
Над стогами пахучего сена,
Над каймой темно-синих дубров.
И стада отдыхают лениво
На душистом ковре муравы;
Над болотами стаей крикливой
Из высокой и влажной травы,
Где блестят бирюзой незабудки
Под огромным листом лопуха, —
Подымаются дикие утки...
Чуть доносится крик петуха,
И дымок деревушки далекой
Улетает в безбрежный простор,
Что подернут слегка поволокой,
Как мечтательный, вдумчивый взор.
Все вокруг для меня так знакомо,
Словно путник из чуждых краев,
Я вернулся под родственный кров
Вечно милого, старого дома.
И лучи светозарного дня,
Чистоты целомудренной полны,
В мою грудь проникают, как волны,
Как поток голубого огня,
Чтоб ее с вышины безграничной
Целым морем сиянья облить,

Чтобы душу от пыли столичной
Мне струями лазури омыть.

1884

Усни

Уснуть бы мне навек, в траве, как в колыбели,
Как я ребенком спал в те солнечные дни,
Когда в лучах полуденных звенели
Веселых жаворонков трели
И пели мне они:
«Усни, усни!»

И крылья пестрых мух с причудливой окраской
На венчиках цветов дрожали, как огни.
И шум деревьев казался чудной сказкой.
Мой сон лелея, с тихой лаской
Баюкали они:
«Усни, усни!»

И убегая вдаль, как волны золотые,
Давали мне приют в задумчивой тени,
Под кущей верб, поля мои родные,
Склонив колосья наливные,
Шептали мне они:
«Усни, усни!»

1884

На высоте

Как бриллиантовые скалы,
Возносит плетчер груды льдин —
Голубоватые кристаллы

Каких-то царственных руин.
И блещут – нестерпимо ярки —
Из цельной глыбы хрусталя
Зубцы, готические арки
И безграничные поля,
Где под июльскими лучами
Из гротов тающего льда
Грохочет мутными струями
Бледно-лазурная вода.
А там вдали, как великаны,
Утесы Шрекгорна встают
И одеваются в туманы,
И небо приступом берут.
И с чудной грацией повисли,
Янтарной дымкой обвиты,
Полувоздушные хребты,
Как недосказанные мысли,
Как золотистые цветы.

1885, Юнгфрау

В Альпах

Я никогда пред вечной красотой
Не жил, не чувствовал с такою полнотою.
Но все мне кажется, что я не на земле,
Что я перенесен на чуждую планету:
Я верить не могу такой прозрачной мгле,
Такому розовому свету;
И верить я боюсь, чтоб снеговой обвал
Так тяжело ревел и грохотал,
Что эти пропасти так темны,
Что эти груды диких скал
Так подавляюще огромны;
Не верю, чтобы мог я видеть пред собой
Такой простор необозримый,

Чтоб небо вспыхнуло за черною горой
Серебряной зарей —
Зарей луны еще незримой,
Что в темно-синей вышине —
Такая музыка безмолвия ночного,
И не доносится ко мне
В глубокой тишине
Ни шороха, ни голоса земного:
Как будто нет людей, и я совсем один,
Один – лицом к лицу с безвестными мирами,
В кругу таинственно мерцающих вершин,
Заброшен в небеса среди пустых равнин,
Покрытых вечными снегами
И льдами дремлющих лавин...
О, пусть такой красе не верю я, как чуду;
Но что бы ни было со мной —
Нигде и никогда, ни перед чьей красой —
Я этой ночи не забуду.

1885, Юнгфрау

Даль

Я к берегу сошел: противны мне леса,
Где буйный пир весны томит меня тревогой,
Где душно от цветов, где жизни слишком много...
А здесь передо мной бездушная краса —
Здесь только волны, тучи, небеса;
Их вечный полусон таинственно безмолвный
Баюкает мой мозг, недугом знойным полный,
И притупляет боль сознания моего,
И если долго я гляжу на эти волны,
Где все – движенье, блеск и шум, но все – мертво,
Тогда в груди моей уж больше нет страданий,
Надежд, любви, воспоминаний;
Я ничему не рад, мне ничего не жаль,

И весь я уйду туда, в немую даль,
Что веет на меня знакомою печалью.
О как бы слиться нам, обняться крепче с ней,
Но так, чтоб эта даль могла остаться далью
Вблизи, вокруг меня, в глазах, в груди моей!

1885

После грозы

Минутная гроза умчалась далеко.
Меж туч, разорванных порывом краткой бури,
Мелькнула бирюза сверкающей лазури.
Все окна в комнате открыл я широко, —
И теплый аромат земли, дождем омытой,
С благоуханьем трав принес мне ветерок,
И к солнцу протянул свой бархатный цветок
Гелиотроп в саду, лучами весь облитый;
Залетный жук гудит и бьется о стекло.
Вспорхнула бабочка, — прозрачно и светло,
В отливе янтаря рубиновым узором
Два крылышка сквозят над влажной резедой...
А там, вдали — поля с их голубым простором,
И тянутся леса зубчатою стеной
На рубеже небес...
И радуюсь безлюдью,
Пахучей свежестью дышу я полной грудью.
Но вот толпа детей сбежалась под окном,
Чтоб в лужу опустить кораблик из бумаги;
Звонят их голоса, полны живой отваги,
Звонят, как бы в ответ на дальний слабый гром, —
И смехом молодым, как музыкой веселой,
Победно заглушен раскат его тяжелый.

1885

«В путь, скорее в далекий, неведомый путь...»

В путь, скорее в далекий, неведомый путь!
Жаждет сердце мое беспредельной лазури.
И глаза, и лицо, и горячую грудь
Я открою навстречу несущейся бури.

Дальше, дальше!.. Пускай ураганом летят
Степи, волны, леса, города и селенья.
Все, что было мне мило, умчится назад,
Я забыться хочу в этом вихре движенья!

Дальше, дальше!.. В лучах заходящего дня
Широко предо мною мой путь золотится...
Ни вражда, ни любовь не удержат меня, —
Я лечу, я лечу, как свободная птица!

1886

«Пощады я молю! Не мучь меня, Весна...»

Пощады я молю! Не мучь меня, Весна,
Не подходи ко мне с болезненной лаской
И сердца не буди от мертвенного сна
Своей младенческой, но трогательной сказкой.

Ты видишь, как я слаб, — о сжался надо мной!
Меня томит и жжет твой ветер благовонный.
Я дорого купил забвенья и покой, —
Оставь же их душе, страданьем утомленной...

1886

«Сегодня в заговор вступили ночь и розы...»

Сегодня в заговор вступили ночь и розы,
И звезды бледные, смеясь, мне говорят:
«Ты, гордый человек, не верующий в грезы,
Зачем пришел ты к нам в душистый темный сад?
За лампою, меж книг, беседуя с друзьями,
Не ты ли сам шутил, оратор молодой,
Над пенем соловья и глупыми стихами,
Над вздохами любви и девственной луной...
Теперь ты – здесь, меж нас; но где твое бесстрастье?
Безумец, в эту ночь попробуй не любить
И жажду красоты рассудком победить,
Попробуй не мечтать, не тосковать о счастье!
Дитя, ты помнишь ли советы умных книг?
Так смейся же теперь, не веря нашей власти.
Но что с тобой? О чем ты плачешь? Бледный лик
Зачем на грудь твою в отчаянье поник?
Ужель твой гордый ум под жгучим вихрем страсти
Дрожит и зыблется, как сломанный тростник!..»

1887

«Черные сосны на белый песок...»

Черные сосны на белый песок
Кинули странные тени;
Знойные крылья сложил ветерок,
Полон задумчивой лени.

Море чуть дышит... В объятьях волны
Небо таинственно дремлет;
И дуновенью святой тишины
Сердце усталое внемлет.

1887

«По ночам ветерок не коснется чела...»

По ночам ветерок не коснется чела,
На балконе свеча не мерцает,
И меж белых гардин темно-синяя мгла
Тихо первой звезды ожидает.

По утрам открываю окно и пляжу,
Распустились ли гроздьи сирени;
И без дела в полях целый день я брожу,
Полон кроткой, чарующей лени.

Словно с кем-то живым говорю я в лесах,
Непонятной тоской опьяненный,
И в моих одиноких безумных мечтах
Без любви – я живу как влюбленный...

1887

«Ласковый вечер с землею прощался...»

Ласковый вечер с землею прощался,
Лист шелохнуться не смел в ожиданье.
Грохот телеги вдали раздавался...
Звезды, дрожа, выступали в молчанье.

Синее небо – глубоко и странно;
Но не смотри ты в него так пытливо,
Но не ищи в нем разгадки желанной, —
Синее небо, – как гроб, молчаливо.

1887

«Задумчивый Сентябрь роскошно убирает...»

Задумчивый Сентябрь роскошно убирает
Леса, увядшие багряною листвою;
Так мертвое дитя для гроба украшает
Рыдающая мать цветами и парчой.
Гляжу на бледные, лазуревые своды
Безжизненных небес и чувствую в тиши
Согласье тайное измученной души
И умирающей природы.

1887

«Кроткий вечер тихо угасает...»

Кроткий вечер тихо угасает
И пред смертью ласкою немой
На одно мгновенье примиряет
Небеса с измученной землей.

В просветленной, трогательной дали,
Что неясна, как мечты мои, —
Не печаль, а только след печали,
Не любовь, а только тень любви.

И порой в безжизненном молчанье,
Как из гроба, веет с высоты
Мне в лицо холодное дыханье
Безграничной, мертвой пустоты...

26 августа 1887, на Каме

«В сиянье бледных звезд, как в мертвенных очах...»

В сиянье бледных звезд, как в мертвенных очах —
Неумолимое, холодное бесстрастье;
Последний луч зари чуть брезжит в облаках,

Как память о минувшем счастье.
Безмолвным сумраком полна душа моя:
Ни страсти, ни любви с их сладостною мукой, —
Все замерло в груди... лишь чувство бытия
Томит безжизненной скукой.

Сентябрь 1887

«В этот вечер, горячий, немой и томительный...»

В этот вечер, горячий, немой и томительный,
Не кричит коростель на туманных полях;
Знойный воздух в бреду засыпает мучительно,
И болезненной сыростью веет в лесах;

Там растенья поникли с неясной тревогою,
Словно бледные призраки в дымке ночной...
Промелькнет только жаба над мокрой дорогою,
Прогудит только жук на опушке лесной.

В душном мертвенном небе гроза собирается,
И боится природа, и жаждет грозы.
Непонятым предчувствием сердце сжимается
И тоскует, и ждет благодатной слезы...

1887

«Природа говорит мне с царственным презреньем...»

Природа говорит мне с царственным презреньем:
«Уйди, не нарушай гармонии моей!
Твой плач мне надоел, не оскорбляй мученьем
Спокойствия моих лазуревых ночей.

Я все тебе дала — жизнь, молодость, свободу, —

Ты все, ты все отверг с бессмысленной враждой,
И дерзким ропотом ты оскорбил природу,
Ты мать свою забыл – уйди, ты мне чужой!

Иль мало для тебя на небе звезд блестящих,
Немого сумрака в задумчивых лесах,
И чудной музыки в волнах моих шумящих,
И дикой красоты в заоблачных горах?

Я все тебе дала, – и в этом чудном мире
Ты не сумел хоть раз счастливым быть, как все:
Как счастлив зверь в лесу и ласточка в эфире,
И дремлющий цветок в серебряной росе.

Ты радость бытия сомнением разрушаешь:
Уйди! Ты гадок мне, бессильный и больной...
Пытливый разумом и гордою душой
Ты счастья без меня ищи себе, как знаешь!»

1887

«Здесь, в теплом воздухе, пропитанном смолою...»

Здесь, в теплом воздухе, пропитанном смолою,
Грибов и сырости, и блеклого листа
Сильнее запах пред грозною,
И нитки паутин над влажною травую
Окрашены пестрей в блестящие цвета,
Томительней пчелы полдневное жужжанье,
Тяжеле аромат от липовых цветов,
И ландышей лесных нежней благоуханье,
И ярче белизна березовых стволов.
Здесь все еще полно неясною тревогой...
Но тени грозные над нивою скользят,
И пыль уже взвилась над знойною дорогой,

И скоро под дождем колосья зашумят.

1887

Родина

Над немым пространством чернозема,
Словно уголь, вырезаны в тверди
Темных изб подгнившая солома,
Старых крыш разобранные жерди.

Солнце грустно в тучу опустилось,
Не дрожит печальная осина,
В мутной луже небо отразилось,
И на всем – знакомая кручина...

Каждый раз, когда смотрю я в поле,
Я люблю мою родную землю;
Хорошо и грустно мне до боли, —
Словно тихой жалобе я внемлю.

В сердце – мир, печаль и безмятежность,
Умолкает жизненная битва...
А в груди – задумчивая нежность
И простая детская молитва.

1887

На Волге

Река блестит, как шелк лазурно-серебристый;
В извилинах луки белеют паруса.
Сквозь утренний туман каймою золотистой
Желтеет отмели песчаная коса.
Невозмутимый сон – над Волгою могучей;

Порой лишь слышен плеск рыбачьего весла.
Леса на Жигулях синеют грозной тучей,
Раскинулись плоты деревнею плавучей,
И тянется дымок далекого села...
Как много воздуха, и шири, и свободы!..
А людям до сих пор здесь душно, как в тюрьме.
И вот в какой стране, среди какой природы
Отчизна рабским сном глубоко спит во тьме...

.....

12 апреля 1887, Самара

Часть III

*Душа, сожженная любовью,
для вечности, как феникс, возродится.*

Микеланджело

Из Альфреда Мюссэ

Ты, бледная звезда, вечернее светило,
В дворце лазуревом своем,
Как вестница встаешь на своде голубом.
Зачем же к нам с небес ты смотришь так уныло?
Гроза умчалася, и ветра шум затих,
Кудрявый лес блестит росой, как слезами,
Над благовонными лугами
Порхает мотылек на крыльях золотых.
Чего же ищет здесь, звезда, твой луч дрожащий?..
Но ты склоняешься, ты гаснешь – вижу я —
С улыбкою бежишь, потупив взор блестящий,
Подруга кроткая моя!
Слезинка ясная на синей ризе ночи,
К холму зеленому сходящая звезда,
Пастух, к тебе подняв заботливые очи,
Ведет послушные стада.
Куда ж стремишься ты в просторе необъятном?
На берег ли реки, чтоб в камышах уснуть,
Иль к морю дальнему направишь ты свой путь
В затишье ночи благодатном,
Чтоб пышным жемчугом к волне упасть на грудь?
О, если умереть должна ты, потухая,
И кудри светлые сокрыть в морских струях, —
Звезда любви, молю тебя я:
Перед разлукою, последний луч роняя,

На миг остановись, помедли в небесах!

Март 1882

«Я никогда так не был одинок...»

Я никогда так не был одинок,
Как на груди твоей благоуханной,
Где я постиг невольно и нежданно,
Как наш удел насмешливо-жесток:
Уста к устам, в блаженстве поцелуя,
Ко груди грудь мы негою полны,
А между тем, по-прежнему тоскуя,
Как у врагов, сердца разлучены.
Мы далеки, мы чужды друг для друга:
Душе с душой не слиться никогда,
И наш восторг, как смутный жар недуга,
Как жгучий бред, исчезнет без следа.
Мне за тебя невыразимо грустно,
Ты тихо взор склонила предо мной,
И, нашу боль скрывая неискусно,
Мой бедный друг, как жалки мы с тобой...

1883

Эрот

Молнию в тучах Эрот захватил, пролетая;
Так же легко, как порой дети ломают тростник,
В розовых пальцах сломал он, играя, стрелу Громовержца:
«Мною Зевес побежден!» – дерзкий шалун закричал,
Взоры к Олимпу подняв, с вызовом в гордой улыбке.

1883

В сумерки

Был зимний день; давно уже стемнело,
Но в комнату огня не приносили;
Глядело в окна пасмурное небо,
Сырую мглу роняя с вышины,
И в стекла ударяли хлопья снега,
Подобно стае белых мотыльков;
В вечерней мгле багровый свет камина
Переливался теплою волной
На золотой парче японских ширм,
Где выступал богатый арабеск
Из райских птиц, чудовищных драконов,
Летучих рыб и лилий водяных.
И надо всем дыханье гиацинтов
В таинственной гармонии слилось
С бледно-лазуревым отцветом шелка
На мебели причудливо роскошной;
И молча ты лежала предо мной,
И, уронив любимый том Кольриджа
На черный мех пушистого ковра,
Вся бледная, но свежая, как ландыш,
Вся в кружево закутанная, грелась
Ты в розовом мерцании камина;
И я шептал, поникнув головой:
«О для чего нам не шестнадцать лет,
Чтоб мы могли обманывать друг друга
Надеждами на вечную любовь!
О для чего я в лучшие мгновенья
Так глубоко, так больно сознаю,
Что этот луч открывшегося неба,
Как молния, потухнет в море слез!
Ты так умна: к чему же лицемерить?
Нам не помогут пламенные клятвы.
Мы сблизились на время, как и все,
Мы, как и все, случайно разойдемся:
Таков судьбы закон неумолимый.

День, месяц, год, – каков бы ни был срок, —
Любовь пришла, любовь уйдет навеки...
Увы, я знаю все, я все предвижу,
Но отворотить удара не могу, —
И эта мысль мне счастье отравляет.
Нет, не хочу я пережить мгновенье,
Что навсегда должно нас разлучить.
Ты все простишь, ты все поймешь – я знаю, —
Услышь мою безумную мольбу!..»
Тогда с порывом ласки материнской
К себе на грудь меня ты привлекла
И волосы так нежно целовала,
И гладила дрожащею рукой.
И влага слез, твоих горячих слез,
Как теплый дождь, лицо мне орошала,
И говорил я в страстном забытьи:
«Услышь мою безумную мольбу:
В урочный миг, как опытный художник,
Ты заверши трагедию любви,
Чтоб кончилась она не пошлым фарсом,
Но громовым, торжественным аккордом:
Лишь только тень тоски и пресыщенья
В моих чертах заметишь ты впервые, —
Убей меня, но так, чтоб без боязни,
С вином в бокале, весело шутя,
Из милых рук я принял яд смертельный.
И на твоей груди умру я тихо,
Усну навек, беспечно, как дитя,
И перелью в последнее лобзанье
Последний пламень жизни и любви!..»

.....

1884

Осень
(Из Бодлэра)

Я люблю ваши нежно-зеленые глазки;
Но сегодня я горьким предчувствием полн:
Ни камин в будуаре, ни роскошь, ни ласки
Не заменят мне солнца, лазури и волн.
Но каков бы я ни был, как мать, пожалейте
И простите меня, будьте милой сестрой
И угрюмого, злого любовью согрейте,
Как осеннее небо вечерней зарей.
Труд недолгий... Я знаю: могила немая
Ждет... О, дайте же, дайте под желтым лучом
Сентября золотого, про май вспоминая,
Мне на ваши колени поникнуть челом.

1884

Из Бодлэра

Голубка моя,
Умчимся в края,
Где всё, как и ты, совершенство,
И будем мы там
Делить пополам
И жизнь, и любовь, и блаженство.
Из влажных завес
Туманных небес
Там солнце задумчиво блещет,
Как эти глаза,
Где жемчуг-слеза,
Слеза упоенья трепещет.

Это мир таинственной мечты,
Неги, ласк, любви и красоты.

Вся мебель кругом
В покое твоём
От времени ярко лоснится.

Дыханье цветов
Заморских садов
И веянье амбры струится.
Богат и высок
Лепной потолок,
И там зеркала так глубоки;
И сказочный вид
Душе говорит
О дальнем, о чудном Востоке.

Это мир таинственной мечты,
Неги, ласк, любви и красоты.

Взгляни на канал,
Где флот задремал:
Туда, как залетная стая,
Свой груз корабли
От края земли
Несут для тебя, дорогая.
Дома и залив
Вечерний отлив
Одел гиацинтами пышно,
И теплой волной,
Как дождь золотой,
Лучи он роняет неслышно.

Это мир таинственной мечты,
Неги, ласк, любви и красоты.

1885

«Меня ты, мой друг, пожалела...»

Меня ты, мой друг, пожалела;
Но верить ли ласке твоей?
От этой случайной улыбки

На сердце – еще холодней:

Бездомный, голодный бродяга
Избитый мотив пред тобой
Играет на ветхой шарманке
Дрожащей, неверной рукой;

И жалко его, и досадно,
И песня знакома давно;
Чтоб прочь уходил он, монету
Ему ты бросаешь в окно.

1885

«...Потух мой гнев, безумный, детский гнев...»

...Потух мой гнев, безумный, детский гнев:
Все время я себя обманывал напрасно:
Я вновь у ног твоих, – и радостный напев
Из груди просится так пламенно и страстно.
Наперекор всему, в проклятии моем
Тебе, всесильная, одна любовь звучала,
И даже в злобный миг при имени твоём
Мятежная душа от счастья трепетала.
И вот – я снова твой... Зачем таить любовь?
Как будто не о том я день и ночь мечтаю,
Когда и где, и как тебя я повстречаю,
Как будто не тебе отдам я жизнь и кровь;
Как будто в серой мгле под бременем страданья
Влачу я темный век не для тебя одной;
Когда пляжу я вдаль с улыбкой упованья,
Как будто не тебя я вижу пред собой...
Ты – вдохновение, ты – творческая сила,
Ты – все: полна тобой полуночная тишь,
В благоуханье роз со мной ты говоришь,

И сумрак дней моих ты светом напоила...

1885

Франческа Римини

Порой чета голубок над полями
Меж черных туч мелькнет перед грозой,
Во мгле сияя белыми крылами;

Так в царстве вечной тьмы передо мною
Сверкнули две обнявшиеся тени,
Озарены печальной красотой.

И в их чертах был прежний след мучений,
И в их очах был прежний страх разлуки,
И в грации медлительных движений,

В том, как они друг другу жали руки,
Лицом к лицу поникнув с грустью нежной,
Былой любви высказывались муки.

И волновалась грудь моя мятежно,
И я спросил их, тронутый участием,
О чем они тоскуют безнадежно,

И был ответ: «С жестоким самовластьем
Любовь, одна любовь нас погубила,
Не дав упиться мимолетным счастьем;

Но смерть – ничто, ничто для нас – могила,
И нам не жаль потерянного рая,
И муки в рай любовь преобразила.

Завидуют нам ангелы, взирая
С лазури в темный ад на наши слезы,

И плачут втайне, без любви скучая.

О, пусть Творец нам шлет свои угрозы,
Все эти муки – слаще поцелуя,
Все угли ада искрятся, как розы!»

«Но где и как, – страдальцам говорю я, —
Впервый меж вами пламень страстной жажды
Преграды сверг, на цепи негодуя?»

И был ответ: «Читали мы однажды
Наедине о страсти Ланчелотта^[2],
Но о своей лишь страсти думал каждый.

Я помню книгу, бархат переплета,
Я даже помню, как в заре румяной
Заглавных букв мерцала позолота.

Открыты были окна, и туманный,
Нагретый воздух в комнату струился;
Ронял цветы жасмин благоуханный.

И мы прочли, как Ланчелотт склонился
И, поцелуем скрыв улыбку милой,
Уста к устам, в руках ее забылся.

Увы! нас это место погубило,
И в этот день мы больше не читали,
Но сколько счастья солнце озарило!..»

И тень умолкла, полная печали.

1885

Признание

На что мне чудеса волшебной красоты,
На что мне плетчеров безмолвная громада
И в радужной пыли над пеной водопада
Из тонких проволок сплетенные мосты,
Туннели грозные, где в сумраке вагона
Лазурной молнией врывается простор
Сверкающих озер, —
Обломков бирюзы, упавшей с небосклона
В кольцо жемчужно-белых гор?
На что мне цветники в задумчивых аллеях,
На что мне полутьма таинственных дубров,
И краски панорам блестящих городов,
И тысячи картин в старинных галереях,
На что мне океан и башня маяка,
Как уголь черная, на пурпуре заката,
И свежий запах волн, и песня рыбака,
И выющийся дымок далекого фрегата?
На что мне вся земля и свет, и жизнь? На что
Весь мир великий, мир ничтожный?
Мне сердце говорит: «Не то, не то!»
И дальше я бегу с мечтой моей тревожной:
Не нужно мне дворцов, благоуханных роз
И чуждых берегов, и моря, и простора!
Я жажду долгого, мерцающего взора,
Простых и тихих слов, простых и теплых слез, —
Немного ласки и участия,
Одной улыбки милых глаз,
Немного сумрака в глубоко мирный час
И капли, только капли счастья!..

1886

«Мы идем по цветущей дороге...»

Мы идем по цветущей дороге,
И над нами сияет весна...

Мы блаженны, мы сильны, как боги,
Наша жизнь – глубока и полна.

Прочь, боязнь!.. Упивайся мечтою,
И не думай о завтрашнем дне,
И живи, и люби всей душою,
И отдайся могучей весне!

Нам не страшны ни муки, ни беды,
Наша молодость чудо свершит
И рыдания – в песни победы,
И печаль в красоту превратит!

Да! Над миром мы властны, как боги,
Вся природа для нас создана...
Так вперед же, вперед – без тревоги
По широкой, цветущей дороге!
Здравствуй, жизнь и любовь, и весна!

1886

«Ты читала ль преданья, как жгли христиан...»

Ты читала ль преданья, как жгли христиан,
Как за Бога они умирали
И с восторгом молили, не чувствуя ран,
Чтоб сильней палачи их терзали?

Так за имя твое прикажи умереть, —
И на смерть я пойду, дорогая:
Буду громко «осанна!», как мученик, петь,
Буду славить любовь, умирая.

1886

«О дитя, живое сердце...»

О дитя, живое сердце
Ты за мячик приняла:
Этим мячиком играешь,
Беззаботно весела.

Ты, резвясь, кидаешь сердце
То к лазури, то во прах
С тем же хохотом беспечным
На пленительных устах.

1886

«По дебрям усталый брожу я в тоске...»

По дебрям усталый брожу я в тоске,
Рыдает печальная осень;
Но вот огонек засиял вдалеке
Меж диких, нахмуренных сосен.

За ним я с надеждой кидаюсь во мрак,
И сил мне последних не жалко:
Мне грезится комнатка, светлый очаг
И милая Гретхен за прялкой;

Мне грезится бабушка с книгой в руках
И внуков румяные лица;
Там утварь сияет в дубовых шкапах
И суп ароматный дымится.

Все дальше во мрак я бегу за мечтой;
Откуда-то сыростью веет...
Зачем колыхнулась земля под ногой,
И в жилах вся кровь леденеет?

Болото!.. Так вот, что готовил мне рок:
Блуждая во мраке ненастья,
Я принял болотный лесной огонек
За пламень надежды и счастья!

И тина влечет мое тело ко дну,
Она задушить меня хочет.
Я в смрадном болоте все глубже тону,
И громко русалка хохочет...

1886

«Не думала ли ты, что, бледный и безмолвный...»

Не думала ли ты, что, бледный и безмолвный,
Я вновь к тебе приду, как нищий, умолять,
Тобой отвергнутый, тобою вечно полный,
Чтоб ты позволила у ног твоих рыдать?
Напрасная мечта! Слыхала ль ты порою,
Что в милой праздности не все, как ты, живут,
Что где-то есть борьба и мысль, и честный труд
И что пред ними ты – ничто с твоей красою?
Смотри, – меня зовет огромный светлый мир:
Есть у меня бессмертная природа
И молодость, и гордая свобода,
И Рафаэль, и Данте, и Шекспир!
И думать ты могла, что я томиться буду
Или у ног твоих беспомощно рыдать?
Нет, стыдно пред тобой мне слезы расточать, —
Забудь меня скорей, как я тебя забуду!
О, неразумное, прелестное дитя,
Ты гнева моего, поверь, не заслужила, —
Но если б ты могла понять, какая сила
Была у ног твоих, когда со мной, шутя,
Играла ты в любовь и все потом разбила, —
Тогда лицо твое зарделось бы стыдом,

И над поруганной любовью, над мечтами,
Что ты разрушила своими же руками,
Не я, а ты в отчаянье немом
Рыдала бы теперь горячими слезами!

1886

«Давно ль желанный мир я звал к себе, тоскуя...»

Давно ль желанный мир я звал к себе, тоскуя,
Любил и проклинал любви святую власть,
Давно ли из цепей я рвался, негодуя, —
И цепи порвались, и миновала страсть.

Любовь – побеждена, – но сердце недовольно.
О чем оно грустит, чего ему так жаль?
Ужели с муками душе расстаться больно,
Ужель так дороги ей слезы и печаль?

Свобода без любви – угрюмая темница:
Отдам я все, – и жизнь, и радость, и покой,
Но только б вновь любить с безумною тоской,
Страдать, как я страдал, и плакать, и томиться!

1886

«Ищи во мне не радости мгновенной...»

Ищи во мне не радости мгновенной.
Люби меня не для себя одной;
Как Беатриче образ вдохновенный,
Ты к небесам мне светлый путь открой.
Склонясь ко мне с пленительной заботой,
Ты повторяй: «Будь добрым для меня,
Иди в борьбу, и мысли, и работай,

Вперед, за мной, – я поведу тебя!»
И каждой ласке, каждому упреку
Заставь меня ты радостно внимать;
Как женщина, ревнуй меня к пороку
И береги, как любящая мать.

1886

Ариванза

Милый друг, я тебе рассказать не могу,
Что за пламень сжигает мне грудь:
Запеклись мои губы, дышать тяжело,
Посмотрю ль я на солнце – мне больно:
Мое солнце, мой свет, моя жизнь
Для меня никогда не блеснут.
Я дрожу, я слабею, увы, —
Как мы жалки – бессильные девы!
Я себе говорила: мой путь лучезарен,
Он усеян гирляндами лотосов белых, —
Но под лотосом белым – о горе! – таилось
Ядовитое жало змеи,
И была та змея – роковая любовь!
Не лучи ли далекой луны,
Что бесстрастно-холодным сияньем
Так чаруют, так нежат,
Не они ль эту страсть
В моем сердце зажгли?
Мне сегодня вечерней прохлады
Ветерок не принес:
Отягчен ароматом цветов,
Как огонь, он обжег мне лицо...
Ты, один только ты, мой владыка,
Покорил мою волю, наполнил мне душу,
Победил, обессилил меня!
Что мне делать?.. Едва на ногах я стою...

Вся дрожу, помутилось в очах...
И мне страшно, мне тяжело, как будто пред смертью!..

1886

Поэмы и легенды

Протопоп Аввакум

I

Свят Христос был тих и кроток <...>

.....
Горе вам, Никониане! Вы плумитесь над Христом, —
Утверждаете вы церковь пыткой, плахой да кнутом!
.....

Горе вам: полна слезами и стенаньями полна
Опозоренная вами наша бедная страна.

Но Господь за угнетенных в гневе праведном восстал,
И прольется над землею Божьей ярости фиал.

Нашу светлую Россию отдал дьяволу Господь:
Пусть же выкупят отчизну наши кости, кровь и плоть.

Знайτε нас, Никониане! Мир погибший мы спасем;
Мы столетние вериги на плечах своих несем.

За Христа – в огонь и пытку!.. Братья, надо пострадать
За отчизну дорогую, за поруганную мать!

II

Укрепи меня, о, Боже, на великую борьбу,
И пошли мне мощь Самсона, недостойному рабу...

Как в пустыне вопиющий, я на торжищах зывал
И в палатах, и в лачугах сильных мира обличал.

Помню, помню дни гоненья: вот в цепях меня ведут
К нечестивому синклиту, как разбойника, на суд.

Сорок мудрых иереев издевались надо мной.
И разжегся дух мой гневом – поднял крест я над главой

И в лицо злодеям плюнул, и, как зайцы по кустам,
Всё антихристово войско разбежалось по углам.

«Будьте прокляты! – я крикнул, – вам позор из рода в род:
Задушили правду Божью, погубили вы народ!»

Но стрельцов они позвали, ополчились на меня.
Речи полны дикой брани, очи – лютого огня.

И как волки обступили, кулаками мне грозят:
«Еретик нас обесчестил, на костер его!» – кричат.

То не бесы мчатся с криком чрез болото и пустырь, —
Чернецы везут расстригу Аввакума в монастырь.

Привезли меня в Андроньев, – тут и бросили в тюрьму,
Как скотину, без соломы – прямо в холод, смрад и тьму.

Там, глубоко под землею, в этой сумрачной норе,
Думал с завистью я, грешный, о собачьей конуре.

III

Я три дня лежал без пищи, – наступал четвертый день...
Был то сон, или виденье, – я не ведаю... Сквозь тень —

Вижу, двери отворились, и волною хлынул свет,
Кто-то чудный мне явился, в ризы белые одет.

Он принес коврижку хлеба, он мне дал немного щец:
«На, Петрович, ешь, родимый!» – и любовно, как отец,

Смотрит в очи, тихо пальцы он кладет мне на чело,
И руки прикосновенье братски-нежно и тепло.

И счастливый, и дрожащий, я припал к его ногам,
И края святой одежды прижимал к моим устам.

И шептал я, как безумный: «Дай мне муки претерпеть,
Свет-Христос, родной, желанный, – за Тебя бы умереть!..»

IV

Это было на Устюге: раз – я помню – ввечеру
Старца божьего Кирилла привели мне в конуру.

С ним в тюрьме я прожил месяц; был он праведник душой,
Но безумным притворился, полон ревности святой.

Всё-то пляшет и смеется, всё вполголоса поет,
И, качаясь, вместо бубнов, кандалами мерно бьет;

День юродствует, а ночью на молитве он стоит,
И горячими слезами цепи мученик кропит.

Я любил его; он тяжким был недугом одержим.
Бедный друг! Как за ребенком, я ухаживал за ним.

Он страдать умел так кротко: весь в жару изнемогал,
Но с пылающего тела власяницы не снимал.

Я печальный голос брата до сих пор забыть не мог:

«Дай мне пить!» – бывало скажет; взор – так нежен и глубок.

На руках моих он умер; безмятежно и светло,
Как у спящего младенца, было мертвое чело.

И покойника, прощаясь, я в уста поцеловал:
Спи, Кириллушка, сердечный, спи, – ты много пострадал.

Над твоей могилой тихой херувимы сторожат;
Спи же, друг, легко и сладко, отдохни, усталый брат!

V

В конуре моей подземной я покинут был опять
Целым миром. Даже время перестал я различать.

Поглупел совсем от горя: день и ночь в углу сидишь,
Да замерзшими ногами в землю до крови стучишь.

Если ж солнце в щель заглянет и блеснет на кирпиче,
И закружатся пылинки в золотом его луче, —

Я смотрел, как паутина сеткой радужной горит,
И паук летунью-мошку терпеливо сторожит.

На заре я слушал часто, ухо к щели приложив,
Как в лазури крик касаток беззаботен и счастлив.

Сердцу воля вспоминалась, шум деревьев, небеса,
И далекая деревня, и родимые леса.

Всё прошедшее всплывало в темной памяти моей,
Как обломки над пучиной от разбитых кораблей.

Помню церковь, летний вечер; из далекого села

Молодая прихожанка исповедаться пришла.

Помню тонкие ресницы, помню бледное лицо
И кудрей на грудь упавших темно-русое кольцо...

Пахло сеном и гречихой из открытого окна,
И душа была безумной, страстной негою полна...

Над Евангелием три свечки я с молитвой засветил
И, в огне сжигая руку, пламень в сердце потушил.

Но зачем же я припомнил здесь, в тюрьме, чрез столько лет
Этот летний тихий вечер, этот робкий полусвет?

Был и я когда-то молод; да, и мне хотелось жить,
Как и всем, хотелось счастья, сердце жаждало любить.

А теперь... я – труп в могиле! Но безумно рвется грудь
Перед смертью на свободе только раз еще вздохнуть.

VI

Из Москвы велят указом, чтоб на самый край земли
Аввакума протопопа в ссылку вечную везли.

Десять тысяч верст в Сибири, в тундрах, дебрях и лесах
Волочился я на дровнях, на телегах и плотах.

Помню – Пашков на Байкале раз призвал меня к себе;
Окруженный казаками, он сидел в своей избе.

Как у белого медведя, взор пылал; суровый лик,
Обрамлен седою гривой, налит кровью был и дик.

Грозно крикнул воевода: «Покорись мне, протопоп!
Брось ты дьявольскую веру, а не то – вгоню во гроб!»

«Человек, побойся Бога, Вседержителя-Творца!
Я страдал уже не мало – пострадаю до конца!»

«Эй, ребята, начинайте!» – закричал он гайдукам...
Повалили и связали по рукам и по ногам.

Свистнул кнут... – Окровавленный, полумертвый я твержу:
«Помоги, Господь!» – а Пашков: «Отрекайся – пощажу».

Нет, Иисусе, Сыне Божий, лучше – думаю – не жить,
Чем злодея перед смертью о пощаде мне просить.

Всё исчезло... и казалось, что я умер... чей-то вздох
Мне послышался, и кто-то молвил: «Кончено, – издох!»

VII

Я в дощанике очнулся... Тишь и мрак... Лежу на дне,
Хлещет мокрый снег да ливень по израненной спине.

Тянет жилы, кости ноют... Тяжко! страх меня объял;
Обезумев от страданий, я на Бога возроптал:

«Горько мне, Отец небесный, я молиться не могу:
Ты забыл меня, покинул, предал лютому врагу!»

Где найти мне суд и правду? Чем Христа я прогневил,
И за что, за что я гибну?...» – так я, грешный, говорил.

Вдруг на небе как-то чудно просветлело, и порой
Словно ангельское пенье проносилось над землей...

Веют крылья серафимов, и кадиланицы звенят,
Сквозь холодный дождь и вьюгу дышит теплый аромат.

И светло в душе, и тихо: темной ночью, под дождем,
Как дитя в спокойной люльке, – я в дощанике моем.

Ты, Иисусе мой сладчайший, муки в счастье превратил,
Пристыдил меня любовью, окаянного простил!

Хорошо мне, и не знаю – в небесах, или во мне —
Словно ангельское пенье раздаётся в тишине.

VIII

Это край счастливый. Горы там уходят в небеса,
Их подножья осенили кедров темные леса.

Там, посеянные Богом, разрослись в тиши долин
Сладкий лук, чеснок и мята, и душистый розмарин.

По скалам – орел да кречет, в мраке девственных лесов —
Чернобурая лисица, стаи диких кабанов.

Там и стерлядь, и осетры ходят густо под водой,
Таймень жирная сверкает серебристой чешуей.

Всё там есть, но все чужое, – люди, вера... И тоской
Ноет сердце, вспоминая об отчизне дорогой.

Повстречали мы однажды у Байкальских берегов
Соболиную станицу наших русских земляков.

Плачут миленькие, смотрят, не посмотрят на нас,
Обнимают и жалеют, подхватили мой карбас,

И хлопчут, и смеются: каждый жизнь отдать готов;
Привезли мне на телеге сорок свежих осетров.

Вместе кашу заварили, пели песни за костром;

На чужбине Русь святую поминали мы добром.

В эту ночь, с улыбкой тихой, очи скорбные смежив,
Засыпали мы под шорох золотых, родимых нив.

IX

Ты один, Владыка, знаешь, сколько мук я перенес:
Хлеб не сладок был от горя, и вода – горька от слез.

На Шаманских водопадах, на Тунгуске я тонул,
Замерзал в сугробах, лямку с бурлаками я тянул.

Без приюта, без одежды насыщался я порой
То поганюю кониной, то сосновою корой.

Пять недель мы шли по Нерчи, пять недель – все голый лед.
Деток с рухлядью в обозе лошаденка чуть везет.

Мы с женою вслед за ними, убиваючись, идем;
Скользко, ноги еле держат. Полумертвые бредем.

Протопопица, бывало, поскользнется, упадет.
На нее мужик усталый из обоза набредет,

Тоже валится, и оба на снегу они лежат,
И барахтаются в шубах, встать не могут и кричат:

«Задавил меня ты, батько!» – «Государыня, прости!»
Что тут делать, – смех и горе! Я спешу к ним подойти,

И бранит меня с улыбкой, и бредет она опять:
«Протопоп ты горемычный, долго ль нам еще страдать?»

«Видно, Марковна, до смерти!» Тихо, с ласковым лицом:
«Что ж, Петрович, – отвечает, – с Богом дальше побредем!»

На санях у нас в обозе, помню, курочка была;
Два яйца для наших деток каждый день она несла.

Чудо-птица! и за деньги нам такой бы не найти.
Жалко, бедную в обозе раздавили на пути.

До сих пор об ней я помню: я привык ее ласкать;
Мы крупу в котле семейном позволяли ей клевать:

Божья тварь! Создатель любит всех животных, как детей;
Он не брезгает, Пречистый, и последним из зверей,

Он из рук Своих питает все, что дышит и живет,
Он и птицу пожалеет, и былинку сбережет.

X

Собрались мы плыть на лодках; кормчий парус подымал;
Из тайги в ту пору беглый к нам бродяга забежал.

Он, дрожа и задыхаясь, пал на землю предо мной
И глядел мне прямо в очи с боязливою мольбой:

«Я скитался диким зверем тридцать дней в глуши лесов,
Сжался, батюшка, не выдай, скрой от лютых казаков!..»

Вижу – лоб с клеймом позорным, обруч сломанных цепей,
Но прощенья страшно молит взор испуганных очей.

Плачет, ноги мне целует – окровавленный, в пыли:
До чего создание Божье, человека, довели!..

Я забыл, что он преступник, я хотел его поднять
И как брату, кто б он ни был, слово доброе сказать.

Но жена меня торопит: «Спрячем бедного скорей!..»
И голубка отвернулась, – льются слезы из очей.

Скрыл я миленького в лодке да подушек навалил;
Протопопицу и деток на постелю положил.

Казаки к нам скачут вихрем и с пищалями в руках,
Как затравленного зверя, ищут беглого в кустах.

И кричат нам: «Где бродяга? – уж не спрятан ли у вас?»
«Никого мы не видали, – общите наш карбас!»

Ищут, роют, но с постели бедной Марковны моей
Не согнали: «Спи, родная, не тревожься!» – молвят ей, —

«Вдоволь мук ты натерпелась!» Так его и не нашли.
Обманул я их, сердечных. Делать нечего – ушли.

Пусть же Бог меня накажет: как мне было не солгать?
Согрешил я против воли: я не мог его предать.

Этот грех мне был так сладок, дорога мне эта ложь;
Ты простишь мне, Милосердный, ты, Христос, меня
поймешь:

Не велел ли ты за брата душу в жертву принести.
Все смолкает пред любовью: чтобы гибнущих спасти,

Согрешил бы я, как прежде, без стыда солгал бы вновь:
Лучше правда пусть исчезнет, но останется любовь!

XI

Вижу – меркнет Божья вера, тьма полночная растет,
Вижу – льется кровь невинных, брат на брата восстает.

Что же делать мне? Бороться и неправду обличать,
Иль, скрываясь от гонений, покориться и молчать?

Жаль мне Марковны и деток, жаль мне светиков моих:
Как их бросить без защиты; горько, страшно мне за них!

И сидел в немом раздумье я, поникнув головой.
Но жена ко мне подходит, тихо молвит: «Что с тобой?

Отчего ты так кручинен?» – «Дорогая, жаль мне вас!
Чует сердце: я погибну, близок мой последний час.

На кого тебя оставлю?..» С нежной ласкою в очах —
«Что ты, Бог с тобой, Петрович, – молвит, – там, на небесах

Есть у нас Ходатай вечный, ты же – бранный человек.
Он – Заступник вдов и сирот, не покинет нас вовек.

Будь же весел и спокоен, нас в молитвах поминай,
Еретическую блудню пред народом обличай.

Встань, родимый, что тут думать, встань, поди скорей во
храм,
Проповедуй слово Божье!» Я упал к ее ногам,

Говорить не мог, но молча поклонился до земли,
И в тот миг у нас обоих слезы чудные текли.

Встал я мощный и готовый на последний грозный бой.
Где ж они, враги Господни, жажду битвы я святой.

За Христа – в огонь и пытку! Братья, надо пострадать
За отчизну дорогую, за поруганную мать!

Смерть пришла... Сегодня утром пред народом поведут
На костер меня, расстригу, и с проклятьями сожгут.

Но звучит мне чей-то голос, и зовет он в тишине:
«Аввакумушка мой бедный, ты устал, приди ко Мне!»

Дай мне, Боже, хоть последний уголок в святом раю,
Только б видеть милых деток, видеть Марковну мою.

Потрудился я для правды, не берег последних сил:
Тридцать лет, Никониане, я жестоко вас бранил.

Если чем-нибудь обидел, – вы простите дураку:
Ведь и мне пришлось не мало натерпеться, старику...

Вы простите, не сердитесь, – все мы братья о Христе,
И за всех нас, злых и добрых, умирал Он на Кресте.

Так возлюбим же друг друга, – вот последний мой завет:
Все в любви – закон и вера... Выше заповеди нет.

1887

Уголино ^[3]

(легенда из Данте)

В последнем круге ада перед нами
Во мгле поверхность озера блистала
Под ледяными твердыми слоями.

На эти льды безвредно бы упала,
Как пух, громада каменной вершины,
Не раздробив их вечного кристалла.

И как лягушки, вынырнув из тины,
Среди болот виднеются порою, —

Так в озере той сумрачной долины

Бесчисленные грешники толпою,
Согнувшиеся, голые сидели
Под ледяной, прозрачною корою.

От холода их губы посинели,
И слезы на ланитах замерзали,
И не было кровинки в бледном теле.

Их мутный взор поник в такой печали,
Что мысль моя от страха цепенеет,
Когда я вспомню, как они дрожали, —

И солнца луч с тех пор меня не греет.
И вот земная ось уж недалеко:
Скользит нога, в лицо мне стужей веет...

Тогда увидел я во мгле глубоко
Двух грешников: безумьем пораженный,
Один схватил другого и жестоко

Впился зубами в череп раздробленный,
И грыз его, и вытекал струями
Из черной раны мозг окровавленный.

И я спросил дрожащими устами,
Кого он пожирает; подымая
Свой обагранный лик и волосами

Несчастной жертвы губы вытирая,
Он отвечал: «Я призрак Уголино,
А эта тень – Руджьер; земля родная

Злодея прокляла... Он был причиной
Всех мук моих: он заточил в оковы
Меня с детьми, гонимого судьбиной.

Тюремный свод давил, как гроб свинцовый;
Сквозь щель его не раз на тверди ясной
Я видел, как рождался месяц новый —

Когда тот сон приснился мне ужасный:
Собаки волка старого травили;
Руджьер их плетью гнал, и зверь несчастный

С толпой волчат своих по серой пыли
Влачил кровавый след, и он свалился,
И гончие клыки в него вонзили.

Услышав плач детей, я пробудился:
Во сне, полны предчувственной тоскою,
Они молили хлеба, и теснился

Мне в грудь невольный ужас пред бедою.
Ужель в тебе нет искры сожаленья?
О, если ты не плачешь надо мною,

Над чем же плачешь ты!.. Среди томленья
Тот час, когда нам пищу приносили,
Давно прошел; ни звука, ни движенья...

В немых стенах – все тихо, как в могиле.
Вдруг тяжкий молот грянул за дверями...
Я понял все: то вход тюрьмы забили.

И пристально безумными очами
Взглянул я на детей, передо мною
Они рыдали тихими слезами.

Но я молчал, поникнув головою;
Мой Ансельмуччио мне с лаской милой
Шептал: «О, как ты смотришь, что с тобою?..»

Но я молчал, и мне так тяжело было,
Что я не мог ни плакать, ни молиться,
Так первый день прошел, и наступило

Второе утро: кроткая денница
Блеснула вновь, и в трепетном мерцанье
Узнав их бледные, худые лица,

Я руки грыз, чтоб заглушить страданье.
Но дети кинулись ко мне, рыдая,
И я затих. Мы провели в молчанье

Еще два дня... Земля, земля немая,
О, для чего ты нас не поглотила!..
К ногам моим упал, ослабевая,

Мой бедный Гаддо, простонав уныло:
«Отец, о, где ты, сжался надо мною!..»
И смерть его мученья прекратила.

Как сын за сыном падал чередою,
Я видел сам своими же очами,
И вот один, один под вечной мглою

Над мертвыми, холодными телами —
Я звал детей; потом в изнеможенье
Я ощупью, бессильными руками,

Когда н глазах уже померкло зренье,
Искал их трупов, ужасом томимый,
Но голод, голод победил мученье!..»

И он умолк, и вновь, неутомимый,
Схватил зубами череп в дикой злости
И грыз его, палач неумолимый:

Так алчный пес грызет и пожет кости.

1885

Орваси

Царь Пурурава ищет свою возлюбленную в заколдованном лесу, где она превращена в лиану чарами одного отшельника.

Невидимый хор

Над душистыми цветами
Пчелы весело жужжат;
Южный ветер с облаками
Гонит теплыми волнами
Первый вешний аромат;
Ветер полон жгучей ласки,
И растенья в шумной пляске
Всеми листьями дрожат.

Царь

Этой тучи полог черный —
Мой роскошный балдахин.
Как наряден мой придворный,
Этот радужный павлин!
Мне, как дань, примчали грозы
Сотни пенистых ручьев,
И колеблются мимозы
Вместо пышных вееров.
Лишь бананы в грусти томной
Клонят нежные цветы;
Край пурпурный, венчик томный —
Все в них чудо красоты:
Я пляжу на них уныло,
В них я вижу, полный грез,

С темным взором очи милой,
Покрасневшие от слез...

Невидимый хор

Белый слон по кокосовым рощам весной
Днем и ночью без отдыха бродит:
Всюду ищет подруги своей молодой
И покоя нигде не находит.

Царь

Вот павлин: на камне диком,
Весь обрызганный дождем,
Резво прыгает он с криком
С гордо поднятым хвостом.
Ветер веет, и трепещут
Перья в ливне золотом,
И волнуются, и блещут...
Не видал ли ты, павлин,
Где-нибудь богини кроткой,
Не встречал ли среди долин
Пери с царственной походкой?..
Нет! Он радостно молчит,
Он смеется надо мною;
Только хвост его горит,
Словно тучки пред зарею.
Да, павлин, – открой смелей,
Распусти ты хвост победно!
Здесь ведь нет Орваси бедной,
Нет соперницы твоей:
Если милая, бывало,
Гиацинты заплетала
В темный шелк своих кудрей
И потом их распускала, —
То пред ней, полна стыдом,

Эта царственная птица
Не могла уже гордиться
Ярко блестящим хвостом!

Невидимый хор

По зеленой бамбуковой чаще весной
Белый слон тихой поступью бродит;
Он клыки опустил, он поник головой
И покоя нигде не находит.

Царь

Чу! Я слышу, прозвенели
Словно кольца ожерелий.
Крик блаженства затая,
Жадно внемлю... Неужели
Это – милая моя?
Нет! То лебедь над волнами
Из густых болотных трав
Звонко крикнул, увидав,
Как с весенними дождями
Тучи тянутся грядами.
Гордый лебедь, отряхнув
Желтых лотосов тычинки,
С них медовые росинки
Ты лови в свой темный клюв,
Через горы и пустыни
Собирайся в дальний путь,
Но скажи – моей богини
Не видал ли где-нибудь?..
Взор он грустно подымает,
Словно молвит: «Не видал».
Нет, он видел, но скрывает
Эту тайну; где б он взял
Столько грации свободной!..

У царевны благородной
Все движенья он украл,
И как вор бежит от казни,
Так, царя узнав во мне,
Мчится в трепетной боязни
Он к лазурной вышине.

Невидимый хор

По глубоким цветущим долинам весной
Белый слон тихой поступью бродит:
Всюду ищет подруги своей молодой
И покоя нигде не находит.

Царь

Вот пчела: благоуханьем
И теплом опьянена,
В розу прячется она;
И таинственным жужжаньем
Роза нежная полна:
Так в безумные мгновенья,
Если пери я лобзал,
Страстный шепот наслажденья
В алых губках замирал.
Где ж Орваси дорогая,
Не видала ль ты, пчела?..
Нет, ты видеть не могла:
Если б встретила, играя,
Ты с дыханьем милых уст, —
Ты б от них не отлетела,
Ты бы видеть не хотела
Этой розы пышный куст!

Невидимый хор

Там, под кущей миндальных деревьев, весной
Белый слон тихой поступью бродит;
Он клыки опустил, он поник головой
И покоя нигде не находит.

Царь

Что за чудо! Дивный камень
Между темных скал горит;
Он кидает на гранит,
Словно кровь, пурпурный пламень.

(Наклоняется и берет его в руку)

Только мне уж не видать
Той головки, где б лучами
Над душистыми кудрями
Этот камень мог сиять!
Прочь, рубин, – тебя слезами
Я не буду омрачать.

Невидимый хор

Талисман драгоценный ты свято храни:
Он дарует влюбленным счастливые дни.

Царь *(подымая брошенный камень)*

Если так, – пусть он горит,
Как луна в короне Сивы,
И венец мой горделивый
Новым блеском озарит!

(Делая несколько шагов)

Вот лиана молодая
В светлом ливне вся дрожит,
Теплый дождь с ветвей роняя;
Это – пери дорогая:
Те же слезы, тот же вид.
Нет на ней цветов душистых,
И не манит сладкий мед
Стаю пчелок золотистых.
Что же к ней меня влечет,
Что так радует невольно?
Сам не знаю почему —
Мне так сладостно, так больно
Верить чувству моему.
Чтоб забыться на мгновенье,
Это нежное растенье
Я с любовью обниму...

(Закрыв глаза, он обнимает лиану, которая под действием талисмана превращается в Орваси)

Тише, сердце, подожди...
Что-то теплое, живое,
Словно тело молодое,
Я прижал к моей груди.
Я от радости слабею:
Это пери легкий стан!
Я дрожу и пламенею,
Но очей открыть не смею
И боюсь узнать обман...

(Медленно открывая глаза)

Это ты, моя желанная!

(Теряет сознание)

Орваси
(наклоняя над ним ветви роз)
Пусть роса благоуханная
Оживит его чело!

Царь *(приходя в сознание)*

Волны музыки божественной,
Пойте громко и торжественно,
Как в душе моей светло!..

(Возлагая талисман на голову своей невесты)

Он над мраморным челом
Светит розовым огнем, —
Словно лотоса дрожащего
Бледно-матовый цветок
Пурпур солнца восходящего
Алым пламенем зажег!

Орваси

Нам давно пора домой
Возвратиться в край родной.

Царь

Брама тучу темнокрылую
В колесницу превратит,
Теплый ветер с бурной силою,
Словно конь, ее помчит;
Ленты радуг ярким пламенем

Колесницу обовьют,
И над ней победным знаменем
Грозно молнии блеснут;
Прямо к тверди ослепительной
Мы направим смелый путь,
Чтоб в лазури упоительной
Словно в море потонуть!

Невидимый хор

Белый лебедь, от счастья на шее твоей
Серебристые перья вздымаются,
И как ложе любви, в полной славе лучей —
Небеса пред тобой открываются!

1886

Страшный суд

*И я видел семь Ангелов,
которые стояли перед Богом,
и даны им семь труб.*

Апокал<ипсис> VIII

Я видел в вышине на светлых облаках
Семь грозных ангелов, стоявших перед Богом
В одеждах пламенных и с трубами в руках.
Потом еще один предстал в величье строгом,
Держа кадилалицу на золотых цепях;
Горстями полными с улыбкой вдохновенной
На жертвенный алтарь бросал он фимиам,
И благовонный дым молитвою смиренной,
Молитвой праведных вознесся к небесам.
Тогда кадилалицу с горящими углями

Десницей гневной на землю он поверг, —
И в тучах молнии блеснули, день померк,
И преисподняя откликнулась громами.

Семь ангелов, полны угрозой величавой,
Взмахнули крыльями, и Первый затрубил, —
И пал на землю град, огонь и дождь кровавый
И третью часть лесов дотла испепелил.
Под звук второй трубы расплавленная глыба
Была низринута в морскую глубину:
Вскипела треть пучин, и в них задохлась рыба,
И кровь, густая кровь окрасила волну.
И Третий затрубил, и с грохотом скатилась
На царственный Ефрат огромная звезда,
И в горькую полынь внезапно превратилась
В колодцах и ключах студеная вода.
Четвертый затрубил, — и в воздухе погасла
Треть солнечных лучей и треть небесных тел;
Как над потухшими светильнями без масла,
Над ними едкий дым клубился и чернел.
Откинув голову, с огнем в орлином взоре,
Блестящий херувим над миром пролетел
И страшным голосом воскликнул: «Горе, горе!...»

И Пятый затрубил, и слышал я над бездной,
Как шум от колесниц, несущихся на бой;
То в небе саранча, гремя броней железной
И крыльями треща, надвинулась грозой.
Вождем ее полков был мрачный Абадонна;
Дома, сады, поля и даже гладь морей, —
Она покрыла все, и жалом скорпиона
Высасывала кровь и мозг живых людей.
И затрубил Шестой, и без числа, без меры
Когорты всадников слетаются толпой
В одеждах из огня, из пурпура и серы
На скачущих конях со львиной головой;
Как в кузнице меха, их бедра раздувались,

Клубился белый дым из пышущих ноздрей,
Где смерч их пролетал, – там молча расстилались
Кладбища с грудями обугленных костей.
Седьмой вознес трубу: он ждал, на меч склоненный,
Он в солнце был одет и в радуге стоял;
И две его ноги – две огненных колонны,
Одной – моря, другой он земли попирает.
И книгу развернув, предстал он в грозной силе.
Как шум от многих вод, как рев степного льва,
Звучали ангела могучие слова,
И тысячи громов в ответ проговорили.
Тогда мне голос был: «Я – Альфа и Омега,
Начало и конец, я в мир гряду! аминь».
Гряди, о Господи! Как воск, как хлопья снега,
Растает пред Тобой гранит немых твердынь.
Как женщина в родах, Природа среди пыток
В последний час полна смертельною тоской,
И небо свернуто в один огромный свиток,
И звезды падают, как осенью избыток
Плодов, роняемых оливою густой.

1886

Песнь баядер

Он лежит под навесом пурпурного ложа
В бледно-розовом свете вечерних огней;
Молодого чела золотистая кожа
Оттеняется мраком глубоких очей.
Смотрит Будда, как девы проносятся в пляске
И вино из кувшинов серебряных льют;
Вызывающий взор – полон огненной ласки;
Ударяя в тимпан, баядеры поют.
И зовут они к радостям неги беспечной
Тех, кто молод, прекрасен, могуч и богат.
Но, как звон погребальный, как стон бесконечный,

Переливы тимпанов для Будды звучат:

«Все стремится к разрушению —
Все миры и все века,
Словно близится к паденью
Необъятная река.
Все живое смерть погубит,
Все, что мило, – смерть возьмет.
Кто любил тебя – разлюбит,
Радость призраком мелькнет.
Нет спасенья? Слава, счастье,
И любовь, и красота —
Исчезают, как в ненастье
Яркой радуги цвета.
Дух безумно к небу рвется,
Плоть прикована к земле:
Как пчела – в сосуде, бьется
Человек в глубокой мгле!»

Перед ложем царя баядеры плясали;
Но для Будды звучал тот же грустный напев
В этих гимнах, что жизнь и любовь прославляли,
В тихой музыке струн, в нежном голосе дев:

«В цвете жизни, в блеске счастья
Вкруг тебя – толпы друзей.
Сколько мнимого участия,
Сколько ласковых речей!
Но дохнет лишь старость злая,
Розы юности губя,
И друзья, как волчья стая,
К новой жертве убегая,
Отшатнутся от тебя.
Ты, отверженный богами,
Будешь нищ и одинок,
Как покинутый стадами
Солнцем выжженный поток.

Словно дерево в пустыне,
Опаленное грозой,
В поздней, старческой кручине
Ты поникнешь головой.
И погрязнешь ты в заботе,
В тине мелочных обид,
Словно дряхлый слон в болоте,
Всеми брошен и забыт.
Что нам делать? Страсти, горе
Губят тысячи людей,
Как пожар – траву степей,
И печаль растет, как море!
Что нам делать? Меркнет ум,
И толпимся мы без цели —
Так испуганных газелей
Гонит огненный самум!»

Баядеры поют про надежды и счастье,
Но напрасны тимпаны и лютни гремят;
Как рыдающий ветер в ночное ненастье,
Песни, полные жизни, для Будды звучат:

«Близок страшный день возмездья:
Задрожит земля и твердь,
И потушит все созвездья
Торжествующая смерть.
Мир исчезнет, как зарница
В полуночных небесах;
Все, что есть, нам только снится,
Вся природа – дым и прах!
Наши радости – мгновенны,
Как обманчивые сны,
Как в пучине брызги пены,
Как над морем блеск луны.
Все желания, как сети,
Как свеча для мотыльков:
Мы кидаемся, как дети,

За виденьем лживых снов.
Страсти, неги, наслажденья —
Никому и никогда
Не приносят утоленья,
Как соленая вода...
Что нам делать? Где спаситель?
Как защитника найти?
Бодизатва-Утешитель!
Пробил час, — пора идти!
В этот пламень необъятный
Мук, желаний и страстей
Ты, как ливень благодатный,
Слезы жалости пролей!..»
.....

1886

Дон Кихот

Шлем — надтреснутое блюдо,
Щит — картонный, панцирь жалкий...
В стременах висят, качаясь,
Ноги тощие, как палки.

Но зато как много детской
Доброты в улыбке нежной,
И в лице худом и бледном —
Сколько веры безмятежной.

Для него хромая кляча —
Конь могучий Росинанта,
Эти мельничные крылья —
Руки мощного гиганта.

Видит он в таверне грязной
Роскошь царского чертога,

Слышит в дудке свинопаса
Звук серебряного рога.

Санхо Панца едет рядом;
Гордый вид его серьезен:
Как прилично копьеносцу,
Он величествен и грозен.

В красной юбке, в пятнах дегтя,
Там, над кучами навоза, —
Эта царственная дама —
Дульцинея де Тобозо...

Страстно, с юношеским жаром,
Он толпе крестьян голодных,
Вместо хлеба, рассыпает
Перлы мыслей благородных:

«Люди добрые, ликуйте, —
Наступает праздник вечный:
Мир не солнцем озарится,
А любовью бесконечной...

Будут все равны; друг друга
Перестанут ненавидеть;
Ни алькады, ни бароны
Не посмеют вас обидеть.

Пойте, братья, гимн победный!
Этот меч несет свободу,
Справедливость и возмездье
Угнетенному народу!»

Из приходской школы дети
Выбегают, бросив книжки,
И хохочут, и кидают
Грязью в рыцаря мальчишки.

Аплодируя, как зритель,
Жирный лавочник смеется;
На крыльце своем трактирщик
Весь от хохота трясется.

И почтенный патер смотрит,
Изумлением объятый,
И громит безумье века
Он латинскою цитатой.

Из окна глядит цирюльник,
Он прервал свою работу,
И с восторгом машет бритвой,
И кричит он Дон Кихоту:

«Благороднейший из смертных,
Я желаю вам успеха!..»
И не в силах кончить слова,
Задышается от смеха.

Все довольны, все смеются
С гордым видом превосходства.
И никто в нем не заметит
Красоты и благородства.

Он не чувствует, не видит
Ни насмешек, ни презренья:
Кроткий лик его – так светел,
Очи – полны вдохновенья.

Смейтесь, люди, но быть может,
Вы когда-нибудь поймете,
Что возвышенно и свято
В этом жалком Дон Кихоте:

Святы в нем – любовь и вера,

Этой верою согреты
Все великие безумцы,
Все пророки и поэты!

1887

Жертва

У ясных волн священной Брамапутры
Проводит дни в молитве и посте
Божественный подвижник Усинара.
Однажды царь небес, могучий Индра
Отшельника задумал испытать.
Тогда в голубку Агни превратился,
И соколом за ней помчался Индра.
Но на груди подвижника святого,
Увидев в нем защиту от врага,
Дрожащая голубка приютилась;
Он бережно покрыл ее рукой
И ласково промолвил ей: «Не бойся!»
Но в тот же миг на каменный уступ —
Угрюм и мрачен – сокол опустился
И злобно крикнул: «По какому праву,
Могучий Усинара, ты дерзнул
Отнять мою законную добычу?» —
«Во имя милосердия и любви
Тому, кто слаб, я должен дать защиту» —
«Что значит милосердие и любовь?
В моем гнезде голодные птенцы
И день и ночь кричат: отец, дай пищи!
Лишив меня последнего куска,
Старик, ты предал их голодной смерти!» —
«Я дам тебе волшебные дворцы
И грудями камней драгоценных,
И золотом осыплю я тебя, —
Но, – видит Бог, – я выдать не могу

Гонимую, беспомощную жертву...»
Он говорил и старческой рукой
Любовно гладил белую голубку.
«Нет, Усинара, – грозно молвил сокол, —
К чему мне золото, к чему дворцы:
Я не отдам за них моей добычи.
Смерть – побежденным, сильным – торжество, —
Таков закон природы беспощадный.
Я голоден, не мучь меня, старик...
Мне надо теплого живого мяса!
Я требую, чтоб ты мне возвратил
Кусок, моей добыче равный весом.
И если ты не хочешь, чтоб погибла
Иная жертва – мяса для меня
Из собственной груди ты должен вырвать».
Но ласково морщинистой рукой
Отшельник гладил белую голубку,
Потом взглянул на сокола, и жалость
Ко всем живым, ко всем, кого томит
Нужда и голод, жалость кротким светом
Зажглась в его божественных очах,
Задумчивых и бесконечно добрых.
Он тихо молвил соколу: «Ты прав».
И острый нож он в грудь себе вонзил,
И вырезал кусок живого мяса,
И бросил соколу взамен добычи.
Но тот сказал: «Мы смерим на весах,
Чтоб был кусок голубке равен весом».
И повелел отшельник, и пред ним
Явился рой духов его служебных.
Тяжелые огромные весы
Они к скале гранитной прицепили,
И на одну из чашек голубь сел,
И на другую бросил Усинара
Кусок кровавый собственного тела.
Но чаша с голубем не поднялась.
Еще кусок он вырезал и бросил,

Потом еще, еще... и кровь струилась,
И не было на нем живого места:
Срывал он тело с бедер, с плеч, с груди
И все кидал, кидал на эту чашу,
Что неподвижно в воздухе висела.
Вся плоть его – зияющая рана,
Под ней в крови кой-где белеет кость,
А между тем в очах глубоко ясных —
Все та же необъятная любовь.
Он подошел к весам и покачнулся,
И навзничь грохнулся, но среди мук
Он упрекал себя за эту слабость,
Он говорил: «Позор, позор тебе,
О жалкое, бессмысленное тело!..
Иль мало я учил тебя страдать,
Томил постом, сушил полднем зноем...
Вперед, скорей, – конец твой недалек:
Еще одно последнее усилие!..»
Из лужи крови бодро он поднялся,
Приблизился к весам и в них вошел,
И чаша опустилась до земли,
И радостно к лазуревому небу
Спасенная голубка вознеслась.
Вздыхнул он и промолвил: «Как я счастлив!..»
И бледное прекрасное чело
Безоблачным блаженством просияло.

1886

Аллах и Демон
(мусульманское предание)

...В начале не было ни солнца, ни планет,
И над вселенною от края и до края,
Как вечная заря, могучий ровный свет
Без тени, без лучей горел, не угасая.

Как пыль разбитых волн, как смерч, как ураган
Над миллионами теснились миллионы
Бесплотных ангелов, и в светлый океан
Их огнекрылые сливались легионы.
Как в бурю грозный гул взволнованных лесов,
Гремело: «Свят, свят, свят!» – со всех концов вселенной,
И бездны вторили той песне вдохновенной.
Но вдруг над сонмами сияющих духов
Промчалась весть о том, что в недрах ночи темной
Задумал Бог создать какой-то мир огромный,
Каких-то маленьких, страдающих людей, —
Страдающих... увы, как мрачно, как сурово,
Каким предчувствием неведомых скорбей
На небе в первый раз звучало это слово!..
С поникшей головой, с покорностью в очах,
Полны томительным отчаяньем и страхом,
Безмолвно ангелы стояли пред Аллахом.
Когда же издали в испуганных рядах
Благоговейное промчалось: «Аллилуйя!»
Так стыдно в этот миг, так больно стало мне,
Что на Всевышнего восстал я, негодуя,
И ропот мой пред ним раздался в тишине;
Я видел в будущем обиды и страданья
Всех этих трепетных, беспомощных людей,
Я понял их печаль, я слышал их рыданья, —
И пламя жалости зажглось в груди моей.
Любовь великая мне сердце наполняла,
Любовь меня звала, – и я покорно шел,
На Всемогущего я рать мою повел
За мир, за бедный мир, и битва запылала...
И дрогнул в небесах сияющий престол —
Я говорил себе: отдам я жизнь мою,
Но жалкий мир людей создать я не позволю
И человечество пред Богом отстою!
О пусть я ныне пал, низверженный громами,
Пускай тройная цепь гнетет меня к земле
И грудь изрезана глубокими рубцами,

И выжжено клеймо проклятья на челе, —
Еще мой гордый дух в борьбе не утомился,
Еще горит во мне великая любовь,
И будущность – за мной, и я воскресну вновь, —
Я пал, но не сражен, я пал, но не смирился!
Не я ли пробудил могучий гнев в сердцах,
Не я ли в них зажег мятежный дух свободы?
Под знаменем моим собираются народы:
Я цепи их разбил, – и мир в моих руках!
Придите же ко мне, страдающие братья, —
И я утешу вас, и на груди моей
Найдете вы приют от Божьего проклятья:
Придите все ко мне, – я заключу в объятия
Моих измученных, обиженных детей!
Восстаньте, племена, как волны пред грозой,
Как тучи темные, наполним мы весь мир,
Необозримую, бесчисленной толпою
Покроем небеса и омрачим эфир.
Так много будет нас, что крики, вопли, стоны
Все гимны ангелов на небе заглушат, —
И язвы грешников им воздух отравят,
И в черной копоти померкнут их короны.
Дождемся, наконец, мы радостного дня:
И задрожит Аллах, и разобьет скрижали,
Поймет, что за любовь, за правду мы восстали,
И он простит людей, и он простит меня.
Как будут там, в раю, блаженны наши слезы,
Там братья-ангелы придут нас обнимать
И кровь из наших ран с любовью вытирать
Краями светлых риз, и пурпурные розы
С блестящих облаков на грешников кидать.
Как утренняя тень, исчезнет наше горе,
И небо, и земля тогда сольются вновь
В одну великую безгрешную любовь,
Как в необъятное сияющее море...

Сакья-Муни

По горам, среди ущелий темных,
Где ревел осенний ураган,
Шла в лесу толпа бродяг бездомных
К водам Ганга из далеких стран.
Под лохмотьями худое тело
От дождя и ветра посинело.
Уж они не видели два дня
Ни уютной кровли, ни огня.
Меж деревьев во мраке непогоды
Что-то там мелькнуло на пути;
Это храм – они вошли под своды,
Чтобы в нем убежище найти.
Перед ними на высоком троне —
Сакья-Муни, каменный гигант.
У него в порфировой короне —
Исполинский чудный бриллиант.
Говорит один из нищих: «Братья,
Ночь темна, никто не видит нас,
Много хлеба, серебра и платья
Нам дадут за дорогой алмаз.
Он не нужен Будде: светят краше
У него, царя небесных сил,
Груды бриллиантовых светил
В ясном небе, как в лазурной чаше...»
Подан знак, и вот уж по земле
Воры тихо крадутся во мгле.
Но когда дотронуться к святыне
Трепетной рукой они хотят, —
Вихрь, огонь и громовой раскат,
Повторенный откликом в пустыне,
Далеко откинул их назад.
И от страха все окаменело, —
Лишь один – спокойно величав —

Из толпы вперед выходит смело,
Говорит он богу: «Ты не прав!
Или нам жрецы твои солгали,
Что ты кроток, милостив и благ,
Что ты любишь утолять печали
И, как солнце, побеждаешь мрак?
Нет, ты мстишь нам за ничтожный камень,
Нам, в пыли простертым пред тобой, —
Но, как ты, с бессмертною душой!
Что за подвиг сыпать гром и пламень
Над бессильной, жалкою толпой,
О, стыдись, стыдись, владыка неба,
Ты воспрянул – грозен и могуч, —
Чтоб отнять у нищих корку хлеба!
Царь царей, сверкай из темных туч,
Грянь в безумца огненной стрелою, —
Я стою, как равный, пред тобою
И, высоко голову подняв,
Говорю пред небом и землею,
Самодержец мира, ты не прав!»
Он умолк, и чудо совершилось:
Чтобы снять алмаз они могли,
Изваянье Будды преклонилось
Головой венчанной до земли,
На коленях, кроткий и смиренный,
Пред толпою нищих царь вселенной,
Бог, великий бог лежал в пыли!

Эскизы

Легенда из Т. Тассо

Стальными латами одет,
Близ древних стен Иерусалима,
Как мощный лев, неустрашимо
Сражался доблестный Танкред.
Пред ним трепещут сарацины;
И поражая мусульман,
Мечом он гонит их дружины,
Как волны гонит ураган.
Уже рубцами вся покрыта
С крестом тяжелая броня,
И окровавлены копыта
Его могучего коня...
Как вдруг воитель незнакомый,
Наперевес копье подняв,
Отважным замыслом влекомый,
Вперед кидается стремглав.
С мольбой о помощи трикраты
Танкред Спасителя призвал
И сарацина шлем косматый
Железной палицей сорвал;
И что ж? рассыпалась кудрями,
Как златоструйными волнами,
Густая девичья коса,
Пред ослепленными очами
Открылась дивная краса,
Румянец отрочески нежный
И мрамор шеи белоснежной.
Клоринда, враг его жестокий,
Клоринду в ней он узнает,
Чье имя громко на Востоке, —
Неверных гордость и оплот.

Тяжелый меч, разить готовый,
Невольно рыцарь опустил.
И пред красавицей суровой
Благоговейно отступил.
Помочь Танкреду в бой кровавый
Из строя рыцарских дружин
Летит, исполнен жаждой славы,
Гьюскар, отважный палладин;
И над прелестной головою
С челом нежней эдемских роз
Он святотатственной рукою
Секиру тяжкую занес.
Но от смертельного удара
Танкред Клоринду защитил, —
Оружье пылкого Гьюскара
Он, негодуя, раздробил.
Коснулось шеи лебединой
Оно слегка, — и кровь на ней,
Как драгоценные рубины,
Зарделась в золоте кудрей.

Он поднял мрачное забрало —
И благородно, и светло
Любовью чистою дышало
Его открытое чело.

.....
Скажи, Клоринда, что с тобою,
Зачем ты медлишь оттолкнуть
Гяура с гордою враждою?
Ужель под медною броней
Трепещет любящая грудь?
Но вот, потупив взор лазурный,
Молчанье строгое храня,
Ты понеслась, как вихорь бурный,
Пришпорив быстрого коня.
В лучах полуденных сверкает,
Как из огня, доспех на ней,

И ветер ласково играет
С волнами вьющихся кудрей.

Не меч, не пролитая кровь, —
Ту битву грозную решила
Лишь красоты благая сила,
Миротворящая любовь.

Ноябрь 1882

Детям

Не под кровом золоченым
Величавого дворца,
Не для счастья и довольства,
Не для царского венца —
Ты в приюте позабытом
Вифлиемских пастухов
Родился – и наг, и беден, —
Царь бесчисленных миров.
Осторожно, как святыню,
В руки Мать его взяла,
Любовалась красотою
Безмятежного чела.
Ручки слабые Младенец
В грозно сумрачный простор
С беспредельною любовью
С лона Матери простер.
Все, что борется, страдает,
Все, что дышит и живет,
Он зовет в свои объятия,
К счастью вечному зовет.
И природа вострепелась,
Услыхав Его призыв,
И помчался ураганом
Бурной радости порыв.

Синева ночного неба
Стала глубже и темней,
И бесчисленные звезды
Засверкали ярче в ней;
Все цветы и все былинки
По долинам и лесам
Пробудились, воскурили
Благовонный фимиам.
Слаще музыка дубравы,
Что затронул ветерок,
И звучнее водопадом
Низвергается поток,
И роскошней покрывалом
Лег серебряный туман,
Вечный гимн запел стройнее
Безграничный океан.
Ликовала вся природа,
Величава и светла,
И к ногам Христа-Младенца
Все дары свои несла.
Близ пещеры три высоких,
Гордых дерева росли,
И, ветвями обнимаясь,
Вход заветный стерегли.
Ель зеленая, олива,
Пальма с пышною листвою —
Там стояли неразлучной
И могучею семьей.
И они, как вся природа,
Все земные существа,
Принести свой дар хотели
В знак святого торжества.
Пальма молвила, склоняя
Долу с гордой высоты,
Словно царскую корону,
Изумрудные листья:
«Коль злобой гонимый

Жестоких врагов,
В безбрежной равнине
Зыбучих песков,
Ты, Господи, будешь
Приюта искать,
Бездомным скитальцем
В пустынях блуждать,
Тебе я открою
Зеленый шатер,
Тебе я раскину
Цветочный ковер.
Приди Ты на отдых
Под мирную сень:
Там сумрак отрадней,
Там свежая тень».
Отягченная плодами,
Гордой радости полна,
Преклонилась олива,
И промолвила она:
«Коль, Господи, будешь
Ты злыми людьми
Покинут без пищи —
Мой дар Ты прими.
Я ветви радушно
Тебе протяну
И плод золотистый
На землю стряхну.
Я буду лелеять
И влагой питать,
И соком янтарным
Его наливать».
Между тем в унынье тихом,
Боязлива и скромна,
Ель зеленая стояла;
Опечалилась она.
Тщетно думала, искала —
Ничего, чтоб принести

В дар Младенцу-Иисусу
Не могла она найти;
Иглы острые, сухие,
Что отталкивают взор,
Ей судьбой несправедливой
Предназначены в убор.
Стало грустно бедной ели;
Как у ивы над водой,
Ветви горестно поникли,
И прозрачною смолой
Слезы капают обильно
От стыда и тайных мук,
Между тем как всё ликует,
Улыбается вокруг.
Эти слезы увидала
С неба звездочка одна,
Тихим шепотом подругам
Что-то молвила она,
Вдруг посыпались – о чудо! —
Звезды огненным дождем,
Елку темную покрыли,
Всю усеяли кругом,
И она затрепетала,
Ветви гордо подняла,
Миру в первый раз явилась,
Ослепительно светла.

С той поры, доньше, дети,
Есть обычай у людей
Убирать роскошно елку
В звезды яркие свечей.
Каждый год она сияет
В день великий торжества
И огнями возвещает
Светлый праздник Рождества.

Декабрь 1882

Из Горация
(II книга, XVIII ода)

Не блестит мой скромный дом
Золотыми потолками,
Нет слоновой кости в нем,
И над стройными столбами,
Что готовит богачам
Житель Африки далекой, —
Плиты мраморные там
Не покоятся высоко.
Мне в наследство не дадут
Твой чертог, о царь Азийский;
Мне рабыни не прядут
Нежный пурпур лаконийский.
Песен дар — вот мой удел,
А сокровище мне — лира;
С ней бедняк пленить сумел
Самодержцев полумира.
Здесь, в тиши сабинских нив,
Всем, что нужно, я владею,
И спокоен, и счастлив,
Больших благ просить не смею.
День за днем, за часом час
И за годом год уходит,
А безумец, суетясь,
Беспокойно жизнь проводит.
Неминуемый конец
Позабыв, прилежно строя
Пышный мраморный дворец, —
Он не ведает покоя.
Предприимчивости полн,
Побеждает он пучину,
Воздвигает против волн
Величавую плотину.

Он, корыстью ослеплен,
Не щадит межи соседней,
И жестоко хитит он
Бедняка кусок последний:
И, постигнутый бедой,
Унижением гонимый,
Тот бежит с детьми, с женой,
Покидает кров родимый.
А меж тем для всех людей
Нет вернейшего жилища,
Чем подземный мир теней,
Чем немая сень кладбища.
Где же цель людских трудов,
И на что мы тратим силы?
Властелинов и рабов
Не равно ли ждут могилы?
Даже мудрый Прометей
Обмануть не мог Харона;
Даже Тантала детей
Укрощает власть Плутона.
Смерть навек освободит
Угнетенного страдальца,
Успокоит, приютит
Утомленного скитальца.

1883

«В царстве солнца и роз я мечтал отдохнуть...»

В царстве солнца и роз я мечтал отдохнуть,
Здесь дышала легко беззаботная грудь...
Вдруг неслышно мелькнул бледный призрак за мной, —
Он мне в очи глядел, он кивал головой.
Наклонившись ко мне, стал он тихо шептать:
«Я с тобою, мой друг, я с тобою опять!..
Мне, угрюмой тоске, обречен навсегда,

Ты не в силах бежать от меня никуда:
День и ночь по следам я гналась за тобой —
В небесах – облачком, в море – грозной волной;
Я – подруга твоя, – и в объятьях моих
Охраню я тебя от лобзаний чужих:
Я, как черная мгла, как дыхание бурь,
Омрачу небеса и морскую лазурь!»

1883

Пир **Отрывок**

...Кончался пир, и утро приближалось.
В хрустальной вазе тихо умирал
Букет цветов от знойного угара,
И зеркала тускнели в дымке пара.
Над бархатом корсета выступал
Упругий очерк груди обнаженной,
И локоны с головки наклоненной
Покрыли чашу, падая на дно,
Как золото, в пурпурное вино.
В одеждах дам виднелся шелк измятый;
На канделябрах пламень почернел;
И яркий сок разрезанной гранаты,
Как кровь, на белой скатерти алел.
Ворвалось утро меж портьер тяжелых
И брызнуло холодной струей
Над рядом лиц насильственно веселых,
Над жалкой смертью оргии ночной...
И веера под нежным пухом скрыли
Стыдливый мрамор голого плеча,
И мы рукой невольно заслонили
Усталый взор от бледного луча...

Сон

Мне снилось – от резни чудовищного боя,
От крови, слез и мук бежал я в темный лес
Искать защиты и покоя
Под вечным куполом небес.

Здесь чудный полумрак таинственного храма,
Стволы уходят вдаль, как легкий ряд колонн,
Как сладким дымом фимиама,
Смолою воздух напоен.

И в говоре ветвей мне чудится порою
Благоговейный гул молящейся толпы,
И сыплют искры надо мною
Лучей широкие снопы...

Но вдруг в немой тени нарушил мир отрадный
И грозно прошумел могучий взмах крыла:
То ястреб – хищник кровожадный
Упал на жертву, как стрела.

Добычу он схватил железными когтями
И страшно медленно душил, и в тот же миг
Из дикой чащи под ветвями
Ко мне донесся чей-то крик.

И этот крик растет, от края и до края
Он наполняет мир тоскующей мольбой
И мчится к небу, замирая
В дали блестящей и пустой.

И ужасом тот крик мне душу потрясает.
А солнце между тем преступный темный лес
Невозмутимо озаряет

Лучами с праздничных небес.

Как храм, поруганный кровавым злодеяньем,
Безгрешной чистоты наружный вид храня,
О лес, торжественным молчаньем
Теперь ты страшен для меня!

Здесь, даже здесь, увы! нет мира и покоя:
Все та же предо мной и здесь, в глуши лесов —
Резня чудовищного боя
И злоба бешеных врагов!

1884

Предчувствие

Я знаю: грозный час великого крушенья
Сметет развалину веков —
Уродливую жизнь больного поколенья
С ее расшатанных основ, —
И новая земля, и новые народы
Тогда увидят пред собой
Не тронутый никем, – один лишь мир природы
С его немеркнувшей красой.
Таков же, как теперь, он был, он есть и будет,
Он вечно юн, как Божество;
И ни одной черты никто в нем не осудит
И не изменит ничего.
Величественный зал для радостного пира,
Для пира будущих людей,
Он медлит празднеством любви, добра и мира
Лишь в ожидании гостей:
Разостланы ковры лугов необозримых;
На вековом граните гор
Покоится в лучах лампад неугасимых
Небес сапфировый шатер;

И тень из опахал из перьев тучек нежных
Дрожит на зеркале волны,
И блещет алебастр магнолий белоснежных,
И розы нектаром полны,
И это все – для них: все это лишь убранство
Для торжества грядущих дней,
Где трапезою – мир, чертогами – пространство
Земли и неба, и морей.
И вот зачем полна природа для поэта,
На лоне кроткой тишины,
Едва понятного, но сладкого обета
Неумирающей весны.
И вот зачем цветы кадят свое куренье
Во мгле росистых вечеров,
И вот о чем гремит серебряное пенье
Неумолкающих валов.

1884

Искушение
Отрывок

Серебряной каймой очерчен лик Мадонны
В готическом окне, и радугой легло
Мерцание луны на малахит колонны
Сквозь разноцветное граненое стекло.
Алтарь и дремлющий орган, и купол дальний —
Погружены в таинственную мглу;
Лишь край мозаики в тени исповедальни
Лампаду отразил на мраморном полу.
Седой монах, перебирая четки,
Стоял задумчивый, внимательный и кроткий;
И юноша пред ним колена преклонил;
Потупив взор, он робко говорил:
«Отец мой, грех – везде со мною:
Он – в ласке горлиц под окном,

Он – в играх мошек над водою,
Он – в кипарисе молодом,
Обвитом свежеею лозою,
Он – в каждом шорохе ночном,
В словах молитв, в огне зарницы,
Он – между строк священных книг,
Он – в нежном пурпуре денницы
И в жгучей боли от вериг...
Порою череп брал я в руки,
Чтоб запах тленья и могил,
Чтоб холод смерти утолил
Мои недремлющие муки.
Но все напрасно: голова
В чаду кружилась, кровь кипела,
И греза на ухо мне пела
Безумно нежные слова...
Однажды – помню – я увидел,
Уснув в горах на склоне дня, —
Ту, что так страстно ненавидел,
Что так измучила меня.
Сверкало тело молодое,
Как пена в сумрачных волнах,
Все ослепительно нагое
В темно-каштановых кудрях.
Струились волны аромата...
Лежал недвижим я, как труп.
Улыбкой дерзких, влажных губ
Она звала меня куда-то,
Она звала меня с собой
Под полог ночи голубой:
«Отдашь ли мне ночное бденье,
Труды, молитвы, дни поста
И кровь распятого Христа,
Отдашь ли вечность и спасенье —
За поцелуй?..» И в тишине
Звучало вновь: «Отдашь ли мне?..»
Она смеялась надо мною,

Но брошен вдруг к ее ногам
Какой-то силой роковою,
Я простонал: «Отдам, отдам!..»
.....

1884

На Тарпейской скале

Ряды сенаторов, надменных стариков
С каймою пурпура на тоге,
И мрачный понтифекс в собрании жрецов
Стоят задумчивы и строги.
Кой-где центурион гарцует на коне,
И целым лесом копий медных
Когорты зыблются в чешуйчатой броне
Под грозный шум знамен победных;
И сонмом ликторов Марк Манлий окружен...
Но, мановеньем горделивым
Вниманья требуя, к толпе промолвил он
Перед зияющим обрывом:
«Прощай, родимая земля! в последний раз
Я шлю привет моей отчизне...
Не бойтесь, палачи: все кончено, – и вас
Молить не буду я о жизни.
Жить, разве стоит жить, когда – всемогущ мрак,
И вечно грудь полна боязни,
И душно, как в тюрьме, и всюду, что ни шаг, —
Насилья, трупы, кровь да казни...
Пришел и мой черед; но пусто и мертво
В потухшем сердце: вашей власти
В нем нечего казнить, – народ, возьми его,
Возьми и разорви на части!..»
Так Манлий говорил, и грустный долгий взор
Сквозь дымку полдня золотого
Он обратил туда, в сияющий простор,

На ленту Тибра голубого,
На солнце и луга, на волны и цветы...
Толпою резвою со свистом
Мелькнули ласточки с лазурной высоты,
Чтоб утонуть в эфире чистом;
Очами скорбными их Манлий проводил...
У ног его немой и дикий
Утес в расщелине любовно приютил
Цветок малиновой гвоздики;
И, все забыв, глядел страдалец на него —
Почти без мысли и сознанья —
В минуту грозную, не помня ничего,
Ловил струю благоуханья...
Но палачи к нему приблизились в тот миг;
Он их отталкивает гордо
И к пропасти идет, спокоен и велик,
Идет бестрепетно и твердо, —
И ропот ужаса пронесся над толпой...
.....

1884

Юбилей А. Н. Плещеева

Растет полночный мрак, и душит нас темница;
В цепях влачатся дни без веры, без надежд,
И над развенчанной поэзией плумится
Толпа бессмысленных невежд...
Но в этой мертвой мгле высоко перед нами
Под серебристыми кудрями
Твой благородный лик так ярко озарен,
Так кротко светится последними лучами
Иных прекраснейших времен.
Ты дорог нам за то, что не одним лишь словом,
Но всей душой своей, всей жизнью ты поэт,
И в эти шестьдесят тяжелых долгих лет —

В глухом изгнании, в бою, в труде суровом —
Ты чистым пламенем повсюду был согрет.
Но знаешь ли, поэт, кому ты всех дороже,
Кто горячее всех привет тебе пошлет?
Ты лучший друг для нас, для русской молодежи,
Для тех, кого ты звал: «Вперед, вперед!»
Своей пленительной глубокой добротой,
Как патриарх, в семью ты нас объединял, —
И вот за что тебя мы любим всей душою,
И вот за что теперь мы подняли бокал!

1885

Альбатрос *(Из Бодлэра)*

Во время плаванья, когда толпе матросов
Случается поймать над бездною морей
Огромных белых птиц, могучих альбатросов,
Беспечных спутников отважных кораблей, —

На доски их кладут: и вот, изнемогая,
Труслив и неуклюж, как два больших весла,
Влачит недавний царь заоблачного края
По грязной палубе два трепетных крыла.

Лазури гордый сын, что бури обгоняет,
Он стал уродливым и жалким, и смешным,
Зажженной трубкою матрос его пугает
И дразнит с хохотом, прикинувшись хромым.

Поэт, как альбатрос, отважно, без усилия,
Пока он – в небесах, витает в бурной мгле;
Но исполинские, невидимые крылья
В толпе ему ходить мешают по земле.

1885

«Там, в глубине задумчивой долины...»

Там, в глубине задумчивой долины,
Когда вечерний мрак струился надо мной
И кленов темные вершины,
Полны таинственной кручины,
Шумели трепетной листвою,
На камне гробовом прочел я эти строки:
«Невозмутим мой сон глубокий
Под этой тенью вековой».
И я задумался в немом уединенье:
Усопший брат, ты мне напомнил о себе,
Твой сон, твой вечный сон я понял на мгновенье
И смерть благословил, завидуя тебе...
И долго я стоял, и клены уронили
Увядавшие листья, как слезы, надо мной,
И старые дубы качали головой
И тихо, тихо говорили:
«Как сладко дремлется в могиле
Под нашей тенью вековой...»

1885

**Изображение на щите Ахиллеса
(Отрывок)**

На взморье голубом, как спящие дельфины,
Качают корабли изогнутые спины.
Под звуки нежных флейт в блестящий храм ведут
Телицу белую, венчанную цветами;
И старцы кроткие, любимые богами,
В свободном агора свершают мирный суд.
В толпе кудрявых дев, волнистый лен мотая,
У светлых очагов шумят веретена,

И юноши поют, в точиле выжимая
Из гроздий наливных багряный сок вина.
И дискос, брошенный искусною рукою,
В палестре мраморной на плитах прозвенел;
И в мягком воздухе божественной красою
Сверкают мускулы нагих, могучих тел.

.....

1885

Смерть Клитемнестры

По закону родовой мести Орест и Электра, дети Клитемнестры, должны убить свою мать, чтобы отомстить за своего отца Агамемнона, умерщвленного Клитемнестрой.

(Мотив из Эврипида)

Хор

Вот оно, роковое возмездие:
Налетит ураган, пошатнется чертог!
Ты погиб, Агамемнон, мой царь —
В тихий сладостный час омовения
Там, под мраморным сводом дворца...
Не своей ли рукой, Клитемнестра-изменница,
Занесла ты секиру преступную
Над безвинным супругом твоим,
Возвращенным под стены Микенские.
Ты свершила над жертвою
Злодеянье кровавое!

Клитемнестра *(из глубины дома)*

О сжальтесь, дети, сжальтесь вы над матерью!..

Хор

Зловещий крик!

Клитемнестра

О горе, горе мне!

Хор

Погибнешь ты от рук детей своих:
Ужасны боги в гневе праведном,
И ты заплатишь мукой смертною
За смертный час тобой убитого.
Идут, идут они из дома скорбного,
Обрызганы горячей кровью матери.
Нет в мире горя – больше горя вашего,
Многострадальные потомки Тантала!

Электра

Плачь, брат мой, плачь! во всем моя вина:
С какою злобой надругалась я
Над беззащитной матерью!
Убитая, несчастная,
Так вот чего дождалась ты
От нас, от рук детей своих,
Так вот, чего он требовал,
Закон возмездья праведный!

Орест

Жестокий Бог, свершилось то,
Чего вовеки не было,
О чем подумать страшно мне:
Одним дыханием
Ты стер с лица земли
Весь род наш царственный.
О кто же, кто мне даст убежище,
Кто взглянет мне в лицо, убийце матери,
Без ужаса, без трепета?..

Электра

Увы, мой брат, куда бежать,
Куда склонить нам голову?
Войдем ли мы на светлый пир, —
Толпа гостей бежит от нас,
Войдем ли мы под мирный кров, —
Внесем с собой проклятие!

Орест

Еще за миг с безумной яростью
Сама меня толкала ты
На это дело мрачное, —
И вот теперь рыдаешь в ужасе!
Смотри, несчастная,
Смотри, как мать твоя,
Пред нами падая,
С груди одежды рвет...
О тяжко, тяжко мне! Сестра, ты помнишь ли,
Как эти члены жалкие, бессильные,
Дрожа, влачили по земле у ног моих?
Меня душили слезы жгучие;
Она ланит моих
Коснулась пальцами холодными,
И тихим голосом

Родная молвила:
«О сын, мой милый сын!»
И обвила мне шею ласково,
И выпал меч из рук моих.
Закрыв глаза, набросив плащ на голову,
Я вновь схватил оружие,
Потом мне только помнится,
Как под рукой неверною
Клинок вонзался медленно
Во что-то трепетное, нежное...
Сестра, сестра, то было тело матери!

Электра

Тебе шептала я,
Чтоб ты скорей кончал,
И твой дрожащий меч
Сама направила,
Сама рукой своей!

Орест

Молчи, молчи... Нет больше сил
Внимать напрасным жалобам.
Возьмем же труп страдальцы,
Вскормившей нас, убийц своих,
Чтобы кровь из ран зияющих
Омыть слезами жгучими...
Так вот, чего он требовал,
Закон возмездья праведный!

Смерть Надсона

(читано на литературном вечере в память С. Я. Надсона)

Поэты на Руси не любят долго жить:
Они проносятся мгновенным метеором,
Они торопятся свой факел потушить,
Подавленные тьмой, и рабством, и позором.
Их участь – умирать в отчаянье немом,
Им гибнуть суждено, едва они блеснули,
От злобной клеветы, изменнической пули
Или в изгнании глухом.

И вот еще один, – его до боли жалко:
Он страстно жить хотел и умер в двадцать лет.
Как ранняя звезда, как нежная фиалка,
Угас наш мученик-поэт!
Свободы он молил, живой в гробу метался,
И все мы видели – как будто тень легла
На мрамор бледного, прекрасного чела;
В нем медленный недуг горел и разгорался,
И смерть он призывал – и смерть к нему пришла.
Кто виноват? К чему обманывать друг друга!
Мы, виноваты – мы. Зачем не сберегли
Певца для родины, когда еще могли
Спасти его от страшного недуга.
Мы все, на торжество пришедшие сюда,
Чтобы почтить талант обычною слезою, —
В те дни, когда он гас, измученный борьбою,
И жаждал знания, свободы и труда,
И нас на помощь звал с безумною тоскою,
Друзья, поклонники, где были мы тогда?..
Бесцельный шум газет и славы голос вещей, —
Теперь, когда он мертв, – и поздний лавр певца,
И жалкие цветы могильного венца —
Как это все полно иронии зловещей!..

Поймите же, друзья, он не услышит нас:
В гробу, в немом гробу он спит теперь глубоко,
И между тем как здесь все нежит слух и глаз,
И льется музыка, и блещет яркий газ, —
На тихом кладбище он дремлет одиноко
В глухой, полночный час...
Уста его навек сомкнулись без ответа...
Страдальческая тень погибшего поэта,
Прости, прости!..

1887

На даче

Шумит июльский дождь из тучи грозовой
И сеткой радужной на ярком солнце блещет,
И дачницы бегут испуганной толпой,
И летних зонтиков пурпурный шелк трепещет
Над нивой золотой...
А там, меж бледных ив с дрожащими листьями,
Виднеется кумач узорного платка, —
То бабы весело с разутыми ногами
Теснятся на плоту; и звучного валька
Удары по белью над ясными волнами
Разносит далеко пустынная река...

1887

Символы (Песни и поэмы)

*Alles Vergángliche
Ist nur ein Gleichnis...*

(Goethe. «Faust», II Teile).^[4]

*...И став Павел среди Ареопага, сказал: «Мужи
Афиняне, по всему вижу, что вы благочестивы.
Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я
нашел жертвенник, на котором написано:
Неведомому Богу. Сего-то, которого вы, не
зная,
читите, я проповедую вам».*

(Деяния Апостолов. XVII, 22, 23).

Бог

О, Боже мой, благодарю
За то, что дал моим очам
Ты видеть мир, Твой вечный храм,
И ночь, и волны, и зарю...
Пускай мученья мне грозят, —
Благодарю за этот миг,
За все, что сердцем я постиг,
О чем мне звезды говорят...
Везде я чувствую, везде
Тебя, Господь, – в ночной тиши,
И в отдаленнейшей звезде,
И в глубине моей души.
Я Бога жаждал – и не знал;
Еще не верил, но, любя,
Пока рассудком отрицал, —
Я сердцем чувствовал Тебя.
И ты открылся мне: Ты – мир.
Ты – всё. Ты – небо и вода,
Ты – голос бури, Ты – эфир,
Ты – мысль поэта, Ты – звезда...
Пока живу – Тебе молюсь,
Тебя люблю, дышу Тобой,
Когда умру – с Тобой сольюсь,
Как звезды с утренней зарей;
Хочу, чтоб жизнь моя была
Тебе немолчная хвала,
Тебя за полночь и зарю,
За жизнь и смерть – благодарю!..

Смерть

(Петербургская поэма)

Первая песнь

I

Анакреон подняв свой кубок,
Склонив на грудь румяный лик,
Бывало пел любовь голубок,
Венчанный розами старик.
И ты в приюте муз и граций,
Беспечно дни провел, Гораций:
Певцы, не ведая забот,
Свой мед, как пчелы, собирали.
И был отраден их восход,
Закат блаженный – без печали.
Так жил, вдали от всех тревог,
Художник древности, как бог.

II

Бывало, в мирном кабинете,
И наши лирики могли
Хвалить, забыв про все на свете,
Красоты неба и земли...
Теперь совсем иное время:
Поэтов ветренное племя
Железный век поработил
Царит над нами муза гнева,
И стих унылый сердцу мил.
Веселья прежнего напева,
Друзья, не требуйте от нас...

Но с Богом в путь: начну рассказ...

III

Наш город скучный и холодный
В стихах задумчивых пою,
Наш Север мрачный и бесплодный
Отчизну бедную мою.
В огромном Невском и Литейной,
В их красоте прямолинейной,
В Неве, закованной в гранит, —
Есть дух суровый. Город бедный,
Не даром над тобой царит
На глыбе камня Всадник Медный:
Ты полон страха и тоски —
Под грозным манием руки

IV

Петровой! В городе туманном,
В громадах улиц – мысль одна,
Как луч в кристалле многогранном,
Кругом везде отражена,
В холодном бледном небосводе,
И в этой северной природе
Таится кроткая печаль:
Когда пляжу на мрачный Невский,
На отуманенную даль, —
Твоих героев, Достоевский,
Припоминаю. Русский дух
И здесь, быть может, не потух.

V

И здесь не дремлет в людях совесть,
И здесь на лицах молодых
Я иногда читаю повесть
Страданий гордых и немых.
Люблю смотреть, как негодует
Нева, лишь с запада подует
Могучий ветер. Синий лед
Лучами теплыми расколот;
К морям волна его несет...
Зато зимой в столице – холод,
И неподвижна, и мертва
Под снежным саваном Нева...

VI

Был час, когда сквозь дым душистый
Сигар, меж фруктов, на столе,
Под лампой блещет золотистый
Ликер в граненом хрустале,
Когда, минут не тратя даром,
Сидит за третьим самоваром
Чиновник бедный на Песках,
Зовет соперников для винта
Хозяин с картами в руках,
Когда в проходах лабиринта
У мрачных театральных касс
Шумит толпа и блещет газ.

VII

А за Невою, сном объятый,
Огромный ряд домов почил;
На крышах снег голубоватый
Холодный месяц озарил.

И он печальным, робким взором
Сквозь окна с ледяным узором
В большую комнату проник,
И бледный луч упал на стклянки,
На груды атласов и книг,
На микроскоп, реторты, банки...
И романтическая луна
Глядит на все, удивлена:

VIII

Не лепестки цветущих лилий,
Не розы, – тихий, лунный свет
Посеребрил под слоем пыли
Анатомический скелет.
Сидит хозяин в креслах. Рядом
С лицом румяным, с умным взглядом
Холодных глаз – веселый гость.
Он зажигает папиросу
И говорит: «Послушай, злость
Бесцельна. Глупому вопросу
Ты придаешь трагизм. Поверь,
Гони природу нашу в дверь —

IX

Она в окно войдет. Мой милый,
Ты жил в ученой келье, страх
Пред миром чувствуя, унылый
И нелюдимый, как монах.
Но первый пыл девичьей ласки,
Лукавый смех, живые глазки, —
И как Борис мой ни умен,
Он – слеп, он потерял рассудок,

Готовь, Бог весть в кого – влюблен,
Писать в гирлянде незабудок,
В альбоме, полном чепухи,
Сентиментальные стихи!

X

Отдайся чувствам мимолетным,
Пока не поздно, и живи
Эпикурейцем беззаботным,
Как я, не ведая любви,
Меняя женщин для забавы:
Они – капризны и лукавы.
Слегка внимательно ко всем,
Пусть сердце, прихоти послушно,
Для них не жертвуя ничем,
Им изменяет равнодушно:
Тогда, без тягостных оков,
Ты будешь весел и здоров!..»

XI

Но наш герой с улыбкой грустной
Сказал товарищу в ответ:
«В делах любви – ты врач искусный,
Я принимаю твой совет.
Со мною делай что угодно!..
О, только б вновь дышать свободно.
И быть здоровым!.. Сознаю,
Что страсть комична и нелепа,
Стыжусь, и все-таки люблю,
Я против логики и слепо,
Не знаю, сам за что!..» Он встал

И гневом взор его блистал.

XII

«Нет, власть любви должна наука
В сердцах людей искоренить!..
Когда б ты знал, какая мука
Быть вечно в рабств: погубить
Нас может первая девчонка...
В руках неопытных ребенка —
Судьба моя!.. О, сколько раз,
Когда мне знание открывало
Свой мир в полночный, тихий час,
И пламя спирта согревало
Стекло звенящее реторт, —
Я был так радостен и горд!

XIII

Меж книг и банок запыленных,
В лаборатории – один,
Стихий, умом поработанных,
Я был в то время властелин.
Теперь – я раб! Какая сила
Мой ум и волю победила?
Любовь!.. От предков дикарей
Я получил ее в наследство, —
Для размножения людей
Природы выгодное средство...
Слепая, глупая любовь!..»
Но гость его утешил вновь:

XIV

«Исполни мой совет разумный.
С тобою вместе проведем
Мы эту ночь»... В Орфеум шумный
Они поехали вдвоем,
Пока вдоль сумрачной Фонтанки
Влачатся медленные санки,
И в блеске звезд глубоких и тих,
Над ними неба синий полог, —
Позвольте вам представить их:
Борис Каменский – физиолог,
Веселый друг его – Петров —
Один из модных докторов,

XV

Печально люстры в душном зале
Кутил полночных сквозь туман
И лица женщин озаряли
Под слоем пудры и румян...
Табачный дым и запах пива...
Мелькают слуги торопливо;
Скучая, медленно вокруг
Гуляют пары. Здесь не редки
Скандалы... Монотонный звук
Какой-то глупой шансонетки,
Разгул и смех... Порой бокал
В азарте пьяный разбивал.

XVI

Стыдливый мальчик, тих и робок,
Сюда идет в шестнадцать лет,
В чаду вина, под звуки пробок
Он узнает любовь и свет.

Сюда идет старик почтенный,
Под ношей долгих лет согбенный...
Петров наш весел и умен,
Как на пиру горацианском.
Его приятель возмущен:
Не много прелести в шампанском
Он находил. Покинув зал,
На вольный воздух он бежал.

XVII

Нет! Идеал эпикурейский
Его тоски не победить:
Забыв о пошлости житейской,
Он в небо вечное глядит.
Там, в синеве морозной ночи,
Мерцают звезд живые очи...
Хотя насмешливо он звал
Свою любовь сентиментальной,
Все ж имя Ольги повторял
С улыбкой нежной и печальной;
Как робкой девушки мечта,
Была любовь его чиста.

XVIII

Познанья жаждою томимый,
Читал он с детства груды книг,
Позитивист неумолимый,
Огюста Конта ученик,
Старался быть вполне свободным
От чувств, научным и холодным.
Как равнодушно он внимал
Людскому ропоту и стонам!

Порывы сердца подчинял
Математическим законам.
Пред ним весь мир был мертв и нем,
Как ряд бездушных теорем

XIX

В неуловимых переходах
Мы подражаем без труда
Европе в галстуках и модах,
И даже в мыслях иногда:
Боготворим чужое мнение,
И, в благородном увлеченье,
Не отделив от правды ложь,
Мы верим выводам заранее,
Так в наше время молодежь
Пленяет Спенсер. Англичане
Над нею властвуют: закон
Твоя наука, Альбион!

XX

Наш юный друг – в стремленьях вечных,
В живых созданиях веков,
В порывах духа бесконечных —
Самонадеян и суров —
Старался видеть только бредни
Пустых мечтателей: последний
Он вывод знания принимал.
От всех покровов и загадок
Природу смело обнажал,
Смотрел на мировой порядок
В одну из самых мрачных призм —

Сквозь безнадежный фатализм.

XXI

Меж тем в очах его не даром
Порою вспыхивала страсть:
Напрасно, полн сердечным жаром,
Он отрицал над нами власть
Того, что ум понять не может,
Что сердце мучить и тревожить,
Он знал поэтов, говорил,
Что их читает от безделья,
А втайне искренне любил;
И много милого веселья,
И много нежной доброты
Таили гордые черты.

XXII

Есть домик бедный и старинный
На Петербургской стороне —
Дворец Петра. Теперь, пустынный,
Он дремлет в грустной тишине.
Там образ Спаса чудотворный:
Лик Византийский, – древний, черный...
Тарелку с деньгами дьячок
В часовне держит. Поп усталый
Поет молебны – старичок
Седой, под ризой обветшалою.
Огни таинственных лампад
И свечи яркие горят...

XXIII

Полно страданья неземного,
Чело Христа еще темней —
Среди оклада золотого,
Среди блистающих камней, —
Остался Он таким же строгим,
Простым и бедным, и убогим.
Мужик, и дама в соболях,
И баба с Охты отдаленной
Здесь рядом молятся. В очах
У многих слезы. Благовонный
Струится ладан. Лик Христа
Лобзают грешные уста.

XXIV

Под длинной, черною вуалью
В толпе, прекрасна и бледна,
Стояла девушка, печалью
И умилением полна.
Покорно сложенные руки,
Еще слеза недавней муки
В очах смиренных... взор глубок,
И просты темные одежды,
Кидают тень на мрамор щек
Ее опущенные вежды.
И пред иконой золотой
Она склоняется с мольбой.

XXV

Пока Борись, в тоске мятежной,
Пытался тщетно позабыть
Свою любовь и первый, нежный
Ее росток в душе убить,

Чтоб как-нибудь насмешкой злобной
От этой страсти неудобной
Освободиться поскорей,
Ей не пожертвовав ученой
Карьерой будущей своей, —
В то время Ольга пред иконой
В толпе молилась за него;
И, зная друга своего,

XXVI

Предвидела борьбу, мученья
И много жертв, и много слезь...
Полна глубокого смиренья,
Она пришла к тебе, Христос,
Чтоб укрепить свой дух молитвой
Пред этим подвигом и битвой:
Ее на труд благослови!
Она у грозного преддверья
Своей безрадостной любви,
Страданья ждет, полна доверья,
И только молит силы дать
Его любить и с ним страдать...

XXVII

Но я уж слышу, критик строгий,
Твой недоверчивый вопрос:
Зачем, свернув с прямой дороги,
В свою поэму автор внес
Нежданно стиль религиозный?
О, наших муз диктатор грозный,
Ты хмуришь брови. Милый друг,
И я, как ты, в сомненьях грешен,

Я разделяю твой недуг,
И я безверьем не утешен,
Богов неведомых ищу
И верить в старых не хочу.

XXVIII

Как ты, я шел в огонь сражений
За мыслью гордою вослед.
Познал всю горечь поражений
И все величие побудь!
Как ты, я маски ненавижу...
Но тех презреньем не унижу,
Кто верить с доской простотой...
Свою скептическую шутку
Оставь, читатель дорогой,
И будь добрее к предрассудку,
Чуждая слабости пойми:
Не смейся, брать мой, над людьми!

XXIX

О, я завидую глубоко
Тому, кто верить всей душой:
Не так в нем сердце одиноко,
Не так измучено тоской
Пред неизбежной тайной смерти:
Друзья, кто может верить, верьте!..
Нет, не стыдитесь ваших слез,
Святых молитв и откровений:
Кто бремя жизни с верой нес,
Тот счастлив был среди мучений.
А мы... во всех дарах земли

Как мало счастья мы нашли!

XXX

Жила у тетки старой Оля.
Их дом – над царственной Невой.
Там – скука, роскошь и неволя,
И вечный холод ледяной.
Там тетка – в платьях черных, длинных,
В покоях важных и пустынных.
Пред нею – в страхе целый дом.
Но с умиленными очами
И бледным, набожным лицом
Неслышно тихими шагами
По мрачным комнатам весь день
Старуха бродит, словно тень.

XXXI

Едва услышит имя Бога,
Подымет взор свой, полный слезь...
Она курила очень много
Душистых, тонких пахитос:
Редсток любил ее, конечно.
Всегда жалея бесконечно
Овец заблудших и слепых,
В своих палатах в воскресенье
Она устроила для них
Душеспасительное чтение;
И чай носил в кругу гостей
Во фраке сумрачный лакей.

XXXII

И томно тетушка вздыхала.
Каких-то светских дураков
И старых дев она собирала
Для этих модных вечеров;
Но до меня дошли известья:
У тетки два больших поместья.
Она в имении родном,
Полна глубокого искусства,
Была практическим дельцом, —
Забыв евангельские чувства;
И обирала мужика
Порой не хуже кулака.

XXXIII

Отвергнув ложные мечтанья,
Ценила в подданных своих
Консервативные преданья
Времен блаженных, крепостных.
Но становилась либеральней,
Вернувшись из деревни дальней.
Порой умела тонко льстить
И обладала редким даром
Особам важным угодить
Филантропическим базаром.
Но ты, читатель, видел сам
В столице много этих дам.

XXXIV

Казалась Оленька послушной,
Немного скрытной иногда;
В красе холодной, равнодушной
В лице спокойном – ни следа

Мучений тайных и стыдливых.
Беседам лиц благочестивых
Она, головку наклонив,
Внимать с улыбкой безответной
Привыкла, злобу затаив.
Ей носит книги – плод запретный —
Угрюмый гимназист-кузен
В ее печальный, душный плен.

XXXV

Она их с жадностью читала
В своей постели по ночам,
Она молилась и мечтала
Идти в деревню к беднякам.
И, что с ней будет там – неясно,
Темно и все-таки прекрасно.
Великодушные мечты,
Вы так младенчески наивны
И все же полны красоты!
Она тоскует: ей противны
Весь этот мир холодной лжи, —
Великосветские ханжи...

XXXVI

Но завтра Ольга встанет рано, —
И снова английский урок,
Унылый lunch^[5], и фортепьяно,
И Летний сад. Враждебный рок
Стесняет в узкие границы,
О, дивы северной столицы,
Всю вашу жизнь!.. Холодный свет
Увидит Ольгу безмятежной,

Опять затянутой в корсет,
Чай разливающей небрежно
В прозрачный, матовый фарфор
Гостям, под легкий разговор.

XXXVII

«Красива, но горда без меры», —
О ней девицы говорят,
Находят мертвым кавалеры
Ее очей глубокий взгляд
Она, бесчувственной и строже
Кумира мраморного, в ложе
Внимает Фигнеру порой.
Ах, если б знали, сколько боли
Под этой гордой красотой
Таится в бедном сердце Оли,
Как ненавидит, гордый свет,
Она твой мертвый этикет!..

XXXVIII

Мгновенья отдыха так сладки:
У Ольги есть знакомый дом.
Одной столичной меценатки
С изящным вкусом и умом —
Салон немного эксцентричный,
Своеобразный, но приличный;
В нем – хаотический музей
Профессоров неинтересных,
И государственных мужей,
И литераторов известных,
И светских женщин, и актрис:

Там с Ольгой встретился Борис.

XXXIX

Любимец солнца, житель юга,
Тебе привычная весна
Мила, как старая подруга
Или законная жена.
А мы... минуты неги краткой,
Как у любовницы, украдкой
Спешим похитить у весны!..
Нам полдень заменяют свечи,
И мы шесть месяцев должны
Топить усердно наши печи.
И вдруг – лучи, тепло, лазурь,
И дождь, и гром весенних бурь!..

XL

О, только мы благоговеем
Пред каждой почкою лесной,
О, только мы ценить умеем
Лучи Авроры золотой!
На шумной улице столичной,
Прислонена к стене кирпичной,
Листвой пахучею шумит
Березка северная! Боже,
Ведь этот листик, что дрожит
Под ветром пыльным, нам дороже,
Чем все лавровые леса
И стран далеких чудеса!

XLI

Уж в рощи прилетели птицы,
Зазеленели острова;
Из ледяной своей темницы
Освобожденная Нева
На солнце блещет!.. Франт веселый,
Найдя, что душен мех тяжелый,
В ломбарде шубу заложил
И, моды ветреный любовник,
Костюм весенний обновил;
Но ходит опытный чиновник,
Не веря небесам родным,
В калошах, с зонтиком большим.

XLII

И даже ты улыбкой неба,
Лучом божественным согрет,
О, пасынок угрюмый Феба,
Пессимистический поэт!
Уже по Неве на пароходе,
Хотя б в елагинской природе
Взглянуть на первый вешний лист
Поехал и кассир из банка,
И офицер, и гимназист,
И в старой шляпке гувернантка:
Стремятся все поближе к ней,
К богине песен и лучей —

XLIII

К Весне!.. Тогда на «Стрелку» тайно
С подругой едет Ольга. Ждет
Ее Борис. Как бы случайно,
Они встречаются, и вот,

Назло благочестивой тетке,
Одни поехали на лодке...
Одни!.. Как сердце в ней дрожит
От чувства нового свободы,
Как дорог Ольге бедный вид
Родимой северной природы:
На взморье – Лахта, корабли,
Кронштадт, дымящийся вдали,

XLIV

На горизонте – пароходы,
Тростник, желтеющая мель
Сквозь бледно-голубые воды,
А на Крестовском мох да ель
И сосен пни в болоте плоском...
Через воды слабым отголоском
Летят удары молотка
И чей-то крик с далекой топи,
И взмахи весел рыбака:
От этих звуков в небосклоне,
В лесах и водах – тишина
Еще яснее... Чуть волна

XLV

Плеснет... Полетом быстрой птицы
Встревожен воздух, и суров,
Как шум прибоя, гул столицы,
Вечерний звон колоколов...
А там, вдали – Елагин узкий,
Где – смехе и разговор французский
И в бледном небе – силуэт
Ограды с тонкими столбами,

Ряды колясок и карет
На солнце блещут фонарями.
Их лодка, веслами шурша,
Скользить по стеблям камыша...

XLVI, XLVII

Он говорил: «Мой друг, отлично
Я понял женщин: в них всегда
К тому, что ясно и логично,
Непримиримая вражда!
Не факт, не опытное знание —
Для них незыблемо преданье
И увлекательный обман:
Им нужно тайн!.. Дороже света —
Метафизический туман!
Но спорю тщетно; без ответа,
Вы, веру прежнюю храня,
Молчите, слушан меня!»

XLVIII

Она промолвила стыдливо:
«Простите, споров я боюсь!
И чем страдаю молчаливо,
Чему я сердцем отдаюсь, —
О том я говорить не смею,
Стыжусь и как-то не умею...
Вы побеждаете мой ум,
Не победив сердечной муки
И жажды вперить»... Он угрюм
И злобен: «предпочесть науке —
Нелепость, сказки дикарей,

Заветы тетушки своей!..»

XLIX

Она в ответе: «Как вы неправы!
Да разве жизнь моя – не ад?..
О, эти речи, эти нравы,
Благочестивый маскарад!
У них в душе – ни капли веры,
Они – лгуны и лицемеры!..
Для них религия – ступень
К чинам, к богатству!.. Я их вижу
И знаю, мучусь каждый день...
Я больше вас их ненавижу!..» —
Чему ж вы верите?..» – «Чему?..
Я верю сердцу моему!

L

Когда я в небо голубое
Смотрю с доверием как сейчас, —
Я знаю – что-то есть родное
И что-то любящее нас.
Я верю с простотой, как дети, —
Мы не совсем одни на свете:
Молитвы наши долетят
К тому, кто страдает горю!..
Вот – все. А догматы, обряд...
Мне все равно, о них не спорю:
О, друг мой, жалки все слова, —
Не мысль, любовь моя права!

LI

Того, что мне во мраке светит,
Не отнимай, не прекословь:
Я знаю, – кто-то мы ответит
Любовью на мою любовь...
Я знаю, – кто-то в мире слышит,
Как сердце бьется, травка дышит...
Он – там, в далеких небесах,
Он – здесь и на земле, меж нами,
В моей любви, в моих очах,
Моими грешными устами
С тобой Он говорит теперь:
«Будь проще, полюби, поверь!»»

ЛII

И очи, полные слезами,
Горят, и все, чего она
Не может выразить словами,
Договорила тишина.
Скользить их медленная лодка...
И вопросительно, и кротко —
Молчанье неба и земли.
Заря, тростник над влагой спящей,
Волна, плеснувшая вдали,
И первый луч звезды дрожащей —
Все шепчет нежные слова:
«Будь проще, верь, – она права!»»

ЛIII

И Ольга, взяв тихонько руку
Бориса, ждать... Но тщетно: скрыв
В своей душе любовь и муку,
Он не ответит на призыв...

И вместо счастья – в сердце злоба.
О, как они страдали оба!
Великой, детской веры пыль
Он только мыслью гордой мерил,
Он сердца сердцу не открыл,
Не полюбил и не поверил.
Тот миг умчался без следа:
Он не вернется никогда.

Песнь вторая

I

О Смерть, тебя пою! Ликует
Мучитель слабых; бич – в руках.
А жертва плачет и тоскует:
И люди мнят: на небесах —
Возмездья нет. Но ты предстанешь,
Освободительница, взглянешь
Ты в час возмездья роковой
Злодею в очи строгим взором, —
И как он жалок пред тобой,
Как полон страхом и позором!

.....

II

.....
Пусть тлеет, что достойно тленья!
От твоего прикосновенья
Народы, как цветы долин
Под вихрем снежным, увядают;
Но вечно молод дух один:
Когда все листья опадают,

Зеленый лавр еще свежей —
В холодном блеске зимних дней!

III

Блажен, кто смерть улыбкой встретит,
Как воин – доблестную брань,
Кто на призыв ее ответит,
Подав ей дружескую длань.
Так, выпив яд, учитель строгий,
Сократ, без горя и тревоги,
Благословив учеников,
Одежду на главу накиннул
С последним звуком мудрых слов,
И мир наш радостно покинул,
И для него была светлый
И легче смерть, чем сон детей...

IV

Но мы – без веры в человека,
Без веры в Бога мудрецы,
Вполне практического века
Благоразумные дельцы, —
С каким лицом, с какой душою
Пред неподкупным Судиею
Предстанем мы? Иль, как роса,
Исчезнет весь наш род мгновенный, —
Лишь ты взойдешь на небеса,
О солнце правды, Бог вселенной...
И проклянет наш поздний внук
Сей век насилья, полный мук.

V

А ты, слепой законодатель
Литературных, пошлых мод,
Всегда насмешливый читатель,
Ты чужд сомнений и забот:
О смерти думать – вот охота!..
Ты полон мелкого расчета,
Ты полон глупой суеты.
Но мы должны о тьме могильной,
Чтоб, наконец, проснулся ты,
Напоминать тебе насильно,
Пока для правды не утих
В устах певца свободный стих!

VI

Нам смерть, как в тучах – проблеск неба,
Издалека приносить весть,
Что, кроме денег, кроме хлеба,
Иное в мире что-то есть.
Когда б не грозная могила,
Как самовластно бы царила
Несправедливость без конца,
Насилье, рабство и гордыня,
Как зачерствели бы сердца!..
Тебе, о грозная богиня,
Тебе несю к подножью ног
Сплетенный музою венок!

VII

Вернемся к повести. Все лето
В деревне Ольга провела.

В глуши лесов, вдали от света
Любовь печальная росла
И крепла. Ей Борис сначала
Писал; потом не получала
Она ни строчки и от мук,
От слез едва не заболела;
Вернулась в Петербург... и вдруг —
Письмо!.. Взяла его несмело,
Решиться долго не могла
Порвать конверт... Потом прочла:

VIII

«Простите мне мое молчанье.
Не мало дней прошло с тех пор,
Как в длинных письмах о свиданье
Я вел беспечный разговор.
Все изменилось: я был болен...
Никто в судьбе своей не волен.
Я жалких слов не выношу
И ненавижу стиль любовный, —
Все ж именем любви прошу,
Прошу вас – будьте хладнокровны!
Расстаться мы должны навек:
Вам пишет мертвый человек.

IX

Люблю вас, но мой ум, как прежде,
Правдив, логичен и суров:
Не верю никакой надежде
И знаю лучше докторов,
Что смерть – недалеко. Спокойно
Я жду, и, право, недостойно —

Себя обманывать: к чему?
Смиренье облегчает муки,
Я верю знанию моему
И, предан до конца науке,
Умру я в мирной тишине:
Не приходите же ко мне.

X

Не нужно. Меньше я страдаю
В уединенье. С жизнью связь
Порвав, я тихо умираю,
От всех надежд освободясь.
Что делать? Оба мы – несчастны!
Но утешения напрасны.
Спокойных, одиноких мук
Не увеличивайте бремя.
Как я, смиритесь: ваш недуг
Излечит молодость и время,
Любовь исчезнет без следа.
Прощайте, Ольга, навсегда».

XI

Рецепты, стеклянки из аптеки,
Под лампой ряд забытых книг...
Больной с усилием поднял веки;
Его усталый, бледный лик
Хранил печальную суровость.
Газетную, пустую новость
Ему рассказывал Петров,
Беспечный друг. Врачу неловко:
Он сам так весел и здоров.
С обычной докторской уловкой,

Приняв интимный, важный вид,
О пустяках он говорить.

XII

Но этот смех, но взор холодный,
Невозмутимое лицо,
И даже брюки, галстук модный,
На пальце розовом кольцо
Борис глубоко ненавидел,
Как будто в первый раз увидел
И понял друга своего.
Он, отвращения не скрывая,
Смотрел угрюмо на него.
Петров пощупал пульс, вставая:
«Ну, до свиданья, милый мой».
Тогда не выдержал больной:

XIII

«Я умереть хочу спокойно!
Мне надоела болтовня...
Игрой в участие недостойной
Зачем вы мучите меня?..»
Больного взор жесток и светел.
Но умный доктор не ответил:
Скорей в прихожую спешит,
Прервав неловкую беседу.
«Давно пора мне на визит...
Я завтра вечером заеду».
И, подавив притворный вздох,
Шепнул прислуге: «Очень плох».

XIV

Безмолвье комнату объемлет,
И близкие предметы вдаль
Уходят. За стеной – он внемлет —
Порой чуть слышится рояль.
Как странны, чужды эти звуки!..
Он взял с усильем книгу в руки,
Прочел две строчки... Все равно, —
Читать теперь уже не стоит:
Он книги разлюбил давно.
Его ничто не беспокоит...
Сквозь дымку смотрит он на все,
Впадая тихо в забытье...

XV

Но вдруг – звонок. Он встрепенулся.
Блеснула мысль: ужель она?
И сразу к жизни он вернулся,
Душа смятением полна...
Вошла, обвив его руками,
Еще холодными устами
Припала к трепетным устам...
Борис шептал: «Что это значит?..
Ты – здесь... Не верю я глазам!..
Ты, Ольга!..» Он смеется, плачет.
И смерти нет, недуг исчез,
И он здоров, и он воскрес!

XVI

Сидел в гостиной тетки важно,
В кругу внимательных гостей,

И говорил на «о» протяжно
Седой старик архиерей.
Когда племянница вернулась,
Старуха, молча, оглянулась
В свой черепаховый лорнет
И, бледность Ольги замечая,
Промолвила: «В мой кабинет
Прошу, зайдите после чая».
С флаконом спирта и платком,
С многозначительным лицом

XVII

Она ждала ее: «Вы смели
Уйти: признайтесь же – куда?»
– «К Каменскому. Не вижу цели
Скрывать...» – «Как, вы решились?..» – «Да».
– «Одна, без горничной!.. Прекрасно!..»
– «Меня удерживать напрасно:
Он болен, при смерти...» Но здесь
Покину сцену мелодрамы
И в двух словах открою весь
Расчет глубокий умной дамы:
Ей нужен Ольгин капитал,
Ее давно он привлекал.

XVIII

Старуха говорила много,
Упомянула этикет
И честь родной семьи, и Бога,
И «votre pauvre mère»^[6], и свет;
Была вполне красноречива,
Но, холодна и молчалива,

Ей внемлет Ольга: прежний страх
Исчез в душе ее бесследно.
Решимость строгая в очах,
Хотя лицо немного бледно,
Тиха, спокойна и светла,
Она в ответ произнесла:

XIX

«Ma tante^[7], я ложный стыд забуду,
Себя, быть может, погублю,
Пускай! К нему ходить я буду,
Так нужно: я его люблю!»
Старуха поднялась со стула
И с удивлением взглянула:
«Вы оскорбляете мой дом!..
Sortez!..»^[8] – указывает двери
Она с трагическим лицом,
Решась прибегнуть к строгой мере.
«Страшитесь Божьего суда!
Вы мне чужая навсегда.

XX

Я с вами больше незнакома;
Молиться буду я за вас,
Чтоб вам Господь простил... Из дома
Прошу вас выехать тотчас».
Она уходит, шлейфом длинным
Шурша по комнатам пустынным.
И Ольга собралась скорей:
Пошла к себе наверх украдкой,
Простилась с комнаткой своей,
С девичьей, старую кроваткой,

Связала в бедный узелок
Белье, две книги, образок

XXI

И вышла. К прежней гувернантке
Она извозчика взяла,
К старушке доброй, англичанке,
Что на Васильевском жила.
Во мраке улицы холодной,
Одна, в бобровой шубке модной,
Под белым шелковым платком
Она казалась очень странной
С своим несчастным узелком.
Печален ряд домов туманный
И фонарей дрожащий свет...
Но в сердце Ольги страха нет.

XXII

И шла к тому, кого любила,
Она, все прошлое забыв.
Откуда в ней – такая сила?
Откуда в ней – такой порыв?
Она ли не росла в теплице!
В благовоспитанной девице
Сказалась вдруг иная кровь,
Демократична и сурова.
О, русской девушки любовь,
Всегда на подвиг ты готова!..
Так силы девственной души
Уже давно росли в тиши...

XXIII

С больным сестрою милосердья,
Служанкой барышня была,
Сама, смеясь, полна усердья,
Варила суп и пол мела,
Все делала легко и смело
И с нежной строгостью умела
Улыбкой побеждать каприз;
Ее, не говоря ни слова,
Покорно слушался Борис...
В обитель мрачную больного,
Как утро вешнее, светла,
Она поэзию внесла.

XXIV

Теперь порядок в книгах, в целой
Фаланге стклянок, в чистоте
Подушки с наволочкой белой...
Следя за супом на плите,
Она с кухаркой подружилась,
И та в нее почти влюбилась.
Меняет Ольга простыни
Больного нежными руками,
А руки те в былые дни
Лишь в пальцах тонкими шелками
Умели шить, и нет при ней
Непоэтичных мелочей.

XXV

Борис не лгал, не лицемерил,
Он смерть предвидел; но, любя,

Как будто чуда ждал, не верил,
Еще обманывал себя:
В нем страх в борьбе с надеждой тайной...
Оставшись раз один случайно,
Держась рукой за шкаф, за стол
И стены, к зеркалу, пугливо
Он, озираясь, подошел,
И долго с жадностью пытливей
Смотрел, и сам себе чужим
Казался. Все, что было с ним, —

XXVI

Он понял вдруг, и, от испуга
Похолодев, с тоской в очах,
Печать смертельного недуга
Он узнавал в своих чертах...
Вдруг Ольга... «Что с тобой?..» В смущеньи
Остановилась на мгновенье.
Он отвернулся, покраснел.
Она прочла в лице больного
Весь ужас смерти. Посмотрел
Он с недоверием сурово,
К постели подошел и лег.
Но все ж в очах – немой упрек...

XXVII

Смутясь, они молчали оба.
Она не подымала глаз...
Дыханье смерти, – холод гроба
Меж них повеял в первый раз.
Он с непонятным раздраженьем
За каждым взором и движеньем

Смущенной Ольги наблюдал,
Но близость смерти неизбежной
Ловил намеки, избегал
Порывов искренности нежной.
Был рад, когда нашел предлог
И начал ссору, и не мог

XXVIII

Он победить в душе волненье:
«Я от людей давно ушел,
Чтоб умереть в уединенье...
Вы сами видите: я зол,
Жесток и мелочен... Вы правы, —
Вы трудитесь для Божьей славы!
Я понимаю вашу цель:
Вам хочется меня заставить
Поверить в Бога. Но ужель
И полумертвого оставить
Нельзя в покое? Даром сил
Не тратьте: я умру, как жил —

XXIX

Лишь с верой в разум!.. Вы молчите,
Но вам притворство не к лицу:
Я знаю, к Богу вы хотите
Вернуть заблудшую овцу.
Подумайте, какая мука,
Когда порой вы даже звука
Не произносите, – в глазах
У вас я мысль о Боге вижу.
О, этот детский глупый страх
От всей души я ненавижу!..

Прошу вас, уходите прочь, —
Вы мне не можете помочь!..»

XXX

Ее в порыве злобы бурной
Он с наслаждением мучил, мстил,
Бог весть, за что: «Уйди, мне дурно...» —
Он слабым голосом молил.
Она в отчаянье уходит,
По городу без цели бродит;
Светло; но в тусклых фонарях
Вечерний газ давно желтеет
В прозрачном небе. На ветвях
Деревьев гроздьями белеет
Пушистый иней: он везде —
И у прохожих в бороде,

XXXI

И на косматой лошаденке,
На белокурых волосах
Бегущей в лавочку девчонки,
На меховых воротниках...
Скрипят полозья, мчатся санки.
Кипящий сбитень и баранки
Разносит мужичок с лицом
Замерзшим, в теплых рукавицах.
Веселье бодрое кругом —
И в звонком воздухе, и в лицах,
И в блеск розовых снегов
На кровлях сумрачных домов.

XXXII

Уж в освещенных магазинах
И в окнах лавок овощных
Мороз играет на витринах
Цветами радуг ледяных.
Там – масла сливочного глыба
И замороженная рыба,
Там зайцы жирные висят.
Хозяек опытные взоры
Пленяют дичи, поросят
И овощей зеленых горы.
Лазурь вечерняя темней...
И снежных искр, живых огней

XXXIII

Как будто полон воздух синий...
А в сердце Ольги – тишина.
Как посреди немой пустыни —
Она в толпе совсем одна,
Мертва, бесчувственна... Читает
Спокойно вывески, не знает,
Куда идет. Казалось ей
Такою призрачной, далекой
И непонятной жизнь людей.
Душа, затихнув, спит глубоко...
Но скоро бедная домой
Вернулась с прежнею тоской

XXXIV

И робко подошла к постели:
Он бредил, на его щеках

Слезинки жалкие блестели...
Он с тихою мольбой в устах
И с выраженьем детской муки
К груди прижал худые руки:
«Да где ж она?.. Ведь я люблю...
О, как я мог!.. За что обидел
Голубку бедную мою...
Теперь она ушла... я видел, —
Ей было горько... не придет!..»
— «Я здесь! — она его зовет, —

XXXV

Я здесь, мой милый!..» Он не слышит,
Напрасно Ольга обняла
Больного; он с усилием дышит...
«Она ушла, совсем ушла»...
И плачет тихими слезами
И долго мутными глазами,
Ее не видя, смотрит вдаль.
В лице — покорная, немая
И безнадежная печаль...
Полоска бледно-голубая
Светлеет в окнах: первый гул
Столицы слышен... Он уснул.

XXXVI

И видел сон: идет куда-то
По длинным комнатам, пустым
И мрачным... Сердце в нем объято
Тревогой смутной. А над ним
По темным лестницам и сводам,
По бесконечным переходам,

Как будто шум от сквозняка,
Был слышен свист однообразный,
Пронзительный. В груди – тоска,
Мечты унылы и несвязны...
Уж он устал, но все вперед,
Вперед по комнатам идет.

XXXVII

И громче ветра шум пустынный;
И сквозь таинственную мглу
Он видит – кто-то темный, длинный
Стоить, не двигаясь, в углу.
И с головы до ног упало,
Его закутав, покрывало.
Порой лишь складки черных риз
Дыханье ветра подымает, —
Они колеблются, и вниз
Одежда медленно сползает...
Он чувствует – последний час
Пришел... И не отводит глаз,

XXXVIII

И смотрит в ужасе смертельном.
Напрасно хочет он бежать...
В его томленье беспредельном
Есть жажда наконец узнать,
Проникнуть в страшный смысл загадки.
Он видит: трепетные складки
Сейчас лицо откроют... Вот —
Все ниже, ниже покрывало.
Еще мгновенье – и падет...
Вдруг ветер зашумел, – упало,

Он понял: это – смерть!.. И вдруг
Проснулся. В комнате вокруг

XXXIX

Все было ярко в зимнем блеске.
Сидела Ольга у окна...
И луч играл на занавеске.
Борис почти не помнил сна,
Но поглядел кругом бесстрастно...
И он почувствовал так ясно
И понял смерть, как никогда.
От всех порывов, колебаний
И от надежды – ни следа.
И нет любви, и нет желаний!
В его душе, в его очах —
Теперь один безмолвный страх.

XL

Больной о смерти думал прежде
По книгам, по чужим словам.
Он умирал в слепой надежде,
Что смерть еще далеко, там,
В грядущем где-то. Он сумеет
С ней помириться, он успеет
Вопрос обдумать и решить
И приготовиться заранее...
И – вот он понял: жизни нить
Сейчас порвется. Не в тумане,
Не в дымке – подойдя к концу,
Он видел смерть лицом к лицу.

XLI

И стоицизм его притворный,
И все теории, как дым,
Исчезли вдруг пред бездной черной,
Пред этим ужасом немым.
И жизнь он мерит новой мерой.
Свой ум напрасно прежней верой
В науку хочет усыпить.
Он в ней опоры не находит.
Нет! Страха смерти победить
Умом нельзя... А жизнь уходит...
От всех познаний, дум и книг
Какая польза в страшный миг?

XLII

Как физиолог, поневоле
Он наблюдает за собой
И ждет, прислушиваясь к боли
Однообразный и тупой,
Растущей медленно, зловещей.
Что это – смерти признак вещей,
Он понял; Ольге не сказал
Ни слова. Робок и послушен,
Он только жалобно стонал,
К словам участия равнодушен:
Он разлюбил ее давно,
Терпел и думал: «Вот оно!»

XLIII

Плыло, сходило, приближалось,
Над ним уж веяло оно

И снова тихо расплывалось,
Как мутно-серое пятно.
«Что это, что?»... в недоуменье
Он напрягает ум и зренье,
Он хочет знать: ответа нет,
Молчит в бессилье ум тревожный...
Быть может, это – глупый бред,
Быть может, это – призрак ложный?..
Но сердце, ужасом полно,
Не даром чует: «Вот оно!»

XLIV

Покинуть мир в былое время,
Не зная смерти, он решил,
Чтоб сбросить сразу жизни бремя,
Когда терпеть не хватит сил.
И что ж? он смерть узнал, увидел,
Но эту мысль возненавидел.
Теперь несчастного томит
Одна боязнь, что искушенья
Он наконец не победит,
И будут так сильны мученья,
Что преждевременный исход
Он добровольно изберет.

XLV

А пузырек заветный с ядом
Так близко. Ночь. Недолгим сном
Забылась Ольга. Ящик рядом
С постелью в столике ночном.
Борис открыл и стклянку вынул,
На Ольгу взор пугливый кинул,

И, еле двигаясь, тайком
К окну замерзшему подкрался,
Привстал и форточку с трудом
Открыл: холодный вихрь ворвался...
В окно он бросил пузырек
И отошел, и снова лег.

XLVI

Прошло два дня – сильней страданья.
Уж он не помнил ничего.
И Ольга, слушая стенанья,
Порою голоса его
Не узнавала: были звуки
Чужие в нем. Все хуже муки,
Непобедимей и страшней.
Несчастный целыми ночами
Молил: «Убей меня, убей!..»
В слезах подушку рвал зубами,
И был ужасен вечный крик,
Не умолкавший ни на миг.

XLVII

Исчезли дни, исчезли ночи.
За темной шторой на столе,
Когда уж солнце блещет в очи,
Краснеет лампе в полумгле
И длится время бесконечно...
Казалось Ольге, был уж вечно
И вечно будет этот крик,
Очей открытых взор блестящий
И в душном мраке бледный лик,
И робко жалости молящий

Его руки безумный жест.
Она не спит, почти не ест;

XLVIII

Очнется бедная порою
Случайно в кухне где-нибудь,
И на мгновенье за стеною
Утихнет крик, но отдохнуть
Стыдится Ольга и не смеет;
Кухарка барышню жалеет,
Тарелку супа принесет..
И съест она две ложки, стоя,
И хлеба корочку возьмет, —
Но уж пора: ей нет покоя...
Она спешит на казнь, и вновь
Со смертью борется любовь!

XLIX

Подымет очи со слезами
И на коленях в уголке
Стоит, закрыв лицо руками.
Порой, в безвыходной тоске
Молиться бедная пыталась...
Но вся душа в ней возмущалась:
«Ты благ и милостив, Господь, —
Зачем, зачем же эти муки?..»
Негодование побороть
Не может и ломает руки.
Потух в душе последний свет,
И шепчет Ольга: «Бога нет».

L

Теперь Борис лежал безмолвный.
Затих усталый, слабый крик...
Но он не мог, тревоги полный,
Остановиться ни на миг, —
Уже с закрытыми глазами,
Все время шевелил руками
И то к лицу их подымал,
То снова, молча без сознанья
К груди с тоскою прижимал.
«Ах, лучше б прежние стенанья
И крик, чем эта тишина!» —
Невольно думает она.

LI

Но четырех ночей усталость
Ее сломила. В глубине
Души беспомощная жалость
Еще томительней во сне:
Чрез полчаса в слезах проснулась,
Открыла очи, встрепенулась
И посмотрела на него...
И что ж? Ни боли, ни испуга —
Не оставалось ничего
От побежденного недуга:
И тих, и светел бледный лик;
Покой в нем – ясен и велик.

LII

Она почувствовала радость...
Он пробужденья Ольги ждал;

В нем дух неведомую сладость
Отдохновения вкушал.
В смиренье Ольга преклонилась:
Любовь со смертью примирилась:
И бесконечно далеко
От прежних ужасов и муки,
Он дышит ровно и легко,
Глядит, сложив покорно руки,
На Ольгу пристально, в упор;
И новой мыслью полон взор.

LIII

Он тихо шевелил губами:
Для слов уж не хватало сил,
Но детски ясными глазами
О чем-то Ольгу он просил.
Она приникла к изголовью
И сразу поняла любовью,
Чего пред смертью он хотел:
Взяла Евангелъе, открыла, —
И взор больного заблестел.
Тогда весь мир она забыла
И, вдохновенна и светла,
Слова великие прочла:

LIV

«Я жизни хлеб, сходящий с неба.
И возалкавший человек,
Вкушая истинного хлеба,
Лишь Мной насытится навек.
Я жизнь даю: возжаждет снова
Кто пил из родника земного, —

Но утоляет навсегда
Лишь Мой источник тех, кто страждет.
Я жизни вечная вода, —
Иди ко Мне и пей, кто жаждет!»
Она умолкла, и полна —
Великой тайны тишина.

LV

И то, чему не верил разум,
Что не могла она в словах
Ему сказать, — он понял разом:
Она прочла в его глазах,
Что он уж знает **все**. А тело
В ее руках похолодело.
И долго ни одна слеза
Земного горя не упала,
И друга мертвые глаза
Спокойно Ольга закрывала.
В ее душе — любовь и свет,
И нет разлуки, смерти нет.

LVI

Когда же в окна посмотрела
На тусклый день, на мокрый снег,
Внезапно Ольга побледнела
И одиночество навек
Тогда лишь поняла, проснулась...
Но вместе с жизнью смерть вернулась...
Как будто вспомнила она,
Что нет его... И вдруг сознанием —
Ее душа озарена.
Без слез, убитая страданьем,

Упала, обнимая труп,
Касаясь мертвых бледных губ...

.....
.....
.....

LVII, LVIII, LIX, LX, LXI

О век могучий, век суровый
Железа, денег и машин,
Твой дух промышленно-торговый
Царит, как полный властелин.
Ты начертал рукой кровавой
На всех знаменах: «**В силе – право!**»
И скорбь пророков и певцов,
Святую жажду новой веры
Ты осмеял, как бред глупцов,
О, век наш будничный и серый!
Расчет и польза – твой кумир,
Тобою властвует банкир,

LXII

Газет, реклам бумажный ворох,
Недуг безверья и тоски,
И к людям ненависть, и порох,
И броненосцы, и штыки.
Но вождь не пушки, не твердыни,
Не крик газет тебя донине
Спасает, русская земля!
Спасают те, кто в наше время
В родные, бедные поля
Кидают вечной правды семя,
Чье сердце жалостью полно, —

Без них бы мир погиб давно!..

LXIII

Кладите рельсы, шахты ройте,
Смирите ярость волн морских,
Пустыни вечные покройте
Сетями проволок стальных,
И дерзко вешайте над бездной
Дугою легкий мост железный,
Зажгите в ваших городах
Молниеносные лампы, —
Но если нет любви в сердцах —
Ни в чем не будет вам отрады!
Но если в людях Бога нет, —
Настанет ночь, померкнет свет...

LXIV

.....
.....
Как в древних стенах Колизея
Теперь шумит лишь ветер, вея,
Растет репейник и полынь, —
Так наши гордые столицы
И мрамор сумрачных твердынь —
Исчезнет все, как луч зарницы,
Чуть озарившей небосклон,
Пройдет – как звук, как тень, как сон!

LXV

О, трудно жить во тьме могильной,
Среди безвыходной тоски!
За пессимизм, за плачь бессильный
Нас укоряют старики:
Но в прошлом есть у вас родное,
Навеки сердцу дорогое,
Мы – дети горестных времен,
Мы – дети мрака и безверья!
Хоть на мгновенье озарен
Ваш лик был солнцем у преддверья
Счастливых дней... Но свет погас —
Нет даже прошлого у нас!

LXVI

Вы жили, вы стремились к цели,
А мы томимся, не живем,
Не видя солнца с колыбели!..
Разуверение во всем
Вы нам оставили в наследство,
И было горько наше детство!
Мы гибнем, и стремимся к ней,
К земле родимой, на свободу, —
Цветы, лишённые корней,
Цветы, опущенные в воду,
Объяты сумраком ночным,
Мы умираем и молчим!..

LXVII

Мы бесконечно одиноки,
Богов покинутых жрецы.
Грядите, новые пророки!
Грядите, вещие певцы,

Еще неведомые миру!
И отдадим мы нашу лиру
Тебе, божественный поэт...
На глас твой первые ответим,
Улыбкой первой твой рассвет,
О, Солнце будущего, встретим
И в блеске утреннем твоём,
Тебя приветствуя, умрем!

LXVIII

«Salutant, Caesar Imperator,
Te morituri!»^[9] Весь наш род,
Как на арене гладиатор,
Пред новым веком смерти ждет.
Мы гибнем жертвой искупленья.
Придут иные поколенья,
Но в оный день, пред их судом
Да не падут на нас проклятья:
Вы только вспомните о том,
Как много мы страдали, братья!
Грядущей веры новая свет,
Тебе – от гибнущих привет!

Лето 1890 – зима 1891

Франциск Ассизский

Легенда

Часть первая

I

Это было в Средние века.
На высотах Умбрии лесистой,
Где смолою пахнет воздух чистый,
И в затишье сонном городка
Только ласточки поют в карнизе
Вековых бойниц, поросших мхом, —
Бернадоне Пьетро жил в Ассизи,
Торговал он шелком и сукном.
У него был сын. Веселый, нежный,
В темной лавке старого купца
Мальчик рос, мечтательный, небрежный
К деньгам, счетам строгого отца.
Он не мог понять его заботы
О товарах, ценах, и в тоске
Все следил, как Пьетро сводит счета
С важным видом мелом на доске.
Скучно! Он глядит из-за прилавка,
Улыбаясь, в глубину небес...
Поскорей бы за город и в лес,
На поля, где зеленеет травка!..
Иногда про сына своего
Думал Пьетро хитрый, скопидомный:
«Мой Франческо – мальчик добрый, скромный,
Но купца не выйдет из него:
Слишком нежен, слишком ручки белы.
Все б ему наряды и духи,
Все б ему романы да новеллы

И стихи, проклятые стихи!
Ох, уж эти мне поэты – манят
Грезы славы. Признавался сам,
Что однажды, глупой рифмой занят,
Он едва не продал господам
Из Кремоны мне в убыток полку
Лучших свитков голубого шелку.
Надо меры строгие принять!»
И на сына Пьетро негодует.
А меж тем его, как прежде, мать
Потихоньку от отца, балует.
Мальчик вырос; деньгам не узнал
Он цены: чтоб только видеть вечно
Радостные лица, он бросал
Золото пригоршнями беспечно.
Он любил веселье, жизнь, людей
И родную зелень сосен, воду,
Пиршеств шумную свободу.
За столом, когда в кругу гостей
Он смеялся и шутил бывало —
В шутках что-то детское звучало
И такое милое, что всех
Побеждал невольно этот смех

II

По лугам росистым, полным мира,
Шли друзья однажды утром с пира.
Вдруг они Франциска у креста
В брошенной часовне увидали,
Бледного, поникшего в печали.
Он у ног распятого Христа
Горько плакал. В праздничной одежде
В дни веселья, роскоши и нег
Никогда таким он не был прежде:
Пред ними – новый человек.

«Что с тобой, о чем ты плачешь?» – «Братья,
Плачу я о Господе моем!..
Бедный!.. Посмотрите на Распятие,
Он страдает!.. Слезь моих о Нем
Не стыжусь пред целым миром, всюду
О Христе я громко плакать буду!..»
И, обняв подножие Креста,
Он припал к нему еще любовней:
В это утро, в брошенной часовне
Понял он страдания Христа.

III

Собиралось в лавке у Франциска
Много знатных рыцарей и дам.
Шляпу сняв, он кланялся им низко:
«Есть обновки, заходите к нам!»
И встречал их ласково у двери.
Подражая ловкому купцу,
Он развертывал куски материй,
Говорил: «Вот это вам к лицу!»
Своему усердью сам не верил,
Думал об итогах барыша,
Торговался, ткань аршином мерил,
И волною мягкой шурша,
Падал желтый шелк под блеском солнца.
Дамы деньги вынули. В луче
Заиграло золото червонца.
У одной был сокол на плече.
Пахло тонкими духами. Метки
Их остроты, легок разговор;
И ласкаются у ног сеньор
С острой мордой белые левретки.
Но Франциск на улицу взглянул:
Там, под знойным солнцем, у порога
Робко нищий руку протянул

И сказал: «Подайте ради Бога!» —
«Бог подаст», — рукой он сделал знак.
Но как только отошел бедняк,
Сердце сжалось от стыда и боли.
«Что я сделал!» — бледный, он умолк,
И не в силах притворяться доле,
Он за полцены им отдал шелк.
И потом он днем и ночью видел,
Бедняка молящий, кроткий взор,
И скорбел, и золото с тех пор
Он еще сильнее возненавидел.

IV

Для отца он сделать все готов:
Взял из лавки сукон разноцветных
И товар навьючил на ослов.
Мимо бедных сел, долин приветных,
Сосен, виноградников и скал
Он ослов на ярмарку погнал.
Смотрит важно, говорит он с весом,
На базар торопится купец
И тюки, как опытный делец,
Разложил на рынке под навесом.
Он в делах выказывает жар,
Сердится и спорит. Весь товар
Продан выгодно. Но от заботы
Он всю ночь в гостинице не спал.
В голове — итоги, цифры, счета...
Утром возвращается домой;
Он ушел бы в лес дышать прохладой
И смотреть, как блещет мох росой.
Но в лесу ограбить могут: надо
Торопиться, — в страхе и тоске
Щупает он деньги в кошельке...
Он бы лег в траву под эти клены,

Чтоб над ним был лиственный свод зеленый, —
Только страшно деньги потерять,
И едва лишь вспомнил их – опять
Все померкло...
Нищие толпою
За вожатаем идут. У них
Лица неподвижны, словно тьмою
Взор подернут. Он узнал слепых
И смутился, и скорбел душою, —
Совести почувствовал упрек:
«Нет ли медных денег?» В кошелек
Руку опустил, червонец вынул,
Думал спрятать вновь – и нищим кинул.
Вот второй и третий, и дождем
Сыплются монеты золотые.
Он кидает с радостным лицом.
Спор и драку подняли слепые.
Отдал все Франциск, и у него
Вместе с деньгами с души усталой
Словно бремя тяжкое спадало,
И в улыбке доброй – торжество.
Едет дальше: каждая былинка,
Небо, птицы, резвый мотылек,
И смолы янтарная слезинка
На сосне, и трепетный цветок —
Полны радости великой, снова
Встретили Франциска, как родного.
Он с доверьем смотрит в небеса,
Господу поет хвалу простую.
И долины, горы и леса
Повторяют песнь его святую.

V

«Где червонцы? Где мои товары?..
Нищим роздал, нищим сто монет!..

Так не сын же ты мне больше, нет!
Будь ты проклят!..» Бернадоне старый
Палку в ярости схватил: «Ты вор,
Изверг, роду нашему позор!»
Истощив угрозы и упреки,
Подав в суд отец его жестокий.
Но Франциск, когда его зовут
К городским старейшинам на суд,
Отвечает, кроткий и спокойный:
«Я пред Богом – грешник недостойный...
Вы простите мне, но признаю
Одного я в мире Судию.
Над людьми поставлен Он от века,
И во всем я дам Ему ответ:
Человек не судит человека,
Между мной и Богом судей нет!»

VI

И его к епископу призвали.
Долго с жаром говорил отец
И не мог утешиться в печали
О своих червонцах. Наконец
Он умолк; тогда Франциск смиренный,
Перстень сняв, пред стариком кладет:
«Это матери подарок. Вот —
Долг мой отдан: камень драгоценный
Стоит больше денег, взятых мной!»
Так Франциск, исполненный надежды,
Обручился с бедностью святой:
Снял с себя он обувь и одежды,
Положил на землю пред отцом
И воскликнул с радостным лицом:
«Все земное, все, что я имею, —
Даже ризу прежнюю мою
Я отцу земному отдаю.

Больше здесь ничем я не владею!
Одного хочу любить Христа,
Одному хочу служить я Богу:
Я избрал тернистую дорогу, —
И теперь душа моя чиста,
И мечты мои свободней ветра!
Я могу воскликнуть наконец:
Не отец мой – Бернадоне Пьетро,
А Господь – Небесный мой Отец!
Будьте же свидетелями, братья,
Я хочу быть бедным, и таким
Как родился – слабым и нагим
Кинуться Спасителю в объятия!»

VII

У него ни палки, ни мешка,
Опоясанный веревкой, нищий,
Он в одежде грубой мужика
Просит именем Христовым пищи
По глухим селеньям, городам,
По большим дорогам и полям
Ходит, проповедуя народу:
«Вы найдете в бедности свободу:
Прежде ваших просьб Создатель сам
Знает, братья, все, что нужно вам.
Для чего ж печетесь вы без меры
Об едином хлебе, маловеры?
Вы не лучше ль лилией полевых?
А меж тем не ткут они, не сеют,
Но цари одеться не умеют,
Как одета каждая из них.
В Божьем мире – людям места много.
Что ж вы спорите – «мое», «твое»?
Не тому учил Спаситель: все,
Что прекрасно, нам дано от Бога.

Не одна ли общая земля,
Как один небесный свод над нами?
Для чего ж вы делите межами
Господа цветущие поля?
Кто же в тени путнику откажет,
На чужую ниву не прикажет
Падать росам, кто про золотой
Солнца луч дерзнет сказать: «он мой»?
У тебя Создатель твой на лозах
Наливные гроздья позлатил,
У тебя Он в благодатных грозах
Твой поникший колос напоил,
Он скорбит о бедном и богатом,
Воздаёт за зло тебе добром,
Отчего ж и ты не хочешь с братом
Поделиться хлебом и вином?
О, помиримся, окончим битву,
Пусть навеки общим будет все,
И сольём сердца в одну молитву:
Да приидет царствие Твое!»

VIII

Жил Сильвестр в горах, на дикой круче,
Словно зверь, в расщелине скалы.
Вкруг него ходили только тучи,
Да летали с клекотом орлы.
На полу пергаментные книги,
Бич железный, цепи и вериги.
Вдоль стены уступ гранитных скал
По ночам подушку заменял.
Не согнувшись встать нельзя, так низко
В тесной келье... В бездне, глубоко
Лишь поток гремит, – и далеко
Все земное, только небо близко.

И Франциск мечтает: «Не уйти ли
От людей, от шумных городов,
От тревоги, суеты и пыли
В свежесть и безмолвие лесов?
Там, в горах, где не было доньше
И следа людского, – в тишине
Жить и умереть наедине
С Господом лицом к лицу в пустыне».
Говорил Сильвестр Франциску: «Плоть,
Плоть проклятую смири цепями
И бичом железным, и постами,
Чтоб простил грехи твои Господь.
У тебя, мой сын, в уме лишь радость,
Песенки веселенькие, смех!..
Словно пчелки на цветы – на грех
Мы летим и пьем мирскую сладость!..
Смехом люди бесов лишь зовут.
И, внимая радостному кличу,
Дьяволы на грешника бегут,
Как борзые в поле на добычу...
А потом, когда умрет он – в ад
Крючьями да вилами влачат
Господом отринутую душу,
И коптят, и жарят над огнем,
Как на святках мы свиную тушу
На железном вертеле печем:
Вельзевул углей обложит грудой,
Уксусом и желчью оболъет,
И на стол он лакомое блюдо
Самодержцу ада подает.
Люцифер на троне лучезарен
За роскошной трапезой сидит,
И, отведав грешника, кричит
Повару сердито: «Недожарен!»
Бесы вновь в огонь его влекут

И, крутя на вертеле, пекут.
Прежде радость ты любил земную,
Прежде песни пел ты на пирах,
Подожди ж – у дьявола в когтях
Запоешь ты песенку другую!»
И умолк отшельник. Замирал
На устах его зловещий хохот,
В тишине пустыни отвечал
Лишь потока дальний вечный грохот...

X

От него Франциск в раздумье шел:
Он жалел монаха всей душою.
Темный свежий бор и ясный дол
Манят к счастью, миру и покою.
Понимал он все, о чем в листве
Радостные птицы щебетали,
Понимал, о чем в сырой траве
Мошки в солнечном луче жужжали,
Все, что ключ шептал на ложе мха;
Сердце чисто, дух его свободен,
Нет! не верит он во власть греха,
В смерть, и в ад, и вечный гнев Господень.
Ликованья больше в Небесах
Об едином грешнике спасенном,
Чем о многих праведных мужах.
Только в сердце, злобой омраченном —
Скорбь и ужас, только лица злых
Полны грустных дум в молчанье строгом,
А в душе у добрых и простых —
Радость бесконечная пред Богом!

XI

Папа Иннокентий утвердил
Орден нищих братьев. Мало верил
Он во все, чему Франциск учил.
Но умом расчетливым измерил
Выгоду возможную для пап:
«Пусть, – он думал, – мысль невыполнима,
Жить нельзя без денег, но для Рима
Во Франциске будет верный раб!..»
Проповедовать по всей вселенной
Миноритам папа разрешил.
Десять лет с тех пор Франциск смиренный,
Нищий, по Италии ходил.
И когда родные Апеннины
Скрылись за далекий горизонт,
Обошел Испанию, Пьемонт,
Францию, Савойские долины.
Тот, кто видел раз его, не мог
Позабыть: идут к нему крестьяне,
Женщины, сеньоры, горожане
И разбойники с больших дорог.
Все они в одно сливались братство
И в одну великую семью,
Покидали родину свою,
Дом, детей и славу, и богатство.

XII

Было раз великое собранье
Нищих братьев. Сотнями пришли
Воины Христа на совещаенье,
Босоногие, со всей земли.
В Умбрии, в благословенном крае,
Собрались толпы учеников
На равнине у Сполетто, в мае,
Меж зеленых сосен и цветов.
Там, в полях, не гнезда птиц небесных,

Это – кельи иноков святых,
Это – кущи из ветвей древесных
И зеленых листьев молодых.
Все кругом объято тишиною, —
Только гул божественных псалмов
Издали сливается порою
С пеньем птиц и шелестом дубрав.
Там, под кровлей из ветвей душистых,
Пахнет влажной зеленью в тени,
Там в молитвах и беседах чистых
Протекают сладостные дни.
Ни о чем не споря, не жалея,
На земле свободны лишь они —
Меж царей и меж рабов – одни,
Ничего земного не имея.
И в волненье весь окрестный край,
К ним народ собрался отовсюду,
Хвалят Бога и дивятся чуду,
Говорят: «Сошел на землю рай».
Там в полях, за трапезой в смиренье
Гордые бароны и князья
Служат нищим. Люди на мгновение
Во Христе – единая семья.
В небе солнце греет и сияет, —
На земле блаженный, прост и тих,
Ходит, смотрит на детей своих,
Любит всех и всех благословляет.

Часть вторая

I

Он скорбел и думал: «Льется кровь
Вот уж третий век за гроб Господень.
Брат на брата восстает, любовь

Угасает, и раздор бесплоден.
Неужель не кончится вовек
Брань народов, стоны жертв и крики,
Не поймет безумный человек,
Что война – пред Богом грех великий?...»
Он садится на корабль, спешит
В лагерь крестоносцев, к Диаметте,
И мечтает, сердцем прост, как дети,
Что людей словами убедит
Кончить брань. А в лагере солдаты
И вожди веселием объяты:
Оттого у добрых христиан —
Праздник, что вчера, во славу Бога
И Святой Пречистой Девы, – много
Перебили пленных мусульман.
Со словами мира и молитвой
Он идет к неверным в грозный стан.
Меж двумя войсками перед битвой
По дороге встретился отряд
Сарацин, и в плен святой был взят.
За шпиона приняли, схватили,
Безоружного, связав, избили,
К полководцу привели в шатер.
Пред вождем доверчивый, спокойный,
Он, подняв свой детски ясный взор,
Говорил, что надо кончить войны,
Что у всех народов Бог один.
Этой речью доброй и простою,
Тронут был суровый Меледин.
Он поник в раздумье головою
И сказал: «Кто б ни был ты, монах, —
Я тебя обидеть не позволю:
Мудрость Господа – в твоих речах.
С миром отпущу тебя на волю!
Все, что хочешь, у меня возьми...
Ты гяур иль нет, но меж людьми
Больше всех ты истинного Бога

Сердцем чтишь!» Франциск не уходил.
Он владыку робко спросил,
И мольба во взоре и тревога:
«Кончит ли султан войну?» В ответ
Грозный вождь с улыбкой молвил: «Нет».
Но в подарок, пожалев о госте,
Предложил он из казны своей
Много золота, слоновой кости
И парчи, и дорогих камней.
На сокровища не бросив взгляда,
Нищий отвернулся и молчал,
Головой лишь грустно покачал
И шепнул: «Мне ничего не надо».
Но готовы слезы из очей
Хлынуть, губы у него дрожали,
Как порой у маленьких детей
От обиды жгучей и печали...
Он в последний раз с мольбой взглянул
И тихонько вышел от султана...
Трубный звук и топот, гром и гул,
Уж готовы к битве оба стана.
«Бог и Магомет, Его пророк!» —
Мусульмане с верой восклицали,
И с такой же верой: «С нами Бог!» —
Паладины грозно отвечали.
В жизни первый раз он одинок
Меж людьми. И, скорбный и безмолвный,
Он уходит на морской песок,
Где шумят в пустыне только волны.
Пал на землю, волю дав слезам,
Поднял взор к далеким небесам:
«Господи, они не понимают!» —
Шепчет, жгучей жалостью объят;
Но ему лишь волны отвечают,
Только волны синие шумят...

Возвратясь из Африки далекой
К берегам Италии родной,
Шел Франциск в печали одинокой
Меж скалами горною тропой.
Там, в лазури утренней сияя,
Ярче снега, – посреди камней
Обнаженных, ворковала стая
Белокрылых, нежных голубей.
И сказал он, подойдя к подножью
Этих гор, раздумием объят:
«Если люди слушать не хотят,
Пусть же внемлют птицы слову Божью!»
И меж них он радостный стоял:
Всех животных в простоте сердечной,
Как детей одной природы вечной,
Братьями и сестрами он звал.
«Сестры-птицы, мир да будет с вами!» —
Так он начал проповедь, и вдруг
Все затихло. На земле рядами,
Слушая, сидят они вокруг.
«Сестры-птицы, громкими хвалами
Вы должны с любовью без конца
Каждый день благодарить Творца, —
Потому что радостно живете,
Не собирая в житницы плодов,
Вы в полях не сеете, не жнете,
А Господь под зеленью дубров
Вас укрыл, заботится о пище,
Он вам дал прекраснейший удел —
Светлый, чистый воздух как жилище,
Перьями, как ризою, одел!
Вот за что весь день, лишь луч денницы
Заблестит сквозь утреннюю мглу —
И до звезд вечерних, – пойте, птицы,
Пойте Богу вечную хвалу!»

Он умолк, – и голуби ликуют,
И, к нему головки протянув,
Крыльями трепещут и воркуют,
Смотрят в очи, открывая клюв.
И один в лазури необъятной
С этой стаей белых голубей
Он меж ними ходит, благодатный,
Как отец – среди своих детей.
Ризою касается смиренной
Их головок ласковых. Потом,
Отпуская Божьих птиц, Блаженный
Осенил с любовью их крестом.
И взвилась ликующая стая,
И следил он с радостным лицом
Долго, долго, как она, блистая,
Словно белый снег, под солнцем тая,
Исчезала в небе голубом.

III

Так Франциск ни от кого на свете
С гордостью не отвращал лица:
Божьи твари – все равны, как дети
Одного Небесного Отца.
И они к нему приходят сами,
К людям позабыв вражду свою.
Сердцем чист, он в дружбе со зверями
Жил, как первый человек в раю.

IV

Раз в пещере, в зимний холод, поздно
Ночью с молодым учеником,
В Риво-Торто, над стремниной грозной

Он сидел за тлеющим огнем.
Все мертво. Над пеленою снежной
Только звезды бледные дрожат.
Отрока спросил учитель нежный:
«Отчего ты грустен, милый брат?»
– «О прости мне, отче! Я горюю
О семье. Я вспомнил мать родную,
Братьев, маленьких сестер моих.
Скучно мне, душа болит о них...»
И Франциск с улыбкой состраданья,
Не сказав ни слова, но спеша,
Вышел поскорей из шалаша,
Стал лепить из снега изваянья.
Кончив, с торжествующим лицом,
Он, смеясь, их обошел кругом
И воскликнул: «Где же ты, Руфино?
Братец, люди снежные!.. Взгляни,
Как блестят над белою равниной,
Как тебя приветствуют они!»
И Руфино вышел, грусти полный;
Искрятся при свете звезд ночных
Изваянья, бледны и безмолвны;
И Франциск указывал на них:
«Вот – отец твой, мать, вот – сестры, братья...
Что ж ты медлишь? Подойди скорей!
Видишь, как им холодно, согрей,
Поцелуй их, заключи в объятья!
Но когда к груди прижмешь – в тепле
Изваянья снежные растают,
И умрут они, как умирают
Все, кого мы любим на земле.
Не помогут ласки и лобзанья!
И уйдут, уйдут они от нас,
Исчезая каждый день и час,
Словно снег от теплого дыханья!»

Сорок дней был пост в монастыре.
По обету братья не вкушали
Ни плодов, ни рыбы. На заре
Встал Франциск. Еще монахи спали.
Рядом с ним был в келье брат больной:
Долгими постами изнуренный,
Жаждою томясь, во сне порой
Он шептал, видением смущенный:
«Если б мог я жажду утолить,
Под зеленой, свежей тенью сада,
От янтарных гроздей винограда,
Соком переполненных, вкусить!..»
Бред его подслушав, к изголовью
Подошел Франциск: «Проснись, мой брат».
И заботливей, чем мать, с любовью
Он ведет его тихонько в сад,
Прямо к спелым гроздьям винограда.
Но больной поднять не смеет взгляда;
Ягоды под розовым лучом,
Налитые соком золотистым,
Под листом широким и росистым
Светятся прозрачным янтарем.
И Блаженный первый к ним склонился,
Немощь плоти с братом разделил,
Вместе с ним он от плода вкусил,
Чтоб монах нарушить не стыдился
Свой обет: «Не бойся прогневить
Господа, – сказал Франциск, – чтоб душу
Брата от страданий облегчить,
Тысячи обетов я нарушу!
На себя беру твой грех. Готов
Дать ответ во всем: я знаю, Боже,
Милосердье – для Тебя дороже
Всех молитв, обрядов и постов!»

От служенья в мрачном, душном храме
В сад порой Блаженный уходил.
Там, под голубыми небесами,
Целый день с улыбкой он следил,
Как из сердца розы темно-алой,
Из тюльпанов огненных пчела
Сладкий, ароматный сок пила,
И как солнце в ульях озаряло
Восковые грани нежных сот,
Где струился теплый, светлый мед.
В их строенье мудрости так много,
Что Франциск у пчелок золотых,
Умных маленьких сестер своих,
Познавать учился благодать Бога.
И когда в стыдливой красоте
Лилии порой пред ним блистали,
Дольние цветы напоминали
О Цветке Небесном, о Христе —
Этой бледной, сладостной Лилее,
Выросшей в долинах Галилеи
И цветущей ныне в небесах.
Тот цветок наполнил, умирая,
Мир таким благоуханьем рая,
Что проснулись мертвые в гробах.
Так вселенная душе святого
Кажется в гармонии своей
Символом Единого, Благого,
Вечного, таящегося в ней.
И зовет, зовет он всю природу,
Бездны, горы, тучи, небеса,
Землю, воздух и огонь, и воду —
Слить в одну молитву голоса.
Чувствуя душой прикосновение
Бесконечного, он весь горел
И любил, и, полный вдохновенья,

Свой великий гимн пред Богом пел:

VII

«Тебе – хвала, Тебе – благодаренье,
Тебя Единого мы будем прославлять,
И недостойно ни одно творенье
Тебя по имени назвать!

Хвалите Вечного за все Его созданья:
За брата моего, за Солнце, чье сиянье,
Рождающее день —
Одна лишь тень,
О, Солнце солнц, о, мой Владыко, —
Одна лишь тень —
От Твоего невидимого лика!

Да хвалит Господа сестра моя Луна, —
И звезды, полные таинственной отрады,
Твои небесные лампы,
И благодатная ночная тишина!

Да хвалит Господа и брат мой Ветр летучий,
Не знающий оков, и грозные тучи,
И каждое дыханье черных бурь,
И утренняя, нежная лазурь!

Да хвалит Господа сестра моя Вода:
Она – тиха, она – смиренна,
И целомудренно чиста, и драгоценна!

Да хвалит Господа мой брат Огонь – всегда
Веселый, бодрый, ясный,
Товарищ мирного досуга и труда,
Непобедимый и прекрасный!

Да хвалит Господа и наша мать Земля:
В ее родную грудь, во влажные поля
Бразды глубокие железный плуг врезает,
А между тем она с любовью осыпает
Своих детей кошницами плодов,
Колосьев золотых и радужных цветов!

Да хвалит Господа и Смерть, моя родная,
Моя великая, могучая сестра!
Для тех, кто шел стезей добра,
Кто умер, радостно врагов своих прощая,
Для тех уж смерти больше нет,
И смерть – им жизнь, и тьма могилы – свет!

Да хвалит Господа вселенная в смиренье:
Тебе, о Солнце солнц, хвала и песнопенье!»

VIII

Над горами тихо пролетая,
В красоте торжественной своей
Вся дрожит и блещет ночь немая
Мириадами живых огней.
В полусне недвижимый над бездной
На горах Альверно он стоял,
Окруженный небом ночи звездной,
Одинокий на вершине скал,
И молился горячо. Светлело
Перед ним в полночной темноте,
Словно в блеске солнца на Кресте,
Бледное, страдальческое тело.
Каплями из ран сочилась кровь,
Алая, во мраке черной ночи.
Долу лик склонен, закрыты очи,
А в улыбке – все еще любовь.
Он покорно, тихо умирает.

И Блаженный к Богу своему
Поднял взор. От жалости к Нему,
От любви душа изнемогает:
«О как мало я Тебя любил,
Как обидел! Это я, гвоздями
Члены жалкие пронзив, убил
Моего Спасителя грехами.
Господи, я не могу смотреть
На Твои мученья! Дай мне тоже,
Дай страдать с Тобою вместе, Боже,
И с Тобою вместе умереть.
Лучше пусть Христос меня осудит,
Пусть отвергнет, – сердцу легче будет,
Только бы не умер Он, храня
Кроткий вид, исполненный смиренья...
Боже, я не вынесу прощенья,
Нет, не надо, не прощай меня!...»
Но Спаситель открывает очи,
На Франциска Он взглянул: в тот миг
Взор такой любви из мрака ночи
В глубину души его проник,
Что как будто в первый раз Блаженный
Понял, как Господь его любил,
Понял, что за все грехи вселенной
Умирая, Он людей простил.
И Христос к нему все ближе, ближе,
Он – казалось – обнимал его,
И Франциск шептал с мольбой: «Возьми же,
Господи, возьми меня всего!»
И почувствовал он те же муки,
Как Распятый, боль он ощутил,
Словно кто-нибудь гвоздями руки
И ступени ног ему пронзил.
Во Христа душой преобразившись,
Вместе с Ним был распят на Кресте,
Вместе с Ним страдал и, с Богом слившись,
За людей он умер во Христе.

К Небу громким голосом зывая,
Он упал: «Тебе я жизнь мою,
Отче, ныне в руки предаю!»
А над ним, по-прежнему блистая
В непонятной красоте своей,
Вся дрожит и блещет ночь немая
Мириадами живых огней...

.....
Рано утром из окрестных келий
Братья-иноки пришли за ним.
Он лежал на скалах недвижим,
И как будто от гвоздей атели
Язвы на ногах, ладонях рук,
На худом, прозрачно-бледном теле.
В ужасе стояли все вокруг...

.....
Но потом открыл он очи вновь.
Взор его был полон тайн небесных,
Несказанных, и сочилась кровь
Каплями из ран глубоких, крестных...

IX

С этих пор страданья начались
Тяжкого, смертельного недуга.
Раз от всеобщей, полны испуга,
Бледные монахи собрались
И смотрели на его мученья.
И не в силах боли превозмочь,
Полумертвый, истощив терпенье,
Он метался и стонал всю ночь;
Юный брат в порыве состраданья,
Слыша бесконечные стенанья,
Видя, что ничем нельзя помочь —
«Господи, – воскликнул, – неужели
Так несправедливо и без цели

Ты казнишь избранников Твоих?»
Услыхал больной и вдруг затих,
На монаха поглядел он строго,
И ответ раздался в тишине:
«Брат, как смеешь ты судить во мне
Милосердье праведного Бога?»
Встал Франциск от ложа и, с трудом
Опустившись, ниц упал челом,
Крепко всеми членами своими
Трепетными, слабыми, нагими
Он к земле припал и целовал
Землю, руки к персям прижимал,
Полный бесконечного смиренья:
«О Создатель мой, благодарю
Я за всё, за все мои мученья!
Об одном еще Тебя молю:
Боль сильнее сделай, если надо, —
Я перенесу ее, любя, —
Потому что всё, что от Тебя,
Даже муки – для меня отрада!
Разве не у Господа в руках —
Жизнь и смерть, и вся земная доля?
О Твоя, Твоя да будет воля,
Отче, на земле и в небесах!»

Х

Так великий дух в страданиях рос.
И огнем любви неуголимой
Сердце чистое зажег Христос.
Между тем, как дух неугасимо
Пред лицом Твоим горел, Господь, —
Как свеча пред образом, – сгорала
От болезни немощная плоть,
Таяла, как воск, и умирала.

Перед смертью он ослеп. Мученье
Каждый день росло. Когда порой
Становилось легче, в сад больной
Выходил: одно лишь утешенье —
На крыльце у двери посидеть,
И на миг – измученное тело,
Что, теряя силы, холодело,
В теплых солнечных лучах согреть.
Раз, когда в вечернем кротком свете
Он дремал, монахи принесли
Пару диких горлиц. Их нашли
В поле. Бедные попались в сети.
Чтоб вскормить могли они птенцов,
Гнездышко под кровлей, над дверями
Он слепил из глины и сучков
Слабыми, дрожащими руками.
И веселью не было конца,
Только что из первого яйца
Вылупился птенчик, и неловкой
Обнаженной маленькой головкой
Скорлупу пробил... Раздался писк
Жалобный... Благословил Франциск
Господа за то, что, умирая,
Видел, как рождалась молодая
Жизнь, и, свет еще сильнее любя,
Окруженный мраком в вечной ночи,
К солнцу поднял он слепые очи,
«Господи, благодарю Тебя!..»

Только плоти слабою преградой
Дух его, как тонкою стеной,

Отделен от Бога. Он порой
Говорил: «Мне ничего не надо,
Хорошо и умереть, и жить!»
Так Блаженный, землю покидая,
Счастье высшее познал – любить,
На любовь в ответ любовь встречая.
Чтобы к Богу в мире отойти,
В темную часовню под землю
Он велел себя перенести.
Утешаясь бедностью святою,
Ризы снял и лег на голый пол,
И как в юности, когда, одежды
Сняв с себя, от мира он ушел, —
Так теперь, исполненный надежды,
Он с печатью смерти на челе,
Все земное отдает земле
И свободе радуется: «Братья,
Я хочу быть бедным и таким,
Как родился – слабым и нагим,
Кинуться Спасителю в объятия!..»
Со свечами иноки стоят,
И один открыл на аналое
И читал Евангелье святое;
В тишине слова любви звучат:
«Дети, Я не долго с вами буду.
Ныне вам Я новую Мою
Заповедь великую даю,
И за то Я вечно в вас пребуду.
Мир вам, дети! Как Я вас люблю,
Так и вы друг друга возлюбите,
Чтоб узнали все по той любви,
Что вы заповедь Мою храните
И что вы ученики Мои.
Я приду к вам вновь и успокою.
Вы – во Мне, как Я – в Отце Моем,
И вы будете одно со Мною,
Как и Я – одно с Моим Отцом».

Он вздохнул – и кончилось мученье:
И, как будто задремав, поник
Головой на грудь в изнеможение,
И закрылись очи. Бледный лик —
Все светлей, спокойней и прелестней...
Как дитя – у матери в руках,
Убаюканное тихой песней, —
Он почил с улыбкой на устах.
Незакатный свет пред ним сияет,
В лоне Бога дух его исчез, —
Так в лазури утренних небес
Белокрылый лебедь утопает.

Вера

Повесть в стихах

Глава первая

I

Недавно рецензент довольно жёлчный
Мне говорил: «Какая тьма певцов
В наш грубый век практических дельцов!
Баллад, поэм, сонетов гул немолчный
Стоит кругом, как летом комаров
Унылое жужжанье!..» В самом деле,
Нам, наконец, поэты надоели.

II

Кто не рифмует?.. Целая гора
Стихов нелепых. Нынче все – поэты:
Военные, студенты, доктора,
Телеграфисты, барышни, кадеты,
Отцы семейств, юристы... Нам вчера
В редакцию товарищ прокурора
Прислал тетрадь рифмованного вздора.

III

И все они лишь об одном поют:
Как тяжело им жить на белом свете, —
И все страдают, плачут, мир клянут,
Бессильные, капризные, как дети,

(Их пессимистами у нас зовут), —
Повсюду жалобы: «искусство пало».
Поэтов тьма – поэзии не стало.

IV

Нам скорбь приятна: все мы влюблены
В свою печаль и собственным напевам,
Слезам, тоске, всему, чем мы полны,
Уж слишком много придаем цены —
А жизнь для нас противна. Старым девам
Лет под сорок прилична эта грусть...
Но, Боже мой, мы знаем наизусть

V

Сердец разбитых стоны и признанья.
Нам, наконец, чувствительная ложь
И Надсону плохие подражанья
Наскучили!.. Как Надсон ни хорош,
А с ним одним недалеко уйдешь.
Порой стихи у нас по форме дивны,
Но все-таки мы слишком субъективны.

VI

О, кто найдет для музыки новый путь,
Кто сделает искусство не забавой,
А подвигом, кто даст нам отдохнуть
На красоте спокойной, величавой,
Кто в дряхлый мир сумеет жизнь вдохнуть,
Кто воскресит твои живые струны,

Наш царь, наш бог, учитель вечно юный,

VII

Счастливый Пушкин? Да, в ужасный век
Сумел ты быть свободным и счастливым.
И ты страданья знал, каких вовек
Не знали мы, но умер горделивым
И не роптал, – и, жалкий род калек,
Тебе, гигант, дивимся мы с любовью, —
Твоей спокойной мощи и здоровью.

VIII

Восторженным в стихах нетрудно быть,
Но, забывая собственное горе,
В гармонию печаль преобразить,
В своей душе, как свод небесный – в море,
Весь мир и всю природу отразить, —
Вот цель поэтов, Богом вдохновенных,
Что потрудней элегий современных

IX

И нашей модной «скорби мировой».
В тебе, о Пушкин, счастье и покой;
Ты примиряешь с жизнью, утоляя
Нам жажду сердца вечной красотой.
Не как вино, а как вода живая,
Не как духи, как аромат лесов —
Святая прелесть пушкинских стихов.

X

Но, впрочем, как бы ни были мы плохи,
А надо жить: искусство – не игра.
Мне кажется, что бросить нам пора
Элегий томных жалобные вздохи,
Все эти пробы детского пера,
Альбомные стишки для институток...
Приняться бы за эпос – кроме шуток.

XI

О, светлого искусства торжество,
Привить тебе, эпическая муза!
Твои жрецы – титаны... Ничего
Не может быть желанней твоего
Спокойного и верного союза.
Пускай шумит лирический поток —
Ты, эпос, тих и вечен, и глубок!

XII

Но устарел в наш век вполне реальный
Волшебный мир классических поэм, —
Восток, Эллада, розы и гарем,
И красота природы идеальной, —
Роскошных пальм тропический эдем,
Халифы, демоны, монахи, феи —
Во вкусе лорда Байрона затеи.

XIII

Нет, право, в современных городах,
В театрах, фабриках, в толпе столичной,
В шестиэтажных пасмурных домах
И даже в серых, дымных небесах
Есть многое, что так же поэтично,
Как волны, степь и груды диких скал —
Романтиков обычный арсенал.

XIV

В болезненном и сумрачном пейзаже
Большого города найдет поэт,
Быть может, то, чего в природе нет:
Есть красота в искусственном; и даже
Свет электричества, волшебный свет,
Порою над столицей печальной
Прекраснее луны сентиментальной.

XV

У нас культуру многие бранят
(Что, в сущности, остаток романтизма),
Но иногда мне душу веселят
Локомотив иль царственный фрегат
Изяществом стального механизма.
А все ж родней мечтателям пока
Восток и Рим, и средние века...

XVI

Но я решил, привычку побеждая,
Героя взять для повести моей
Из современных, будничных людей...

Дитя больное северного края,
Он родился в одной из тех семей,
Где, несмотря на кумфорт и достаток,
Какой-то буржуазный отпечаток

XVII

Лежит на всем. Лет тридцать прослужив,
Его отец страдал обычным сплином
И засореньем печени. Схватив
На скверной даче в Парголове тиф,
Скончался он с довольно важным чином,
И скромный, тысяч в сорок, капитал
Он, умирая, сыну завещал.

XVIII

Давно уж мать больна была чахоткой.
Покорная, с надеждой на Творца,
Серезу покидая, до конца
Она осталась любящей и кроткой.
Но он не помнил милого лица,
И лишь как сон, как то, что слышал в сказке,
Он вспоминал ее святые ласки.

XIX

Лет с десяти страдал уже хандрой
И склонностью к чахотке наш герой —
Родителей печальное наследство.
Как бред тяжелый промелькнуло детство.
С болезненной, угрюмою душой,
Сереза был ребенком некрасивым,

Мечтательным и странно молчаливым.

XX

Наследственность, мы все – твои рабы!
Твоим слепым законам жизнь покорна,
Со дня рожденья будущей судьбы
В нас тихо спят невидимые зерна:
Мы ей должны отдаться без борьбы.
Из рода в род болезнь и преступленья
Передают друг другу поколенья...

XXI

И зверь таится в каждом из людей,
И тысячами уз поработанный,
Он не смирился: в денди наших дней
Под оболочкой моды утонченной
Порой сквозят инстинкты дикарей —
С их жаждой крови, ужасом и мраком, —
Под этим белым галстуком и фракком.

XXII, XXIII

.....

XXIV

В гимназии невыносимый гнет
Схоластики пришлось узнать Сереже...
Словарь да синтаксис; из года в год

Он восемь лет твердил одно и то же.
Как из него не вышел идиот,
Как бедный мозг такую пытку вынес
Непостижимо. «Panis, piscis, crinis»^[10], —

XXV

Вот вся наука... Иногда весной
Он ласточкам завидовал. Не учат
Они Aorist первый и второй,
Грамматикой латинской их не мучат.
Пока бедняга с жгучею тоской
Смотрел, как в синем небе реют птицы,
Он получал нули да единицы.

XXVI

Когда зимой пленяло солнце взор
Сквозь дым багровый ласковым приветом,
И душный класс, и мрачный коридор
Был озарен янтарным полусветом, —
О, как Сережа рвался на простор,
И как хотел он, весь отдавшись бегу,
Лететь в санях по блестящему снегу!

XXVII

Над Ксенофонтом голову склонив,
Он забывал о грозном педагоге,
Смотрел куда-то вдаль и был счастлив...
Но вдруг звучал над ухом голос строгий:
«Скажите мне от ато ^[11] конъюктив!» —

И со скамьи мечтатель пробужденный
Вставал, дрожащий, робкий и смущенный.

XXVIII

Домой он не на радость приходил:
И отдохнуть не смел ребенок бедный.
Над Цицероном выбившись из сил,
Еще князей удельных он зубрил
До полночи, измученный и бледный,
Чтоб утром под дождем бежать скорей
В гимназию при свете фонарей.

XXIX, XXX, XXXI

.....

XXXII

Немудрено, что, кончив курс, Сергей
Считал весь мир печальной ошибкой.
Озлобленный, далекий от людей,
Он осуждал с презрительной улыбкой
Их с высоты учености своей,
Искал спасенья в отрицанье чистом —
И вообще был крайним пессимистом.

XXXIII

Но он – студент. Какой счастливый день!
С каким восторгом он вошел под сень

Таинственных больших аудиторий.
Он с трепетом заглядывает в тень
Немых библиотек, лабораторий;
На лекциях он – весь вниманье, слух...
Но скоро в нем научный жар потух.

XXXIV

С тупым лицом, рябой и косоглазый,
Какой-то метафизик примирял
Ученье церкви с Кантом. Он дремал,
Цедя сквозь сон медлительные фразы,
И, не боясь свистков, провозглашал
Тот принцип, что почтенье к людям надо
Определять количеством оклада.

XXXV

Сереже было стыдно; а потом
На кафедру взошел старик с лицом
Пергаментным, в очках; губа отвисла,
И мутный взор потух. Беззубым ртом
Зашамкал он уныло числа, числа...
История – без образов, без лиц,
Ряды хронологических таблиц!..

XXXVI

Но вот – юрист; он обожал остроты,
Был фат, носил фальшивый бриллиант,
Не знал предмета, но имел талант
Придумывать словечки, анекдоты
И пошлости. Сереже этот фронт

Казался неприличным и вульгарным;
Он, впрочем, был довольно популярным.

XXXVII

В своих товарищах не мог Сергей
Узнать студента добрых старых дней.
Где искренность, где шумные беседы,
Где буйный пыл заносчивых речей,
Где сходки, красные рубашки, пледы,
Где сумрачный Базаров-нигилист?..
Теперешний студент так скромн, чист

XXXVIII

И аккуратен: он смирней овечки
Он маменькин сынок, наследства ждет,
Играет в винт и в ресторане пьет
Шампанское, о тепленьком местечке
Хлопочет, пред начальством шею гнет,
Готовь стоять просителем у двери
И думает о деньгах, да карьере...

XXXIX

.....

XL

Был старичок-профессор: пылкий, страстный,
Гуманностью он увлекал без слов —

Одной улыбкой мягкой, детски ясной;
Идеалист сороковых годов,
Он умереть за правду был готов.

.....
.....

XLI

В морщинках добрых, с лысой головой,
Он был похож на маленького гнома.
На пятом этаже большого дома
В его квартирке плохонькой, порой,
По вечерам бывал и наш герой.
Жара, веселье, чай и папиросы,
И шум, и смех, и важные вопросы.

XLII

Один кричал: «Не признаю народа!..»
Другой в ответ: «Толстой сказал...» – «Он врет!»
– «Нет, черт возьми, дороже нам свобода...»
– «Пусть сапоги Толстой в деревне шьет...»
– «Прогресс!.. Интеллигенция!.. Народ!..»
Все, наконец, сливалось в общем шуме.
Сергей внимал в глубокой, тихой думе.

XLIII

Пора домой. Он вышел. Ночь ясна.
Костры извозчиков пылают с треском,
А на Неве голубоватым блеском
Мерцают глыбы льда, и холодна
В кольце туманной радуги луна,

И полны Сфинксы грусти величавой,
И задремал Исакий златоглавый.

XLIV

Его столбов и портиков гранит,
Весь опушенный инеем, блестит,
И по углам склонились, недвижимы,
Чернея в звездном небе, херувимы...
А Невский электричеством залит,
Кареты, вывески, кафе, – и звонок
В морозной ночи гул последних конок.

XLV

И думал так наш скептик молодой:
«О чем они так спорили, кричали?
Народ, культура, знанье, – Боже мой,
Но здесь, пред этой ночью голубой,
Как жалки все тревоги и печали!
Мне в двадцать лет не страшно умереть.
И, право, в жизни нечего жалеть.

XLVI

Жалеть!.. Я даже рад тому, что болен.
Я волю жить сознаньем превозмог,
Как Шопенгауэр говорит...» Доволен
Был юный наш философ тем, что мог
Цитатой подтвердить свой монолог.
Он чувствовал себя оригинальным,
Обиженным, и гордым, и печальным.

XLVII

В своих глазах он был почти велик.
Не понимал Сережа в этот миг,
Что пессимизм дешевый и банальный,
Всю эту грусть он взял из модных книг,
Из фельетонов да статьи журнальной,
Что свой красивый, мрачный идеал
Он у поэта Минского украл.

XLVIII

И между тем, как цепью бриллиантов
Над Невским ряд полночных солнц горел,
На улицу с презреньем он глядел,
На бедняков, публичных женщин, франтов...
«Как я далек от их ничтожных дел!..
Живут, страдают, любят, суетятся,
А смерть придет, – как сон они умчатся!..»

XLIX

И в шубу он закутался плотней,
И сделалось тепло ему от меха,
От сладостного внутреннего смеха
Над глупой жизнью маленьких людей;
Он опьянен был горестью своей,
Она ему казалась необъятной:
Ведь над собой поплакать так приятно.

L

Пришел домой, разделся он и лег.
Но мучил кашель, голова горела...
Потухли грезы. Слаб и одинок,
Он ласки жаждал и уснуть не мог.
А ночь в глаза так пристально глядела,
И, как могильный камень, тяжела,
Теперь уж скорбь не шуткою была.

LI

Ни сладких дум, ни слезь, ни вдохновенья,
Ему казалось глупым и смешным,
Что он считал великим за мгновенье.
Не скептиком, могучим, гордым, злым,
Он просто был несчастным и больным,
Покинутым ребенком. Одиноки
Теперь мы все: таков наш век жестокий!

LII

Мы думаем, безумцы, лишь о том,
Чтоб оградиться от людей наукой,
Правами, силой, деньгами, умом...
Но в нашем я, ничтожном и пустом,
Томимся одиночеством и скукой.
Борьба на смерть, – Vae victis! [\[12\]](#) – кровь за кровь,
У нас в руках – весь мир! Но где любовь?

LIII

Железные дороги, телефоны,
И Эйфелева башня до небес, —
Великий век открытий и чудес!..

А между тем нам как-то скучно... Стоны,
Разврат и голод... Жар любви исчез...
Вселенную мы знаньем победили,
А в сердце... в сердце мрачно, как в могиле.

LIV

И встал Сергей и к шкафу подошел.
Из книг он выбрал «Исповедь» Толстого.
Едва страницы первые прочел,
Он увидал софизмы, произвол...
Но сколько в вас для чувства молодого
Знакомой боли и родной тоски,
Гектографа заветные листки!

LV

Сереза думал: «Да, блаженны те,
Кто жизнь проводят в тишине, в заботе
Об урожае, в сельской простоте,
В слиянии с народом и в работе.
Но если верить жизни, не мечте,
Но если дел искать, не грез, – увидишь сразу
В **непротивлень**е злу пустую фразу.

LVI

.....

LVII

Толстой! Надолго ли в тебе угас
Сомненья дух мятежный и суровый?
Увы, ты мира дряхлого не спас...
Как знать, теперь, быть может, веры новой
Ты жаждешь сам, невидимо для нас.
А веры нет и быть ее не может,
И скорбь по ней нам сердце вечно гложет.

LVIII

Наш век, как ни один из всех веков,
Неведомого ищет и томится,
От мук изнемогает, пасть готов
И вдруг опять из порванных оков
Встает непобедимый и стремится...
Куда?.. навеки скрыто Божество.
Погибнем мы, но не найдем его!»

LIX

Сидел он долго, долго на постели.
Свеча померкла, алый свет играл
В замерзших окнах; фабрики гудели;
Спешил рабочий; дым из труб вставал;
С балов кареты мчались... Замирал
Далекий колокол, и сквозь дремоту
Столица принималась за работу.

LX

Забелин... (но героя моего
Я позабыл представить вам, читатель:
Забелиным я буду звать его).

Поближе из студентов никого
Не знал он, кроме Климова. Приятель,
Блондин в очках, высокий и худой,
Понравился Сереже добротой.

LXI

Как истинный народник, откровеньем
Он «Власть земли» Успенского считал,
Не мучился, как наш герой, сомнением
И жизнь не в поэтический кристалл,
Но, как работник, трезво созерцал,
Был полон нежности, любви и чувства,
А между тем не понимал искусства.

LXII

Зато во всем Забелин до сих пор —
Лишь дилетант, а Климов просто, смело
И бодро примется за жизнь и дело.
Хотя едва не каждый разговор
Переходил у них в жестокий спор,
Они вполне сошлись, как два контраста,
Что в дружбе и любви бывает часто.

LXIII

Камин пылает, лампа на столе.
Сережа любовался в полумгле,
Как угольки просвечивали нежно
Сквозь тонкий пепел, и внимал небрежно,
С насмешливою думой на челе,
А Климов мерил комнату шагами,

Курил, кричал, размахивал руками:

LXIV

«Ты – баба, эгоист!.. Твоя тоска
И пессимизм, и жажда идеала —
Вздор, сущий вздор пред скорбью мужика
О том, что нынче подать велика,
А хлеб не уродился, лошадь пала!..
Ты – барин... ты чужим трудом живешь,
Вся жизнь твоя – бессмыслица и ложь!..

LXV

Нам, видите ли, скучно, мы не в духе...
Но, Боже мой, в деревне хлеба нет!
Там люди мрут от голода, как мухи,
Там нужен свет, пойми, – любовь и свет!..
А мы... Какая подлость!..» Но в ответ
Сергей: «За мной весь Запад, вся наука.
Там тоже – скорбь, отчаянье и мука!..

LXVI

За мной – Шекспир и Байрон...» – «Старый хлам!
Есть многое важней литературы:
Возьми народ, – какая свежесть там,
Какая сила! Будущность культуры
Принадлежит рабочим, мужикам...
Эстетика – черт с нею!.. Надоела...
Нам надо пользы и добра, и дела!..»

LXVII

– «Ну, вот, начнется Писарев, готов
Ты сапоги признать важней Шекспира!..
Послушай, Климов, кроме мужиков,
Есть воздух, солнце, аромат цветов,
Вся красота и все величье Мира!
Ну, неужель и у тебя в крови
Нет жажды счастья, славы и любви?..

LXVIII

Ты, впрочем, взгляд изменишь, – я уверен...
А кстати вот что: в будущем году
Мы кончим курс, что делать ты намерен?»
– «В чиновники, конечно, не пойду!
Мне кажется, способен я к труду.
Учить ребят я буду в сельской школе,
И, право, мне не надо лучшей доли!»

LXIX

– «Как счастлив ты! – проговорил Сергей
С улыбкою печальной. – Верить страстно —
Вот Божий дар таких, как ты, людей.
Какой ты цельный!.. Все в тебе так ясно...
Завидую я простоте твоей...
А мы... несчастные!..» – и головою
Поник на грудь он с искренней тоскою.

LXX

«Но, Климов, тех, кому недостает
Простой любви, вы не судите строго...
О, жизнь в тебе ключом так мощно бьет!
Ну, дай мне этой силы, ради Бога!
Заставь меня поверить хоть в народ...
Без веры жить нельзя!..» – Он со слезами
Взглянул и вдруг закрыл лицо руками.

LXXI

В нем было столько боли и тоски,
Что, полон весь участия немого,
Глядел в смущеньи Климов сквозь очки,
Не выпускал из рук его руки
И жал ее до боли, и сурово
Твердил: «Дурак я!..» – И еще тесней
С тех пор сошелся с Климовым Сергей.

LXXII

Но кончен курс. Теперь бы жить, трудиться,
А он, Обломов в двадцать лет, скучал,
Не знал, что делать, жил на капитал,
В отчаянье, чтоб как-нибудь забыться,
Он сотни две томов перечитал,
Собой, людьми и жизнью недоволен...
А в сущности, Сергей был просто болен.

LXXIII

Гнилая петербургская весна,
Темнеет снег и тает понемножку.
Потоп! Столица вся запружена.

И барышня, показывая ножку,
Над лужею порой краснеть должна.
Но дворники работают повсюду:
И колят, рубят снег и валят в груды.

LXXIV

Лишь изредка, чтоб обмануть, блеснет
В туманах луч болезненного солнца, —
И вывеска над лавкою сверкнет,
Стекло, фонарь иль в глыбах синий лед
На санках с мокрой клячею чухонца...
И дождь да снег – опять на целый день,
И все больны, из дома выйти лень.

LXXV

Чиновники о даче грезят снова,
И жаворонков в булочных пекут;
Мечтают дети, скоро ль побегут
Играть в серсо вокруг дедушки Крылова;
Кругом от тифа да чахотки мрут,
А Фофанов в невозмутимых грезах
Поет себе о соловьях да розах.

LXXVI

Забелин простудился, кашлять стал.
Ему лекарство доктор прописал.
Не помогло, – он осмотрел серьезно,
Послушал грудь и, наконец, сказал:
«Советую на юг, пока не поздно.
Вам вреден Петербург». Сергей тотчас

Собрался и поехал на Кавказ.

LXXVII

Порою как-то душно мне в вагоне...
Я отрицать не думаю прогресс, —
Но то ли дело бешеные кони,
И песня ямщика, и даль небес,
И вольный воздух, и сосновый лес
С росистым мхом, с весеннею фиалкой!..
Увы! мне нашей старой тройки жалко.

LXXVIII

Локомотив – хорош... Но сундучки
Капризных дам, кондуктора, билеты, —
Какая пытка!.. Копоть да свистки,
На станциях – холодные котлеты,
Рыдают дети и визжат болонки,
И на голову валяются картонки...

LXXIX

Зато герой наш сердцем отдохнул,
Когда из душного вагона вышел,
Еще на даль морскую не взглянул
И лишь, смутясь, издалека услышал,
Какой-то грозный, непонятный гул,
И вдруг подумал: «Море!» – и, сверкая,
Пред ним открылась бездна голубая...

LXXX

Вот – пароход. Забелин – на корме,
Где пахнут дегтем влажные канаты.
Теснились думы чудные в уме,
Следил он, смутной радостью объятый,
Как выступали звезды в синей тьме
И как с чертой великой горизонта
Сливалась даль темнеющего Понта.

LXXXI

Он видит раз: над морем в небесах
Повисло ожерелье из алмаза.
Оно мерцало в утренних лучах,
И сердце сжал какой-то чудный страх:
То были вечные снега Кавказа.
Они внимали шуму волн морских, —
И холодом повеяло от них...

LXXXII

Привет мой вам, кавказские вершины!
Как облака, – чуть тронуты зарей, —
Вы блещете воздушной белизной...
У ваших ног зеленые пучины
Поют вам гимн... И думал наш герой:
«Там, в Петербурге, – снег, туман, ненастье,
А здесь... О, Боже мой, какое счастье!

LXXXIII

И как я смел роптать!...» Душой смирясь,
Перед лицом природы необъятной,
Он чувствовал свою живую связь
С какой-то силой вечной, непонятной,
И в глубь небес глядел, без слов молясь,
Как будто чем-то пристыжен, безгласен;
Он думал: «Господи, как мир прекрасен!...»

LXXXIV

Но здесь на время я оставлю нить
Моей унылой, будничной поэмы.
Нас, верно, будут критики бранить
За смелость рифм, за тон, за выбор темы,
Пожалуй, и Буренин уязвить
Захочет эпиграммой; но, конечно,
На рецензентов я смотрю беспечно.

LXXXV

Редакторы журналов – вот беда:
Какой почтенный вид, – и ни следа,
Ни проблеска свободной мысли, чувства!..
Число подписчиков – важней искусства.
Да сохранит нас Феб от их суда:
Твой карандаш, о цензор, мне милее,
Чем важного редактора затеи!

LXXXVI

.....

LXXXVII

О, только бы читательницам милым
(Для нас важней всего их приговор)
Не показался мой рассказ унылым.
Любезных дам неблагосклонный взор
Произведенье губит. До сих пор
В романе нет того, чем милы книги, —
Какой-нибудь таинственной интриги,

LXXXVIII

В чем каюсь от души... Зато в главу
Вторую поместить решил я сцены
Любви, свиданий, ревности, измены, —
И вдруг всю эту пеструю канву
Нежданною развязкой оборву
На самом интересном месте: сладки
Для наших дам любовные загадки.

LXXXIX

А, впрочем, может быть и то: умней
Я сделаюсь с годами. Скуки ради
Марать стихи в заброшенной тетради —
Занятие, достойное детей...
Забуду я о повести моей
Для дел серьезных, — и потонет в Лете
Забелин мой, как, впрочем, всё на свете.

Глава вторая

I

Как подымает с отмели волна
Дремавший челн, так легкий ямб уносит
Мои мечты, и, вновь пробуждена,
Гармонии душа моя полна,
И сердце рифм и нежной грусти просит.
Ну, что же, с Богом! Вольную ладью
Предав волнам, я счастлив и пою.

II

Пою опять... О, слезы вдохновенья,
Кто вами плакал, кто хоть раз вкусил
От муки творческой, тому нет сил
Молчать, и нет возврата и спасенья:
Он сердце музе строгой посвятил.
Что слава, радости, любовь земная?
Он был подобен Богу, созидая!

III

Но я вернусь к Забелину. Исчез
Батумский берег; запах нефти, лес,
Под солнцем в лужах буйволы, дремотой
Объятые, туманный свод небес,
Стоячая вода, тростник, болото,
Имеретины в серых башлыках
И зелень кукурузы на полях.

IV

Сурам. Долины, сосны, водопады;
В лицо пахнула свежая струя,
Меж гор цветущих – снежные громады,
И сладостен, как трели соловья,
В тени жасминов звонкий шум ручья.
А там, на скалах, в думы вековые
Погружены развалины седые.

V

Сергей на тройке мчится; вот Боржом;
Как с братом брат, обнялся с Югом нежным
Здесь наш родимый Север, и в одном
Они слились лобзанье безмятежном.
Улыбка Юга – в небе голубом,
А милый Север – в воздухе смолистом,
В бору сосновом, темном и душистом.

VI

Кура гудит, бушует, и волнам
Протяжно вторит эхо по лесам,
И жадно грудь впивает воздух горный,
И стелется роскошно по холмам
Сосна да ель, как будто бархат черный,
Как будто мех пушистый, и на нем
Лишь стройный тополь блещет серебром.

VII

О, если вы из городов бежали,
Чтоб отдохнуть от жизни и людей, —
Туда, под тень дубрав, туда скорей!..

Там шум лесной баюкает печали,
Там можно спать под пологом ветвей,
На свежем мху, на шелковой постели,
Как только спят в родимой колыбели.

VIII

Сергей в Боржоме комнатку нашел,
И зажил он, спокойный и счастливый,
Совсем один; приносит чай и пол
Ему метет старик-грузин плешивый;
Он любит с ним беседовать; на стол,
Меж тем как он, открыв окно, читает,
Акация порой цветы роняет.

IX

Он утром пил две чашки молока
И с грубой палкой местного изделия,
Здоровый, бодрый, уходил в ущелье.
Листок, былинка, горная река,
Молчанье скал и шорох ветерка
О смысле жизни говорили проще,
Чем все его философы; и в роще

X

Бродя весь день, он не был одинок:
Как будто друг забытый и старинный,
Что ближе всех друзей, в глуши пустынной
С ним вел беседу, полевой цветок
Он целовал; хотел – и всё не мог,
Когда глядел на небо голубое,

Припомнить то-то милое, родное.

XI

Как рад Забелин, что охоты нет
Читать весь хлам журналов и газет!
Он заходил в курзал патриархальный,
Чтоб освежиться ванной минеральной,
А в три часа садился за обед,
И весело струею кахетинской
Он запивал шашлык да сыр грузинский.

XII

По праздникам устраивался бал
В курзале. Гул Боржомки заглушая,
Оркестр военной музыки играл;
За парой пара, вихрем пролетая,
Кружится в легком вальсе; блещет зал;
И после света кажется темнее
Глубокий мрак каштановой аллеи.

XIII

А на веранде воздух так душист;
Там на скамейке барышне читает
Свои стихи влюбленный гимназист,
И местный Дон-Жуан – телеграфист —
С княжной восточной под руку гуляет;
И важно оправляет свой мундир
Для польки батальонный командир.

XIV

Однажды на таком балу, случайно,
Сергей увидел девушку. Она
Была блондинка, высока, стройна...
Предчувствием, почти боязнью тайной
В нем сердце сжалось; грации полна,
Прошла она легко, не бросив взгляда;
На освещенных листьях винограда

XV

В саду склоненный профиль чуть белел.
Герой наш отвернулся и хотел
Уйти, – была попытка бесполезна;
Старался не глядеть – и все глядел;
И как порой страшит и манить бездна,
Не взор, не прелесть юного чела, —
К ней сила непонятная влекла.

XVI

В чем женщины таится обаянье,
Того вовек не выразят слова,
Как музыки, как роз благоуханья.
Здесь гордый ум теряет все права:
И жалок тот, и в том душа мертва,
Кто не сознал пред женщиной любимой,
Как многое в любви непостижимо.

XVII

О, вот один из вечных алтарей,
Чей фимиам для нас, как прежде, сладок!
Что груды книг, – вся мудрость наших дней, —
Любовь, любовь, пред тайною твоей,
Пред этой величайшей из загадок!
Пусть рушатся миры, – он не исчез,
Последний бог, последний луч небес!

XVIII

Поэзия любви первоначальной,
Улыбка первая и первый взгляд,
Вы отлетаете, как вздох печальный
Далеких струн, как легкий аромат,
И уж ничем вас не вернут назад:
Так вечером бывает час безмолвный,
Когда земля и небо, тайны полны,

XIX

Чего-то ждут, и вдруг звезда вдали,
Там где-то, в синей бездне, так глубоко,
Что взоры к ней едва достичь могли,
Затеплится... И, чуждая земли,
Она дрожит слезинкой одинокой;
Тебя все звезды ночи никогда
Нам не заменят, первая звезда!

XX

Но наш герой наивно верит власти
Рассудка; он ни разу не любил;
С душою девственной и полной сил,

Считал себя он неспособным к страсти.
Не зная женщин, он о них судил
С холодностью и с видом утомленным;
Ему смешно: как можно быть влюбленным?

XXI

Конечно, от чего не пошутить,
Не поиграть любовью для забавы;
Как знать, начнет интригу, может быть,
Он только для того, чтоб изучить
Провинциальных барышень и нравы.
Но я скажу, не тратя лишних слов,
Он по уши влюбиться был готов,

XXII

И вовсе не на шутку... Слава Богу,
Давно пора ленивый мой рассказ
Мне вывести на торную дорогу.
Я с героиней познакомлю вас.
Забелин ей представлен; как не раз
О том мечтал, он принял вид небрежный;
Но взгляд, улыбка, платья шорох нежный —

XXIII

И вздрогнул он, смущением объят,
И оба кинули мгновенный взгляд,
Глубокий, любопытный и бесстрастный,
Как два бойца пред битвою опасной;
И ждут они, и пристально следят...
Так полководцы на полях сраженья

Обдумывают планы нападения.

XXIV

Поклонников толпой окружена,
Она казалась резвою кокеткой;
Но видел он сквозь смех ее нередко,
Что грустью тайною она полна.
Так в горном озере блестит волна
И отражает солнца луч беспечный,
А там, на дне, – там мрак и холод вечный.

XXV

Как часто в поединок на словах
Они вступали, полные отваги,
И скрещивались в воздухе, как шпаги,
Вопрос с ответом; и порой в очах
Сверкали гнев, победа или страх.
Возбуждены приятно были нервы,
И каждый думал: кто-то сдастся первый?

XXVI

Ее везде преследует Сергей
Сарказмами, иронией своей,
Язвит и сердит с вдохновеньем злобным.
Так и в любви томит сердца людей
Желанье власти над себе подобным.
Меж тем как быть счастливым он бы мог,
Из гордости остался одинок.

XXVII

Забелин увлечен игрой бесплодной.
Он очень мало с чувствами знаком,
А между тем исследует умом
Свою любовь с жестокостью холодной,
Как скальпелем пытливый анатом.
Но, к счастью, все сомненья и анализ,
Не разлагая чувства, притуплялись.

XXVIII

Сергей был некрасив, и худ, и мал.
Замечу в скобках: есть обыкновенье,
Чтобы герой поэмы представлял
Иль красоты, иль силы идеал;
Прошу у всех читательниц прощенья
За бедного героя моего,
Но истина дороже мне всего.

XXIX

В его лице был отпечаток серый
Родных небес, – на нем румянца нет;
Но Веру – героиню звали Верой —
Пленил порою мысли чудный свет
В его очах, среди живых бесед.
Дышала в нем та внутренняя сила,
Что больше красоты она ценила.

XXX

Ей нравился его свободный ум,
Непримиримый, дерзкий и печальный.
У них так много было общих дум;
Поклонники, интриги, сплетен шум —
Ей чуждо все в глуши провинциальной.
Так лилия порой грустить одна
Среди болот, чиста и холодна.

XXXI

На тихие боржомские долины
Нисходит южной ночи благодать.
Собрался маленький пикник в теснины
Окрестных гор прохладой подышать.
Сергей увидел Верочкину мать:
Она была вся в трауре, вдовою,
С лицом приятным, доброй и простою.

XXXII

Дремучий лес таинственно молчит,
Идут с водами пыльные обозы,
Ночной росы у неба просят лозы,
Как сердце слез любви, и не блестит
Луна большая, круглая, как щит.
Забелин с Верочкой ушли далеко
К волнами Куры и сели одиноко.

XXXIII

Луна встает – и лик ее бледней,
Бледней и ярче; мир простерт пред ней
Без сил, без воли, страстью побежденный.

Как пред своей царицей – раб влюбленный.
Под властью обаятельных лучей
Все замерло, затихло, покорилось
И томным, мягким светом озарилось.

XXXIV

О, если мир покорен ей, то нам,
Сердцам людей, неведомым цветам,
Как не дрожат от этой чудной власти,
Как не отдаться сладостным лучам,
Как не открыться и не жаждать страсти?
Когда цветы, когда сердца полны, —
Свой аромат пролить они должны.

XXXV

В тот миг Сергей забыл про осторожность,
Он лгать не мог, опасности был рад,
Любил глубоко, чувствуя ничтожность
Коварных планов, хитростей, засад;
И, сердце обнажив, как друг и брат,
Доспехи сбросив, кинув меч ненужный, —
Перед врагом стоял он безоружный.

XXXVI

Взяв руку Веры трепетной рукой,
Он говорил ей: «Оба мы тоскуем,
О, если бы вы знали, как порой
Я ласки жажду, тихой и простой!
Зачем же лицемерим мы, враждуем?
Простите, я признаний не терплю,

Скажу вам попросту: я вас люблю...»

XXXVII

И, увлечен потоком красноречья,
Он ничего не видит, как поэт,
Не слушает, не ждет противоречья,
Не замечает, что ему в ответ
Она не говорит ни «да», ни «нет».
Он был так полн самим собою в счастье,
Что не подумал об ее участье.

XXXVIII

А ей на жертву весело глядеть,
Как рыбаку на золотую рыбку,
Что блещет, вьется, попадая в сеть.
О, если б только мог он рассмотреть
Румяных губ мгновенную улыбку,
Лукавую, как мягкий свет луны
На влажном лоне трепетной волны!

XXXIX

«Еще одно признание, о Боже!.. —
Так думала, не поднимая глаз,
Кокетка наша. — Все одно и то же...
Как я привыкла к звуку нежных фраз, —
Мне говорили их уж столько раз, —
Те — из любви, другие — по расчету...
Он, кажется, пятнадцатый по счету».

XL

Сергей любил – надолго ль – все равно;
Он говорил так сильно и умно,
Такою музыкой и вдохновеньем
Все было в речи пламенной полно,
Что даже Веру сладостным волненьем
Он заразил; она гордилась им,
А кем гордятся, тот почти любим.

XLI

Но на другое утро он в постели
Припомнил все... И вдруг вскочил Сергей:
«Да я в любви признался... в самом деле...
Вот плусть-то!» В дали грядущих дней
Он прозревал твой факел, Гименей,
Уж перед ним мелькал халат супруга...
И разлюбил он Веру от испуга.

XLII

Так вечером (предупреждаю вас,
Для плустей весьма удобный час)
Отважен ум, душа кипит страстями,
Но плянет утро бледное на нас
Холодными и строгими очами, —
Мы потухаем, мы полны стыдом
Перед его насмешливым судом.

XLIII

В тот вечер на балу она была.
Забелин Веру не узнал сначала:
Как эта ясность милого чела
Нежданной, дерзкой прелестью дышала!
Она ему чужда и весела,
И с видом легкомысленно-беспечным
Кокетничать готова с первым встречным.

XLIV

Она задела кружевом его...
Сергей был в бешенстве: «Нет, какво!
Прошла – и хоть бы взором подарила!
Как будто бы меж нами ничего
И не было!» В нем гордость говорила
Сильней любви. Угрюмый на балу,
Нахмутив брови, он сидел в углу.

XLV

«Постой же, – думал, – глупенькой девчонке
Я отомщу!» Не прав был наш герой:
В ней резвая веселость, как в ребенке,
Была избытком жизни молодой;
Но он не мог бы, мелочный и злой, —
Так ум его тщеславье ослепило, —
Понять, как это плотское в ней мило.

XLVI

Чтоб слабой воле разумом помочь,
Он рассуждает: «Прочь отсюда, прочь!
Какая пошлость!» Но зачем без муки

Не в силах он припомнить, как в ту ночь
Любил ее? Зачем же о разлуке
Так больно думать? Или с гневом вновь
Воскресла в нем угасшая любовь?

XLVII

Они сидели в парке утром рано.
Он наставленья, важный вид храня,
Читал ей: «Вы не любите меня;
Но я не понимаю цель обмана...
К чему? Ужель кокетство? Здесь ни дня
Я не пробуду; жалкую победу
Оставив вам, я завтра же уеду».

XLVIII

Она в ответ: «Недобрый вы!» В тоске
Поникла головой и замолчала,
Лишь зонтиком чертила на песке.
Слезинка на конце ресниц блистала,
Как дождевая капля на цветке.
«И уезжайте, пусть я, пусть такая,
Кокетка, нехорошая и злая,

XLIX

Одна останусь... что ж, и все равно,
И пусть одна, – мне никого не надо;
Я – лгунья, гадкая – и очень рада!»
И слезы, накипевшие давно,
Дрожали в голосе; потрясено
Все существо обидой нестерпимой...

А он... он встал, глухой, неумолимый.

L

«Прощайте». И мертва и холодна,
Непобедимой гордости полна,
С презрительной улыбкой – как ни больно —
Хотела руку протянуть она...
«И вам меня не жалко?» – вдруг невольно
У Веры вырвалось... и он упал
Пред ней и молча, горько зарыдал.

LI

Когда уйти хотел он, полюбила
Она его, быть может, в первый раз.
Так недоступное для женщин мило,
Так сердцу дорого в последний час
Разлуки то, что покидает нас.
Счастливым быть одно страданье учит;
Мы любим тех, кто нас сильнее мучит.

LII

Он говорил, послушен, робок, тих:
«Я помню, как сердился; вдруг увидел
Я ваши ручки, – гнев в душе затих,
И я почувствовал, что вас обидел,
Что я жесток, когда взглянул на них.
Как не любить мне этих ручек бедных,
Почти что детских, тоненьких и бледных!..

LIII

Но Вера не глядела на него,
Стыдливая от счастья своего,
С улыбкой утомленной и спокойной.
Он ей твердил: «Прости мне!» – «Ничего,
Уж я простила...» Тополь нежный, стройный
Листвой в лазури утренней звенел,
Как будто песнь любви над ними пел.

LIV

«Вчера, – промолвил он, – как это странно,
Вчера мне горько было не любить,
А между тем не мог я победить
В душе какой-то радости нежданной,
Что нет любви, что стало легче жить,
Что вновь свободен я, как птица в поле...
Я рад был одиночеству и воле.

LV

Себя мы слишком любим; не хотим
Иной любви, боимся, как недуга...
Но если мы тщеславья не смирим,
Но если только оттолкнем друг друга,
Потом всю жизнь себе мы не простим.
Кто много любит, тот страдает много;
Верь, это крест, нам посланный от Бога».

LVI

Она молчала. Сердце сжалось в ней
Предчувствием неведомых скорбей.
Во взорах – отблеск грусти непонятной;
Меж тем, под лаской утренних лучей
Все так дышало жизнью благодатной,
В лазури тополь листьями звенел,
Как будто песнь любви над ними пел.

LVII

Ночь; спит Боржом; шумит один поток...
Уж утро близко. Открывает взоры
Росой умытая звезда Авроры;
На выси гор потухший месяц лег.
Лишь в комнатке у Веры огонек.
Открыв окно, она прохладой дышит
И в дневнике заветном что-то пишет.

LVIII

«Сергей влюблен; успеху своему
Дивлюсь я, право; неужель такая,
Как я, могла понравиться ему,
Капризная, ленивая, пустая?..
Я даже некрасива; почему
Я нравлюсь людям? Рада этой чести
Я от души, но будь на их я месте...

LIX

Ужель к любви я окажусь способной?
Едва ли, – слишком я люблю себя, —
О, как люблю! Все лучшее губя

В душе, люблю себя насильно, злобно,
И как стыжусь, как мучаюсь, любя...
Но чем ему я нравлюсь? Вот загадка.
А все-таки любимой быть так сладко...

LX

Чтоб сразу был развенчан мой герой
(Я часто наблюдала), мне порой
Довольно слова, черточки ничтожной,
Во вкусах, в мненьях мелочи пустой,
Иль даже в разговоре нотки ложной;
Стыдишься вдруг того, кем был так горд;
Фальшивый тон – разрушен весь аккорд.

LXI

Когда он мне понравился, – я знала,
Что это очень важно, не умом,
А сердцем, – долго с жадностью искала
Я этой черточки фальшивой в нем:
В манерах, в мыслях, в голосе – во всем,
Искала так внимательно, злорадно —
И не нашла... и было мне досадно...

LXII

Люблю ли я его? И нет, и да...
Как человека – только иногда,
По вечерам, когда любовь сильнее
И как-то ярче... Утром же всегда
Мечты спокойней, сердце холоднее;
Тогда не человека, не всего, —

Люблю в нем только сердце, ум его.

LXIII

Он не простой; он чувствует так сложно,
Что я порой совсем теряю нить;
Он ищет, роется в душе тревожно,
Он не умеет попросту любить;
Рассудок может чувство в нем убить.
И это страшно мне, и я тоскую,
Его любовь к его уму ревную».

LXIV

Она закрыла тихо свой дневник.
Уж холод утра в комнату проник,
Звезда Авроры дивными огнями
Переливалась ярче над горами;
Ответила природа в этот миг
На первый луч денницы безмятежной,
Как сонное дитя, улыбкой нежной.

LXV

Почти два месяца прошло с тех пор.
У них любовь – все тот же вечный спор
За первенство; поутру – охлаждение
И слезы горькие мгновенных ссор,
А вечером – восторги примиренья...
Счастливы, не заметили они,
Как эти светлые промчались дни.

LXVI

Сбирался теплый дождь; в лесу молчанье;
Вечерний отблеск солнца в тучах гас;
Поцеловал он Веру в первый раз...
«И только-то?..» – шепнуло им сознание...
Так много обещал им этот час,
Что каждый, грустью странною волнуем,
Разочарован первым поцелуем.

LXVII

Вдруг хлынул дождь из набежавших туч,
Но не померк вечерний солнца луч, —
Он полон к миру тихого участия,
И брызнул ливень, светел и певуч,
Как будто все заплакало от счастья.
Смешалось солнце с влагой нежных струй,
Как с теплыми слезами поцелуй.

LXVIII

Потом, когда они припоминали
Тот поцелуй чрез много-много дней,
Исполненный таинственной печали,
Он был для них чем дальше, тем милей, —
Им чудился и аромат полей,
И крыши дач Боржома дорогого,
И шум веселый ливня золотого.

LXIX

Однажды полдень пламенем дышал;
Лесной пожар волнующимся дымом
Вдали холмы и села облекал;
Там, над Курой, в обломках желтых скал
Все онемело в зное нестерпимом;
Лишь ящерица быстрая порой,
Как изумруд, блеснет в траве сухой.

LXX

Зато свежо – под влажной тенью парка,
Где пенится зеленая волна
Боржомки горной, вечно холодна.
Сергей, когда бывало слишком жарко,
Спускался к ней; здесь мрак и тишина,
И в чудный свод, таинственно шумящий,
Сплелись чинары, дуб и клен дрожащий.

LXXI

К потоку с нежною мольбой они
Протягивают ветви, словно руки,
И говорят: «Помедли, отдохни, —
У нас так хорошо; к чему же муки,
К чему борьба? Пора уснуть в тени.
Куда ты рвешься, плача и тоскуя?..»
А он в ответ гремит им, негодуя:

LXXII

«Из недр Кавказа, страшен и суров,
Я вырвался; внимая реву бури,
Я созерцал рождение громов,

И мне ль плениться запахом цветов,
И мирным сном, и прелестью лазури!
О, нет! Скорей на волю! Жизнь мою
Лишь с океаном вечным я солью!»

LXXIII

Сергей глядел, счастливый и безмолвный,
На Божий мир, и в первый раз он жил,
Не думая, – как лес живет и волны;
Он никогда так просто не любил,
Без гордости; непримиримых сил
Затихла в нем мучительная битва;
Теперь любовь спокойна, как молитва.

LXXIV

С дороги не видать Сергея; свет
Чуть проникал сквозь чащу; конский топот —
Два всадника... то Вера, с ней кадет,
Красавец; но... не может быть, – о, нет, —
Ему почудилось – влюбленный шепот...
Он руки жмет, целует, и она...
Она смеется, радости полна.

LXXV

Она смеется... Смех знакомый, милый!
Он столько раз внимал ему в тиши...
Так это было все игра, – души
В ней нет!.. И вот на что он тратил силы!
Как счастливы они, как хороши!
Помчались вихрем; он высок и строен,

В сознании победы так спокоен.

LXXVI

«Да полно, любит ли она? – шептал
Какой-то голос: любит, да, он молод,
Красив, а я смешон, и худ, и мал...»
Он вздрогнул, – пробежал по сердцу холод...
«Все кончено!» На землю он упал
С потухшими и мертвыми глазами,
Без слез, немой, закрыв лицо руками.

LXXVII

Когда б он знал, что, под улыбкой скрыв
К нему глубокой нежности порыв,
Как никогда, его любила Вера;
Лишь им полна, лишь им одним, забыв
Про все, не слыша глупой речи кавалера,
Она смеялась; счастлив был тот смех;
Он говорил: «Сергей мой лучше всех!»

LXXVIII

Когда б он знал, как ночью, в ожиданье
Зари желанной, Вера не могла
Сомкнуть очей, как утром на свиданье
Она с тревогой радостною шла,
И как его любила, как ждала
Шагов, знакомой серой шляпы, встречи,
Улыбки, ласк и тихой милой речи!

LXXIX

Шел ночью дождь, разросся мутный вал
Боржомки бешеной, и с громом мчал
Он трупы сосен, вырванных с корнями,
И теплый ветер сыростью дышал;
Струился пар над влажными лесами,
На солнце каждый лист блестел, дрожа;
Лазурь была туманна и свежа.

LXXX

Вот подошел Сергей; спокойно, гордо
И вежливо ей руку протянул;
«На этот раз мое решенье твердо —
Я уезжаю вечером». Взглянул —
И вдруг лицо в смущеньи отвернул:
С такой наивной, робкою мольбою
Она глядела: «Милый, что с тобою?»

LXXXI

– «К чему притворство, Вера?.. Я вчера
Узнал, что вы не любите, забавой
Была любовь... Наскучила игра...
Ну, что ж, нам разойтись давно пора.
Расстанемся без объяснений; право,
Так будет лучше». Молча, побледнев,
Она встает... И в нем проснулся гнев.

LXXXII

И, опьяненный сладким чувством мести,
Он ничего не помнил, говорил
Наперекор достоинству и чести,
Остановиться не имея сил, —
Разрушил все, что прежде так любил,
Несправедливо, грубо и без цели;
И очи злобным торжеством горели,

LXXXIII

Она спокойна; сомкнуты уста
Печально, строго. Ни одна черта
Не дрогнула в лице ее бесстрашном:
То мертвая, немая красота.
Когда ж Сергей пред этим взглядом ясным
И пред величьем бледного чела
Умолк, – она в ответ произнесла:

LXXXIV

«Нам вместе жить нельзя, я это вижу.
Во мне вы ошибаетесь; но я
Любви до оправданий не унижу;
Скажу вам просто, сердца не тая,
Но и без клятв: чиста любовь моя.
Хотите верить – верьте; не хотите —
Удерживать не буду, – уходите.

LXXXV

Чего вам надо? – Власти надо мной?
В душе вы – деспот; но любви такой
Я не хочу, – неволя хуже смерти;
О, нет, из сердца вырву страсть, поверьте,

Но никогда не сделаюсь рабой.
Простимся». И не прежней робкой девой,
Она ушла надменной королевой.

LXXXVI

Сергей на вечер тройку заказал.
«Тем лучше, я свободен...» – он шептал,
Укладывая вещи, и руками
Дрожащими из шкафа вынимал
Белье, и пледы связывал ремнями.
А в комнате так пусто и темно,
Сверчок поет, и дождь стучит в окно.

LXXXVII

Слуга пришел с вечерним самоваром;
Сергей дал два рубля ему на чай;
И тот в восторге, с трогательным жаром,
Благодарил и кланялся: «Прощай,
Хороший, добрый барин! Приезжай
Опять в Боржом». Свеча во мгле мерцала
И одиночество напоминала.

LXXXVIII

Вдруг сделалось себя ему так жаль;
И безнадежною была печаль,
Как дождь ночной, унылый, однозвучный;
Казалась жизни сумрачная даль
Пустынею холодной, мертвой, скучной.
Он снова брошен всеми, одинок...

На старенький дорожный сундучок

LXXXIX

Он сел... Хотелось умереть Сергею...
Сверчок умолк, и самовар потух...
Чуть слышалось жужжанье сонных мух...
И он подумал вдруг: «А что-то с нею?»
От этой мыслихватило дух,
И сердце сжалось: вновь оно любило,
С тоской отчаянья, с безумной силой!

XC

Вдруг в двери легкий стук... Он отворил...
«Как, Вера... вы?» – пред ней он отступил.
Она под черной, длинною вуалью,
Вся бледная, дрожала; взор молил
О чем-то с тихой, робкою печалью.
«Прости, Сережа, мне, – я не могла...
Уж не сердись, мой милый, что пришла...»

XCI

Убитый, жалкий, ноги обнимая,
Края одежды, мокрой от дождя,
Он целовал и повторял, рыдая:
«Ты ль это, Вера?.. Недостоин я
Тебя, родная, деточка моя...»
И с беспредельным, жгучим состраданьем
Он грел ей руки влажные дыханьем.

XCII

Покорно, ослабев, все существо
В ней отдавалось нежности его
С доверием, как материнской ласке.
Она в тот миг, не помня ничего,
В изнеможенье, закрывая глазки,
Склонив головку бедную свою,
Шептала: «Господи, как я люблю!

XCIII

Я слабая и жалкая, ты видишь,
Уж я тебе всем сердцем отдаюсь;
Ты можешь зло мне сделать, – не боюсь;
Ведь деточку свою ты не обидишь...
Люблю – и не скрываю, не борюсь...
А знаешь, шла я по лесной дорожке, —
Там сыро, страшно!..» – «Бедненькие ножки!..

XCIV

Совсем холодные!» – Ее жалел
Он как дитя больное, со слезами
Лаская, ножки маленькие грел,
Как птенчиков озябнувших, руками
И поцелуями... Но мрак густел.
«Пора!» – он встал, и с грустью молчаливой
Они простились... Он уснул счастливый.

XCV

.....

ХСVI

Кончался август; с ласкою печальной
Глядело солнце; мягок и душист
В тени лесных тропинок желтый лист;
А небосвод, глубокий и хрустальный,
Прозрачен, звонок, холоден и чист,
И с утренней росой на георгины
Ложатся нити тонкой паутины.

ХСVII

Как веянье отрадной тишины,
Предсмертный сон объемлет мир неслышно,
Но грезы смерти негою полны,
Как счастья и любви живые сны.
Вознесся лес таинственно и пышно,
Как золотой, великолепный храм,
К пустынным, ярко-синим небесам;

ХСVIII

Трепещущий, с улыбкою покорной,
Он, как жених – невесты, смерти ждет;
Она к нему, желанная, придет
Прекрасней жизни, с лаской благотворной...
Зачем, о смерть, твой радостный приход
В природе мы одни лишь, дети праха,
Клянем, полны отчаянья и страха?..

XCIX

Сергей испуган жизнью и смущен;
Счастливым дням не доверяет он:
Так узник бедный, к воздуху темницы
Давно привыкший, солнцем ослеплен
И, отвращая взоры от денницы,
Он все грустит в дубровах и степях
О сумраке тюремном и цепях.

C

Ужель опять Забелин мой тоскует?
Ужель к нему вернулся прежний сплин?
Он говорит: «Люблю», ее целует —
И думает: «Я – муж, я – семьянин,
Уж никогда не буду я один,
И днем, и ночью – всюду, вечно с нею...»
От этой мысли холодно Сергею.

CI

Наедине он рассуждает так:
«Легко сказать – жениться!.. Это шаг
Непоправимый; разбирая строго,
Обуза тяжкая – законный брак;
И, право, в одиночестве так много
Поэзии...» Горюет всей душой
Сергей о жизни вольной, холостой.

CII

Герой наш, полон робости нежданной,
Остановился вдруг на полпути.
Чтоб жизнь начать, не может он найти
Решимости: как пред холодной ванной,
Дрожит, не знает, как в нее войти —
Нелепое, смешное положенье!
А силы нет, чтоб победить сомненье.

СШ

Опять сомненье! Бедный мой Сергей!
Уж он предвидит скуку и заботы,
И петербургских пятых этажей
Квартирки плохонькие, визг детей,
Кухарок, нянюшек, портнихи счета
И запах от пеленок; дрязги, чад
Котлет из кухни и семейный ад.

СIV

«Но это вздор, ведь я люблю, мне честность,
Мне долг прямой велит любить...» И вдруг
Всю душу охватил ему испуг.
«А если...» – он не кончил; неизвестность
Его страшила; он искал вокруг
Поддержки иль опоры; ум слабеет
От ужаса в нем сердце леденеет.

CV

О, Боже мой, как тяжело сознавать,
Что все в любви зависит от мгновенья!
То любит, то не любит он опять.

И невозможно чувству приказать:
Оно – порыв, каприз воображенья,
Он не владеет им... Меж тем, грозя,
Пугает мысль, что не любить – нельзя.

CVI

Но что же делать? Страсть из чувства долга,
Как скучная обязанность, гнетет;
Возможное нам мило ненадолго,
Преступное нас манит и влечет.
Зачем так сладок нам запретный плод?
Он чувствует, что воля в нем бессильна...
И как заставить полюбить насильно?

CVII

«Я разлюбил!..» – однажды этот крик
Из сердца вырвался в безмолвье ночи.
Он пристально заглядывал в тайник
Души своей, до дна в него проник,
Смотрел, искал, прислушивался, очи
Вперив во тьму... и в сердце находил
Лишь мрак и пустоту, – он разлюбил!

CVIII

А между тем она так свято верит;
Он победил, окончена борьба,
Она теперь покорна и слаба,
Не взвешивает чувств своих, не мерит;
Его мгновенных прихотей раба —
Идет на жертвы, горе и страданье

Безропотно, как агнец на закланье.

СІХ

Увы! Для бедной девушки порой
Так ясно, что ее покорность губит,
Что надо быть кокеткой, гордой, злой, —
Но силы нет, и с детской простотой
Она открыто, беззаветно любит;
И тем неумолимее Сергей,
Сознав вину, срывает гнев на ней.

СХ

Послушная, она не возражает,
Не жалуется, – он бы и не мог
Ее понять, – тихонько вытирает
Глаза, в дрожащих ручках свой платок
Свернув, как дети, в маленький комок,
И слушает, и горько-горько плачет:
«Ну что же, Бог с ним, ничего не значит.

СХІ

Пусть он не прав, я все перенесу...»
Сергей, смотревший с нежностью глубокой
На бледный, лик, на светлую косу,
На милую, печальную красу,
Теперь плядит так злобно и жестоко,
Как за слезою катится слеза,
И красные, опухшие глаза

СХII

Ему не нравятся. Уж в сердце глухо
Вражда заговорила, – скука, лень
И отвращенье: так в осенний день
Бывает пыльно, ветрено и сухо;
И хоть бы капля чувства, хоть бы тень...
В душе он ищет жалости напрасно:
В ней все так жестко, холодно и ясно.

СХIII

«Ты разлюбил меня, Сережа?» – раз
Бедняжка молвит; ждет она лишь слова,
Одной улыбки, взора милых глаз,
Чтоб верить вновь и все простить тотчас,
Ему на шею броситься готова...
Сергей со злобой начал говорить,
Что он ее не в праве разлюбить.

СХIV

И как могло сомненье в ней явиться?
Ведь, кажется, вопрос решен; она
Уверенною быть вполне должна,
Что не раздумал он на ней жениться...
И Вера слушает, как смерть, бледна,
И только очи широко открыты,
Какой-то мертвой дымкою покрыты;

СХV

Их взор безжизнен, сух и воспален,
В Забелине кипело чувство злое;
«Как этот взгляд, – с досадой думал он, —
Невыразителен и неумен;
В нем что-то глупое, совсем тупое...»
Поняв, что уж ничем нельзя помочь,
Ему писала Вера в ту же ночь:

CXVI

«Я разлюбила вас, и не желаю
Притворствоваться. Запомните, Сергей,
Хотя могли вы быть ко мне добрей,
Я вас ни в чем, ни в чем не обвиняю
И лишь прошу уехать поскорей.
Ведь искренность для нас всего дороже,
А вы не любите меня, – я тоже.

CXVII

Молю тебя, мой милый, уезжай,
Я требую, ни дня не медли дольше;
Но, возвратясь в родной, далекий край,
Хоть изредка про Веру вспоминай.
Я буду за тебя молиться... Больше
Не встретимся мы на земном пути;
Да сохранит тебя Господь, – прости!»

CXVIII

Как плакал он, письмо ее читая,
От жалости не к Вере, а к себе...
Достиг он цели, победил в борьбе

И утолил тщеславие. Пустая,
Ничтожная победа, что в тебе?..
Бесцельное свершил он преступленье,
Навеки стыд в душе и угрызенье.

CXIX

Сумел любовь рассудком он убить.
Что пользы в том? Увы, за свежесть чувства,
За каплю нежности, за дар любить,
Как любят дети, просто, без искусства,
За тот порыв, дающий силу жить, —
Он отдал бы, раскаяньем томимый,
Свой гордый ум, – свой ум непобедимый.

CXX

Он молод, впереди вся жизнь, в нем кровь
Кипит, а уж в сознание холод вечный...
«Нет, мысль – не все, есть вера, есть любовь;
Но где же взять их, как вернуться вновь
К любви без дум и к простоте сердечной?» —
Так размышлял он, в экипаж садясь.
«Ну, с Богом, в путь!» – и тройка понеслась.

CXXI

Холодный ветер; пыль встает клубами,
Вдоль по пути летят, за роем рой,
Сухие листья осени глухой...
Река бушует темными волнами,
А нежный тополь, что шумел весной
В лазури утренней и пел про счастье,

Теперь дрожит под холодом ненастья.

CXXII

Там, над дорогой, меж густых ветвей,
Стояла Вера. Все затихло в ней,
Как будто не сама она страдала,
А лишь рассказ давно минувших дней
В какой-то книге про себя читала,
Как будто только сон ей снился... Вдруг
Раздался колокольчик... Слабый звук

CXXIII

Все ближе, ближе... Он! «Сережа, милый!..»
Не слышит... тройка мчится, замер крик...
В ней сердце, мысли, очи, бледный лик,
Все существо с неудержимой силой
Туда, за ним, стремилось в этот миг:
Так стебли трав в воде дрожат порою,
Стремясь за убегающей волною.

CXXIV

Как листьев легкий шум, ее слова
Унес холодный ветер в даль, и голос
Затих, на грудь поникла голова;
Как скошенный на ниве бедный колос,
Без слез, без жалобы, почти мертва,
Она упала... И ему так больно,
Так страшно сделалось, что к ней невольно

CXXV

Он обернулся; но вперед, вперед
Рванули кони и стрелой умчали...
Возврата нет! Увы судьба не ждет,
И в даль она, как тройка, унесет
От всех, кого любили мы и знали;
Они с мольбой зывают нам вослед:
«Вернись, помедли!» – но возврата нет.

CXXV

Они к нам простирают руки, тщетно!
Мы далеко: «Прости!»... последний взгляд
С отчаяньем кидаем мы назад...
Наш крик замрет в пустыне безответной;
Взовьются кони и летят, летят,
Чем дальше, тем скорей, неумоимо, —
Мечты, друзья, любовь – все мимо, мимо!

Глава третья

I

«Beati possidentes»^[13], – вот что важно:
Блаженны те, чей кошелек набит
Кредитными рублями! Пусть отважно
Их мысль в надзвездной области парит:
Пробудит вдохновенье аппетит
Для ужина. Но с пустотой желудка
Лирический восторг – плохая шутка!

II

На крыльях грез в какой-то чудный край
Летишь, бывало. Вдруг жена подходит:
«Прекрасно, милый друг, – пиши, мечтай!..
Вот до чего поэзия доводит, —
Сегодня нет обеда! Так и знай»...
Она права, скажу я между нами:
Не будешь сыт красивыми стихами.

III

Роптать и мне случается порой:
Зачем я не сапожник, не портной?
В хорошем сюртуке или ботинках
Есть польза несомненная: простой,
Понятный смысл, – а в звездах и в росинках,
И соловьях – какой в них толк – для тех,
В ком вдохновенье возбуждает смех?

IV

Забавный титул юного поэта
Мне надоел. Что может быть скучней,
Как вечно у редакторских дверей
Стоять с портфелем? Слушаясь совета
Серьезных и практических людей,
Забуду с музой ветреную дружбу,
Остепенюсь и поступлю на службу.

V

Когда пустое место наполнять
Типографу приходится в журнале,
Поэту позволяют выражать
Свои восторги, думы и печали
Стихотвореньем строчек в двадцать пять, —
Никак не более. Вошло в привычку
У нас стихи печатать «на затычку», —

VI

Как говорил покойный Салтыков...
И, может быть, испуганный читатель,
Взглянув на ряд моих несчетных строф,
Воскликнет: «Да хранит меня Создатель
Читать роман в две тысячи стихов!»
Он прав. Мне эта мысль тревожит совесть...
Но делать нечего, — окончу повесть.

VII

Сергей вернулся в Петербург: дома
В тумане желтом, дождь, гнилая осень,
Октябрьских полдней серенькая тьма...
Ему здесь душно: давят, как тюрьма,
Глухие стены. Запах южных сосен,
Лазурь небес припоминает он
На грязных, темных улицах, как сон.

VIII

Кругом все то же... Дни его так пусты...
Знакомый красный дом, городской,
И вывеска над лавкой мелочной

С изображеньем хлеба и капусты...
Узор на ширмах, запах комнат, бой
Часов в столовой, тишина, и снова —
Весь ужас одиночества бывшего.

IX

«Опять – унылый, бесконечный день!..»
Проснувшись утром, глаз не открывая,
Он думал. Скучно. Одеваться лень.
Часы обеда, ужина и чая —
Вот все события. Он читает. Тень
Все гуще – сумерки; и в эту пору
Приносят лампу и спускают штору.

X

Ну, слава Богу, ночь уж близко! Цель
Его желаний – броситься в постель,
Скорей задуть свечу... Дула устала...
Он с отвращеньем думал: «Неужель
И завтра то же, и опять сначала —
Вставанье, кофе, чтение и опять, —
Обряд постылый жизни исполнять!..»

XI

Забелин к доктору зашел от скуки.
Тот взвешивал его: «Помог Кавказ!
Прибавилось полпуда. В добрый час!..
Что значит климат! – потирая руки,
Смеялся немец. – Поздравляю вас:
Теперь сто лет вам жить!» – и с жалкой, бедной

Улыбкою внимал Сережа бедный.

XII

«В труде – спасенье! – просветлев на миг,
Он раз подумал. – Буду на магистра
Держать экзамен!» – и за груды книг
Принялся лихорадочно и быстро.
Сидел две ночи, но едва проник
Он в смысл одной главы: душа тревожна.
Он чувствует – работа невозможна.

XIII

Однажды шел по улице Сергей.
Сквозь талый снег быт слышен визг саней
На мостовой, и скользкие панели
Сияли в мутном свете фонарей;
Из водосточных труб ручьи шумели,
И пьяный пел у двери кабака,
И тихо падал мокрый снег... Тоска!

XIV

Сереже снилась комнатка; он весел,
Работает. Уютно и тепло.
И кроткое, любимое чело
На темном бархате глубоких кресел
Под лампой так нежно и светло...
И шьет она, – чуть слышен безмятежный,
Приятный звук иглы ее прилежной...

XV

Он все отверг. От счастья сам ушел.
Простая жизнь казалась пошлой долей.
Он гордую свободу предпочел,
И, одинокий, самолюбив и зол,
Остался он с своей постылой волей.
Но что в ней? В сердце – холод смерти. Свет
Любви погас, и в жизни смысла нет.

XVI

Был вечер. Полон грустными мечтами,
За книгой у камина он сидел,
Вдруг дверь открылась: Климов! Он влетел,
Обняв его, холодными усами
К щеке прижался, хохотал, шумел.
«Ну, как живется, милый мой философ?»
И предлагал он тысячи вопросов.

XVII

«Да ты не знаешь горя моего:
Из школы выгнали. За что, – спроси-ка!
За вредные идеи!.. Каково?
Уж кажется старался никого
Не обижать... Все это глупо, дико...
.....
.....

XVIII, XIX

Голубчик, жаль, до слез мне жаль ребят:
Ведь дело-то пошло у нас на лад!..
Работа славная! Но нет нам ходу,
Пока в деревне кулаки царят.
Со всей любовью искренней к народу,
С образованьем, с жаждою труда
Кому теперь я нужен? Ну, куда,

XX

Скажи, куда прикажешь деться?..» Много,
Он в этом духе говорил. Потом
Расспрашивал Сережу обо всем
С участием, с нежной, дружеской тревогой.
Тот рассказал, как ездил он в Боржом.
Он, впрочем, говорил довольно мало,
С улыбкою небрежной и усталой.

XX

«Признайся-ка, Сережа, ты влюблен?..» —
«Помилуй, что за вздор!..» — и с лицемерной
Беспечностью он отрицал. — «Смущен...
Ага, краснеешь, — значит, это верно!..
Уж вижу по глазам...» — Был удивлен
Сергей. Один оставшись: «Неужели, —
Он думал, — Климов прав?.. Так, — в самом деле! —

XXII

И сердце в нем забилося. — Боже мой,
Зачем, зачем, все эти муки, бремя
Тоски и лжи?.. Что сделал я с собой?...

Ах, Вера!..» – Слезы хлынули волной,
Душа смягчилась. «Да, люблю, все время
Любил родную, бедную мою,
И как я думать мог, что не люблю!..»

XXIII

Увы! любовь сомнение затмило.
Так в комнате луна царить в ночи;
Внесут огонь, и месяц от свечи
Померкнет вдруг; уносят – с прежней силой
Сияют вновь стыдливые лучи:
В нас ложный свет рассудка чувство губит;
Любовь, как месяц, тихий сумрак любит.

XXIV

Он Вере написал. Теперь тоска
Ему почти отрадна и легка, —
Надеждой робкою она согрета.
И пишет вновь дрожащая рука
Слова любви; он молит, ждет ответа,
Двух строк, хотя б упрека, и не лень
Ему на почту бегать каждый день.

XXV

Закрыв глаза, он шорох платья слышит
И милый, нежный голос. Чуть звонок,
В прихожую летит он на порог:
«Не почтальон ли?» Пятый раз ей пишет, —
Ответа нет. Он больше ждать не мог..
В душе росло безумное волнение —

То детский страх, то радость, то мученье.

XXVI

Он старое письмо хранил. В тоске —
То был последний луч его надежды.
В записке Веры, в желтом лоскутке,
Как в бедном увядающем цветке,
Был слабый аромат ее одежды,
Ее духов; и весь он трепетал,
Когда тот запах с жадностью вдыхал.

XXVII

Ответа нет как нет. Ужель не будет?
Ужель захочет Вера отомстить
И оттолкнет его? Ужель забудет?
Забыть нельзя... А он... ведь мог забыть!..
О, только бы позволила любить
Безмолвно, трепетно. Во мраке ночи
Он видит чьи-то горестные очи,

XXVIII

И все над ним летают в тишине
Какие-то мучительные звуки:
«Сережа, я больна... скорей ко мне!..»
Она зовет, протягивает руки, —
Он это знает, чувствует во сне...
В слезах проснется, смотрит: тьма ночная.
И он один, и мучит мысль иная:

XXIX

«Что, если Вера вовсе не больна,
И даже весела, и все забыла?
Приеду я некстати, и она
Промолвит мне, досадою полна:
«Ведь я писала вам, что разлюбила!..»
От этих дум сошел бы он с ума,
Когда б, бедняга, наконец письма

XXX

Не получил. Писала мать из Крыма:
Опасно Верочка больна. Врачей
Пугает грусть ее. Необъяснима
Болезнь; и мать просила, чтоб Сергей
Приехал к ним, хоть на немного дней.
Он понял все: от горя умирая,
Она рвала все письма, не читая —

XXXI

Из гордости!.. И вот три дня подряд
Сергей на поезде курьерском скачет.
И по ночам, когда в вагон спясть,
Он, на диване прикорнув, объят
Безвыходной тоской, тихонько плачет.
Очнувшись вдруг в возке на лошадях,
В унылых севастопольских степях,

XXXII

Он видит: мечется седая вьюга.
Но только что чрез горный перевал
Байдарские ворота миновал, —
Пахнуло теплое дыханье юга;
В воротах снежный прах еще летал,
А там, у моря, солнце уж пригрело
Подснежник трепетный с головкой белой.

XXXIII

Весна! И он взглянул с обрыва вниз:
Там лавр, олива, стройный кипарис,
И тихо плещет море голубое,
И под январским солнцем вознеслись
Дворцы Алупки в сладостном покое,
Внимая вечно ропщущим волнам,
И наш герой подумал: «Вера там!»

XXXIV

Над морем, в темной роще – домик белый...
Он – на крыльцо. Еще в последний раз
Помедлил: «Неужель теперь, тотчас?..»
И сердце сжалось. В дверь рукой несмелой
Стучит; вошел, не поднимая глаз...
В прихожей – мать. Пред ней, как виноватый,
Сергей стоял, смущением объятый...

XXXV

Потом он только помнит чей-то лик
В подушке... свет сквозь спущенные шторы,
Лекарства душный запах... слабый крик:

«Сережа!..» – счастьем вспыхнувшие взоры...
«Она!..» – узнал он, бросился, приник...
«Голубчик!..» – голову ему руками
Обняв, как мать, прижавшись к ней губами,

XXXVI

Шептала Вера: «О, побудь со мною
Вот так, еще минутку, бедный мой,
Хороший мальчик!..» – и его жалела, —
Простила все и волосы рукой
Тихонько гладила... но ослабела,
Сомкнулись очи, замерли слова,
Упала на подушки голова.

XXXVII

В ее чертах искал он Веры прежней...
Все, все, что было с ней, он понял вдруг,
Прочел всю повесть гордых, тайных мук...
Чем дальше смотрит он, тем безнадежней
Его тоска. Из жалких, слабых рук
Она его руки не выпускала:
«Теперь мне так легко, легко!.. Я знала,

XXXVIII

Что ты придешь когда-нибудь ко мне...
Все время я томилась одиноко,
Как будто в темной, страшной глубине,
Где холодно и душно, как на дне
Пруда... а ты был там, где солнце... так далеко;
Но первый луч мне в сердце горячо

Проник, и хочется еще, еще...

XXXIX

О, разве мог покинуть ты родную?!
Ты – мой. Одна я в жизни у тебя,
Не выдумаешь деточку другую,
Как ни старайся!.. Прежде **для себя**
Любило сердце, мучилось, любя;
Теперь ты мне, как я сама, – и сила
Любви навеки гордость победила...»

XL

Они твердят: «Люблю», душой, умом
Все глубже, глубже входят в это слово,
Уж больше, кажется, нельзя, – потом
Нежданный смысл в нем открывают снова,
Опять «люблю», хотят исчезнуть в нем,
И чувству нет границ, и манят бездной
Слова любви, как тайны ночи звездной.

XLI

А дни проходят. Миндали в садах
Покрылись цветом розовым. В горах
Растаял снег. Больная солнцу рада.
Надежда робко светится в очах:
Так вспыхивает бледная лампада
Пред тем, чтобы потухнут в вечной мгле.
Зазеленели травы на Яйле,

XLII

Дымились тучи на скалах Ай-Петри.
В сыром овраге желтый анемон
Уж распустился, воздух напоен
Весной, и запах моря – в теплом ветре.
Перенесли больную на балкон.
Она за белым парусом следила
Вдали... Потом, вздохнув, чело склонила:

XLIII

«Как хочется мне жить!..» Сергей цветов
Принес, и Вера с жадностью дышала
Благоуханьем свежих лепестков
И прятала лицо в них, и шептала:
«Как хорошо!..» Он плакать был готов:
Бескровный лик ее так худ и жалок
Среди росой обрызганных фиалок.

XLIV

Однажды у окна они вдвоем
Сидели в тихий вечер. Огоньком
Дрожал маяк на темном Ай-Тодоре,
И в лунном свете, мягком, золотом,
Едва дышало трепетное море,
И лишь одна горела над землей
Звезда, непобежденная луной.

XLV

Он ей шептал: «Нам больше слов не надо.
То вечное, что светится в лучах
Далеких звезд – и у тебя в очах
Горит и веет в душу мне отрадой,
Блаженства нет вне нас, оно – в сердцах,
Нельзя достичь его, понять лишь можно, —
Все остальное призрачно и ложно.

XLVI

Бывало, в детстве молишься порой,
И вдруг, о чем молился, позабудешь,
Лишь чувствуешь младенческой душой,
Что близко Бог, что **Боженька** с тобой,
Вот тут, сейчас, и если добрым будешь,
Он не уйдет: так и теперь – в моей
Душе покой и счастье детских дней»...

XLVII

Они умолкли. Тишина царила.
И только сердце билось; и за них,
О чем они молчали, говорила
Природа вечным шумом волн морских,
Мерцаньем звезд... И Божий мир затих,
Чтобы внимать, как там в ночном просторе,
Про их любовь немолчно пело море.

XLVIII

«Прошу тебя, Сережа, об одном, —
Однажды, подзвав его с улыбкой,
Она сказала, – помни, я во всем
Сама виновна. Не считай ошибкой

Того, что было, и себя ни в чем
Не обвиняй: я писем не читала, —
Из гордости любовь я заглушала.

XLIX

Во мне самой – причина мук и зла,
Твоя любовь лишь счастье мне дала;
Я снова бы как прежде полюбила,
И если б прошлое вернуть могла,
Я ничего бы в нем не изменила.
О, что бы ни случилось, знай, Сергей,
Что нет раскаянья в душе моей!..

L

Я испытала радостей так много,
И каждый взор твой в прошлом сердцу мил;
Я не хотела б, чтоб меня любил
Ты по-другому, – нет!.. Прошу у Бога,
Чтоб Он тебя за все вознаградил, —
За все, что ты мне дал, – и вечно, всюду
Твою любовь благословлять я буду!»

LI

Увы! то был последний разговор,
И ей все хуже делалось с тех пор.
Предчувствуя, что уж близка могила,
Вперив на друга долгий, долгий взор,
Больная ничего не говорила,
Как будто с ним прощалась, и порой

Качал в тревоге доктор головой.

LII

Меж тем вставало в памяти Сергея
Все прошлое; он позабыть не мог,
Как был тщеславен, мелочен, жесток,
Как сам разрушил счастье, не жалея.
Припоминал он звонкий голосок
И смех ее, и блестящие глазки,
И нежность первой, трогательной ласки,

LIII

Боржомский парк, любимую скамью,
В сосновой роще милую тропинку...
Давно, давно... то было, как в раю!..
Чтоб искупить одну ее слезинку,
Чтоб видеть Веру прежнюю свою,
Он отдал бы всю жизнь. Но нет возврата!..
И вечной тьмой душа его объята.

LIV

Он раз проснулся ночью. Отчего —
И сам не знал; как будто до него
Коснулось что-то. В комнате соседней
Все замерло... Не слышно ничего...
Но сердцем понял он, что час последний
Был близок... К Вере бросился: она
Лежала неподвижна и бледна.

LV

Он увидел, что больше нет надежды.
Чуть слышался дыханья слабый звук,
И тихо, тихо приподнялись вежды;
В очах – не смутный бред, не ужас мук, —
В них мысль, почти сознательный испуг...
Тихонько мать заплакала... сиделка
Перекрестилась... Часовая стрелка

LVI

Показывала три... и за стеной
Сверчок был слышен в тишине ночной.
Вдруг Вера прошептала: «Там... смотрите!
Вот там... все ближе, ближе... Боже мой!..
Ко мне, Сережа, мама... защитите!..»
И, задыхаясь, думает Сергей
И просит Бога: «Только б поскорей!»

LVII

Он на колени стал, изнемогая.
Мать подошла, и, полная тоской,
Вся бледная, но тихая, простая,
Она его жалеет: «Бедный мой
Сережа!» – гладит волосы рукой
И плачет с ним, и он, внимая звуку
Простых речей, целует эту руку.

LVIII

К рассвету Вере стало легче. Страх
Совсем исчез. Но не было в чертах
Уж ничего земного: в них другое —
Великое, спокойное, чужое.
Он отблеска любви искал в очах;
Она смотрела пристально, глубоко,
Но как-то странно, словно **издалёка**.

LIX

С восходом солнца Вера умерла,
Все так же безмятежна и светла;
Когда прильнул дрожащими губами
Сережа к бледной ручке со слезами,
Уж холодна, как лед, она была...
Ее в уста целуя на прощанье,
Тихонько мать сказала: «До свиданья».

LX

Он выбежал из комнаты... Меж скал
Волна, не находя себе приюта,
Шумела и металась. Он не знал,
Что с ним и где он... Разум потухал...
Порой хотелось отомстить кому-то
И громко, громко закричать, проклясть
Какую-то бессмысленную власть,

LXI

Людей гнетущую... Он думал: «Боже,
Ведь я люблю, люблю еще сильнее!..
О, где она?.. Люблю кого?.. Кого же?..»

Что нет ее, не мог понять Сергей, —
Так чувствовал он связь живую с ней.
Он углублялся в скорбь, ее измерить
Хотел умом, но в смерть не мог поверить,

LXII

Не мог... и даже мысль, что Веры нет,
В сознание не входила... Мягкий свет
Упал из туч разорванных на море,
И море небу ясному в ответ
Затрепетало, засмеялось... Горе
Затихло в нем. Он вдруг отдался весь
Нахлынувшему чувству: «Вера здесь!»

LXIII

Не в душной, темной комнате, а в лоне
Природы вечной, в шорохе листа,
В лучах, в дыханье ветра, в небосклоне
Душа ее незримо разлита,
Как мысль, как свет, как жизнь и красота!
Его любовь росла, росла без меры,
И все ясней, понятней близость Веры.

LXIV

И каждый луч, и каждая струя,
И каждый вздох волны, былинки трепет, —
Все, все слилось в один любовный лепет,
В одну живую ласку: «Это – я,
Всегда с тобою деточка твоя!..»
Он отвечал, от счастья рыдая:

«Я слышу, слышу, милая, родная!»

LXV

Что было с ним, он сам понять не мог.
Перед лицом пустыни молчаливой,
Меж скал, у волн шумящих, одиночек,
Колена преклонил он на песок,
Подняв сквозь слезы к небу взор счастливый.
«Отец небесный мой...» – шептал Сергей
Забытую молитву детских дней.

LXVI

Она – в гробу. Вокруг цветы живые.
Открыты окна: падают лучи
Весенние на ризы золотые,
На дым кадил, на серебро парчи...
И тускло пламя восковой свечи.
А голубое море ярко блещет,
Смеется, дышит, пеной волн трепещет.

LXVII

Среди подснежников, фиалок, роз,
Как будто спит она... и прядь волос
Колеблет ветерок... и слышно пенье:
«Рабу усопшую прими в селенья
Блаженные, Господь, где нет ни слез,
Ни воздыханья, ни земной печали...»
Слова святые радостью звучали

LXVIII

И прямо к небу уносился дым
Кадил звенящих, легкий и прозрачный.
Сергей взглянул, – она была пред ним,
Как будто пред избранником своим
Невеста юная в одежде брачной.
И с ней тогда он заключил союз
Ненарушимых клятв и вечных уз...

LXIX

И сделалась любовь великой силой,
Всю жизнь согрела теплотой своей, —
Он чувствовал, что не изменит ей.
И многому страданье научило:
Он стал сердечней, проще и добрей.
Урок судьбы прошел ему не даром, —
Сергей под первым жизненным ударом

LXX

Окреп душой. И Вера с ним была —
Всегда, везде, ревниво берегла,
Как будто бы следила нежным взором.
И с милой тенью связан договором,
Сергей не смел, не мог бы сделать зла,
Мучительно боясь ее обидеть,
Немой укор в очах ее увидеть.

LXXI

В большой аудитории шумит
Толпа студентов... Сквозь морозный иней
Дерев развесистых в окно глядит
С далекою звездою вечер синий.
Уж с легким шумом в лампах газ горит...
Вошел профессор молодой – и волны
Толпы затихли... Все вниманья полны.

LXXII

Он говорил, – и речь его лилась
С волнующей сердца свободной силой,
Как будто бы меж ними родилась
Глубокая, невидимая связь, —
Он знал, что слово каждое входило
В их душу молодую глубоко.
Ему немного страшно, но легко.

LXXIII

И бесконечно радостно, и ново...
Ты в нем героя повести моей
Узнал, читатель. Обаяньем слова
Лишь потому в толпе царит Сергей,
Что сам был молод, сердцем близок ей.
Он чувствовал с улыбкой гордой, смелой,
Что делал доброе, святое дело.

LXXIV

Но не видал он, радостью объят,
Как там в окно из синевы глубокой
Упал сквозь иней луч звезды далекой:

Он был похож на благодарный взгляд,
Когда в нем слезы нежности дрожат, —
Мерцающий из бесконечной дали
И полный тихой, сладостной печали.

LXXV

Рогожей крытый, маленький возок
Тащился в снежных тундрах под метелью...
Сидел в нем Климов. В дальний уголок
Сибири едет он все с той же целью —
Узнать народ; как прежде, одинок,
Он странствовал в деревню из деревни,
Ночуя в юрте у якут, в харчевне

LXXVI

Или в избе, – при свете ночника
Он слушает рассказы ямщика,
Мотивы заунывных русских песен
Иль разговор о Боге старика...
И если матерьял был интересен,
Торжествовал исследователь наш,
И в книжке быстро бегал карандаш.

LXXVII

Он счастлив был, как птица на свободе.
Родную землю всей душой любил
За то, что дремлет в ней так много сил;
И как Сергей в науке, он – в народе
Успокоенье сердцу находил.
Был каждый прав в своем любимом деле,

И оба шли к одной великой цели.

LXXVIII

Бог помочь всем, кто в наш жестокий век
Желает блага искренне отчизне,
В ком навсегда не умер человек,
Кто ищет новой меры, новой жизни,
Кто не изменит родине вовек!
Привет мой всем, кто страстно жаждет Бога,
В ком не затихла совести тревога!

LXXIX

Пусть к вам летит простая песнь моя,
Безвестные, далекие друзья!
Мы все полны одним негодованьем,
Одной любовью и одним страданьем.
Нас, братья, много: мы – одна семья,
Мы одного мучительно желаем,
Мы вместе плачем над родимым краем.

LXXX

Там, на побережье теплых синих волн,
Вблизи часовни ветхой над аулом,
Откуда виден в море дальний челн,
Где ароматный, свежий воздух полн
Зеленых сосен бесконечным гулом,
Есть одинокая могила. В ней
Уснула та, кого любил Сергей.

Кругом покой и тишина: лишь пчелы
В цветах шиповника гудят весной;
О чем-то детском шепчет ключ веселый...
Как реквием таинственный, порой
Здесь слышен моря вечного прибой.
И радостна, тиха ее могила:
Она была любима и любила.

1890

Песни и легенды

Пророк Исайя

Господь мне говорит: «Довольно Я смотрел,
Как над свободою глумились лицемеры,
Как человек ярмо позорное терпел:
Не от вина, не от сикеры —
Он от страданий опьянел.
Князья народу говорили:
«Пади пред нами ниц!» и он лежал в пыли,
Они, смеясь, ему на шею наступили,
И по хребту его властители прошли.
Но Я приду, Я покараю
Того, кто слабого гнетет.
Князья Ваала, как помет,
Я ваши трупы разбросаю!
Вы все передо Мной рассеетесь, как прах.
Что для Меня ваш скиптр надменный!
Вы – капля из ведра, пылинка на весах
У Повелителя вселенной!
Земля о мщенье вопиет.
И ни корона, ни порфира —
Ничто от казни не спасет,
Когда тяжелая секира
На корень дерева падет.
О, скоро Я войду, войду в мое точило,
Чтоб гроздь спелые ногами растоптать,
И в ярости князей и сильных попирать,
Чтоб кровь их алая Мне ризы омочила,
Я царства разобью, как глиняный сосуд,
И пышные дворцы крапивой порастут.
И поселится змеей в покинутых чертогах,
Там будет выть шакал и страус яйца класть,
И вырастет ковыль на мраморных порогах:

Так пред лицом Моим падет земная власть!
Утешься, Мой народ, Мой первенец любимый,
Как мать свое, дитя не может разлюбить,
Тебя, измученный, гонимый,
Я не могу покинуть и забыть.
Я внял смиренному моленью,
Я вас от огненных лучей
Покрою скинией Моей,
Покрою сладостною тенью.
Мое святилище – не в дальних небесах,
А здесь – в душе твоей, скорбями удрученной,
И одинокой, и смущенной,
В смиренных и простых, но любящих сердцах.
Как нежная голубка осеняет
Неоперившихся птенцов,
Моя десница покрывает
Больных, и нищих, и рабов.
Она спасет их от ненастья
И напитает от сосцов
Неиссякаемого счастья.
Мир, мир Моей земле!.. Кропите, небеса,
Отраду тихую весеннего покоя.
Я к вам сойду, как дождь, как светлая роса
Среди полуденного зноя».

1887

Небо и море

Небо когда-то в печальную землю влюбилось,
С негою страстной в объятья земли опустилось...
Стали с тех пор небеса океаном безбрежным,
Вечным, как небо, – как сердце людское, мятежным.
Любит он землю и берег холодный целует,
Но и о звездах, о звездах родимых тоскует...
Хочет о небе забыть океан и не может:

Скорбь о родных небесах его вечно тревожит.
Вот отчего он порою к ним рвется в объятия,
Мечется, стонет, земле посылает проклятья...
Тщетно! Вернется к ней море и, полное ласки,
Будет ей вновь лепетать непонятные сказки.
Мало небес ему, мир ему кажется тесным,
Вечно земное в груди его спорит с небесным!

1889

У моря

Сквозь тучи солнце жжет, и душно пред грозой.
Тяжелый запах трав серебряно-зеленых
Смешался в воздухе со свежестью морской,
С дыханьем волн соленых.
И шепчет грозные, невнятные слова
Сердитый вал, с гранитом споря...
Зловещей бледностью покрылась синева
Разгневанного моря.
О мощный Океан, прекрасен и угрюм,
Как плач непонятый великого поэта, —
Останется навек твой беспредельный шум
Вопросом без ответа!

1889

На южном берегу крима

Немая вилла спит под пенье волн мятежных...
Здесь грустью дышит все – и небо, и земля,
И сень плакучих ив, и маргариток нежных
Безмолвные поля...
Сквозь сон журчат струи в тени кустов лавровых,
И стаи пчел гудят в заросших цветниках,

И острый кипарис над кущей роз пунцовых
Чернеет в небесах...
Зато, незримые, цветут пышнее розы,
Таинственнее льет фонтан в тени ветвей
Невидимые слезы,
И плачет соловей...
Его уже давно, давно никто не слышит,
И окна ставнями закрыты много лет...
Меж тем как все кругом глубоким счастьем дышит, —
Счастливых нет!
Зато в тени аллея живет воспоминанье
И сладостная грусть умчавшихся годов, —
Как чайной розы теплое дыханье,
Как музыка валов...

1889, Мисгор

Монах *Легенда*

Над Новым Заветом склонился монах молодой,
Он полон святой, бесконечной отрады;
На древнем пергаменте с тихой зарей
Сливается отблеск лампы;
И тусклые, желтые грани стекла
В готических окнах денница зажгла.
Прочел он то место, где пишет в послании Павел:
«Как день перед Господом – тысячи лет!» —
И Новый Завет
В раздумье оставил
Смущенный монах, и, сомненьем объят,
Печальный идет он из кельи, не видит, не слышит,
Как утро в лицо ему дышит,
Как свеж монастырский запущенный сад.
Но вдруг, как из рая, послышалось чудное пенье
Какой-то неведомой птицы в росистых кустах —
И в сладких мечтах

Забыл он сомнение,
Забыл он себя и людей.
Он слушает жадно, не может наслушаться вволю,
Все дальше и дальше, по роще и полю
Идет он за ней.
Той песней вполне не успел он еще насладиться,
Когда уж заметил, что – поздно, что с темных небес
Вечерние росы упали на доли, на лес,
Пора в монастырь возвратиться.
Подходит он к саду, глядит – и не верит очам:
Не те уже башни, не те уже стены, и гуще
Деревьев зеленые кущи.
Стучится в ворота. «Кто там?» —
Привратник глядит на него изумленный.
Он видит – все чуждо и ново кругом,
Из братьев-монахов никто не знаком...
И в трапезу робко вступил он, смущенный.
«Откуда ты, странник?» – «Я брат ваш!» – «Тебя никогда
Никто здесь не видел»... Он годы свои называет —
Те юные годы умчались давно без следа...
Седая, как лунь, борода
На грудь упадает.
Тогда из-за трапезы встал
Игумен; толпа расступилась пред ним молчаливо,
Он кипу пергаментов пыльных достал из архива
И долго искал...
И в хронике древней они прочитали
О том, как однажды поутру весной
Пошел из обители в поле монах молодой...
Без вести пропал он, и больше его не видали...
С тех пор три столетья прошло...
Он слушал – и тенью печали
Покрылось чело.
«Увы! три столетья... о, птичка, певунья лесная!
Казалось – на миг, на один только миг
Забылся я, песне твоей сладкозвучной внимая —
Века пролетели минутой!» – и, очи смежая,

Промолвил он: «Вечность я понял!» – главою поник
И тихо скончался старик.

<1889>

Имогена Средневековая легенда

«Лютой казни ты достоин...
Как до выси небосклона, —
Далеко оруженосцу —
До наследницы барона!

Но в любви к тебе призналась
Имогена, – я прощаю;
Божий суд великодушно
Вам обоим предлагаю.

Ты возьмешь ее на плечи,
По скалам и по стремнине
Ты пойдешь с бесценной ношей
Ко кресту на той вершине.

Путь не легок: поскользнешься —
Смерть обоим... Если ж с нею
До креста дойдешь, – навеки
Будет дочь моя твоею.

Что ж, согласен?» – «Да». – «До завтра».
Грозный час настал. Собрание
Ждет, окованное страхом,
Рокового испытанья.

Сам барон мрачнее ночи.
Опустил угрюмо вежды;
Только те, кто любят, полны
Чудной силы и надежды.

И с отвагой, и с любовью,
Он берет ее на плечи,
И она ему, краснея,
Шепчет ласковые речи...

Вот сигнал, – по дикой круче
Он идет... Пред ними бездна...
Но в очах его отвага,
С милой смерть ему любезна.

Из-под ног сорвался камень, —
Он дрожит, изнемогает...
Но так нежно Имогена
Кудри милого ласкает.

И в очах блеснуло счастье,
И легко над страшной кручей
Он прошел каким-то чудом,
Безмятежный и могучий.

А над ним она, в лазури,
С золотыми волосами,
В белом платье – словно ангел
С белоснежными крылами.

Но таков удел наш горький:
Кто нам дорог, кто нас любит, —
Обнимая, вместе в бездну
Увлекает нас и губит.

С каждым шагом все тяжеле
Давит ноша, и, склоняясь:
«Тяжко мне, я умираю...» —
Прошептал он, задыхаясь...

Но она взглянула в очи

И «люблю» ему сказала,
И безумная отвага
В гордом взоре заблестала.

Вся – надежда, вся – молитва,
Имогена, в страстной муке,
Чтобы легче быть – высоко
Подымает к небу руки...

Вот и крест... Еще мгновенье —
И достиг он цели... Бледный,
Пал он с ношей драгоценной,
И раздался крик победный:

«Ты моя, моя навеки!»
«Поскорей разнять их!» – грозно
Закричал барон... Со свитой
Он примчался – было поздно...

Слишком крепко Имогена
Обвила его руками...
На лице – покой и счастье,
И уста слились с устами.

«Что ж вы медлите? Скорее
Разлучить их!» Но стояли
Все, поникнув головою,
Полны страха и печали.

Лишь один ответил робко:
«Никакая власть и сила
Разделить, барон, не может
То, что смерть соединила...»

Смех богов

Легок, светел, как блаженный
Олимпийский смех богов,
Многошумный, неизменный
Смех бесчисленных валов!

Страшен был их гимн победный
В бурной тьме, когда по ним
Одиссей, скиталец бедный,
Мчался, ужасом томим.

И, покрытый черной тиной,
Как обломок корабля,
Царь был выброшен пучиной,
Нелюдимая земля, —

На пески твоей пустыни,
И среди холодных скал
С благодарностью Афине
Он молитвы воссылал...

В Привиденье веры полный,
Ты не видишь, Одиссей,
Как смеются эти волны
Над молитвою твоей.

Многошумный, неизменный
Смех бесчисленных валов —
Легок, светел, как блаженный
Олимпийский смех богов.

1889, на Черном море

Гимн красоте

Слава, Киприда, тебе, —
Нам – в беспощадной борьбе
Жизнь красотой озарившая,
Пеной рожденная,
Мир победившая,
Непобежденная!

Из волны зеленой вышла ты, стыдливая,
И воздушна, как мечта,
Тела юного сверкала нагота
Горделивая!
Укротительница бурь,
Улеплась у ног твоих стихия злобная, —
Нектару подобная,
Вкруг тебя кипела, искрилась лазурь...
Как от розы – благовоние, —
Так от тела твоего
Веет силы торжество,
Счастье и гармония!..
Все ты наполняешь, волны и эфир,
И как пахарь в ниву – семена несметные,
Ты бросаешь в мир
Солнца искрометные!..
Ступишь – пред тобою хаос усмирится,
Взглянешь – и ликует вся земная тварь,
Сам Тучегонитель, Громовержец-царь
Пред тобой склоняется...
Все тебе подвластно, все – земля и твердь;
Ты одной улыбкой нежною,
Безмятежною
Побеждаешь Смерть!

Слава, Киприда, тебе, —
Нам в беспощадной борьбе
Жизнь красотой озарившая,
Пеной рожденная,
Мир победившая,

Непобежденная!..

1889, на Черном море

Одиночество

Поверь мне: люди не поймут
Твоей души до дна!..
Как полон влагою сосуд, —
Она тоской полна.

Когда ты с другом плачешь, – знай —
Сумеешь, может быть,
Лишь две-три капли через край
Той чаши перелить.

Но вечно дремлет в тишине
Вдали от всех друзей, —
Что там, на дне, на самом дне
Больной души твоей.

Чужое сердце – мир чужой, —
И нет к нему пути!
В него и любящей душой
Не можем мы войти.

И что-то есть, что глубоко
Горит в твоих глазах,
И от меня – так далеко, —
Как звезды в небесах...

В своей тюрьме, – в себе самом —
Ты, бедный человек,
В любви, и в дружбе, и во всем
Один, один навек!..

1890

Христос, ангелы и душа
Мистерия XIII века

I

Ангелы

Как нищий с сумкой бедной,
Куда идешь, Христос,
Ты горестный и бледный,
Один в юдоли слез?

Христос

Иду я в мир унылый
К возлюбленной моей,
Назвав невестой милой,
Я сердце отдал ей.
Она меня любила,
Но, клятвы не храня,
Невеста изменила,
Покинула меня.
И все о ней тоскую,
И все ее люблю,
Люблю я дочь земную
Избранницу мою.
Я дал ей дух свободный,
Ее одну любя,
Я сделал благородной,
Похожей на себя.
Я дал ей плоть в рабыни
И волю для борьбы,
Она же стала ныне

Рабой своей рабы.
Она – во власти тела,
И, Господа забыв,
Дары мои презрела,
Отвергла мой призыв

Ангелы

Но той, кто всех дороже,
Кого ты так любил,
Сказать ли нам, о Боже,
Что ты ее простил?

Христос

Скорей несите вести
Возлюбленной моей,
Что я простил невесте,
Что я грущу о ней!
Зачем же длить разлуку?
Скажите, чтоб пришла,
Чтоб милого на муку,
На смерть не обрекла.
И брачные одежды
Я возвращу ей вновь, —
И все мои надежды,
И всю мою любовь!

II

Ангелы

Душа в оковах тела
И смерти, и греха,

Ты Господа презрела,
Отвергла Жениха.
Поднять не смеешь вежды,
Не можешь встать с земли,
Разорваны одежды,
Чело твое – в пыли.

Душа

Изгнанницею рая
Живу я во грехе,
Скорбя и вспоминая
О милом Женихе.
И тщетно, умирая
В пороке и во зле,
Покинутого рая
Ищу я на земле.

Ангелы

Омой слезами очи,
С надеждой подымись,
Скорей из мрака ночи
Ты к Господу вернись.
Тебя Он примет снова,
Забудь печаль и страх,
Не скажет Он ни слова,
Не вспомнить о грехах.

Душа

О где же Он?.. Далеко
От Бога моего,
Я плачу одиноко,
Умру я без Него...

Скажите мне, скажите,
Видал ли кто-нибудь,
Где Милый, укажите
К Возлюбленному путь!

Ангелы

Мы видели: распятый,
Один на высоте
Голгофы, тьмой объятый,
Страдал Он на кресте.
В тоске изнемогая,
Но все еще любя,
Спаситель, умирая,
Молился за тебя...

Душа

Я плакать буду вечно.
За мир Он пролил кровь,
Любил так бесконечно
И умер за любовь!..
В любви – какая сила!..
Любовь, о для чего,
Безумная, убила
Ты Бога моего?

1890

«Томимый грустью непонятной...»

Томимый грустью непонятной,
Всегда чужой в толпе людей,
Лишь там, в природе благодатной,

Я сердцем чище и добрей.
Мне счастья, Господи, не надо!
Но я пришел, чтоб здесь дышать
Твоих лесов живой прохладой
И листьям шепчущим внимать.
Пусть росы падают на землю
Слезами чистыми зари...
Твоим плаголам, Боже, внемлю:
Открыто сердце, – говори!

1890

«Что ты можешь? В безумной борьбе...»

Что ты можешь? В безумной борьбе
Человек не достигнет свободы:
Покорись же, о дух мой, судьбе
И неведомым силам природы!
Если надо, – смирись и живи:
Об одном только помни, страдая, —
Ненадолго – страданья твои,
Ненадолго – и радость земная.
Если надо – покорно вернись,
Умирая, к небесной отчизне,
И у смерти, у жизни учись —
Не бояться ни смерти, ни жизни!

<1891>

Волны

О, если б жить, как вы живете, волны,
Свободные, бесстрастие храня,
И холодом, и вечным блеском полны!..
Неправда ль, вы – счастливее меня?

Не знаете, что счастье – ненадолго...
На вольную, холодную красу
Гляжу с тоской: всю жизнь любви и долга
Святую цепь покорно я несусь.
Зачем ваш смех так радостен и молод?
Зачем я цепь тяжелую несусь?
О, дайте мне невозмутимый холод
И вольный смех, и вечную красу!..
Смирение!.. Как трудно жить под игом!
Уйти бы к вам и с вами отдохнуть,
И лишь одним, одним упиться мигом,
Потом навек безропотно уснуть!..
Ни женщине, ни Богу, ни отчизне,
О, никому отчета не давать,
И только жить для радости, для жизни
И в пене брызг на солнце умирать!..
Но нет во мне глубокого бесстрастья:
И родину, и Бога я люблю,
Люблю мою любовь, во имя счастья
Все горькое покорно я терплю.
Мне страшен долг, любовь моя тревожна.
Чтоб вольно жить – увы! – я слишком слаб...
О, неужель свобода невозможна,
И человек до самой смерти – раб?

<1891>

«Он про любовь ей говорил...»

Он про любовь ей говорил,
Любви покорный, полный горя,
А вольный ветер приносил
Во мраке свежий запах моря.

И там, в прозрачной глубине,
У самых ног меж струек звонких

Виднелись камни при луне
И листья водорослей тонких.

И в глубине, и в небесах —
Все чисто, вечно и спокойно...
И только страсть в его словах
Была томительной и знойной.

Не внемля, смотрит, как луна
Песок подводный озаряет,
И молча думает она:
«Зачем он любит и страдает?

Земной любви, земной мечты
Он раб: душою несвободной
Не понимает красоты
Спокойной, вечной и холодной.

Зачем не хочет он дышать
Морской, полночную прохладой?
Зачем нельзя ему сказать,
Что никого любить не надо?»

Она с улыбкой смотрит вдаль...
Он молит жалости напрасно,
Он плачет... Но его не жаль,
Она внимает безучастно:

Она, как ветер и волна,
Без гнева и без страсти губит.
Душа в ней тайною полна,
И сердце никого не любит.

<1891>

Кто тебя создал, о Рим? Гений народной свободы!
Если бы смертный, навек выю под игом склонив,
В сердце своем потушил вечный огонь Прометея,
Если бы в мире везде дух человеческий пал, —
Здесь возопили бы древнего Рима священные камни:
«Смертный, бессмертен твой дух; равен богам человек!»

1891, Рим

Пантеон

Путник с печального Севера к вам, Олимпийские боги,
Сладостным страхом объят, в древний вхожу Пантеон.
Дух ваш, о люди, лишь здесь спорит в величье с богами!
Где же бессмертные, где – Рима всемирный Олимп?
Ныне кругом запустение, ныне царит в Пантеоне
Древнему сонму богов чуждый, неведомый Бог!
Вот Он распятый, пронзенный гвоздями, в короне терновой.
Мука – в бескровном лице, в кротких очах Его – смерть.
Знаю, о боги блаженные, мука для вас ненавистна.
Вы отвернулись, рукой очи в смятенье закрыв.
Вы улетаете прочь, Олимпийские светлые тени!..
О, подождите, молю! Видите: это – мой Брат,
Этой – мой Бог!.. Перед Ним я невольно склоняю колени...
Радостно муку и смерть принял Благой за меня...
Верю в Тебя, о Господь, дай мне отречься от жизни,
Дай мне во имя любви вместе с Тобой умереть!..

Я оглянулся назад: солнце, открытое небо...
Льется из купола свет в древний языческий храм.
В тихой лазури небес – нет ни мученья, ни смерти:
Сладок нам солнечный свет, жизнь – драгоценнейший дар!..

Где же ты, истина?.. В смерти, в небесной любви и
страданиях,
Или, о тени богов, в вашей земной красоте?

Спорят в душе человека, как в этом божественном храме, —
Вечная радость и жизнь, вечная тайна и смерть.

1891, Рим

Будущий Рим

Рим – это мира единство: в республике древней – свободы
Строгий языческий дух объединял племена.
Пала свобода, – и мудрые Кесари вечному Риму
Мыслью о благе людей вновь покорили весь мир.
Пал императорский Рим, и во имя Всевышнего Бога
В храме великом Петра весь человеческий род
Церковь хотела собрать. Но, вслед за языческим Римом,
Рим христианский погиб: вера потухла в сердцах.
Ныне в развалинах древних мы, полные скорби, блуждаем.
О, неужель не найдем веры такой, чтобы вновь
Объединить на земле все племена и народы?
Где ты неведомый Бог, где ты, о будущий Рим?

1891

Колизей

Вступаю при луне в арену Колизея.
Полуразрушенный, великий и безмолвный,
Неосвященными громадами чернея,
Он дремлет голубым, холодным светом полный.
Здесь пахнет сыростью подземных галерей,
Росы, могильных трав и мшистых кирпичей.

Луна печальная покрылась облаками,
Как духи прошлого, как светлые виденья,
Они проносятся, с воздушными краями
Над царством тишины, и смерти, и забвенья.

В дворце Калигулы заплакала сова...
На камне шелестит могильная трава.

Как будто бы скользят по месяцу не тучи,
А тени бледные... сенаторские тоги...
Проходят ликторы – суровы и могучи,
Проходят консулы – задумчивы и строги...
Не буря на полях к земле колосья гнет,
Пред императором склоняется народ...

И месяц выплянул, и тучи заблестели:
Вот кроткий Антонин и Август величавый,
Воинственный Троян и мудрый Марк Аврелий...
В порфирах веющих, в мерцанье вечной славы
Грядут, блаженные!.. И складки длинных риз —
Подобны облакам... И тени смотрят вниз

На семихолмный Рим. Но в Риме – смерть и тленье:
Потухли алтари, и Форум спит глубоко,
И в храме Юлиев колонна в отдаленье
Обломком мраморным белеет одиноко.
И стонет в тишине полночная сова,
На камне шелестит могильная трава...

И взоры Кесарей омрачены тоскою.
Скрывается луна, безмолвствует природа...
Я вспоминаю Рим, и веет надо мною
Непобедимый дух великого народа!..
Мне больно за себя, за родину мою...
О Тени прошлого, пред вами я стою, —

И горькой завистью душа моя томима!..
И, обратив назад из бесконечной дали
Печальный взор на Рим, они все мимо, мимо
Пронесутся, полны таинственной печали...
И руки с жалобой я простираю к ним:

О слава древних дней, о Рим, погибший Рим!..

1891

Марк Аврелий

Века, разрушившие Рим,
Тебя не тронув, пролетели
Над изваянием твоим,
Бессмертный Марк Аврелий!

В благословенной тишине
Доныне ты, как триумфатор,
Сидишь на бронзовом коне,
Философ-император.

И в складках падает с плеча
Простая риза, не порфира.
И нет в руке его меча, —
Он провозвестник мира.

Невозмутим его покой,
И все в нем просто и велико.
Но веет грустью неземной
От царственного лика.

В тяжелый век он жил, как мы,
Он жил во дни борьбы мятежной,
И надвигающейся тьмы,
И грусти безнадежной.

Он знал: погибнет Рим отцов.
Но пред толпой не лицемерил.
Чем меньше верил он в богов, —
Тем больше в правду верил.

Владея миром, никого
Он даже словом не обидел,
За Рим, не веря в торжество,
Он умер и предвидел,

Что Риму не воскреснуть вновь,
Но отдал все, что было в жизни —
Свою последнюю любовь,
Последний вздох отчизне.

В душе, правдивой и простой,
Навеки чуждой ослепленья,
Была не вера, а покой
Великого смиренья.

Он, исполняя долг, страдал
Без вдохновенья, без отрады,
И за добро не ожидал
И не хотел награды.

Теперь стоять он, одинок,
Под голубыми небесами
На Капитолии, как бог,
И ясными очами

Глядит на будущее, вдаль:
Он сбросил дольней жизни тягость.
В лице – спокойная печаль
И неземная благодать.

1891, Рим

Термы Каракаллы

Дремлют сумрачные залы,
Зеленеет влажный мох,

Слышен в термах Каракаллы
Ветра жалобного вздох.
Меж аркад синеют тучи,
Сохнет мертвый и колючий
Лист терновника в пыли,
Там, где прежде, в сладкой тени,
Мозаичные ступени
К баням мраморным вели;
Где сенаторы-вельможи,
Главы царственных семей
Императору на ложе
Приводили дочерей;
Жертвы слышалось стенанье
И во мгле, как поцелуй,
Сладкогласное журчанье
В мрамор падающих струй;
Где лукаво-благодарный,
Нежный лик склоняя вниз,
Улыбался Адонис,
Солнцем юга озаренный;
Где смотрели с высоты,
Как послушные рабыни,
Олимпийские богини
В обаянье красоты...
А теперь пугают взгляды
В блеске солнечных лучей
Только пыльные громады
Обнаженных кирпичей.
Все погребло невосвратно...
Голубые небеса
Меж развалин, – мне понятна
Ваша вечная краса!
Мир кругом, и рядом с тленьем
Сердцу кажется живой,
Полной вечным вдохновеньем
Песня птички полевой!..

1891, Рим

Сорренто

О, Помпея далекая, рощи лимонные.
Очертанья Везувия легкие, чистые,
В темнолистных поникших ветвях золотистые,
Разогретые солнцем, плоды благовонные!..
О Сорренто, великого моря дыханье, —
Это все обаяние
Возвращает меня к моей первой любви...
Не ревнуй и природу чужой не зови,
И не бойся, что я предаюсь ее нежности,
Что забуду тебя я в безбрежности
Тихо спящего моря, вдали от людей,
Что сравню с красотой мгновенной твоей
Красоту эту вечную...

Милая, душу живую твою
Здесь я в природе еще беззаветней люблю,
Душу твою бесконечную!

1891

Капри

Больше слов твоих ласковых, больше, чем все,
Успокоили бедное сердце мое
Эти волны, к страданиям моим равнодушные,
И над радостным морем вдали,
В золотистой пыли,
Очертанья Капри воздушные!

1891

Праздник св. Констанция

Меж седых утесов Капри,
У залива голубого —
Третий день веселый праздник
В честь Констанция Святого.

Розы падают с балконов,
Дети пляшут и хохочут,
И счастливого народа
Волны пестрые клокочут.

Промелькнуло знамя Капри...
И церковные напевы
Раздаются над толпою,
И в венках проходят девы.

Словно ангелы, сияют
Белизной одежд лилейной,
И умолк, и расступился
Весь народ благоговейно.

Вот и сам Констанций в митре
С высоты на чернь взирает,
Как живой, и в блеске солнца
Лик серебряный мерцает.

На носилках он, как идол,
Восседает величаво,
Словно кот – на солнце, жмурясь,
Улыбается лукаво...

Песни грянули, литавры,
Грохот праздничных хлопушек...
И в прибрежье диком эхо
Скал отвесных громче пушек.

И кругом – восторг безумный...
Но в душе моей – тревога:
Это праздник всенародный —
В честь языческого бога.

Где же дух Христовой церкви?
Где смиренные молитвы?
Вкруг Святого бомб гремящих
Вьется дым, как после битвы!..

Хорошо, что здесь, на Капри,
Не живу я за три века:
Древним идолам – опасен
Дух свободный человека.

Втайне думает Констанций,
На меня взирая строго:
«Хорошо бы сжечь безумца
На костре во славу Бога!»

.....

Из лимонных рощ Сорренто
Свежий ветер прилетает,
И божественной улыбкой
Море вечное блистает.

И кругом в ответ народу
На восторженные крики
В самом сердце скал гранитных
Содрогнулся остров дикий...

1891, Капри

Везувий

Глубоко тонуть ноги в теплом пепле,
И ослепительно, как будто солнцем
Озарена, желтеет сера. К бездне
Я подошел и в кратер заглянул:

Горячий пар клубами вырывался...
Послышались тяжелые удары,
Подземный гром и гул, и клокотанье...
Сверкнул огонь!..
Привет тебе, о древний,
Великий Хаос, Праотец вселенной!
Я счастлив тем, что нет в душе смиренья
Перед тобой, слепая власть природы!..
Меня стереть с лица земли ты можешь,
Но все твое могущество – ничто
Перед одной непобедимой искрой,
Назло богам зажженной Прометеем
В моем свободном сердце!..
Я здесь стою, никем не побежденный,
И, к небесам подняв чело,
Тебя ногами попираю,
О древний Хаос, Праотец вселенной!

1891

Помпея

I

Беспечный жил народ в счастливом городке:
Любил он красоту и дольней жизни сладость;
Была в его душе младенческая радость.
Венчанный гроздьями и с чашею в руке,
Смеялся медный фавн, и украшали стену
То хороводы муз, то пляшущий кентавр.
В те дни умели жить и жизни знали цену:

Пенатов бронзовых скрывал поникший лавр.
В уютных домиках все радовало чувство.
Начертан был рукой художника узор
Домашней утвари и кухонных амфор;
У древних даже в том – великое искусство,
Как столик мраморный поддерживает Гриф
Когтистой лапою, свой острый клюв склонив,
Их бани вознеслись, как царские чертоги,
Во храмах мирные, смеющиеся боги
Взирают на толпу, и приглашает всех
К беспечной радости их благодатный смех.
Здесь даже в смерти нет ни страха, ни печали:
Под кипарисами могильный барельеф
Изображает нимф и хоры сельских дев,
И радость буйную священных вакханалий.
И надо всем – твоя приветная краса,
Воздушно-голубой залив Партеноеи!
И дым Везувия над кровлями Помпеи,
Нестрашный никому, восходит в небеса,
Подобный облаку, и розовый, и нежный,
Блестя на заре улыбкой безмятежной.

II

Но смерть и к ним пришла; под огненным дождем,
На город падавшим, под грозной тучей пепла
Толпа от ужаса безумного ослепла:
Отрады человек не находил ни в чем.
Теряя с жизнью все, в своих богов не веря,
Он молча умирал, беспомощнее зверя.
Подножья идолов он с воплем обнимал,
Но Олимпийский бог, блаженный и прекрасный,
Облитый заревом, с улыбкой безучастной
На мраморном лице, молениям не внимал.
И гибло жалкое, беспомощное племя:
Торжествовала смерть, остановилось время,

Умолк последний крик... И лишь один горит
Везувий в черной мгле, как факел Евменид.

III

Над городом века неслышно протекли,
И царства рушились; но пеплом сохраненный,
Доныне он лежит, как труп непогребенный,
Среди безрадостной и выжженной земли.
Кругом – последнего мгновенья ужас вечный, —
В низверженных богах с улыбкой их беспечной,
В остатках от одежд, от хлеба и плодов,
В безмолвных комнатах и опустелых лавках
И даже в ларчике с флаконом для духов,
В коробочке румян, в запястьях и булавках;
Как будто бы вчера прорыт глубокий след
Тяжелым колесом повозок нагруженных,
Как будто мрамор бань был только что согрет
Прикосновеньем тел, елеем умащенных.
Воздушнее мечты – картины на стене:
Тритон на водяном чешуйчатом коне,
И в ризах веющих божественные Музы;
Здесь все кругом полно могильной красоты,
Не мертвой, не живой, но вечной, как Медузы
Окаменелые от ужаса черты...

.....
А в голубых волнах белеют паруса,
И дым Везувия, красою безмятежной
Блестя на заре, восходит в небеса
Подобный облаку, и розовый, и нежный...

1891

Тибур, Тибур, зеленый многоструйный,
Священные руины, водопады,
Ревущие в скалах волною буйной,
Нептунов грот, исполненный прохлады,
И радуги на солнце – в легкой пыли
Шумящих вод, дыханье белых лилий
И сосен южных плоские вершины,
А там вдали, в сияющем просторе —
Великий Рим и светлые равнины,
Волнистые, похожие на море...

О древнее жилище Мецената,
Как жалобной мелодией, невольюно
О прежних днях душа тоской объята!..
Мне Рима жаль, мне радостно и больно...
В раздумии пред виллой Марка Брута
Стою в тиши заветного приюта,
Где горевал о гибнущем народе,
О древности великой и свободе
Убийца твой, о Цезарь Всемогущий!..
А рядом здесь, под миртовой кущей
Еще звучит, полна любовной неги,
Гармония Тибулловых элегий...

Благослови, о странник, эти воды,
И влажные, таинственные своды,
Жилище нимф и Рима прах священный...
Тибур, Тибур, о край благословенный!..

1891, Рим

«Addio, Napoli»

Слабеет моря гул прощальный,
Как сонный шепот Нереид,
Напев далекий и печальный —

«Addio, Napoli» звучит...

Как тихий жертвенник, дымится
Везувий в светлой вышине,
Огонь краснеет при луне,
И белый дым над ним клубится...

Мне бесконечно дорога
Земля твоих цветущих склонов,
Сорренто с рощами лимонов,
О, золотые берега!..

Прохлада гротов – в полдень жаркий,
Где голубым огнем горит
Волна, кидая на гранит
Дрожащей влаги отблеск яркий,

Где камни скрыл подводный мох,
Где днем и ночью Океана
В глубокой бездне слышен вздох,
Подобный музыке органа.

И в том, как шепчется трава,
И в том, как плачет непогода,
Хотел подслушать я, Природа,
Твои сердечные слова!

Искал я в ропоте потоков,
Искал в тиши твоих ночей
Еще не понятых намеков,
Твоей души, твоих речей...

Теперь ты кажешься мне сказкой,
Сорренто! Север впереди...
Но шепчет Юг с последней лаской:
«Не уходи, не уходи!»

Слабеет моря гул прощальный,
Как сонный шепот Нереид,
Напев далекий и печальный:
«Addio, Napoli» звучит...

1891, Неаполь

Возвращение

О, березы, даль немая,
Грустные поля...
Это ты, – моя родная,
Бедная земля!

Непокорный сын к чужбине,
К воле я ушел,
Но и там в моей кручине
Я тебя нашел.

Там у моря голубого,
У чужих людей
Полюбил тебя я снова
И еще сильнее.

Нет! Не может об отчизне
Сердце позабыть,
Край родной, мне мало жизни,
Чтоб тебя любить!..

Теплый вечер догорает
Полный тихих грез,
Но заря не умирает
Меж ветвей берез.

Милый край, с улыбкой ясной
Я умру, как жил,

Только б знать, что не напрасно
Я тебя любил!

1891

Семейная идиллия

I. Вступление

Ужель нельзя писать, забыв хотя на миг
Про то, как пишутся новеллы и романы,
Отвергнув, наконец, условные обманы
Ненужных вымыслов и спутанных интриг?
Ужель изобразить мне легче смерть и муку
Героев, гибнущих в невиданном бою,
Чем разговор с женой и комнату мою,
Унылый вид в окно и будничную скуку?
А между тем из них, из этих мелочей,
Забывтых книгами и слишком некрасивых,
Чтоб их рассказывать в строфах красноречивых,
Слагается вся жизнь, простая жизнь людей.
И мысль одна давно мне не дает покоя:
Нельзя ли без интриг, без драмы, без героя
Перенести в рассказ из жизни целиком
Тот маленький мирок, с которым я знаком?
Мне было жаль срывать живой и благовонный
Цветок, чтоб положить в гербарий запыленный;
Из недр родных полей заботливой рукой
Я вырежу его с дрожащими листьями —
Таким, каков он есть — с пахучею землей,
И каплями росы, и влажными корнями...

II. На даче под Москвою

Бранят наш Петербург, наш Север, а меж тем
Что может быть скучней деревни подмосковной!
Страна фабричная: я сам не знаю, чем
Мне здесь противно все, – уныло, плоско, ровно...
Сквозь вырубленный лес, среди бесплодных нив,
По рельсам блещущим гремит локомотив.
А в селах – кабаки, огромные заводы,
Рабочий пьяный люд: здесь больше нет природы.
И вечно к небесам возносятся клубы
Фабричной копоти, и силуэт трубы,
Царящий надо всем, мне портит голубую
Таинственную даль, печальную, родную...
Должно быть, этот край не даром угнетал
Наш современный бог, могучий капитал!
А между тем и здесь, в прогулке одинокой,
Зайдешь, бывало, в глушь: кругом лесная мгла,
Зеленый мох, грибы, мохнатая пчела,
А небо меж ветвей так ясно, так глубоко,
Что чувствуешь себя от всех людей вдали,
В деревне под Москвой, как на краю земли.
Довольно двух иль трех деревьев, чтоб понятной
Нам сделалась вся жизнь природы необъятной:
Так двух иль трех людей довольно, чтоб познать
Все бездны темные души, весь мир сердечный
С его поэзией, любовью бесконечной
И всем, чего нельзя словами рассказать...

III. Бабушка

Но приступить давно пора к моей задаче.
Хотел я описать, без вымысла, одну
Семью, с которой жил я некогда на даче,
В деревне под Москвой. Я с бабушки начну.
Когда-то и она хозяйкой домовитой
И матерью была, и любящей женой;
Теперь, чужая всем, она в семье родной,

Как призрак дней былых, живет почти забытой.
Есть что-то строгое в чертах, как будто след
Невзгод пережитых; она одета просто;
Согнувшись, сгорбившись – почти такого роста,
Как внучка младшая – одиннадцати лет,
Не помнит бабушка, что было с ней – ни муки,
Ни радости: она как в полусне живет.
Сидит на сундучке и целый день от скуки
Ест кашку манную да чай в прикуску пьет;
Порой по комнатам чего-то ищет, бродит,
Храня заботливый и недовольный вид,
И, думая, что в дверь отворенную входит,
У отпертых шкафов задумчиво стоит.
«Куда вы, бабушка?» – кричат ей, но слепая
Предмет ощупает тихонько, не спеша,
Потом уйдет, вздохнув, платок перебирая
Худыми пальцами и туфлями шурша.
И пахнет табачком от кацавейки длинной,
От рук морщинистых, – так пахнет иногда
В шкатулках дедовских, где многие года
Таится аромат под крышкою старинной...
Порою бедная, подняв упорный взгляд,
Речам живых людей с усилием долго внемлет,
Ей хочется понять, но скажет невпопад
И вновь беззубым ртом жует и будто дремлет.
Как малое дитя, она глядит на всех
С недоумением и робостью послушной,
И у нее такой бессильный, добрый смех,
Прозящий жалости, как будто простодушно
Старушка над собой смеется, и порой
Я думаю: зачем жила она, любила,
Страдала? Где же цель всей жизни прожитой?
И вот, что всех нас ждет, а впереди – могила.
Осталось ей одно: с корзинкою грибов,
Бывало, девочки усталые вернутся,
«Где, родненькие, где?..» – на звук их голосов
Слепая ощупью бредет. Они смеются,

Обняв ее... Едва их голос прозвенел,
Старушка ожила, и взор не так печален,
Как будто золотой луч солнца заблестел
На сумрачных камнях покинутых развалин...
В слепые бедные глаза, в беззубый рот
Губами свежими ее целуют внучки, —
Веселью нет конца, – и маленькие ручки
В дрожащую ладонь, смеясь, она берет.
И рядом с желтою, пергаментною кожей
Поблекшего лица лукавый блеск в очах,
И смех, и ямочки на розовых щеках
Мне кажутся еще прекрасней и моложе.
И кротко светится бессмертная любовь
В глазах у бабушки. Так вот – чего могила
У нас не может взять!.. И мне понятно вновь,
Зачем она жила, зачем она любила.

IV. Тетя Надя

А все же бабушка от внучек далека,
И смотрят девочки на бедную старушку
Так снисходительно, немного свысока,
Как на старинную, любимую игрушку.
Душою близкий к ней и преданный навек
Остался на земле один лишь человек —
То тетя Надя, дочь старушки...

.....
Говорят,
Она красавицей была. Теперь некстати
Еще кокетлива; в дырявых башмаках
И с заспанным лицом, и скукою в глазах,
Всегда растрепана, в замаранном халате,
Она по комнатам блуждает. В пустоте,
В которой жизнь ее проходит, сплетни с прачкой,
Забота, чтоб вскипел кофейник на плите,
Прогулка в лавочку за нитками, за пачкой

Каких-то пуговок, пасьянс, потом еда,
И сон, и штопанье чулок, – вот все занятыя.
И так влачит она недели и года...
Порою шьет она причудливые платья
Из кружев, пышных лент и ярких лоскутков —
Приманка жалкая, соблазн для женихов.
А чаще попросту, сложив покорно руки,
На крышу, на ворон глядит в окно от скуки
И только медленно, зевая, крестит рот.
А рядом, на софе, лежит сибирский кот —
Пушистый, с нежными прозрачными глазами,
Как изумруд – но злой и с острыми когтями.
Лампадка теплится пред образом в тиши...
Так много лет втроем вдали от мира жили
Старушка, серый кот и тетя. В нем души
Они не чаяли, но, верно, обкормили
Любимца жирного, и бедный кот издох.
Все счастье тетеньки его последний вздох
Унес навек. С тех пор пустая жизнь без дела
Еще печальнее. Но я подметить мог
И в ней один святой, заветный уголок:
Холодная ко всем, любовью без предела,
Ревнивой, женскою она любила мать;
И днем, и ночью с ней, – умела разговором,
Картинкой, лакомством иль просто нежным взором
Старушку, как дитя больное, утешать.
И кто бы ни дерзнул обмолвиться намеком,
Что память бабушки слабеет, в тот же миг
Вся вспыхнет тетенька, и нет конца упрекам,
Уйдет из комнаты, поднимет шум и крик, —
Ей верить хочется, что бабушка такая,
Как все, и умная, и даже не слепая.
Старушка для нее – не призрак дней былых,
Как для семьи, а друг – живой среди живых.
Два бедных существа, отживших, одиноких,
Не нужных никому и от людей далеких,
Друг друга с нежностью любили, и вдвоем

Отрадней было жить им в уголке своем.
Когда же бабушка умрет, никто не будет
О бедной горевать: лишь тетенька над ней
Поплачет искренно и друга не забудет —
Едва ли не одна из всех живых людей.
И здесь, и в пошлости глубоко прозаичной,
Есть жертва, есть любовь, ее тепло и свет!..

.....
.....

V. Крокет

Я слышу голосок голубоглазой Наты:
«Хотите в крокет?» – «Да!» Мы в сад уходим. День
Склоняется. Длинней берез плакучих тень,
Сильнее в парке лип цветущих ароматы.
Люблю я звонкие, тяжелые шары
И простодушие семейственной игры.
Люблю квадрат земли, песчаный, желтый, плоский —
На зеленеющих под липами лугах,
Люблю то красные, то черные полосы —
Условные значки на крокетных шарах.
Смеются девочки: у них одна забота —
«Крокировать» меня за тридевять земель,
Чтоб вместе выиграть, и в тесные ворота
Прносятся шары, и вот уж близко цель...
Слежу с улыбкою, как худенькая Ната
Кричит и прыгает, волнением объята.
В ней все – порыв, огонь... А старшая сестра
Тиха, безропотна, ленива и добра.
Вся жизнь их общая, но все в них так различно.
Они друзья, меж тем я наблюдал порой,
Как младшая царит и правит деспотично
Румяной, толстою, покорною сестрой,
Здоровой Татюю. По робким выраженьям
Взаимной нежности, по взглядам и движеньям

могу предугадать две разные судьбы:
Без мук, без гордых дум одна из них, наверно,
Спокойно проживет хозяйкою примерной,
Счастливой матерью. Другая – для борьбы,
Для горя создана. Я вижу в ней задаток
Страданья долгого, тех вечных, горьких дум,
Что в наши дни томят неверующий ум;
И жизни внутренней глубокий отпечаток
Таится в голубых мечтательных глазах
И бледном личике... Так с грустью бесконечной
Люблю грядущее обдумывать порой,
Когда идут они, обнявшись, предо мной
Под сумраком берез аллеи вековой,
И Тата «пеночкой» сестру свою зовет...
Люблю их комнатку, с игрушками комод,
Бумажные дома и куклы из резинки.
Когда же на столе кипящий самовар
Над чайником струит голубоватый пар, —
Люблю раскрашивать наивные картинки:
Румяных девочек, зеленые леса...
Бывало, кисточку я обмокну неловко:
И с пятнами воды выходят небеса,
Расплывшись, дерево сливается с головкой
Несчастной девочки. И пальчиком грозит
Мне Тата кроткая. Всю прежнюю отвагу
Теряет кисть моя; а Ната мне кричит
В негодовании: «Испортили бумагу!..»
Когда же загляну им в глубину очей, —
Какие бы мечты мой ум ни волновали,
Мне сразу так легко, я чище и добрей,
И утихают все тревоги и печали...
И что-то чудное мерцало мне не раз,
Непостижимое, как тайна звезд далеких,
И все же близкое из этих детских глаз,
Подобно небесам, безгрешных и глубоких.

VI. Бури в стакане воды

Услышав крик и шум семейной, бурной сцены,
Я голос тетеньки и Даши узнаю,
Почтенной нянюшки, и в комнату мою
Порой доносится сквозь тоненькие стены
Ожесточенный спор. За съеденный калач,
За сломанный стакан, горшочек манной каши —
Вся ярость тетеньки и озлобленье Даши,
Весь этот ад, и крик неистовый, и плач.
Так в кухне каждый день у них едва не драка.
Но тетя на свою противницу глядит,
Храня презрительный и величавый вид,
А Даша – вне себя, она – краснее рака...
Неутолимая, смертельная вражда:
Как много хитростей им нужно и труда,
Чтоб уколоть врага, чтоб чем-нибудь обидеть!
Так только женщины умеют ненавидеть.
С душою деспота, когда бы не жила
В России нянюшка, а в Риме, в век античный,
Она бы сумрачным Тиберием была
Иль грозным Клавдием. Но в век наш прозаичный
Ее владычества не признают. Меж тем
Ей хочется в семье царить и править всем.
И в кофте ситцевой, с надменными губами,
И острым носиком, и хитрыми глазами,
Проворная, как мышь, но с важностью лица,
По дому бегаёт, хлопочет без конца,
На взрослых и детей кричит, даёт советы...
Пророческие сны, народные приметы,
И новости газет, и жития святых,
Секреты кушаний и сплетни о родных,
Рецепты всех лекарств и тайны всех настоек —
Скрывает ум ее, находчив, смел и боек.
И Даша, в нянюшках лет тридцать прослужив,
С любовью в памяти хранит благоговейной
Преданья старины и хроники семейной, —

Житейских случаев – она живой архив.
Расскажет вам о том, как Тата на крестинах
Папаше крестному испортила халат,
И был ли с кашею пирог на именинах
Или с вязигою лет шесть тому назад.
Порой случается, что няня глупой сплетней
Иль даже дерзостью хозяйку оскорбит.
«Я вам даю расчет!..» – ей барыня кричит
В негодовании. Но Даша безответней,
Смирней овечки вдруг становится. В слезах
У доброй госпожи валяется в ногах,
Целует руки ей, и кается, и молит,
Пока ей барыня остаться не позволит.
Тогда, свой прежний вид обиженный храня,
Начнет она мести и чистить мебель щеткой,
И моет все полы, и делается кроткой
И добродетельной, но только на два дня.
Потом не выдержит, и снова – крики, споры,
И жажда властвовать, и прежние раздоры.
Что делать? Жить она не может без семьи:
Она исчахла бы от грусти одинокой
Без тех, с кем ссорится всю жизнь, полна глубокой,
Но скрытой верности и преданной любви.
Одни лишь девочки ей дороги на свете:
И ненавистна всем, презрительна и зла,
Она всю нежность им, всю душу отдала.
И «нянечку» свою недаром любят дети:
Я знаю, злобные, надменные черты
И хитрые глаза становятся добрее, —
Как будто в отблеске духовной красоты, —
А руки жесткие любовней и нежнее,
Когда детей она в уютную кровать,
Крестя с молитвою, укладывает спать.
Опустит занавес, поправит одеяло,
Посмотрит издали в последний раз на них,
И этот взор любви так светел, добр и тих:

«Она не злая, – нет!» – подумаешь, бывало.

VII. Мама

Она – не модный тип литературной дамы:
«Сонату Крейцера» не может в пять минут
Подробно разобрать и автора на суд
Привлечь, и заключить: «Я здесь не вижу драмы!..»
Не режет в перламутр оправленным ножом
Изящные листы французских книг Лёмерра
И не бранит, гордясь критическим чутьем,
Столь непонятого для русских дам Флобера;
И в светской болтовне, как будто невзначай,
Ни мыслью книжною, ни фразой либеральной
Не думает блеснуть, и, разливая чай,
Не хвалит Paul Bourget с улыбкою банальной...
В лице глубокая печаль и доброта,
Она застенчива, спокойна и проста,
И, вместо умных книг, лишь предана заботе
О кашле Наточки, о кушанье, дровах,
О шубках для зимы – об этих мелочах,
Что иногда важней серьезных дел. В капоте
Домашнем, стареньком, наружностью своей
Не занимается и хочет некрасивой
И старше лет своих казаться: для детей
Она живет. Но я считал ее ленивой
И опустившейся. Я помню, иногда
Они к ней прибегут: «Пусти нас на качели!»
Но мама много раз клялась, что никогда
Не пустить, а меж тем, они достигнут цели.
«Родная, милая!..» и, наконец, она
Уступит, ласками детей побеждена,
Хоть слышать, бедная, не может хладнокровно,
Как подозрительно скрипят гнилые бревна.
При первой шалости детей она опять
Прибегнуть к строгости решается, горюет,

Что портит девочек, что слишком их балует,
И все-таки ни в чем не может отказать.
Она казалась мне такой обыкновенной,
Такою слабою... Потом я видел раз
Ее в несчастье: я помню, в трудный час,
Почти веселая, с улыбкой неизменной,
Она была еще спокойней. В эту ночь
Лежала при смерти ее родная дочь.
Я чувствовал, что смерть подходит к изголовью
Любимой женщины... Со всей моей любовью
Я был беспомощен и жалок, как дитя.
А мать легко, без слез, как будто бы шутя,
Что нужно делала и что-то говорила
Простое, нежное... На выраженье глаз,
На кроткое лицо взглянув, – какая сила
У этой женщины, я понял в первый раз.

VIII. Проза любви

О беззаботная, влюбленная чета!
Что может быть милей? Вы думаете оба,
Что жизнь – какая-то воздушная мечта,
Что будут соловьи вам песни петь до гроба?
Но ведь придется же заказывать обед,
С какой бы высоты на жизнь вы ни взглянули, —
Не меньше страстных клятв необходим буфет,
Белье и утюги, лоханки и кастрюли —
Эмблемы вечные супружеской любви.
Попробуйте пожить вдвоем, – увянут розы,
Потухнет свет луны, умолкнут соловьи
Под дуновением неумолимой прозы...
Бывало, с нежностью, поникнув головой,
Шептала ты «люблю», когда звезда в эфире
Струила тихий свет, а ныне... Боже мой!..
«Куда девался рубль и пятьдесят четыре
Копейки?» – юная хозяйка говорит,

Над счетной книжкой приняв серьезный вид.
Увы! таков наш мир... Но хуже всякой прозы —
Упреки в ревности, домашняя война
За первенство, за власть, и сцены, крики, слезы:
«Не хочешь ли гулять?» — мне говорит жена. —
«Я занят, не мешай!» — и мы не в духе оба...
Хандра, расстройство нерв... Из этих пустяков
Выходит глупый спор: предлог уже готов;
В душе — холодная, мучительная злоба.
И мне чрез полчаса, как злейшему врагу,
Жена в отчаянье кричит: «Меня ты губишь...
Уйди... оставь!.. Я жить с тобою не могу!..»
А я в ответ: «Теперь я знаю: ты не любишь!»
И грубые слова, и хлопанье дверей...
А Булька серая, любимый мопс, меж нами
В тревоге бегают, как между двух огней,
И смотрит умными, печальными глазами.
Не правда ль, ты жене весь мир отдать готов,
А кресла мягкого иль книги не уступишь;
Ей счастье на земле ценою жизни купишь,
А не простишь двух-трех пустых обидных слов.
Но тяжелей всего — болезнь: какая мука,
Едва заметив жар, в тревоге пульс считать,
Способность потеряв работать и читать,
И думать. А в душе — томительная скука...
Поставишь градусник, и страшно заглянуть
На цифру, и следишь, тревогою объятый,
Веселым притворясь, как медленная ртуть
Все подымается, и от одной десятой
Проклятых градусов — я чувствую порой —
Зависит жизнь моя, и счастье, и покой...
О, как вы далеки, таинственные встречи
И первая любовь, и безотчетный страх,
Признание робкое в потупленных очах,
И торопливые, взволнованные речи!..
Вы не вернетесь вновь: простите навсегда!
Но как ни дороги утраченные грезы,

Я знаю: в пошлости, среди житейской прозы
И будничных забот, и скучного труда —
Все крепче с каждым днем, все глубже и сильнее
Моя печальная, спокойная любовь:
Нет, я бы не хотел, чтоб сделалась ты вновь
Такою, как была: ты мне еще милее!
Теперь – пред силою любви моей простой,
Пред этой жалостью друг к другу бесконечной —
Нам кажется почти ребяческой игрой
Тот первый сон любви неопытной, беспечной!..

IX. Отъезд с дачи

Осенний день. В лесу – все мертвенно и пышно:
Ни томной иволги, ни зябликов не слышно.
И как в доме, людьми покинутом, полна
Чего-то грустного лесная тишина.
Порой волнуются дрожащие осины,
И солнце заблестит, и листья зашумят,
Как в летний день, но миг – и желтые вершины
Вновь успокоятся и сразу замолчат.
Не пролетит пчела над цветником унылым,
В аллеях падают увядшие листья
И блещут в сумраке, подобно златокрылым
Июльским бабочкам. Как алые цветы,
Два мертвых листика трепещут и краснеют
На голых сучьях. Дождь и карканье ворон,
Солома влажная на избах, небосклон
Туманный... озими лишь ярко зеленеют.
На даче холодно, и потолок течет,
И печки скверные дымят, из окон дует,
И даже булочник возить перестает
Свой хлеб, и тетенька на скуку негодует...
В тревоге девочки, – в гимназию пора.
Из ранца вынули учебник запыленный
Сегодня свой урок твердят они с утра:

Знакомый переплет, оборванный, зеленый,
С воспоминанием о страшных, злых глазах
Учителя, опять на них наводит страх.
«Лакедемоняне в бою при Фермопилах...» —
Выводит Таточка унылым голосом,
Зевая, морщится и лижет языком
Свой пальчик розовый, запачканный в чернилах.
Но вот уж ломовой приехал. На возу
Навален всякий хлам: там сундуки, игрушки,
Ногами вверх столы, матрацы и подушки,
И клетка с петухом у кучера внизу,
А в самой вышине, как символ дома, яркий
Блестает самовар в объятьях у кухарки.
И с высоты кричит она вознице: «Эй,
Смотри-ка, моего корыта не разбей!»
Собака, хвост поджав, должно быть, в мыслях грустных,
Сидит: увы! пора голодная придет,
Не будет ей костей, не будет корок вкусных.
А дворник, шапку сняв, двугривенного ждет.
С бутылкой молока, закупоренной тряпкой,
Одета в серенький поношенный бурнус,
Но с очень яркою, оранжевою шляпкой,
С подвязанной щекой (осенний дачный флюс),
Хлопочет тетенька и между двух картонок
В коляску бабушку старается втолкнуть.
Слепая, бедная старушка, как ребенок,
Покорна. Все теперь готово. С Богом – в путь!
Но Даша сердится и хочет верх коляски
Поднять: «Что если дождь? не думает никто
О детях!..» В шарфы, плэд, потом башлык, пальто
Она их кутает. Им душно: только глазки
Блестят... Поехали. Уж церковь – за холмом,
Вот роща, где грибов так много, вот паром...
Вдруг тетенька кричит в отчаянье: «Забыла!..
Ах, Боже мой, назад!.. Забыла башмаки!..
Я сбегая: ведь здесь – недолго... пустяки!..»
Но Даша, полная воинственного пыла,

Вступает в спор, – она ликует больше всех,
Злорадствуя... И крик, и шум, и общий смех...
С улыбкой Таточка на все глядит практично,
И ей на даче ли, в Москве ли – безразлично.
Из хрестоматии французской наизусть
Твердит она урок. А Натe жаль природы,
Прогулок и грибов, и солнца, и свободы!
В задумчивом лице – недоуменьe, грусть,
Как будто бы вопрос, зачем в глубокой думе
Так сумрачен и тих – там, на краю небес —
Волшебно-золотой и все же мертвый лес,
Зачем уныние – в поблекшем поле, в шуме
Осенних непогод, и в тучах, и во всем?..
Сердечко бедное в ней чутко встрепенулось, —
Кто знает, может быть, предчувствие проснулось
Того великого, что смертью мы зовем?..

Х. Читателю

Мне страшно на лицо читателя взглянуть:
«Где собственно герой, завязка, в чем же суть?
И как печатают серьезные журналы
Подобный вздор!.. Какой упадок небывалый!..»
Минутку погоди, мой строгий судия,
Не горячись: ты прав! Мы – слабы, мы – ничтожны.
Все эти новые поэмы – невозможны;
В них скука царствует! Но разве жизнь твоя,
Читатель, веселей? Ты умываешь руки
Во всем, но кто, скажи, виновник этой скуки,
Упадка, пошлости и прозы наших дней?
Ты ропщешь, а меж тем всю жизнь тебя нimalo
Родной поэзии судьба не занимала.
Что книги!.. Для тебя отрадней и милей
Партнер за карточным столом, да оперетка!
Ты любишь фельетон забавный пробежать,
И если шуточка довольно зла и метка,

Привык ты газру газетному прощать
Всю пошлость. Ты не прочь от модного скандала,
И надо дерзким быть, чтоб угождать тебе...
Но что ты любишь? Чем душа твоя страдала?
Когда ты жертвовал, кому, в какой борьбе?..
С умом расчетливым, с душой неверной, зыбкой,
И с этой вечною, болезненной тоской,
И с этой мертвою, скептической улыбкой, —
Вот он, наш судия, читатель дорогой!..
Смотри: мы – казнь твоя, мы – образ твой. Меж нами
Есть непонятная, невидимая связь.
Ты знаешь: до сих пор она не порвалась, —
О, слишком крепкими мы связаны цепями!
Тебя не трогает наш робкий, бедный стих, —
Что делать? Видишь сам: наш мир угрюм и тесен,
Не требуй же от нас могучих, вольных песен, —
Они – не для тебя, ты недостойн их!
Теперь расстанемся... Но, кажется, с дороги
Я сбился и зашел Бог весть куда. Сейчас
Я кончу. Вот – вся мысль поэмы. В эпилоге
Я повторяю то, чем начал мой рассказ.

XI. Поэзия будничной жизни

Где два, три дерева, там – целый мир пред нами,
Там всей природы жизнь, там вся ее краса,
И бесконечные синеют небеса,
Сквозя меж темными, поникшими ветвями, —
Так двух иль трех людей довольно, чтоб порой,
В житейской пошлости великое, святое, —
Что есть у всех, – любовь просветом в мир иной
Сияла, вечная, как небо голубое!

Возвращение к природе

Драматическая сказка

Действующие лица:

Базилио – правитель страны. Сильвио – его сын. Клотальдо – приближенный Базилио. Шут. Придворные. Военачальник. Виночерпий. Казначей. Беатриче – куртизанка. Дамы, фрейлины. Пажи. Эстрелла – молодая фрейлина. Народ, ремесленники, воины, горожане и др.

Действие происходит во владениях Базилио, в сказочной стране.

[14]

Внутренность высокой башни

Перед открытым окном, в которое виднеется звездное небо, стоят Базилио и Шут.

Базилио

Неведомая творческая Сила
Во всех мирах бесчисленных явленья
В одну живую цепь объединила,
И в цепи той небесные светила —
Последние сверкающие звенья.
Туда, туда, к ночному небосводу
С несметными лампадными огнями
Летит чрез все века, чрез всю природу
Движение незримыми волнами, —
Так зыбь от камня, брошенного в воду,
Широкими расходится кругами.
Все выше, выше к сумрачной лазури
Возносится и детский слабый лепет,
И гром лавин, и рев могучей бури,
И над прудом плакучей ивы трепет.
В безмолвных звездах будущее дремлет.
Как в золотых клубках, в них скрыты нити

Изменчивых, неведомых событий...

.....

(Входит Вестник.)

Вестник

Поздравить я пришел, о царь самодержавный,
Тебя с наследником твоей короны славной!

Базилио

Вели скорей коня седлать!
Я к ним лечу, бегу обнять
Младенца милого и мать.

(Вестник уходит.)

Но нет, о сердце, не за тем
Сюда пришел я: глух и нем
К земному счастью мудрец.
Я не супруг, я не отец,
Я здесь не счастлив, не люблю
И радость в сердце подавлю.
Во тьму времен гляжу теперь,
Как в распахнувшуюся дверь.
И вас молю я в тишине,
О сонмы звезд, откройте мне
Новорожденного судьбу,
Науки верному рабу.

(Идет к окну, смотрит на звезды и составляет гороскоп.)

О горе мне! Среди небес,
Как в складках порванных завес,
Над краем сумрачной земли
Комета вспыхнула вдали.
И мир смятением объят,
Бледнеют звезды и дрожат
Пред тем, чтоб в ужасе упасть
В ее зияющую пасть.
Мой сын – злодей, мой сын – тиран
И, жаждой крови обуян,
Как зверь, кидается на всех.
Разврат... и оргий дикий смех...
Мятеж, – и царство, как в огне, —
В братоубийственной войне.
Но чем младенец виноват,
За что невинного казнят?
Пока беда висит над ним,
Он дремлет, чистый херувим,
Без дум, без воли и греха —
И колыбель его тиха.
Я не пророк, я не мудрец,
Я только любящий отец,
Но что порыв моей любви?
Что слезы жалкие мои?..
Все видеть, чувствовать и знать —
И покоряться и молчать!..

(Входит Клотальдо, королевский канцлер.)

Клотальдо

Тебя с наследником, мой царь,
Поздравить я пришел...

Базилио

Клотальдо, я не царь.
Ты знаешь ли пред кем, благоговая,
Колена ты склонил?.. Перед отцом злодея!..

Клотальдо

Кто лживый, дерзостный пророк,
Кто царский дух смутил лукавыми речами,
Кто нечестивыми устами
Судьбу ужасную наследнику предрек?

Базилио

Он тот, кому и мстить я не могу!
Что мой палач, моя секира
Созвездьям вечного эфира —
Неодолимому врагу!
Увы! от них какие брони,
Какие крепости спасут,
От их безжалостной погони
Какие бешеные кони
Добычу рока унесут?

Клотальдо

Тебе ли, царь, склониться в детском страхе
Под иго случая главой покорной?
Взгляни – ничтожный червь и тот во прахе
С врагом пред смертью борется упорно.
Ты сам себя, о смертный, будь достоин.
Коль надо пасть, – пади на поле брани,
Бразды судеб сжимая в твердой длани,
Лицом к врагу, как побежденный воин!

(Базилио в глубоком раздумье.)

Шут *(напевает про себя)*

Если б капля водяная
Думала, как ты,
В час урочный упадая
С неба на цветы,
И она бы говорила:
«Не бессмысленная сила
Управляет мной.
По моей свободной воле
Я на жаждущее поле
Упаду росой!»
Но ничто во всей природе
Не мечтает о свободе,
И судьбе слепой
Все покорно – влага, пламень,
Птицы, звери, мертвый камень;
Только весь свой век
О неведомом тоскует
И на рабство негодует
Гордый человек.
Но увы! лишь те блаженны,
Сердцем чисты те,
Кто беспечны и смиренны
В детской простоте.
Нас, глупцов, природа любит,
И ласкает, и голубит,
Мы без дум живем,
Без борьбы, послушны року,
Вниз по вечному потоку,
Как цветы, плывем.

Базилио
(выходя из задумчивости)

Клотальдо, что же делать?

Клотальдо

Дай мне сына.
От мира надо скрыть ребенка твоего,
Народу возвестив, что ранняя кончина
Похитила его.
И тихо заживу я с ним в уединенье;
Мой царь, мой друг, доверься мне:
Его, как нежное растенье,
Я воспитаю в тишине,
Не будет горестной его простая доля:
Не лучше ль всех корон – сердечный мир и воля —
В глуши неведомых лесов,
Вдали от шумных городов?..
О, если гложут нас бессонные печали
На ложах пурпурных и в мраморных дворцах,
О, если мы одну, одну лишь скорбь познали
В заветах мудрости, в богатстве и пирах, —
Быть может, нет ли там от жгучих дум спасенья,
Здоровья, счастья и забвенья
Там, в простоте, в затишии лугов,
Где на заре последняя былинка
И одинокая росинка
Так жадно солнце пьют, так счастливы без слов!..
Отдай младенца мне!..

Базилио

Ты прав.
Мне долг велит – иного нет исхода —
Все чувства нежные поправ,
Пожертвовать младенцем для народа.
Но все ж я человек... о, слишком тяжело
Гнетет корона золотая,

И клонится к земле, изнемогая,
Под бременем венца усталое чело.

(Базилио и Клотальдо уходят.)

* * *

*Скалы, покрытые лесом
У входа пещеры Клотальдо.
(После первой сцены прошло восемнадцать лет.)*

Клотальдо

Уж вечереет; солнца луч
Не так отвесен, бел и жгуч;
И золотистый, мягкий свет
Какой-то благостью согрет.
Как пар, волнуясь над землей,
Еще тяжелый дышит зной
На голой, розовой коре
Огромных сосен на горе,
На серых мертвых лишаях,
На диких выжженных камнях.
А там – меж ясеней немых,
Дубов и вязов вековых —
Уж ночь зеленая: там – тень
И усыпительная лень;
Там на гнилой коре стволов
Наросты влажные грибов,
Там слышен вздох уснувших фей —
То между спутанных ветвей
Журчит невидимый ручей
И нежный мох кропит росой...
Но луч прорвался золотой
В ту ночь, – и блеском залита
Стрекоз влюбленная чета...

О, как прекрасен Божий мир,
Как чист сияющий эфир!..
Природа молится и ждет,
Что ангел мира снизойдет,
И небо говорит «прости»
Земле пред тем, чтоб отойти
Ко сну... пред тем, чтоб задремать,
Они целуются; так мать,
От колыбели уходя,
В последний раз свое дитя,
Чтобы спалось ему светло,
Целует в сонное чело.

(Вдали появляется Сильвио.)

Вот и Сильвио, под мехом,
С луком звонким и копьем,
Он добычу мчит со смехом,
С торжествующим лицом.
То с блестящими клыками
Окровавленный кабан;
С этой ношей над скалами
Мчится юный великан.

(Вбегают Сильвио.)

Клотальдо

С добычей, Сильвио!

Сильвио

Весь день среди болот
Сегодня я блуждал; в траве, во мхах, в трясине
Искал я с жадностью чуть видимых примет,
Стоял до пояса в гнилой зловонной тине,

Чтоб зверя в камышах найти пахучий след...
Но тщетно! тишь кругом; над головой жужжала
Лишь туча комаров; ни знака, ни следа;
И ослепительно недвижимо дремала
Под пленкой радужной стоячая вода.
И сон, и блеск в очах; ослабевало зренье...
Вдруг – шелест в тростнике... О, сладкое мгновенье!
Как сердце дрогнуло! едва сдержал я крик
Безумной радости, как зверь, могуч и дик,
Я к зверю кинулся, вонзил мой дротик в спину
И кровью обагрил косматую щетину.
От боли он завыл и прынул на меня;
Я спрятался за пень, – то был мой панцирь крепкий, —
И белые клыки, раскидывая щепки,
Вонзились в дерево расколотого пня.
Как змей, одним прыжком я бросился, проворный,
К врагу; хребет ему коленами сдавил —
И вепрь к земле приник: он из последних сил
Рванулся; но меж игл щетины непокорной
Я в ребра острый нож чудовищу вонзил.
И, сердце щупая, предсмертным трепетаньем
Упился с жадностью, и пальцы погружал
Во внутренности, в кровь, лицо к ним приближал
С неведомым, но сладким содроганьем.

Клотальдо

Опомнись, Сильвио... Я вижу в первый раз
Такой зловещий блеск у этих милых глаз —
В них что-то чуждое мелькнуло... Что с тобою?
О, сын мой, не давай ты овладеть душою
Жестокости...

Сильвио

Прости, увлек меня рассказ...

Клотальдо

Не правда ли, не мог ты наслаждаться кровью?
О, я воспитывал тебя с такой любовью,
Ты зла, людского зла не видел с первых лет.
Когда затравлен зверь и, раненный смертельно,
К тебе подымет взор с тоскою беспредельной,
Тот ясный, страшный взор, где мысли виден след,
Ты жалость чувствуешь к нему, не правда ль?

Сильвио

Нет!
Мне никогда рука не изменяет,
Не дрогнет верный меч!

Клотальдо

Но зверь страдает,
Страдает он, как ты...

Сильвио

Какое дело мне!
Кто хочет жить – борись в безжалостной войне!
Смерть – побежденным! Прав лишь тот, кто побеждает.

Клотальдо

Но жалость лучшее, что есть в сердцах людей...

Сильвио

В лесу я никогда не видел сострадания,
В лесу мы счастливы победою своей,
И падшего врага нам сладостны стенанья!

(Клотальдо в ужасе смотрит на Сильвио.)

* * *

*Зал во дворце
Базилио и Клотальдо.*

Базилио

Благодарю тебя за преданную службу,
Но я прошу, как царь и любящий отец,
Теперь в последний раз ты докажи мне дружбу
С царевичем скорей вернитесь во дворец.

Клотальдо

О сжался, сжался, друг, над нами...
Ужели в бездну мой цветок
Я брошу старыми руками,
Чтоб растерзал его волнами
Ваш мутный, бешеный поток!

Базилио

Он сын мой...

Клотальдо

Нет, он мой – по праву,
Я жизнь, я счастье дал ему...

Базилио

Я дам престол, отчизну, славу...

Клотальдо

Ты заточишь его в тюрьму.
Как будто здесь, в роскошной клетке,
В унылых мраморных дворцах,
Забудет птица о полях.
О колыхающейся ветке,
О беспредельных небесах!..

Базилио

Я должен на краю могилы
В последний раз обнять его...
Старик, терпеть нет больше силы —
Отдай мне сына моего!..

(Король и Клотальдо уходят. Входит толпа придворных, дам и Шут.)

Дама

Флакон, скорей флакон духов...
Я зверя видела: как лунь, седой, косматый,
Со взором бешеным, под шкурою мохнатой,
Он шел за королем; и от его шагов
Вся мраморная лестница дрожала.

Молодая дама

Едва я в обморок от страха не упала...

Кавалер

О да, синьора, видел я:
Позвали вы к себе хорошенького пажа,
Чтоб распустить шнурки атласного корсажа.

Царедворец

А между тем, вы знаете ль, друзья,
Что этот варвар, зверь двуногий —
Любимый канцлер короля!..

Старая дама

Не может быть! Клотальдо?

Царедворец

Да.

Старая дама

О, боги!
Куда стремишься ты, развратный век!
Увы! мне этот бедный человек
Воспоминаниями дорог:
Я помню времена – тому уже лет сорок —
Когда Клотальдо был блестящий кавалер,
Исполненный приятнейших талантов,

Ума, изящества и грации пример:
Он первый моду ввел из крупных бриллиантов
Носить большие пряжки на чулках
И к шпагам золотым серебряные ленты.
Бывало, как зефир, он мчится на балах;
Какие нежные шептал он комплименты —
И вдруг – Создатель мой – теперь, на склоне лет,
Он зажил диким зверем со зверями,
На общество волков он променял наш свет!
Какие времена! О, что-то будет с нами!

Царедворец

Осмелюсь ли, синьоры, перед вами
Его преступное ученье изложить:
В деревню он зовет работать с мужиками,
На лоне любящей природы жить;
Чтоб для какого-то неведомого братства
Мы бросили чины, и службу, и богатства,
Чтоб наравне с последним батраком
Мы, графы и князья, навоз в полях возили,
Чтоб фрейлины двора ходили за скотом,
И чтоб – простите мне – коров они доили!..

Старая дама

Какая дерзость!.....
.....

Молодая дама

Нет, вы сердитесь напрасно;
Охотно бы ушла я с ним в долины, в степь,
Мечтать, грустить, внимать свирели сладкогласной,
Глядеть на твой закат, о лучезарный Феб...

Плела бы я венки, пастушкой гуляла,
Соломенная шляпка мне пристала,
И, право, я люблю горячий хлеб.

Кавалер

Я буду спутник ваш, Анета, —
Уйдем туда, под тень лесов;
Хотя мне жаль немного света,
И маскарадов, и балов —
Но рад я скрыться от укоров
Родни озлобленной моей,
От беспощадных кредиторов
И от проклятых векселей!

* * *

Среди обнаженных скал над пропастью
Клотальдо указывает Сильвио на пролетающего орла.

Клотальдо

Взгляни, мой сын, орел над нами,
Покинув скучный дольний мир,
Стремится плавными кругами
В недостижимый эфир.

Сильвио

Отец, я догоню орла,
Взберусь на каменные кручи,
Его настигнет в самой туче

Моя пернатая стрела!

Клотальдо

Он обгонять умеет бури;
Не раз он в вихре грозовом
Встречал, как ласку, Божий гром,
Дитя заоблачной лазури!..

Сильвио

Ужели робкий, пристыженный
Смотреть я молча осужден,
Как в небесах исчезнет он,
Лучами солнца озаренный,
И отомстить ему нет сил...

Клотальдо

О, если, друг мой, разлюбил
Ты нашей скромной жизни сладость, —
Есть мир иной, иная радость...

Сильвио

Как я беспомощен и слаб!

Клотальдо

О чем ты слезы льешь?

Сильвио

Я раб...

.....

Клотальдо

Вина отведай...

(Подает ему кубок с сонным напитком. Сильвио пьет.)

Сильвио

Лучшей доли
Я не узнаю никогда!..
Среди томленья и стыда
Я должен вечно жить в неволе!..

Клотальдо

Скажи, о чем твоя печаль,
Чего ты хочешь?

Сильвио

Сам не знаю...
Я рвусь душой куда-то вдаль,
Но силы нет – и я страдаю...
О, если б мог, я б полетел
Туда, в заоблачный предел...

(Сильвио лежит на скале и молча смотрит на небо. Потом глаза его под действием сонного напитка смыкаются, и, засыпая, он говорит с улыбкой.)

Сильвио

Я крылья чувствую, и рада
Душа подняться от земли...
Прощай!.. Уж грохот водопада
Едва мне слышен издали...
Как сладко, страшно... Сердцем чую
Я беспредельное кругом,
Но выше... выше... и орлом
Лечу я в бездну голубую!..

(Засыпает; являются слуги и уносят его.)

Клотальдо (один)

Дитя мое, прости!

* * *

*В королевском дворце
Толпа придворных и дам. Сильвио. Шут.*

Сильвио

О где я? Что со мной? Ужель все это сон?..
За миг лишь перед тем уснул я над стремниной,
Беспомощный, нагой, под шкурою звериной, —
И вдруг мелодией волшебной пробужден —
Я не в глухом лесу, а в царственном покое,
Над головой моей – не синева небес,
А складки голубых, таинственных завес,
Не камни подо мной, а ложе золотое...
И девушки, склонив серебряный сосуд,
Мне воду розовую льют.

Благоуханьями обрызганного тела
Их руки нежные касаются порой,
Мне кудри расчесал их гребень золотой,
И ткань пурпурная, как облако, одела
Мне члены мягкой, ласкающей волной.

Шут

Еще вопрос никем доньше не решен,
Где твой конец, о Жизнь, твое начало, Греза,
Где бред мечтателей, где будничная проза,
Где – истина, где – ложь, действительность и сон:
Все в этом хаосе подвижно, мутно, слито,
И вереницею полубезумных снов,
Как бледно-радужной гирляндой цветов,
Существование волшебю перебито.
Не вдумывайся в жизнь, разгадки не найдешь,
Коль можешь верить – верь в пленительную ложь.

Сильвио

Кто ты?

Шут

Я шут.
Так люди мудрецов непонятых зовут.

Сильвио

Но что ты делаешь?

Шут

Смеюсь я надо всем.
И ни любовью, ни врагами,
Как буревестник над волнами,
Как вольный вихрь, – не связан я ничем.
Смеюсь над верой и неверьем,
Смеюсь над глупостью людей,
Над рабством, злом и лицемерьем,
И над величьем королей.
Я полон дерзостной отваги,
Я здесь презреннейший из всех, —
Но прямо в сердце, лучше шпаги,
Разит ударами мой смех!..

Первый министр *(на пурпурной подушке подает Сильвио корону)*

Великий государь, в благоговейном страхе
Позволь склониться мне и к трону подойти,
Чтоб здесь, у ног твоих, во прахе
Тебе корону поднести.

Верховный судия *(на подушке подносит Сильвио золотой скиптр)*

Вот скиптр, могучий царь, твой грозный атрибут.
Пускай же под его хранительною сенью
Все добродетели в стране твоей цветут
И, длани царственной покорны мановенью,
К тебе, наш судия, на неподкупный суд
Земные племена, как воды, притекут!

Шут

Я видел грозного судью;
Упитанный и жирный,

Склонил он голову свою
С улыбкой детски мирной.
Недаром лик его так горд
И потом блещет ярко:
Он переваривает торт
И трюфели с пуляркой.
Очки сползли, и взор померк,
И на нос муха села;
Не слышит он, как тощий клерк
Пред ним читает дело...
Судья так громко захрапел,
Что вдруг прервалось чтение дел,
И муха улетела...

.....

Главный казначей (*подносит Сильвио червонцы*)

Вот золото, мой царь.

Сильвио

Как блещут эти свитки,
Как весело звенят они в руках!

Казначей

В подвалах у тебя, в железных сундуках,
Мерцают, тихо спят нетронутые слитки
И только слова ждут, чтоб вырваться на свет
И загреметь дождем сверкающих монет.
Их схватят с жадностью протянутые руки,
Благословят тебя промышленность и труд,
Искусства вольные, ремесла и науки,
Как розы, – мертвые пустыни расцветут.
Возникнут фабрики, театры и музеи.

И смелый рудокоп во внутренность земли
За жилой золотой пророеет галереи,
И с моря синего примчатся корабли.
Здесь, в золоте твоём, владыка всемогущий,
Таится, как зерно, весь этот мир цветущий!

Сильвио (*рассматривая золото*)

Так вот где ключ к сердцам людей!
Но нет, не верю я, чтоб эта горсть металла
Игрушка жалкая, достойная детей, —
Такою властью над миром обладала...

Виночерпий (*подаёт Сильвио кубок*)

О, дай мне только знак – и брызнет из бочонков
Кипящее вино, и в белых колпаках,
Над жаркою плитой, с кастрюльками в руках,
Забегает толпа проворных поваренков,
И чудный аромат из кухни долетит.
Под крышкой золотой дымящиеся блюда
На снежной скатерти заискрятся, и груда
Прозрачных хрусталей на солнце заблестит.
Великий государь, отпразднуй новоселье,
Вели устроить пир.

Сильвио

Да здравствует веселье!
Я всех на пир зову!.....

(Придворные толкают друг друга и теснятся к трону.)

Первый

Быть стольником твоим мечта моя, король!

Второй

Фазанов поставлять на кухню мне дозвожь!

Третий

В моих озерах водятся форели...

Четвертый

Гранаты у меня в садах давно созрели!..

Первый

Будь милостив, мои владенья округли...

Второй

Оклады увеличь слугам твоим покорным...

Третий

Назначь меня, король, поставщиком придворным...

Четвертый

Меня подрядчиком...

Пятый

Мне денег...

Шестой

Мне земли...

Шут

Мухи роем облепили
Сладкой патоки горшок,
Волки с воем обступили
Жирный лакомый кусок...

Придворный

Что думает король о женщинах?

Другой

А вот
Посмотрим: фрейлина к монарху подойдет,
Чтоб испытать его.

Молодая дама (*склоняясь перед Сильвио и целуя его руку*)

О, дай рабе смиренной
Коснуться, государь, руки твоей священной.

Сильвио (*в волнении, наклоняясь к даме*)

Прижать тебя хочу я к пламенной груди...

Дама

При всех, король?..

Сильвио

Так что ж?

Дама (*убегая*)

Мне стыдно...

Сильвио

Погоди,
Красавица, вернись!..

Церемониймейстер

Опомнись, принц!

Сильвио

Прочь руки!
Бегу за ней!..

Церемониймейстер

Что скажет свет!..

Сильвио

Я полон сладкой муки...

Церемониймейстер

Ты нарушаешь этикет...

Кавалер

Бедняк!

Старая фрейлина (*тихо с ужасом*)

Он пьян!

Кавалер

Но не вином, любовью!

Второй кавалер

К кому?

Первый

К той даме молодой.

Одна из фрейлин

Счастливица!

Вторая

Как быстро!

Третья

Боже мой!
Играть беда с такой горячей кровью!

Вторая

Как порох вспыхнул...

Третья

Да, не то
Что наши франты...

Четвертая

При дворе никто
Не мог бы с ним поспорить в этом деле.

Придворный

А ловко мы его на удочку поддели!

Другой

Он наш вдвойне: к нему нашли мы два пути —
Вино и женщин...

Церемониймейстер *(на ухо Сильвио)*

Государь, прости, —
На пару слов: скажи, кого ты любишь боле,
Брюнеток или блондинок? принц, по воле
Твоей доставить я готов
Красавиц лучших в целом свете
Всех возрастов, племен, наречий и цветов!..
Уж и теперь в моем букете —
Немало чудных роз и лилий на примете.

Маршал *(склоняясь и подавая Сильвио меч)*

Солдаты ждут, возьми твой меч,
И за тобой пойдем мы следом...
Полки в огонь кровавых сечь
На страх врагам веди к победам.

Шут *(напевает)*

«На чарку водки, куманек!» —
Робер зовет Жуана;
В таверне слышится: чок-чок,
Веселый звон стакана.
Но вот подрался царь с царем,
Робер Жуану стал врагом;
Уж не под звон стакана —
В лихом бою, как с зверем зверь,
Два друга встретились теперь
Под грохот барабана,
Робер приятеля убил
И крест за подвиг получил,
Робер убил Жуана...
Снопамися валяются тела,
И не осталось ни кола
От вражеского стана;

Ура, победа! Но никто
Не объяснил бы нам, за что
Робер убил Жуана.

Маршал

Монарх, ты грозный вождь бесчисленных полков,
Явись же к ним на миг и взором их обрадуй!
За долгие года лишений и трудов
Да будет твой привет им лучшей наградой.
Взгляни, вот рать твоя!

*(Отдергивает занавес, – и с террасы открывается вид на
площадь, покрытую войсками.)*

Войска

Да здравствует наш царь!

Сильвио

И это – не мечта, не ложь, не сновиденье!..
Я *царь!*.. В самозабвенье
Как сладко повторять мне гордые слова...
И кружится над бездной голова...
Рабы, я принимаю
Ваш блестящий венец бестрепетной рукой,
И над простертою у ног моих толпой
Я скиптр высоко подымаю!..

Все

Да здравствует наш царь!

(Король и придворные уходят.)

* * *

*Зал во дворце
Входят двое придворных, разговаривая.*

Первый

Каков наш принц!.. И день и ночь похмелье!
Не только всех вельмож – он дам перепоил,
В разбойничий вертеп чертог свой превратил:
Разврат, безумство, пьяное веселье...

Второй

Толпа гуляк, по городу блуждая,
Врывается порой, как бешеная стая,
В дома почтенных горожан, —
И бьет, что под руку попало, наш буйан, —
Лакеев, рыцарей, посуду.
Беда красавицам и бочкам сладких вин:
И в кладовых, и в девичьих – повсюду
Хозяйничает он, как полный властелин.
Не быть добру...

Первый

А слышали вы новость?
Он с нашим добрым старым королем
Дерзнул выказывать надменную суровость.

Его поссорили с отцом.

Второй

За что?

Первый

Он раздражен интригами и сплетней;
Узнал он, что отец венца его лишил
По воле рока и светил;
С тех пор он каждый день мрачней и неприветней.

Второй

Шаги... Прощайте...

(Входят Сильвио, придворные и Шут.)

Шут

Таков удел земной: природа для людей
Заимодавец беспощадный.
И все один процент – сто на сто – платят ей
За каждый светлый луч, за каждый миг отрадный,
Кто б ни был должником – сапожник иль король.
Вчера любовь, вчера веселье, —
Сегодня скука и похмелье,
И мудрость поздняя, и головная боль.

Сильвио

Бездельники, льстецы и дармоеды,
Так вот как служат королю!
Где хохот, шутки и беседы?
Я лиц унылых не терплю.
Пляшите, смейтесь – чем хотите —
Умом иль глупостью – царя развеселите!..
Найдите для меня игру, забаву, труд...
Что делают у вас, когда не спят, не пьют
И не целуются с красотками?..

Канцлер

Великий
И доблестный порыв премудрого владыки
Мы все приветствуем; твой юный дух растет
И жаждет к подвигам направить свой полет.
Дерзну ль, монарх, к делам правленья
Привлечь твой милостивый взгляд:
Мои бумаги, повеленья
Давно без подписи лежат.
Взглянуть на них царю не будет ли угодно?
Вот кипа пыльных, старых дел:
Когда б просить тебя я смел,
Чтоб ты, пожертвовав минуткою свободной,
Хотя б важнейшие бумаги просмотрел...

Сильвио

Подать мне свитки.

Канцлер

Вот, мой царь.

Сильвио (*бросая свитки*)

Возьмите их, солдаты,
Скорей в огонь весь этот хлам проклятый
И пепел по ветру развеите!

Канцлер (*в ужасе*)

Государь,
Здесь важные дела!

Сильвио

Повелеваю,
Чтоб по всему подвластному мне краю
Дела и рапорты, какие б ни нашли —
Рукою палача немедленно сожгли.

(Солдаты, взяв бумаги, удаляются.)

Где мой шут? О нем тоскую...
Мой дурак – умнее всех.
Спой мне песенку простую,
Дай услышать вольный смех!

Шут (*напевает*)

То не в поле головки сбивает дитя
С одуванчиков белых, играя:
То короны и митры сметает, шутя,
Всемогущая Смерть, пролетая.
Смерть приходит к шуту: «Собирайся, Дурак,

Я возьму и тебя в мою ношу,
И к венцам и тиарам твой пестрый колпак
В мою общую сумку я брошу».
Но, как векша, горбун ей на плечи вскочил,
И колотит он Смерть погремушкой,
По костлявому черепу бьет, что есть сил,
И смеется над бедной старушкой.
Стонет жалобно Смерть: «Ой, голубчик, постой!»
Но герой наш уняться не хочет,
Как солдат в барабан, бьет он в череп пустой,
И кричит, и безумно хохочет:
«Не хочу умирать, не боюсь я тебя!
Жизнь, и солнце, и смех всей душою любя,
Буду жить-поживать, припевая:
Гром побед отзвучит, красота отцветет,
Но Дурак никогда и нигде не умрет —
Но бессмертна лишь глупость людская!»

Сильвио

Спасибо, шут, ты рассмешил меня.
Исчез похмелья чад тяжелый.
Вина, рабы! За пир веселый,
Скорей за стол, друзья!

Старый слуга (*выходя из толпы*)

Побойся Бога!..

Сильвио

Берегись!..

Слуга

Чего
Беречься мне? Меча и скиптра твоего?
Когда еще, мой принц, вас не было на свете,
Ни крови не шадя, ни сил,
Во брани, мире и совете
Народу моему я правдою служил...

Сильвио

Молчи!..

Слуга

Мой долг свершу я до конца,
И я скажу тебе, как старый воин:
Ты недостойн
Великого отца!

Сильвио

Молчи!

Слуга

Молчать мне поздно,
Довольно я терпел, нет больше сил молчать,
Клянусь – пред истиною грозной,
Тебя заставлю я дрожать!
И знай, не защитят от праведного Бога
Ни грозные полки, ни шайки палачей:
Небесный гром найдет и за стеной чертога
Тебя, убийца и злодей!..

(Сильвио кидается на слугу и закалывает его. Придворные разбегаются, на сцене остаются Сильвио и Шут. Входит Базилио.)

Базилио

Кровь – на руках его!.. О, сила
Жестокая, над участью людей
Царящая, Судьба! не отдавайся ей,
Борись, дитя мое...

Сильвио

Не рок и не светила,
А прихоть старого глупца
Меня лишила
Престола и венца.
Не обвиняй судьбы: не ты ль, отец преступный,
По мнимой воле рока и светил
Меня в неведомых лесах похоронил?
И брошенный в пустыне недоступной,
Как сорная трава, я рос... И вот, теперь
Ты удивляешься, что дик я и мятежен,
И непочтителен, и не довольно нежен...
Кого мне почитать, кого любить?.. Я зверь!..
Ни совести, ни Бога, ни отчизны
Нет у меня: ты сам лишил меня всего!..
И мне ли слушать укоризны
Мучителя, тирана моего!

Базилио

Мой сын, ты опьянен могуществом и властью,
Но знай: изменчив рок, не доверяйся счастью.
Величие царей и слава промелькнет,
Как тучка на заре, мгновенно потухая,

С чела корона золотая
И пурпур с плеч твоих спадет.
И ты останешься забытым, одиноким,
И ты очнешься вновь, могучий грозный царь,
В глуши немых лесов – неведомый дикарь,
И будет трон тебе казаться сном далеким...
Прости, мой бедный сын, прости навек!..

(Базилио уходит и за ним Сильвио в глубоком раздумье.)

Шут *(один над трупом слуги)*

Нет, не буду унижать
Шутки вольной. Вы богаты,
Золоченые палаты...
Только нечем здесь дышать!
Я помчусь, отваги полный,
Прочь из клетки золотой,
Окунусь, как рыба, в волны
Жизни бедной и простой!
Царедворцев знаменитых,
Гордых рыцарей и дам
За отверженных, забытых
Я так радостно отдам.
И по бургам, и по селам
Вместе с трупной кочевой
Стану циником веселым
Я бродить в толпе людской.
Под дощатым балаганом,
С арлекином полупьяным
Буду счастлив я душой.
Здравствуй, бедность, здравствуй, воля,
Аромат ночного поля,
Ястреб в небе голубом,
И грачи, и скрип телеги,

И цыганские ночлеги
За пылающим костром!..

* * *

Пир

Сильвио, кавалеры и дамы. В стороне Базилио, инкогнито, в темном плаще, и Виночерпий

Базилио (*тихо*)

Вот яд. Но волю нашу
Исполнишь ли ты, раб?

Виночерпий

Царь, нет слуги верней
Меня...

Базилио

Так знака жди, и в чашу,
По манию руки моей,
Ты принцу Сильвио отравы сонной влей.

(В другом конце залы разговаривают двое придворных.)

Первый

Кто эта девушка, синьор, что с принцем рядом
Сидит на троне золотом?
Она – царица гордым взглядом

И повелительным челом.

Второй

Как, вы не знаете? То лучший перл в короне;
В одном из кутежей король ее нашел
В каком-то уличном притоне,
И, фрейлинам назло, блудницу он возвел
На опозоренный престол.

Беатриче *(подходя к окну и откидывая завесу)*

Что боитесь вы рассвета?
Ставни настезь распахните
И с зарей потоки света
В залу душную впустите!
Солнце, солнце! Меркнут свечи,
Ветерок подул из окон,
И дрожат нагие плечи,
Золотистый вьется локон...
Но зачем же ваши очи
Малодушно пред зарею
Ищут тени, ищут ночи,
Как пред грозным судиею?

(Беатриче подымает кубок и обращается к Сильвио).

За подвиги твои грядущие я пью!
За Сильвио-вождя я тост провозглашаю
И чашу полную мою
Навстречу солнцу подымаю!

Сильвио

За победы!..

(По знаку старого короля Виночертий подает Сильвио кубок с ядом; он его выпивает. После молчания.)

...Глаза застилает туман...
Тише... слышите, ржут где-то кони...
Вот и трубы звучат, и гремит барабан,
И, как молния, вспыхнули брони...
Легионы, вперед! Проношусь я грозой,
И бегут племена и народы —
Как пески пред самумом, бегут предо мной,
И как бурей гонимые воды!

(Чаша падает из его рук, и он склоняется, одолеваемый дремотой.)

Я весь мир победил, я бессмертен, как Бог.
Подо мной, пресмыкаясь во прахе,
Где-то там, далеко, у подножия ног,
Мне вселенная молится в страхе,
Выше, выше... Не видно земли, и кругом
Беспредельное сердцем я чую,
И несут меня крылья, несут... и орлом
Прямо в бездну я мчусь голубую!..

*(
Засыпает. Базилио, сбросив плащ, является в царском одеянье.
Все перед ним преклоняются. Он подходит к Сильвио и снимает с него корону).*

Король

Вот человек: он стремился к величию и власти,
Людам и Богу грозил он рукой дерзновенной,
Душу его волновали могучие страсти;
Мало казалось для них необъятной вселенной...
Где же, герой, твои смелые, гордые мысли,
Силы, надежды?..
Руки повисли,
Сомкнуты вежды...
Меч и несметное войско, и гром твоей славы —
Вся твоя сила
Не победила
Капли отравы!
Все, что так жаждал обнять ты душой ненасытной, —
Все улетело,
И беззащитно —
Жалкое тело.
Вот – наша доля!.. Какая-то вечная Сила,
Скрытая тайной,
Нас одарила
Жизнью случайной.
Не для себя – для нее мы живем и страдаем,
Полны томленья,
И улетаем,
Как сновиденья!..

(Слуги уносят спящего Сильвио.)

* * *

*Обнаженные скалы в пустыне
Сильвио спит под звериной шкурой; над ним стоит Клотальдо,
указывая ему на небо.*

СИЛЬВИО *(открывая глаза)*

Где я?..

Клотальдо

Орел давно исчез.
Потухло солнце за горами...
Светила бледные с небес
Взирают кроткими очами.
Проснись!..

Сильвио

Где мой престол?..

Клотальдо

Дитя,
Опомнись: жадными очами
За птицей гордою следя,
Здесь, над угрюмыми скалами,
Уснул ты в полдень золотой, —
Теперь уж ночь – пора домой.

Сильвио

Так это был лишь сон!..

Клотальдо

Но что же
Во сне ты видел, сын мой?

Сильвио

Боже,
Я видел блещущий дворец,
Неодолимую державу...
Я видел пурпур и венец,
Могущество, победы, славу...

Клотальдо

Забудь...

Сильвио

Нет, лучше – смерть!

Клотальдо

Мой друг,
Взгляни, как ясен мир природы,
Как спят озер немые воды,
И гор знакомый полукруг...
Туман клубится, и над бездной
Едва блестят меж облаков
Под тихим светом ночи звездной
Громады вечные снегов...

Сильвио *(не слушая)*

Стремиться к подвигам великим,
Достигнуть трона, счастье, власть
Держать в руках – и сразу пасть,
И пробудиться зверем диким, —
Насмешка горькая!.....

.....

(Плачет)

Но если все, чему так твердо
Я верил – сила, красота,
Любовь, величье власти гордой —
Неуловимая мечта,
И жизнь, как молния, умчится, —
То где ж не призрак, не обман,
Не мимолетная зарница
И не блистательный туман?..
Быть может, сон – и эти горы,
Луга, долины, небеса...
Быть может, призрак – и леса,
И звезд таинственные хоры, —
Весь мир – создание мечты,
И все величие вселенной
Над бездной вечной пустоты —
Лишь отблеск радуги мгновенной...
Куда несется жизнь моя
Над беспредельным океаном,
Как налетевшим ураганом
Полуразбитая ладья?
Опоры нет: под бурей вечной,
Как искра, меркнет свет ума...
Бессилье, ужас бесконечный,
И одиночество, и тьма!..
Лес родимый! я спрячусь в безмолвье твоём
В изумрудной, таинственной мгле,
И к холодной земле
Я приникну челом.
Об утесы дробись и шуми, водопад,
Пусть студёные слезы твои окропят
Мне горячую грудь...
Позабыться, уснуть!..

Нет, не буду, как прежде, могуч и здоров,
Со зверями под свежую тенью дубров:
Человека в себе не убить мне ничем;
А природе... на что я природе теперь,
Развращенный, больной и измученный зверь?..
Я печален и нем
Буду в мире блуждать,
И закрыт для меня первобытный Эдем:
Буду вечно томиться и вечно страдать!

* * *

Внутренность пещеры
Сильвио читает книгу при свете лампы. Клотальдо входит незамеченный.

Клотальдо

...Тихо кругом... Только летучие мыши вьются, шурша, над лампадой; со сводов висят сталактиты, и капли стекают по ним и падают на пол, как слезы. Бедный мой Сильвио!

Сильвио

Кто зовет меня?

Клотальдо

Это я пришел тебя проведать.

Сильвио

Тяжко мне, отец... Прежде я смутно чувствовал, что жизнь только греза, теперь мудрость подтвердила мой опыт... Она доказала, что вся *природа* – сон, и человек никогда не узнает, что кроется там, за призрачной дымкой явлений и форм... Никогда, никогда!..

Клотальдо

Дитя, о чем ты горюешь? К чему тебе тайна природы? Удел человека – работа, а для работы тебе довольно и того, что можешь *познать*.

Сильвио

Нет, лучше убью себя, но не отрекусь ни на одно мгновение от моей неутолимой жажды... Для меня нет другого исхода – или проникнуть в тайну, или погибнуть!

* * *

*Народ. Площадь перед дворцом
На ратуше звонят в колокол. Крестьяне, ремесленники, купцы,
нищие – толкаются, кричат и пробегают толпа за толпой.*

Герольд (с трубою)

На площадь, граждане, на площадь!

Купец

Эй, сосед,
Куда бежишь?

Ремесленник

Бегу, как бык – на красный цвет.
Не знаю сам куда: на месте не сидится!..
Когда народ бушует и ревет
И зверем бешеным стремится
На приступ, бунт, пожар – мне все равно – вперед
Бессмысленно бегу, куда толпа влечет,
И силы нет остановиться.

Купец (*запирая лавку*)

И мне не терпится, и я с тобой бегу,
Меня несут, как ветер, ноги,
И удержаться не могу.

(Входят Придворный, переодетый в платье рабочего, и Крестьянин.)

Придворный

Ведь юный царь, и щедрый, и нестрогий,
И вам же обещал он облегчить налоги.

Крестьянин

Что молвил ты? Отец родной! Не может быть,
Налоги?..

Придворный

Да, на шерсть, и соль, и водку...

Крестьянин

Ну нет, уж я теперь за Сильвио! На сходку
Я приведу тебе здоровых молодцов,
Налоги! Боже мой, да я на все готов!
Ах, светики мои, вот счастье-то какое!
Задел же ты нас, братец, за живое...
За Сильвио мы все, за Сильвио! Лечу,
На площади я весь народ перекричу!

(Пьяные солдаты выходят из таверны и разговаривают.)

Первый

Какой у нас король – не царь он – а старуха.

Второй

В нем нет воинственного духа.

Третий

А Сильвио в поход вести нас обещал!
Вот – нашей армии достойный генерал!..

Четвертый

Награды, ордена, фуражировки...
Уж то-то привезем любовницам обновки!

Один из солдат

Войны, мы требуем войны!

Другой

Мы постоим
За Сильвио, отдайте нам героя,
Не то возьмем его мы с боя!

Солдаты

Где принц, где новый вождь? Вся армия за ним!

* * *

Пустыня

Народ и войско. Сильвио под звериной шкурой. Военачальник на коленях подает ему корону.

Военачальник

Царем мы Сильвио избрали;
И умолять его пришли,
Чтоб он в смятенье и печали
Не покидал родной земли.
Прими же, Сильвио, корону;
Мы за тобой на смерть пойдём;
И путь к наследственному трону
Тебе проложим мы мечом.

Сильвио

Уйдите прочь!..

Военачальник

Ужель, монарх, лишенный чести,
Обиды и позор оставишь ты без мести?

Сильвио

Мстить – для чего?.. За что?.. Кто мог меня обидеть?
Ведь люди – призраки, действительность – обман...
Не стоит их любить, не стоит ненавидеть:

Они рассеются, как утренний туман!..
Убить врага – к чему? Через два иль три мгновенья
Не будет ли и он, как я, добычей тленья?
За всех живых в груди моей – тоска,
И мстить не хочется, и потухает злоба
Пред холодом и тишиною гроба,
И падает с мечом бессильная рука!..
Уйдите!..

Военачальник

Дорого нам каждое мгновенье,
Несметные полки тиран ведет на нас.
Подумай, скольких жертв в руках твоих спасенье;
Должны с отцом твоим вступить мы в бой тотчас.
Победа – или смерть, нам больше нет исхода...
Спаси нас, будь царем! Глас Божий – глас народа!..

Сильвио

Мне все равно... На трон ведите,
Я вновь готов принять порфиру и венец...
В груди нет воли, сил, желаний... Что хотите
Вы делайте со мной, я буду, как мертвец,
Как бездыханный труп, безропотно послушен,
И нем, и холоден, и к власти равнодушен.

Народ и войско

На щит царя!

(Сильвио поднимают на щит.)

Сильвио (*про себя*)

Противны мне и дики
Толпы восторженные крики...
Войска, народ – и всё, что вижу пред собой —
Мне кажется теперь какой-то грезой дальней
Иль сказкой, полною иронии печальной,
И жалок сам себе, в короне золотой,
Я, призрачный монарх – над призрачной толпой!

Народ

Умрем за Сильвио!

(Войско и народ уносят Сильвио на щите.)

* * *

*После победы
Над полем сражения высокий холм. Шум битвы. Сильвио в
полном вооружении.*

Войска

Привет царю, привет!

Солдаты (*приводят старого короля Базилио в оковах*)

Монарх, мы привели
Тирана пленного, врага родной земли.

Базилио

Я вижу: прав ваш приговор,
Неодолимые светила!
Давно влекла слепая сила
Меня на гибель и позор.
И вот – свершилось. Победила
Судьба. Мой сын, не ты жесток,
Не ты казнишь меня, а Рок!

Сильвио

Пред ужасающею тайной,
Как я – беспомощен и слеп, —
Ты был игрушкой случайной
Непознаваемых судеб...
Нет виноватых! Гнев бесплоден...
Снимите цепь с него... Старик,
Ты был в несчастиях велик —
Иди... прощаю, ты свободен...

* * *

*Терраса над морем. Лунная ночь. Пир
Сильвио на троне. Базилио, Клотальдо, Беатриче, Придворные.
Певец играет на арфе. По знаку Сильвио он умолкает.*

Сильвио

На что, певец, мне эти звуки?
Должны когда-нибудь они умчаться прочь,
И будут после них еще тяжеле муки,
Еще томительнее ночь.
Могильный остов прячет в розы
Поэтов детская мечта;
Но если правды нет – на что мне красота?
На что – обман, на что мне – грезы?

Уйди, певец!

Беатриче

Ко мне! Я разум усыплю,
Боль ненавистного сознания утолю!..

(Беатриче хочет его обнять, но он отталкивает ее.)

Сильвио

Довольно! Факелы и свечи потушите...
Мне страшно быть с людьми! Уйдите все, и пусть
Растет в безмолвии моя немая грусть.
Вино и чаши унесите!

*(Гости уходят, слуги уносят кубки, явства и свечи; остаются
Клотальдо, старый король и Сильвио.)*

Базилио

Умом бесстрастным побеждая муки,
Забудь себя, отдай всю жизнь науке.
Могильный прах – и чистый луч рассвета,
Звезду, что перлом в сумраке повисла,
Мечту, что родилась в душе поэта —
Ты разлагай на меру, вес и числа.
Исследуй все в тиши лабораторий:
Гниющий труп и нежный запах розы,
Людских сердец возвышенное горе,
И брызги волн, и вдохновенья слезы.
Тогда спадет с очей твоих завеса,
Поймешь ты жизнь таинственную мира

И в ропоте задумчивого леса,
И в трепете полночного эфира:
Как звук с созвучием – душой смиренной
Сольешься ты с гармонией вселенной.

Сильвио

Скажи, достигну ли я тайны роковой?
Проникну ль хоть на миг к источнику явлений,
К той грозной глубине, к той пропасти немой,
Что скрыта облаком блистательных видений?

Базилио

Нет, лгать я не хочу, там, за пределом знаний,
Тебя наука к *Тайне* приведет;
Твой ум слабеющий коснется вечной грани —
И больше ни на шаг не двинется вперед.
И как бы ни дерзнул глубоко погружаться
К началам бытия, в природу, человек —
Он будет к роковой загадке приближаться —
И не решит ее вовек.

Сильвио

На что же мне твоя наука?
Чем безнадежнее, чем глубже сознаю
Пред тайной мировой беспомощность мою,
Тем жизнь бессмысленней, тем нестерпимей мука!

Базилио

Ты к невозможному стремишься...

Сильвио

Если так,
Кто в сердце мне вложил безумное стремленье;
Зачем я не могу не рваться в тайный мрак
К тому, что – не обман, не призрак, не виденье?..
Проклятье – знанию! Оно гласит: «Смирись,
Ты жалкий раб, не царь в природе,
От смысла жизни отрекись,
Не требуй истины, не думай о свободе».
Проклятье знанию твоему!
Оно лишь муки сердца растравляет,
И, как услужливый тюремщик, освещает
Порабощенному уму
Его огромную и страшную тюрьму!..

Клотальдо

Наука – ложь. Спасенье там – в природе;
Вернись же к ней, простой рабочей жизни,
К земле родимой, к миру и свободе,
К затишью сел, к покинутой отчизне.
Попробуй жить с крестьянами на воле,
Попробуй взять лопату, плуг иль молот,
И на заре иди работать в поле —
Ты будешь вновь душою бодр и молод.

Сильвио

О пусть в груди моей – безумная тоска:
За мирный сон души я не отдам сознания!
Не надо мне тупого прозябанья,
Покорности и счастья мужика!
Проклятье вам! Вы лжете оба,
В груди от ваших слов сильней тоска и злоба.
Там, в мирной тишине жилища твоего,

Старик, ты выдумал слияние с народом,
А ты, король, свою науку, для того,
Чтоб утешать себя хоть призрачным исходом,
Чтоб хоть миражем заслонить
Зияющие бездны...
Но я правдивей вас: я смел разоблачить
Трусливый ваш обман, смешной и бесполезный.
Уйдите прочь!

(Базилио и Клотальдо уходят.)

Сильвио

Теперь мы, скорбь, с тобой вдвоем.
Я не дрожу, я не бледнею,
И если узел твой распутать не сумею —
Я рассеку его мечом!
Удар – и смолкнет боль сознания
Среди мгновенной тишины,
Удар – и кончены страдания,
И все вопросы решены...
Там, на глади морской, исчезая вдали,
Блеск луны отражен, как серебряный путь,
Если б мог я умчаться по нем от земли,
Чтобы в лунном сиянье навек потонуть.
Я без дум и без мук невозвратно б исчез
В этом мягком, волнистом тумане небес...
Я бы умер, как отблеск холодной луны,
На трепещущем лоне певучей волны...
Если б знать мне, о чем это волны поют?..
И не та же ли скорбь, как меня, их гнетет?..
Обещая мне вечный покой и приют,
Что-то к пропасти манит меня и влечет...
Слышу, волны, призыв ваш: я скоро приду!..

(За сценой слышатся голоса.)

Голос Эстреллы, молодой фрейлины

Я должна его видеть!.. Пустите меня!..

Голос пажа

Король велел никого не принимать.

(Входит Паж со светильником, который он ставит на стол, и Эстрелла.)

Паж

Не моя вина, государь... Я предупреждал...

(По знаку Сильвио Паж уходит).

Сильвио

Что вам надо?

Эстрелла

Я пришла умолять...

Сильвио

Вы могли обратиться к министрам...

Эстрелла

Я просила всех, но напрасно...

Сильвио

В чем ваша просьба?

Эстрелла

Помилуйте моего брата...

Сильвио

Что он сделал?

Эстрелла

Фернандо де-ла-Сена в междоусобной войне против вашего отца остался верен старому королю Базилио. Когда все от него отступили и перешли на сторону врагов, Фернандо, в числе немногих, сохраняя верность присяге, сражался за своего государя. Мой брат схвачен в плен вместе с другими рыцарями. Ваши приверженцы объявили его мятежником, заключили в темницу, и завтра должен исполниться смертный приговор, подписанный вашей рукою, государь!.. Где же справедливость?.. За что он умрет?.. Пощады, Сильвио, пощады невинному!..

Сильвио

Какое дело мне до вашего брата?.. Его осудили на смерть, – пусть он умрет.

Эстрелла

Не будьте жестоким!..

Сильвио

Я делаю это не из жестокости, но из равнодушия... Зачем я буду прощать его?

Эстрелла

(падая на колени)

Умоляю, государь, именем справедливого Бога, помилуй невинного, сжался!

Сильвио

Я не жалею себя, как могу я жалеть других?.. Уйди прочь!

Эстрелла

Я не встану, пока ты не простишь!..

Сильвио

Я позову слуг...

Эстрелла *(встает)*

Хорошо. Но знай, король, что правды нет в твоей земле... Ты дашь ответ перед Богом за кровь невинных!..

Сильвио

Тише, тише... Я не понимаю, что такое правда, и не знаю, что такое Бог.

Эстрелла

Ты поймешь, когда будет поздно.

Сильвио

Ты гневаешься?.. Напрасно. Я не жесток.

(после молчания)

Для того, чтобы показать, как я спокоен и равнодушен, – пусть брат твой живет... Я прощаю его, хотя думаю, что даровать человеку жизнь более жестоко, чем отнять ее.

(Сильвио подходит к столу и пишет.)

Вот две строчки к министру. Подай эту записку, и твой брат будет свободен.

Эстрелла

О, государь...

Сильвио

Благодарить не за что: я прощаю не из милосердия. Чего ты ждешь?.. Иди.

Эстрелла

Я думала, государь...

Сильвио

Что?..

Эстрелла

Простите и тех несчастных, с которыми брат мой должен был завтра умереть.

Сильвио

Вот смертный приговор.

(Берет бумагу со стола, разворачивает и читает равнодушно.)

Я забыл подписать... Как много их!..

Эстрелла

Не подписывайте, разорвите бумагу!..

Сильвио

Зачем?.. Разве ты можешь меня уверить?..

Эстрелла

Милосердие, государь...

Сильвио

Пустое слово!..

Эстрелла

Молю вас!

Сильвио

Это – сильнее...

Эстрелла

Я не умею ничего сказать... Простите их!..

Сильвио

Простить?.. Ты думаешь, что так надо, что так хорошо?

Эстрелла

Да.

(Сильвио разрывает смертный приговор и бросает клочки бумаги в море.)

Эстрелла

Сильвио!..

(Бросается к Сильвио и целует его руку.)

Сильвио *(в волнении)*
Оставь меня!.. Уйди!..

Эстрелла

Молю тебя, не говори, что ты простил равнодушно, нет! я знаю: у тебя – великое сердце!

Сильвио
Во имя чего же я мог простить?

Эстрелла
Во имя Бога!..

Сильвио
Я Его не знаю... Его нет!..

Эстрелла
Он есть!

Сильвио *(в волнении, почти в ужасе)*

Уйди, говорю тебе, уйди прочь! Зачем ты хочешь вернуть меня к жизни? Зачем ты пришла?.. Его нет!

Эстрелла

Он есть!.. Он один только есть, всё, что не Он – призрак и обман! Сильвио! Разве ты не чувствуешь?.. Посмотри на небо, посмотри в глаза мои... Разве ты не видишь?.. Вот – Он!

Сильвио

Нет! Когда я смотрю в небо и в твои глаза, я только вижу в них что-то далекое и забытое. Хочу вспомнить и не могу... Но Его – нет! Пойми же, там – за этими призраками – пустота, мрак! Там – смерть!..

Эстрелла

Сильвио, там – Бог!..

Сильвио

О, если бы я мог верить!..

(Он закрывает лицо руками и плачет.)

Эстрелла

Я иду, государь, чтобы возвестить помилование осужденным.

Сильвио

Эстрелла!..

Эстрелла

Сейчас взойдет солнце... Пора!

(Эстрелла уходит.)

Сильвио *(один в предрассветном сумраке)*

Верить?.. Но где же Ты? Зачем Твое небо – такое холодное и пустое? Зачем Ты покинул меня одинокого в этой тьме, окруженного ужасом и смертью?.. Если Ты скрываешься за призраками мира, откликнись!.. Где Ты? Услышь меня, Господи!

(Первые лучи солнца вырываются из-за облаков; Сильвио стоит в немом созерцании, потом опускается на колени.)

Солнце!.. Твое ли это – Солнце, Боже мой? Ты ли мне первыми лучами его ответил: «Вот – я!» Вся природа – не глагол ли уст Твоих? Всеми голосами мира не говоришь ли Ты от вечности: «Это – я!» Верю, Господи, помоги моему неверию!..

(Солнце из-за тучи медленно подымается и озаряет Сильвио, простирающего к нему руки.)

Сильвио

Солнце над морем восходит из туч...
Бездну зажег его розовый луч...
Солнцу, великому солнцу – привет!
Слава Тебе, показавшему Свет!
Через борьбу и хаос дикой,
Через отчаянье и ложь,
Ты к гармонии великой
Мир измученный ведешь.
О, согрей же теплотою,
Состраданьем без конца,
Утомленные враждою,
Наши бедные сердца.
Видишь здесь, Тобой спасенный,
В теплых, радостных, слезах,
Я склоняюсь, умиленный
И трепещущий, во прах.
С плачем дробясь о подножье скалы,
Пеной блестят, умирая, валы.
Богу «осанна!» – гремит океан...
Вьется, как дым из каминов, туман...
Солнцу, великому солнцу – привет!
Слава Тебе, показавшему Свет!
Это Ты меня из ночи
Дланью любящей исторг,
Это Ты открыл мне очи,
Дал мученье и восторг...
Пред Тобой я только плачу,
В благодарности я нем...
Всемогущий, что я значу?
Как я жалок – перед Тем,
Кто хранит нас и жалеет
Каждый трепетный листок,
Как дитя свое, лелеет
Непробившийся росток...
Дай обнять любовью жгучей

Целый мир – и всей душой
Дай мне слиться с этой тучей,
С этой грозною волной.
В камне, в воздухе, в былинке
Жизнь я чувствую, любя,
В каждой блещущей росинке,
Солнце, вижу я тебя.
Вот что не призрак, не сон и не ложь...
Боже, молитву мою Ты поймешь...
Солнцу, великому солнцу привет!
Слава Тебе, показавшему Свет!

1888, 1891

Конец века

Очерки современного Парижа

I. Евангельская притча

О, что бы в будущем, предчувствием грозя,
Не ожидало нас, – несчастным быть нельзя
При солнце утреннем, весною, город вечный,
Когда теряешься в толпе твоей беспечной!
Посмотришь на бульвар, где каждый солнцу рад,
И распустившихся каштанов аромат
Вдохнешь, услышишь смех и говор беззаботный,
И женское лицо с улыбкой мимолетной
Увидишь издали, и снова, жизнь любя,
Невольно радостным почувствуешь себя,
И горько вспоминать о северной отчизне...
Какой здесь блеск кругом, какая радость жизни!
Когда передо мной весельем ты гремишь,
На солнце утреннем сияющий Париж,
Я счастлив за тебя, и чуждого народа
Волнует душу мне и радует свобода.

Какая бы печаль ни мучила, грозя —
Здесь, в этом городе, несчастным быть нельзя.

Но поздно вечером в мой уголок безмолвный
Я с шумной улицы вернусь, раздумья полный.
Тогда Евангелье читаю в тишине,
Меж тем как из окна доносится ко мне,
Париж недремлющий, твой шум многоголосый.
Над книгой вечною забытые вопросы
Опять встают в душе: земная жизнь людей
Полна величия, но есть ли правда в ней?
Я постигаю вновь твой смысл необычайный,
О притча древняя, исполненная тайной:

На ниве богача был урожай хлебов.
Он думал: «Некуда собрать моих плодов.
Как приготовить дом к такому урожаю?
А вот что сделаю: все житницы сломаю,
Большие выстрою и соберу туда
Мой хлеб, мое добро, и я скажу тогда
Душе моей: душа! простись навек с тревогой,
Покойся, — у тебя лежит имения много,
На годы многие: гони заботы прочь
Ешь, пей и веселись!..» — «Безумец, в эту ночь
Отнимут жизнь твою! — сказал Господь. — Несчастный,
Кому достанутся твой дом и труд напрасный?»

Столица роскоши, на празднике твоём
Я вижу иногда рабочего с лицом,
Исполненным немой, загадочною думой.
Проходить он, как тень, безмолвный и угрюмый,
Со взором пристальным завистливых очей...
О, гость непрощеный на пире богачей,
Мне страшно при тебе за этот праздник вечный,
За легкую толпу, за смех ее беспечный,
За яркие кафе и величавый ряд
Твоих, о Новый Рим, блистательных громад!

Ты, как богач, сказал: «У нас именья много,
Ешь, пей и веселись!» И ты забыл про Бога,
Но скорбь великая растет в душе у всех...
Надолго ль этот пир, надолго ль этот смех?
Каким путем, куда идешь ты, век железный?
Иль больше цели нет, и ты висишь над бездной?

II. «GRILLE-D'-EGOUT»^[15]

Сюда идет тайком скучающий любовник,
Художник и турист, писатель и чиновник:
«Garçon, un bok!»^[16] И пьют, и курят за пять су,
Любуются в монокль на томную красу
Полуночных сальфид, внимая шансонетке,
Где блещет стих порой, язвительный и меткий...
Но вот, в дыму сигар, меж черных сюртуков,
И тысячи зеркал, и газовых рожков,
При звуках музыки и радостного гула,
Она, воздушная, как бабочка, впорхнула.
Тебя без жалости я вспомнить не могу,
О бедное дитя Парижа «Grille-d'-Egout»!
Из кружев юбка, слой белил на шее голой
И рыжий цвет волос поддельных, взор тяжелый
И странное лицо, в котором жизни нет,
Как маска, мертвое, похожее на бред...
Меж тем, когда, смеясь, она в отваге бурной
Помчалась, до колен открыв чулок ажурный,
И ногу стройную высоко подняла,
Наперекор всему – в ней грация была
Демократической и уличной вакханки,
В ней то, что «*fin de siècle*»^[17] назвали парижанки,
В ней узнает толпа свою родную дочь.
«Я нравлюсь, от меня вы не уйдете прочь! —
Так говорило всем ее лицо. – Смотрите,
Вот, что вы любите, и вот чего хотите!»

Почтенный господин, – вполне провинциал,
По скромному лицу, – смотрел на этот бал.
К нему подпрыгнула она легко и смело,
Красивой ножкою цилиндр его задела
И шляпу сбросила: удерживая гнев,
Он должен был принять обиду, покраснев.
А взор у «Grille-d’-Egout» весельем детским блещет,
И ей родной Париж в восторге рукоплещет!

III. Ренан

Но в том же городе и в тот же скорбный век
В тиши работает великий человек:
Я вижу кабинет в спокойном полумраке
И древней надписи неведомые знаки;
Я вижу, как Ренан над грудой старых книг,
Обдумывая мысль заветную, поник
С улыбкой тонкою, скептической и нежной,
Над сказкою любви иль веры безмятежной;
За правдой гонится сквозь тьму времен и пыль
Сухих пергаментов; таинственная былль
По слову мудреца, поэзией пленяя,
Восстанет пред людьми из гроба, как живая.
И ветреный Париж откликнется на все:
Я знаю – он поймет открытие твое,
Ученый и поэт, – вы трудитесь не даром, —
Париж, где «Grille-d’-Egout» приветствовали с жаром...
Я против воли все готов ему простить
За то, что гениев умеет он любить!

IV. Новое искусство

Певец Америки, таинственный и нежный,
С тех пор, как прокричал твой Ворон безнадежный

Однажды полночью унылой: «*nevermore!*» [18]
Тот крик не умолкал в твоей душе; с тех пор
За Вороном твоим, за вестником печали?
Поэты «**nevermore**», как эхо, повторяли;
И сумрачный Бодлэр, тебе по музе брат,
На горестный напев откликнуться был рад;
Зловещей прелестью, как древняя Медуза,
Веселых парижан пугала эта муза.
Зато ее речей неотразимый яд,
Зато ее цветов смертельный аромат
Надолго отравил больное поколение.
Толпа мечтателей признала в опьяненье
Тебя вождем, Бодлэр... Романтиков былых
Отвага буйная напоминала в них...

А все-таки порой завидуешь их воле;
Живут, работают на безграничном поле
И мыслят, и никто не может запретить,
Что хочется писать, что хочется любить.
Они – безбожники, философы, буддисты,
Ученики Золя, «толстовцы», пессимисты,
Там тысячи кружков, религий, партий, школ,
Там всякий думает, что истину нашел.
Не ведая преград, свободно ищет гений
И новой красоты, и новых откровений.
И человечеству художники свой труд
Во славу Франции дарить не устают.
Открыты все пути: не нужно лицемерить
И лгать перед толпой. Они дерзают верить
В наш прозаичный век, что святы их мечты,
Исканье истины и жажды красоты.
У них в созданиях, у них в душе – свобода:
Привет художникам великого народа!

С такими думами по выставкам брожу,
На тысячи картин, на статуи пляжу.
Чтоб в будничный мирок мы глубже заглянули,
Один, изобразив две медные кастрюли
Да пару луковиц, положенных на столъ,
Новейший реализм до крайности довел,
А близ него другой, художник идеальный,
Стремится к прелести легенд первоначальной.
В картине сказочный туманный полусвет,
Деревья странные, каких в природе нет.
Назло теориям сухим и позитивным,
Он хочет быть простым, он хочет быть наивным.
А рядом, в золоте распущенных кудрей,
С улыбкой дерзкою Венера наших дней,
Наемница любви – перед толпой раздета,
О Фрины модные, царицы полусвета, —
В ней ваша красота и ваш апофеоз!..
На той же выставке задумчивый Христос —
В скептической толпе, в гостях у Жюль Симона,
Меж современных лиц Парижского салона,
Печально говорит в картине у Бэро
Про вечную любовь, про вечное добро.
В искусстве наших дней ты побеждаешь снова,
О Галилеянин!.. На проповедь Толстого
Сердца откликнулись: повсюду лик Христа —
В картинах, в мраморе. Пленяет красота
Его загадочной, простой и вечной книги:
Исканье жадное неведомых религий —
Опять в душе у всех. В наш скорбный, темный век,
Быть может, вновь к любви вернется человек
Для разрешения великого вопроса
О счастье на земле... На полотне Рошгросса
Твое падение, твой блеск изображен
В предсмертной оргии, о древний Вавилон!
Заря. Уж гости спят. Порой дыханье слышно
Иль бред. Разлитое вино на ткани пышной...
Курильниц гаснувших тяжелый аромат...

С холодным блеском дня багровый луч лампад
Смешался у рабынь на смуглой голой коже.
Вот пьяный жрец уснул с красавицей на ложе.
Усталость мертвая... желаний больше нет...
И эта оргия мучительна, как бред...
Не спит один лишь царь, и в ужасе на троне
Он видит там, вдали, пожар на небосклоне,
Он слышит грозные, тяжелые шаги
Мидийских воинов: «О горе нам!.. Враги!..»
Он молит, он грозит: никто ему не внемлет,
И золотой чертог в роскошной неге дремлет...
Имеющий глаза да видит! Опьянен
Величием Париж, как древний Вавилон,
О пусть войдут враги, прогонят сон похмелья,
С прекрасных тел сорвут цветы и ожерелья,
И разольют вино, и опрокинут стол!
Спи, спи, пока твой час последний не пришел!..
Безумцы, в ужасе проснетесь вы, и верьте —
Вам солнца первый луч подобен будет смерти.
Наш дряхлый век погиб. Заря и меч врагов
Разгонит оргию наложниц и рабов...
Но дух людей – велик, но гений – бесконечен;
Париж, воскреснув вновь, как солнце, будет вечен!

VI. Liberté, fraternité, égalité^[19]

В наш век практический условна даже честь:
В Gil-Blas'е, например, вы можете прочесть
Рекламы каждый день о молодой девице
Иль о скучающей вдове на той странице,
Где о наеме дач вы только что прочли:
«J'ai dix-neuf ans, je suis bien faite et très jolie»^[20].
Всем предлагает дар она любви свободной,
Кто заплатить готов ее портнихе модной.
Меж тысячей карет я вижу там, вдали,

На шумной улице идет старик в пыли,
С рекламой на спине, по мостовой горячей.
Он служит для толпы афишею ходячей.
На старческом лице ни мысли, ни души.
Он ходит так всю жизнь за бедные гроши,
Чтобы прочесть о том в блистательной рекламе
Известье важное удобно было даме,
Что можно в «Bon-Marché» купить за пустяки
Для ножек розовых ажурные чулки.
А над красавицей и над живой афишей,
На мраморной доске, над выступом иль нишей,
Я громкие слова читаю: Liberté,
Egalité и – звук пустой! – Fraternité.
На сцене крохотной актер в кафешантане
Кривлялся пред толпой в бессмысленном канкане,
Плешивый, худенький, в истертый фрак одет,
Он хриплым голосом выкрикивал куплет.
Я слышал смех в толпе, но ничего смешного
Не находил в чертах лица его больного...
Бывало, в темный век, когда в России кнут
Свистел над спинами рабов, дворовый шут
Смешил господ и дам, скучающих в беседе
О сплетнях городских, на праздничном обеде:
Такой же раб толпы в наш просвещенный век
В свободном городе – свободный человек!..
Когда, подняв свой меч, склонялся гладиатор
Над раненым бойцом и ждал, чтоб император
Рукою подал знак к убийству, и нога
Стояла на груди упавшего врага,
И крови требовал народ с восторгом диким, —
Ты все же, Древний Рим, был грозным и великим.
Но к этим зрелищам мы не вернемся вновь,
И Боже нас храни пролить людскую кровь:
Нам только нравятся невинные забавы.
Мы не язычники, давно смягчились нравы...
А все-таки шутов мы любим, и у всех
Сегодняшний актер не даром вызвал смех.

В жестокости толпы уж больше нет величья, —
За то соблюдены законы и приличья!

VII. Венера Милосская

О древний Лувр, под сень безмолвную твою
От шумной улицы я уходить люблю.
Не все ли мне равно – Мадонна иль Венера, —
Но вера в идеал – единственная вера,
От общей гибели оставшаяся нам,
Она – последний Бог, она – последний храм!

К тебе, Милосская богиня, крик народа
Порою долетал: «Да здравствует свобода!»
И марсельезою Париж был опьянен.
За волю всех рабов, за счастье всех племен,
В дыму, под градом пуль, с надеждою во взглядах
Толпа бежала смерть встречать на баррикадах.
Но с ликом мраморным богиня красоты,
Страдающих людей не видя с высоты,
Смотрела молча в даль холодными очами.
Неумолимая! как ты царишь над нами —
Царить во все века ты будешь над людьми.
О, преклони свой взор на гибнущих, пойми,
Как мы страдаем!.. Нет, не видит и не слышит,
И только вечною красой улыбка дышит.
Венера, с гибелью у ног твоих мирюсь,
Когда тебя люблю, когда тебе молюсь,
И в лике мраморном я вечность созерцаю,
Благословляю жизнь и смерть благословляю!..

Но вдруг мои мечты внезапный шум прервал,
И с говором вошла толпа туристов в зал.
Рыжеволосая, худая, в пестром пледе,
Свой красный Бэдекер под мышкой держит леди.
Бог ведает, зачем они сюда пришли.

Чрез горы и моря во все концы земли
Из Англии родной туристов гонит скука.
За двести шиллингов везут агенты Кука
Показывать по всем столичным городам
Им каждый памятник, развалину иль храм.
От этих англичан, кочующих и праздных,
Сидельцев лондонских и леди безобразных, —
Нигде спасенья нет! И здесь у ног твоих,
Киприда вечная, пляжу с тоской на них...
Вы цените красу и гений безграничный
На фунты стерлингов в наш век демократичный,
Работать, к вечному стремиться?.. Но зачем?..
Он все-таки придет и овладеет всем,
Не зная наших жертв, не помня наших стонов,
Банкир или купец, владыка миллионов...
Так думал я в тоске мучительной... Но ты,
Ты все по-прежнему богиня красоты,
Смотрела, молча, вдаль, не видя нас, над нами,
Как небо ясными, холодными очами...
Быть может, видела ты новый лучший век,
Те дни, когда к тебе вернется человек,
Когда ты будешь вновь царицею вселенной,
Красой подобная природе неизменной!

VIII. Бульвары вечером

По душным улицам я вечером иду,
Смотрю на первую далекую звезду,
Мою любимую, в темнеющей лазури.
Кричат газетчики: «Le Soir!» Подобен буре
Парижа вечный гул... В театрах на крыльцо
Выходят подышать прохладой, но в лицо
Прохожим веет зной... Еще асфальт бульвара
Во мраке не остыл от солнечного жара.
Волною мягкою струится бледный свет
От электричества на тысячи карет,

На темную листву, на пестрые рекламы.
И как чертоги фей, как сказочные храмы,
Блестят кафе, где пьют и смотрят на бульвар,
И столиками весь широкий тротуар
Уставлен... С фонарем зеленым, в туче пыли,
Со скачек праздничных на приз в Арменонвилле,
Как целый дом, толпой разряженной набит,
Огромный омнибус по улице гремит.
В «Café Ambassadeurs», в пылающей рекламе
Из газовых рожков, начертано огнями
Над морем черных шляп и любопытных лиц
«*Yvette Guilbert*» – одной из уличных певиц
Название модное. За Аркой Триумфальной,
Над Елисейскими Полями свет печальный
Зари давно померк, и лишь последний луч
Чуть брезжит вдалеке из-за ненастных туч;
Над потемневшими громадами столицы
Сверкают и дрожат вечерние зарницы.
Как башня Эйфеля воздушна и легка!
Я вижу, сквозь нее мелькают облака,
И светит бедный луч на горизонте мрачном,
В узоре проволок туманном и прозрачном,
Как будто там, вдали, вдали меж облаков
Уже плядит на нас, печален и суров,
Двадцатый век... Чего он хочет, что он скажет,
Какую веру даст, какой нам путь укажет?
Не знаю почему, но в этот душный зной,
Во мраке, окружен бесчисленной толпой,
Бегущей, как поток, волною говорливой
За наслажденьями, за властью и наживой,
Я вспомнил о тебе, родимая земля,
Я вспомнил тихие унылые поля
И с белой церковью убогое селенье,
Прохладу на заре и жаворонков пенье.
Я вспомнил пахаря знакомые черты,
Смиренья полные и детской доброты.
Играет ветерок седыми волосами.

Как древний патриарх, один под небесами,
За плугом он идет с лошаdkою своею,
Потерянный в немой безбрежности полей.
Какая дума в нем, какая сила дремлет?
Меня предчувствие великого объемлет
В столице мира, здесь, где скорбный дряхлый век
Кончат дни свои среди роскошных нег...
Когда проснешься ты, о труженик суровый,
.....
Кто снимет с уст твоих безмолвия печать?..
.....

IX. Петербург

Но как ни тяжело, мы все-таки в Париже —
К чему-то светлому и радостному ближе:
Здесь легче дышится, здесь люди ценят труд.
Участвуют в борьбе, страдают и живут.
А там, у нас... Ужель я возвращусь в холодный,
Туманный Петербург, где в болтовне бесплодной
И консерваторы, и либералы – все
Мы только кружимся, как белка в колесе?
Журфикс чиновников, томительный и длинный,
О симфоническом собрании в гостиной
За чаем разговор интеллигентных дам,
С бесцельной клеветой и сплетней пополам:
Бежал в Америку кассир провинциальный...
Известье, что один профессор либеральный,
Почтенный старичок со службы удален,
Потом история двух разведенных жен, —
И гости наконец все темы истожили...
Что делать?.. Тишина немая, – как в могиле...
Но слава Богу: вот – желанный миг, – повел
Хозяин в кабинет, где ожидает стол
С колодой карт, и все опять – в родной стихии:
Винт – современный бог скучающей России!

Какой огонь в очах, какой восторг у всех,
Как вспыхнул разговор, и шуточки, и смех!..
И старый генерал, и робкая девица,
Все помы, возрасты, характеры и лица,
Все убеждения сливаются в одном
Порыве искреннем за карточным столом.
В игре убита ночь, а на рассвете нужен
Усталым игрокам для подкрепленья ужин.
Теперь у них в душе – такая пустота,
Что, право, ни одна греховная мечта
Вольнолюбивая к ним залететь не может:
Печаль за родину их сна не потревожит.
И мнится, в городе все вымерло навек,
И только падает в тумане мокрый снег.
По грязным улицам, по мертвому безлюдью
Порой со шпорами и с выпяченной грудью
На Охтинский пожар промчится брандмайор,
Вперив в немую даль начальнический взор...
Тоска!.. Ужель опять вернусь в твое болото,
О, Петербург, о, жизнь, объятая дремотой,
Как в лужах мертвая стоячая вода, —
Без воли, без любви, без мысли, без труда!

Х. Родина

.....
.....
.....
.....

И все-таки тебя, родная, на чужбине
Люблю, как никогда я не любил доньне.
Я только здесь, народ, в чужой земле, постиг,
Как, несмотря на все, ты – молод и велик, —
Когда припоминал я Волгу, степь немую
И песен Пушкина мелодию родную,
И вековых лесов величественный шум,

И тихую печаль малороссийских дум.
Я перед будущим твоим благоговею,
И все-таки горжусь я родиной моею.
За все страдания еще сильнее любя,
Что б ни было, о Русь, я верую в тебя!

1891, Париж

Скованный Прометей *Трагедия Эсхила*

Власть.

Сила— немое лицо.

Прометей.

Гефест.

Хор нимф-океанид.

Океан.

Ио— дочь Инаха.

7.

В горах Скифии

*Входят Власть и Сила, две богини; они ведут узника Прометея.
За ними Гефест с молотом и цепями.*

Власть

Мы в Скифии, мы на краю земли, —
Достигли мы пустынь непроходимых.
Теперь, Гефест, исполни приговор
Царя богов: к вершине скал гранитных
Железными цепями ты прикуй
Преступника. Венец твой лучезарный, —
Огонь украв, — он людям в дар принес.
За тяжкий грех его накажут боги,

Чтоб, власть Отца Крониона признав,
Он разлюбил навеки племя смертных.

Гефест

О, Власть! и ты, о, Сила! до конца
Исполнили вы приговор Зевеса.
А я... увы! дерзну ли приковать
К нагим скалам возлюбленного брата?..
Что делать? Рок велит послушным быть.
Беда тому, кто пренебрег веленьем
Всевышнего... Фемиды мудрый сын!
Наперекор моей свободной воле,
Тебя к скалам я цепью прикую, —
К пустынному, печальному граниту,
Где голоса людского никогда
Ты не услышишь, где, лучами солнца
Сожженное, твое иссохнет тело
И почернеет. Темная ли ночь
Отнимет свет у жаждущего света,
Иль высушит заря росу полей,
Твоя душа томиться будет вечно —
И не рождался тот, кому дано
Тебя спасти. Несчастный, вот – награда
Твоей любви и состраданья к людям!
Ты сам был бог, и, не боясь богов,
Взнес людей ты к почестям безмерным.
За то теперь, прикованный к скале,
Один, без сна, согнуть колен не в силах,
Беспомощно стонать ты обречен,
Взывать, молить, – но непреклонно сердце
Царя богов: так новый властелин
Всегда жесток!

Власть

К чему же медлишь ты
И сетуешь бесплодно? Враг Олимпа,
Похитивший твой собственный огонь,
И для тебя не враг ли ненавистный?

Гефест

Священны узы дружбы и родства!

Власть

Священнее веления Зевеса.
Для дружбы ли нарушить их дерзнешь?

Гефест

Ты жалости не ведаешь, богиня!

Власть

Его жалеть – напрасный труд. Поверь,
Участием ему ты не поможешь!

Гефест

О, ремесло проклятое мое!..

Власть

Но ремесло ни в чем тут не виновно.
Зачем его безумно проклинять?

Гефест

Пусть кто-нибудь другой бы им владел!..

Власть

Ты выбрал сам его. Свободны боги
Во всем: один лишь Зевс царит над ними.

Гефест

Да, он царит, – я вижу по всему!

Власть

Спешి надеть преступнику оковы,
Чтоб медлящим тебя не видел Зевс.

Гефест

Смотри – для рук уже готовы кольца.

Власть

Возьми скорей, и руки в них вложи,
И молотом прикуй к скале гранитной.

Гефест

Исполнены веления твои.

Власть

Еще ударь, еще! Вот так, покрепче,
Чтоб хитростью не мог он убежать.

Гефест

Одна рука прикована к утесу.

Власть

Прикуй теперь другую руку... Пусть
Титан могуч, но Зевс еще сильнее!

Гефест

Я сделал все, чтоб угодить богам!

Власть

Теперь обломком стали заостренной
Ему насквозь пронзи скорее грудь!

Гефест

О, Прометей, я плачу, горько плачу!

Власть

Ты плачешь над врагом богов: смотри,
Чтоб не пришлось и над собой поплакать!

Гефест

Ужасное ты зришь перед собой!

Власть

Я зрю богов лишь праведную кару...
Но возложи ему на чресла цепь.

Гефест

Я знаю сам – повелевать не нужно.

Власть

Повелевать я буду! Ну, скорей
Спустись к ногам. Продень сначала в кольца.

Гефест

Смотри, готово. Труд мой невелик.

Власть

Вот так. Теперь прикуй гвоздями ноги,
И знай – отчет придется дать во всем.

Гефест

Твои слова чертам твоим подобны!

Власть

Ты можешь сам мягкосердечным быть,
Не осуждай других за твердость духа.

Гефест

Он из оков не вырвется. Уйдем!

Власть (*к Прометею*)

Ну что ж? Теперь плумись над волей Зевса!
Воруй огонь богов, чтоб в дар нести
Ничтожным людям! Разве люди могут
Тебе помочь? А некогда ты слыл
Среди богов Провидцем. Где же ныне
Твой прежний дар?.. Пускай научит он,
Как вырваться из плена Прометею.

(Власть, Сила и Гефест уходят.)

Прометей (*один*)

Тебя, эфир небесный, вас, о, ветры
Крылатые, и реки, и земля,
Всеобщая Праматерь, и валов
Подобный смеху шум многоголосый, —
Я всех вас, всех в свидетели зову:
Смотрите – вот, что терпит бог от бога!..
Видите: тысячелетья,
Пыткой истерзанный,
Буду страдать.
Царь небожителей,
Зевс, возложил на меня
Цепи позорные...
О, я страдаю от мук

Нынешних, будущих. Скоро ли
Скорби наступит конец?..
Что я сказал?! Не сам ли я предвижу
Грядущее? Нежданная печаль
Не посетит меня. Нет, терпеливо
Перенести я должен все, что Рок
Назначил мне. Судьба неотвратима.
Но не могу молчать – и рассказать
Свою печаль я не могу. Огонь
Я смертным дал, и вот за что наказан.
Похитил я божественную искру,
Сокрыл в стволе сухого тростника,
И людям стал с тех пор огонь собратом,
Помощником, учителем во всем.
Теперь плачу богам за преступленье,
На воздухе привешенный к скале!
Увы, увы!..
Что за звук, что за шелест ко мне долетел?
Это голос земной иль небесный?
Кто-нибудь не пришел ли к далеким горам,
Чтоб взглянуть на позор мой и муки?
Что ж, смотрите: я – жалкий, закованный бог,
Олимпийцам за то ненавистный,
Что безмерно людей я люблю... Но опять
Этот шум... Словно птицы порхают,
Словно воздух от бьющихся крылий звенит..
Ныне всё мне бедой угрожает..

(На крылатой колеснице появляется Хор нимф-океанид.)

Хор *(Строфа первая)*

Нет, не бойся! Мы с любовью
Прилетели к этим скалам.
Мы едва мольбой склонили

Сердце строгого отца.
К нам донесся гром железа
В плубину подводных гротов,
И, стыдливость позабыв,
Не успев надеть сандалий,
Мы примчались в колеснице
С дуновеньем ветерка.

Прометей

Посмотрите, о, дочери
Многодетной Тефии
И отца Океана,
Что шумящим потоком
Обтекает всю землю —
Посмотрите: я здесь,
На позор пригвожденный,
Сторожить буду вечно
Острие этих скал!..

Хор (*Антистрофа первая*)

Видим, видим!.. Страх, как туча,
Застилает наши очи,
Отягченные слезами;
Видим, сохнет на скале
Изнывающее тело
Под железными цепями.
Новый кормчий правит небом:
На Олимпе Зевс насильем
Стародавние законы
Святотатственно поправ!

Прометей

Пусть бы лучше под землю меня он низверг,
В черный Тартар, приемлющий мертвых,
Или ниже, под своды Аида, и там
Задушил бы в оковах железных,
Чтоб ни смертный, ни бог не видали меня
И над мукой моей не глумились.
А теперь я повешен на радость врагам
В высоте, как игрушка для вихрей!..

Хор (*Строфа вторая*)

Разве есть такой жестокий
Из блаженных, кто б над мукой
Прометея насмеялся?
Кто тебе не сострадает,
Кроме Зевса?.. Он один,
Дерзкий, гневный, непреклонный,
Всех богов порабощает
И достигнет самовластья,
Если кто-нибудь насильем
Скиптр не вырвет у него.

Прометей

Пусть я ныне в оковах томлюсь,
Пусть меня оскорбляют: еще
Будет Зевсу нужда до меня,
Чтобы заговор новый открыть,
Что владыку низвергнет с небес.
Но тогда ни медовая речь,
Ни угрозы меня не смутят
И не выдам я тайны, пока
Он не снимет с меня эту цепь,
Не заплатит за весь мой позор!

Хор (*Антистрофа вторая*)

Ты могуч и дерзновенен,
Не уступишь лютой скорби
Никогда, – но берегись:
Слишком речь твоя свободна,
За тебя во мне трепещет
Сердце страхом и тоской.
Где конец твоим страданиям,
Где прибежище от бури?..
Ведь у Кроносова чада —
Непреклонная душа.

Прометей

Знаю: Зевс непреклонен и горд.
Он закон презирает. Но все ж
Будет сломана гордость его.
Он упрямую злобу смягчит:
Как союзник к союзнику, сам
Выйдет первый навстречу ко мне!

Хор

Разоблачи мне все: открой, за что же
Зевес тебя, невинного, дерзнул
Предать таким мучениям позорным?
Скажи мне, если можешь...

Прометей

Тяжело
Мне говорить о скорби безнадежной
И тяжело молчать. И всюду – мука!
Когда в семье богов возник мятеж

И запылал раздор непримиримый, —
Одни желали, чтобы Зевс царил,
Чтоб Кронос был низринут, а другие —
Чтоб никогда не правил ими Зевс.
Я был в те дни сообщником титанов,
Но к мудрости не мог склонить детей
Земли и Неба. В гордом диком сердце
Все хитрости лукавые презрев,
Они врагов смирить мечтали силой.
Но мать моя, Земля, или Фемида
(Единая под множеством имен),
Мне предрекла, что должно не насильем,
А ковами могучих победить.
И я открыл пророчество титанам.
Но, дерзкие, не внемля, мой совет
Отринули. Тогда решил я Зевсу
Помочь в борьбе, и с матерью к нему
Я перешел, к свободному – свободный.
Лишь с помощью моею он низверг
И скрыл навек их в пропастях подземных
С союзниками древнего Кроноса.
И вот каким предательством за все
Мне отплатил владыка олимпийцев!
Не доверять ни близким, ни друзьям —
Таков недуг тиранов всемогущих!
Но вы хотели знать, за что Зевес
Казнит меня. Я вам скажу, – внимайте:
На отчий трон воссев, он разделил
Дары земли и неба меж богами
И утвердил незыблемую власть.
Но в дележе обидел жалких смертных:
Он ничего им не дал – и хотел,
Их истребив, создать иное племя.
И не дерзал никто среди богов
Спасти людей. Убиты божьим громом,
Они бы все погибли без меня,
Но я один их защитил и принял

Такую казнь, что страшно тем, кто смотрит,
Страшней тому, кто терпит. Я жалел,
Но жалости не заслужил от бога.
Да будут же страдания мои
Уликою, позорящею Зевса!..

Хор

Нет, у того в груди не сердце – камень,
Кто над тобой не плачет, Прометей!
О, лучше б мук твоих мы не видали, —
Но, увидав, не можем не скорбеть!

Прометей

Мой вид, увы! не радостен для друга.

Хор

Ты что-нибудь не сделал ли еще?

Прометей

Еще я смертным дал забвенье смерти.

Хор

Но как могли про смерть они забыть?

Прометей

Я поселил надежды в них слепые.

Хор

То не был ли твой величайший дар?

Прометей

Нет! я им дал еще огонь небесный...

Хор

Огонь – в руках таких созданий жалких!..

Прометей

И многому научит он людей!

Хор

Так вот за что разгневанный Кронион
Тебя на казнь обрек и не щадит!
Ужели нет конца твоим страданиям?

Прометей

Конец один – Зевесов приговор.

Хор

О, если так – надежды мало. Видишь,
Ты был неправ. Сказать, что ты неправ,

Мне тягостно... тебе услышать горько...
Оставим же... подумаем, как быть...

Прометей

Тому, чей дух не удручен страданьем,
Давать советы мудрые легко.
Ведь это все я знал и все предвидел,
Но сам того хотел и сам избрал
Мою судьбу, чтоб быть полезным людям.
А все ж не думал я, что, так жестоко
Истерзанный, я буду пригвожден
К нагой скале, пустынной, безнадежной.
Но нет!.. Пока не плачьте надо мной!..
Приблизьтесь же, сойдите с колесницы,
И лишь тогда услышите про муки
Грядущие, тогда поймете всё.
Узнайте скорбь мою и пожалейте!
Над всем живым витающая скорбь
Одних – теперь, других постигнет завтра!

Хор

Мы и так тебя жалеем,
Сходим на землю, покинув
Воздух, светлый путь для птиц.
Посмотри, – ногою легкой
Уж коснулись мы гранита,
Поскорей хотим услышать
Повесть грустную твою.

(Появляется бог Океан на крылатом чудовище.)

Океан

К тебе, Прометей, я примчался
Через много земель и морей.
Драконом крылатым по воле
Могу без удил управлять.
Я мукам твоим сострадаю, —
Ведь ты мне родной... Да и так
Сильней, чем родного по крови,
Я сердцем тебя полюбил,
И вот докажу мою дружбу,
Я льстить никому не привык:
Попробуй, проси, чего хочешь, —
Я сделаю все для тебя,
И знай – не найти тебе друга
Верней, чем старик Океан!

Прометей

И ты пришел взглянуть на казнь мою!
Но как – скажи – решился ты покинуть
Для Скифии, рождающей железо,
Для сих степей, пучину волн родных
И влажные, скалистые пещеры?
Ты говоришь, что поспешил затем,
Чтоб выразить участие страдальцу?
Смотри же – вот, кто Зевсу на престол
Помог войти, смотри, какою мукой
Мне отплатил союзник мой и брат!

Океан

Я вижу, друг. Но все ж, хотя исполнен
Ты мудрости, послушай старика:
Смири себя и новые законы
Спешి признать. Отныне новый царь
На небесах. Хоть далеко до Зевса,
Но берегись: он может услышать

Надменные, язвительные речи.
Тогда твоя теперешняя казнь
Покажется ребяческой забавой.
Нет, лучше гнев напрасный удержи,
Подумай, как от мук спастись. Быть может,
Советами наскучил я тебе?
Что ж?.. Не взыщи, ты видишь сам, как платим
Мы дорого за дерзкие слова.
Зачем же, друг, склонить главу не хочешь
И потерпеть? Ведь новую беду
Навлечь легко. А если бы ты раньше
Спросил меня, я счел бы, Прометей,
Безумием противиться такому
Могучему и грозному царю.
Но все ж теперь пойду и постараюсь
Помочь беде, насколько хватит сил.
А ты, о, брат мой, слишком вольной речи
Остерегись: ты мудр и знаешь сам,
Что за нее карают дерзновенных.

Прометей

Завидую тебе: ты невредим,
А был, как я, мятежником когда-то...
Но обо мне не хлопочи, и знай —
Не убедишь ты Зевса: он упрям.
Смотри, опасно быть со мною в дружбе.

Океан

Другим давать умеешь ты советы,
А сам себя от гибели не спас.
Но я иду – не прекословь: я буду
Ходатаем твоим; надеюсь, Зевс
В угоду мне с тебя оковы снимет.

Прометей

Чтоб мне помочь, ты сделать все готов.
Благодарю за дружескую ревность;
Но не трудись, – нельзя меня спасти,
И все твои усилья будут тщетны.
Оставь меня и думай о себе.
Гонимый сам, я не хочу, чтоб были
Невинные гонимы за меня.
И без того уже терзает душу
Мне Атласа, родного брата, скорбь,
Подъявшего на раменах могучих
Земли и неба тяжкие столпы.
И жаль мне, жаль чудовища Тифона
Стоглавого, проклятого, во тьме
Живущего в пещерах сицилийских,
Низринутого с неба: он восстал
На всех богов и, свистом убивая,
Открыл на них зияющую пасть,
Он из очей метал огонь Горгоны,
Олимп грозил разрушить. Но в него
Ударил Зевс недремлющей стрелой
Громоподобной, огненной; молчать
Надменного перунами заставил:
И вдруг Тифон всю силу потерял...
Обугленный и в сердце пораженный,
И ныне он лежит у волн морских,
Как мертвое, недвижимое тело,
Раздавленный корнями Этны. Пышет
Кузнец Гефест на высоте горы...
Когда же хлынут огненные реки
Из кратера и, алчные, пожрут
Плоды полей Сицилии цветущей, —
Тогда Тифон все пламя изрыгнет,
Всю ненависть в палящем урагане,
Испепеленный Зевсом, но живой!..
Ты знаешь сам... Не нужен мой рассказ;

Заботься, друг, лишь о своем спасенье...
А я... терпеть готов, пока Зевес
Не укротит безжалостного гнева!

Океан

Ты ведаешь, что мудрые слова —
Целители души, объятай гневом.

Прометей

В спокойные минуты, – не тогда,
Как яростью еще трепещет сердце.

Океан

Какой же вред в попытке осторожной,
Какое зло ты видишь, Прометей?

Прометей

Бесцельный труд я вижу и безумье.

Океан

Не возражай, молю: ведь мудрецы
Безумными казались нередко.

Прометей

Мне за тебя придется дать ответ.

Океан

Ты мне домой советуешь вернуться?

Прометей

Не то тебя накажут за меня.

Океан

Не новый ли владыка Олимпийцев?

Прометей

Смотри, – его прогневать берегись!

Океан

Мне казнь твоя уроком будет вечно...

Прометей

Не медли же, спасайся, прочь беги!

Океан

Уж я лечу! несет меня дракон,
Могучими крылами рассекая
Эфир небес, воздушный, светлый путь,
И рад мой конь домой под кров вернуться.

(Океан улетает.)

Хор *(Строфа первая)*

Горько я плачу о муках твоих, Прометей!
Слезы из глаз моих, полных
Нежностью, мне на ланиты
Льются потоком обильным...
Правит вселенной
Бог самовластный,
Бог беспощадный
К древним богам.

(Антистрофа первая)

Стоном и плачем окрестные земли полны:
Люди скорбят над тобою,
Над вековечною славой
Братьев титанов погибших
Плачут народы
Азии древней,
Все сострадают
Мукам твоим.

(Строфа вторая)

Плачут и девы Колхиды,
Неустрасимые в битвах,
Плачут кочевники-скифы —
Там, близ болот Меотидских,
В чужой далекой земле.

(Антистрофа вторая)

Цвет аравийских народов,
Плачут и горцы Кавказа,
Дикое племя в щетине
Копий железных и пик.

(Эподос)

Одного мы прежде знали
Бога, скованного цепью,
Знали Атласа-титана,
Что, раздавленный, согнувшись,
На спине могучей держит
Необъятный свод небес.
Волны падают на волны,
Плачет море, стонут бездны,
Под землей в пещерах черных
Содрогается Аид, —
И текут, как слезы горя,
Родники священных рек...

Прометей

Не думайте, что я храню безмолвье
Из гордого презренья! Нет, мой дух
Сознанием мучительной обиды
Весь поглощен. Не я ли даровал
Великую победу Олимпийцам?
Вы знаете о ней. Не буду вам
Рассказывать. Но выслушайте повесть
О жалких смертных.
Это я им дал,
Бессмысленным, могущественный разум!
Не с гордостью об этом говорю,

Но лишь затем, чтоб объяснить причину
Моей любви к несчастным. Люди долго
И видели, но не могли понять,
И слушали, но не могли услышать.
Подобные теням в каком-то сне,
По прихоти случайностей блуждали,
И было все в них смутно. И домов,
Открытых солнцу, строить не умели
Из кирпичей иль бревен, но в земле,
Как муравьи проворные, гнездились,
Во тьме сырых землянок и пещер.
Не ведали отличия зимы
От летних дней, горячих, плодоносных,
Иль от весны цветущей. Дикари
Творили все без размышленья, слепо.
Но наконец я бедным указал
Восход светил, закат их, полный тайны,
Глубокую науку чисел, букв
Сложение и творческую память,
Великую родительницу муз.
Я в первый раз животных диких, вольных
Поработил ярму, чтоб сделать их
Во всех трудах помощниками людям:
Послушного браздам запряг коня,
Красу для глаз и гордость человека,
И с крыльями льняными изобрел
Летающие в море колесницы
Для моряков. Но сколько дивных тайн,
Искусств, наук открывший жалким людям —
Спасти себя ничем я не могу!

Хор

Увы! От мук, от скорби обезумев,
Бродя во мгле, не можешь ты найти, —
Как некий врач неопытный, — лекарства,

Чтоб исцелить свой собственный недуг!

Прометей

Еще не все: лишь до конца дослушав,
Увидите, как много я им дал.
И вот мой дар великий: в дни былые
Не ведали они целебных трав,
Лекарственных напитков, притираний,
И умирал беспомощно больной.
Но я открыл спасительные злаки,
Смешение лекарств, чтоб злой недуг
Одолевать. Искусство прорицаний
Установил и, правду ото лжи
В пророческих виденьях отделяя,
Я вещие приметы указал,
Что путнику встречаются в дороге,
Что видим мы в полете птиц с кривыми
Когтями – знак иль добрый, иль дурной;
Воздушные собрания пернатых,
Их пищу, жизнь, любовь и неприязнь,
Отличия во внутренностях теплых,
И печени, и желчи цвет желанный —
Все признаки, угодные богам;
И части жертв, обернутые жиром,
И бедра их широкие сложив
Над пламенем на алтаре священном,
Я всеожженью смертных научил
И знаменьям глубоким, сокровенным,
Являемым в пылающем огне.
Таков мой дар. И кто сказать посмеет,
Что для людей я не открыл руду,
Железо, медь, и серебро, и золото?..
Но в двух словах – чтоб краток был рассказ:
Все от меня – искусство, знанье, мудрость!

Хор

Довольно ты заботился о людях,
И о себе подумай: может быть,
Еще стряхнув позорящие цепи,
Ты будешь вновь могуществен, как бог!

Прометей

Нет! Рок не то судил, неумолимый:
Лишь тысячи страданий претерпев,
Из этих уз я вырвусь на свободу...
Мы все – ничто пред волею судеб!

Хор

Но кто ж судеб таинственный владыка?

Прометей

Эринии и тройственные Парки.

Хор

Ужели Зевс слабей богинь судьбы?

Прометей

Что суждено, того он не избегнет.

Хор

Не суждено ль вовек ему царить?

Прометей

Я не могу ответить: не просите.

Хор

Ужасное скрываешь ты от нас!..

Прометей

Оставим же... Об этом нам не время
Беседовать... Насколько хватит сил,
В груди моей хранить я буду тайну,
Скрывать, беречь, чтобы спастись от мук!

Хор *(Строфа первая)*

С волей Всевышнего лучше не спорить вовеки!
Будем же чаще богам угождать гекатомбой,
Жертвой, закланной у волн необъятного моря.
Не согрешим даже словом,
Божий завет в нашем сердце
Свято храня!

(Антистрофа первая)

Сладко нам дни проводить, если верим мы в счастье,
Сладко нам душу питать непорочной надеждой!..
Гордый титан, мы глядим на тебя с содроганьем:
Не побоялся ты бога,

Слишком возвысил ничтожных,
Жалких людей.

(Строфа вторая)

Что в их любви?.. Разве смертные могут помочь?
Разве не знал ты, что немощью
Сковано племя их бедное,
Недолговечное,
Грезам подобное?..
Не перестроить им мира – созданья богов!

(Антистрофа вторая)

Вот чему учат страданья твои, Прометей!..
Песни иные мы некогда
Пели тебе, новобрачному,
Песни веселые, —
Гимны счастливице
Нашей сестре Гезионе, невесте твоей!

(На сцену вбегает Ио, дочь Инаха, безумная.)

Ио

Что за край, что за люди?.. Кто там на скале,
Обвиваемой бурями,
Тяжко стонет в цепях? О, скажите, за что
Он прикован безжалостно?
О, скажите, в какую страну забрела
Я, несчастная?..
Увы, увы!..

Овод пронзил меня жалом...
Аргуса призрак!.. Спасите...
Страшно мне! Видите, вот он —
Тысячеглазый!..
Вот он – со взором лукавым...
Мертвый восстал из земли,
Вышел из ада...
Гонит меня по прибрежным пескам, исхудалую!..

(Строфа)

Вздохи доносятся флейты пастушьей, унылой...
Гимн усыпительный... Горе,
Горе!.. куда забрела я, скиталица?
Зевс, о, за что ты меня на страданье обрек?
Мучишь, преследуешь, полную ужасом,
Жалкую деву, безумную!..
Громом убей меня, в землю укрой,
Брось на съедение гадам морским!
Боже, внимли
Робкой мольбе!..
Я уж скитаюсь довольно...
Только бы знать мне,
Где мой приют!..
Слышишь ли жалобы бедной изгнанницы?

Прометей

Ко мне достиг твой голос, дочь Инаха.
Я знаю все: Зевес тебя любил...
И вечно ты преследуема Герой,
И, оводом язвима, бежишь.

Ио *(Антистрофа)*

Имя назвал ты отца моего. Отвечай мне:
Кто же ты сам, о, несчастный,
С девой несчастною слово промолвивший?
Знаешь ты, посланный богом, мой страшный недуг,
Жалом пронзивший меня и терзающий.
Ревностью Геры гонимая,
Всюду мечусь я, не помню себя
И, обезумев от боли, бегу!..
Можно ль страдать
Больше, чем я?..
Если ты знаешь, открой мне:
Долго ли, бедной,
Муки терпеть?
Молви, утешь ты меня, одинокую!..

Прометей

В простых словах, без тайн и недомолвок,
Скажу я все, о чем ты хочешь знать,
Как добрый друг, беседующий с другом.
Я – Прометей, я людям дал огонь.

Ио

О, бог несчастный, благодетель смертных!..
За что же ты страдаешь, Прометей?

Прометей

Я только что рассказ об этом кончил.

Ио

Но милостив не будешь ли ко мне?..

Прометей

Открою все. Скажи, чего ты хочешь?

Ио

Я знать хочу, кто приковал тебя?

Прометей

Веление богов, рука Гефеста.

Ио

Но в чем твой грех? За что тебя казнят?

Прометей

Я о себе уж говорил довольноно.

Ио

Прости, еще одно: когда настанет
Конец моим страданиям, открой!

Прометей

Поверь: тебе не знать об этом лучше...

Ио

Что б ни было в грядущем, – не скрывай!

Прометей

Я обещал и все тебе открою.

Ио

Не медли же!.. Прошу, начни скорей!

Прометей

Сейчас начну... Боюсь я опечалить...

Ио

Мне лучше – знать! Не бойся, говори!

Прометей

Ты требуешь: да будет так. Внимай же!

Хор

Нет, погоди! Хотели мы просить,
Нельзя ль и нам из уст ее услышать
О горестной судьбе ее рассказ.
Ты ей потом грядущее откроешь.

Прометей (*к Ио*)

Исполнить их желание – твой долг:
Ведь по отцу – они тебе родные.
Повествовать о скорби нам легко,
Когда мы знаем, что слезой участия
Почтут рассказ внимающие нам.

Ио

Я не могу вам отказать, о, нимфы!
Узнайте жизнь печальную мою.
Вы видите – я плачу, вспоминая,
Как божий гром ударил, как навек
Утратила я образ человека...
Ночные сны летали надо мной,
Ночные сны в моей девичьей спальне
Шептали мне: «К чему ты так горда
И девственна! Ты можешь быть супругой
Великого царя: Зевес пронзен
Стрелой любви, и радости Киприды
С тобой, дитя, он жаждет разделить.
Не отвергай ты ложе Олимпийца!
В цветущий дол, в Лернейские поля,
Сойди к нему, сойди к стадам отцовским,
Чтоб Зевсово желанье утолить!»
Мне по ночам покоя не давали
Крылатые видения, пока
Об этих снах отцу я не сказала.
Он много раз в Додону посылал
И к Пифии, смиренно вопрошая,
Как совершить угодное богам.
Но все послы, вернувшись, приносили
Неясные пророчества отцу.
И лишь потом пришел к нему понятный,
Прямой ответ – веление богов
Изгнать меня из отческого дома
В неизвестные, далекие края, —

Не то Зевес грозил весь род Инаха
Стрелой громов палящих истребить.
Родитель внял дельфийским прорицаньям,
Но не хотел изгнать свое дитя, —
Противился... И бог заставил силой
Безжалостный исполнить приговор.
Я образ мой утратила и разум;
Рогатая, приняв телицы вид
И оводом гонима с острым жалом,
В неистовстве я бросилась бежать,
И по берегам Керхнеи тихоструйной,
И по холмам Лернейским. Сын Земли
За мной следил, жестокосердый Аргус,
С несметными очами вечный страж.
Но он погиб... И под бичом небесным
Из края в край скитаться суждено
Мне, оводом терзаемой. Ты знаешь
Прошедшее – открой же мне теперь
Грядущие страданья. Но не думай
Баюкать слух мой лестью: ничего
Не может быть постыдней речи лживой!

Хор

Подожди, подожди,
Дай нам мысли собрать...
Ио, Ио – увы!
Твой неожиданный рассказ
Наше сердце смутил...
Нас пронзил, как мечом,
Твой великий позор,
Беспредельная скорбь!..
О, судьба, о, судьба,
Мы дрожим пред тобой!

Прометей

Вы плачете, пугливые созданья...
Внимайте же, внимайте до конца!

Хор

Мы слушаем. Отраднo знать несчастным
Их горестям назначенный предел.

Прометей

Исполню я охотно вашу просьбу.
Как сами вы желали, от нее
Услышали страдальческую повесть.
Узнайте же, что в будущем терпеть
Ей суждено от Геры беспощадной.
А ты мои слова запечатлей
В душе, чтоб знать конец своих скитаний,
Несчастливая!..
К восходу обратясь,
Сперва пройди не вспаханные земли
И Скифии достигни. Там живут
Кочевники в возах с плетеной крышей,
С колесами большими, и у них
В колчанах спят губительные стрелы...
Их нрав жесток и страшен, – берегись!
Потом придешь к мятежному потоку,
Иди за ним, но брода не ищи,
Пока высот Кавказа не достигнешь,
Где истоцит река в теснинах гор
Свой лютой гнев. Тогда через вершины,
Что высятся до звезд, спустись на юг,
И ты полки увидишь амазонок,
Воительниц, не ведавших мужей.
(Им суждено уйти к стране далекой,

На Термодон, где грозный Сальмидесс,
С утесами залив, открытой пастью
Испуганных встречает моряков.)
И с радостью укажут амазонки
Тебе твой путь. Преддверие болот —
Ты Киммерийский минешь перешеек
И, переплыв с отвагою пролив,
Прославишься навеки переправой,
И в честь твою Босфор получит имя.
Тогда ты вступишь в Азию...
Итак,
Вы видите теперь, что царь Олимпа
Ко всем равно жесток: он вождедел,
Бессмертный бог, со смертной сочетаться, —
И вот за что обрушил столько бед
На робкую, беспомощную деву.
Жестокого супруга избрала
Ты, бедная: ведь сказанное мною —
Лишь первое начало мук твоих.

Ио

Увы, увы!..

Прометей

Ты слезы льешь?.. Но что с тобою будет,
Когда ты все узнаешь до конца!

Хор

Скажи, – какой конец ее страданий?

Прометей

Пучина слез, отчаянья и бед!

Ио

На что мне жизнь!.. Зачем я лучше в пропасть
Не кинулась с вершины этих скал, —
Лежала бы я мертвая в долине,
Свободная от мук. Отрадней сразу
Нам умереть, чем мучиться всю жизнь!..

Прометей

А как бы ты мои терпела муки!..
Мне даже Рок и в смерти отказал.
(Была бы смерть желанною свободой!)
Но моему страданию нет конца,
Пока с Олимпа Зевс не будет свергнут.

Ио

Что ты сказал?.. Ужели Зевс падет?..

Прометей

Ты будешь ли его паденью рада?

Ио

Подумай сам: он погубил меня.

Прометей

Так радуйся: слова мои правдивы.

Ио

Кто царский скиптр отнимет у него?

Прометей

Он скиптра сам лишит себя безумьем.

Ио

Когда и как, не можешь ли открыть?

Прометей

От брачного союза он погибнет.

Ио

С богиней ли, со смертною – скажи?..

Прометей

Не спрашивай: я не могу ответить.

Ио

Не будет ли супругой свергнут Зевс?

Прометей

Родится сын у них сильнее Зевса.

Ио

И гибели ничто не отвратит?

Прометей

Ничто, пока не буду я свободен.

Ио

Но кто ж врагу богов свободу даст?

Прометей

Потомок твой: так суждено судьбою.

Ио

Уже ль тебя освободит мой сын?

Прометей

В тринадцатом колене правнук Ио.

Ио

Пророчество неясно для меня.

Прометей

Забудь его: судьба твоя ужасна!..

Ио

Судьбу предречь ты сам мне обещал.

Прометей

Одно из двух я для тебя исполню.

Ио

Скажи мне что: я выберу сама.

Прометей

Я предреку конец твоих несчастий
Иль день моей свободы: выбирай.

Хор

Пускай ты ей одну окажешь милость,
Другую – нам. Мы молим, Прометей:
Ей предскажи конец ее страданий,
А нам – того, кто волю даст тебе.

Прометей

Противиться не буду вашей просьбе:
Открою все, что вы хотите знать,
Сперва тебе – твой путь. В скрижалях сердца
Запечатлей слова мои. Туда —

К сияющим лугам, к восходу солнца —
Пройди чрез волны – грань материков,
И, за собой оставив Понт ревущий,
Увидишь ты Горгонские поля,
Кисфены дол, где обитают Парки,
Три страшных девы с ликом лебединым:
Единый зуб у них, единый глаз;
Сих темных дев не озарял вовеки
Ни солнца луч, ни тихий свет луны...
Вблизи живут крылатые Горгоны:
Не умерев, никто еще не мог
Взглянуть на трех сестер змеинокудрых.
Я говорю – страшись, беги от них!
Но скоро ты увидишь новый ужас:
Безжалостных грифонов с острым клювом,
Крониона нелающих собак,
И Аримаспов конных, однооких
На берегу золотоносных волн
Плутоновой реки. Беги оттуда,
Беги на юг, где черные народы
Вкруг Солнечных Источников живут,
Где катится поток эфиопийский!
Библосских гор увидишь ты хребет,
Оттуда Нил свергает водопадом
Прозрачные священные струи,
По берегам придешь ты к устью Нила
Трехгранному, где суждено тебе
И сыновьям твоим построить город...
Коль что-нибудь в словах моих темно,
Я повторю: ты видишь – слишком много
Невольного досуга у меня!

Хор

О будущих скитаньях Ио бедной
Докончи твой рассказ. А если все

Ты ей предрек, припомни нашу просьбу
Смиренную: ты знаешь сам – о чем.

Прометей

О будущем я кончил прорицанья.
Теперь скажу о пройденном пути,
И, выслушав меня, увидишь, Ио,
Что ей не лгут пророчества мои.
Но о начале странствия не буду
Я говорить, скажу лишь о конце.
Достигла ты земли Молоссов, горы
Додонские узрела, где живет
Во храме Зевс, оракул Феспротийский,
И где шумят таинственной листвой
Священные, пророческие дубы.
Их голосом была наречена
Ты будущей супругой Олимпийца.
Не правда ль – честь завидная для жертв
Его любви!.. Объятая безумьем,
Приморскою дорогою бежать
Ты бросилась к заливу Реи. Скоро
В неистовстве направила назад
Свои шаги. Те волны назовут
Во славу Ио морем Ионийским
Далекие потомки...
Но довольно!
Вы видите, что в сумрачную даль
Я за предел явлений прозреваю.
Теперь к тому, что прежде говорил,
Вернусь опять и мой рассказ окончу:
Есть некий град Каноб на устьях Нила,
Построенный на отмелях реки.
Там возвратит Зевес тебе твой разум,
Дотронувшись ласкающей рукой
До скорбного чела. Родишь ты сына,

И черное, могучее дитя
Ты назовешь Эпафом. Будет жатву
Он собирать со всех полей, что Нил
Широкою волною напояет..
И пятьдесят цветущих дочерей
Из пятого колена в Арголиду
Вернутся вновь, гонимые стыдом,
Чтоб с братьями двоюродными ложа
Не разделить. Но, похотью полны,
Преследуя союз кровосмешенья,
Те бросятся за ними по пятам,
Как соколы за стаей белых горлиц;
И мстящий бог их крови будет жаждать,
Земля Пелазгов примет женихов,
Рукой невест закланых в час полночный,
На ложе сна, и каждая из дев
Глубоко в грудь двуострое железо
Вонзит супругу-брату... О, Киприда,
Такую страсть пошли моим врагам!..
Лишь у одной, любовью побежденной,
Не хватит сил убить, и пощадит,
И, ослабев, она свое бессилье
Жестокому убийству предпочтет.
Произвести весь род царей Аргоса
Ей суждено..
Я кончил мой рассказ;
Одно прибавлю: от того же корня
Родится в мир прославленный герой,
Что снимет цепь с меня. Мне предсказала
Об этом мать, родимая Земля,
Кормилица могучая титанов;
Но где и как он мне свободу даст —
О том молчу, и знать тебе не надо.

Ио (в припадке безумия)

Защитите, о, боги, я чувствую, вновь
Охватило мне душу безумье...
Я горю, холодею... Пронзает меня
Ненасытного овода жало...
Сердце в страхе трепещет... Немеет язык...
И вращаются очи... А ярость,
Словно буря былинку, уносит меня...
Тонет разум в пучине страданий!..

(Ио убегает.)

Хор *(Строфа)*

Истинно мудрым был тот,
Кто посоветовал первым всегда заключать
С равными равным союз.
Бедный простой человек
Дружбы не должен искать
Ни богачей, ни вельмож!

(Антистрофа)

Пусть же, о, пусть никогда
Грозные Парки меня не увидят женой
Ни одного из богов!
Ио, мы плачем, дрожим,
Видя страданья твои,
Попранный девичий стыд.

(Эподос)

Мне не страшно быть женою
Тех, кто равен нам и близок.
Только пусть меня вовеки
Не настигнет Олимпийцев
Беспощадная любовь!
Это брань – где нет спасенья,
Это путь – где нет исхода.
Если кинет бог на деву
Страсти взор неотвратимый,
Что ей делать? как несчастной
От все сильного бежать?

Прометей

Пусть ныне Зевс надменен: он смирится
И вступит в брак, что с горней высоты
Властителя богов низринет в бездну.
В тот страшный день исполнится над ним
Отцовское проклятье, что на сына
Обрушил Кронос, падая с небес.
Но указать от этих бед спасенье
Из всех богов могу лишь я один.
Я знаю тайну! Пусть же Зевс на троне
Пока сидит, доверившись громам
И молнию в руке своей сжимая.
Он со стыдом падет, – тогда ничто
Не защитит от гибели позорной...
Ведь на него готовится боец
Неведомый, гигант непобедимый;
Он обретет огонь сильнее огня
Крониона и гром – сильнее грома
Небесного. Он в щепки раздробит
Грозу морей, трезубец Посейдона!
И бог богов, привыкший к самовластью,
Тогда поймет, что значит быть рабом!

Хор

Так вот – твои мечты, твои желанья...

Прометей

Действительность, а не мечты мои!

Хор

Ужели Зевс пред кем-нибудь смирится?

Прометей

И будет он страдать сильнее, чем я.

Хор

Что говоришь? О, как тебе не страшно!

Прометей

Мне? Страшно?.. Нет: ведь смерть не мой удел!

Хор

Но казнь твою Зевес удвоить может...

Прометей

Пускай удвоит: я на все готов!

Хор

О, благо тем, кто чтит богиню Рока!

Прометей

Так будьте же рабами, пресмыкайтесь
И льстите всем богам! А для меня
Зевес – ничто! Пускай он правит миром, —
Царить ему недолго суждено...
Что вижу?.. Вот плашатай Олимпийца.
Должно быть, весть принес он от богов.

(Прилетает Гермес.)

Гермес

Я говорю с тобой, коварный, злейший
Из всех врагов Зевеса, вор огня
Священного, ходатай жалких смертных!
Разоблачить отец мой повелел,
Какой союз губительного брака
Ты, хвастая, дерзнул ему предречь?
Но говори яснее, без загадок...
Смотри, титан, не заставляй меня
Вернуться вновь! Угрозой ты не можешь
Царя богов на милость преклонить!

Прометей

Твои слова – надменны и хвастливы;
Так говорить прилично слугам тех,
Кто сесть едва успел на трон Олимпа.
Вы думаете, новые цари,

Не может скорбь проникнуть к вам в чертоги?
Я видел уж паденье двух владык
Сильнее вас, и очередь – за третьим!
Он гибели, позорнейшей из всех,
Не отвратит. А ты, прислужник Зевса,
Надеялся, что буду я дрожать
Пред этими ничтожными богами?..
О, я не пал еще так низко! Нет!
Ты от меня не выведаешь тайны,
Уйди, вернись к пославшему тебя!..

Гермес

Такою же строптивостью безумной
Ты казнь твою и цепи заслужил.

Прометей

Но знай, Гермес, взамен моих страданий
Не взял бы я позора твоего:
Почетней быть прикованным к граниту,
Чем вестником проворным у царей
Служить, как ты! Обида – за обиду!

Гермес

Ты, кажется, своим мученьям рад?

Прометей

Пускай судьба пошлет такую радость
Врагам моим, – и ты один из них!

Гермес

Но в чем же я виновен пред тобою?

Прометей

Всех, всех богов, платящих за добро
Предательством, равно я ненавижу!..

Гермес

От горя ты рассудок потерял...

Прометей

Иль ненависть к врагам – мое безумье?..

Гермес

Ты не был бы и в счастии добрей.

Прометей (*стонет*)

Увы!..

Гермес

Вот крик, неведомый для Зевса!

Прометей

Пусть поживет, – научится всему.

Гермес

Но мудрым быть ты сам не научился!

Прометей

О, да! Когда б я был мудрей, не стал бы
И говорить с таким рабом, как ты!

Гермес

Ты угодить не хочешь Олимпийцу?

Прометей *(насмешливо)*

Мне есть за что Зевесу угождать!..

Гермес

Зачем со мной ты шутишь, как с ребенком?..

Прометей

Нет! ты глупей ребенка, если мог
Надеяться, что тайну я открою.
Ни хитростью, ни пытками, ничем
Из уст моих не вырвет он признанья,
Пока цепей не снимет. Пусть же Зевс
Сожжет меня огнем разящих молний,
Обвеет снегом белокрылых вьюг,

Разрушит мир подземными громами, —
Не покорюсь, не назову того,
Кто должен скиптр отнять у Самодержца!

Гермес

Подумай же: упрямство не спасет...

Прометей

Я все решил, я все давно предвидел!

Гермес

О, если бы хоть горе научить
Тебя могло покорности разумной!

Прометей

Уйди, оставь! Не убеждай напрасно...
Ты думал, раб, что я паду во прах,
Испуганный угрозой Олимпийца,
Что буду я о милости взывать,
Подняв с мольбой трепещущие длани,
Как женщина, к врагу!.. Нет, никогда!..

Гермес

Я расточал слова мои бесплодно:
Моления не трогают тебя;
Как юный конь, уздой не покоренный,
Ты в ярости кусаешь удила.
Немудрое упрямство: о, поверь мне,

Развеется, как прах, гордыня тех,
Кто слаб умом, но дерзок и мятежен.
Смириться ты не хочешь, так узнай,
Какой удел тебе готовят боги.
Сначала Зевс в осколки разобьет
Вершины скал небесными громами:
Низверженный, исчезнешь ты, титан,
И в недрах гор, в объятиях гранитных
Задохнешься. Столетия протекут,
Пока ты вновь увидишь свет небесный.
Тогда тебя начнет терзать орел,
Крылатый пес Зевеса, ненасытный.
И, прилетая, будет каждый день
Он вырывать когтями клочья тела, —
Незванный гость на пиршестве кровавом,
Питаясь черной печенью твоей.
До той поры не жди конца страданьям,
Пока другой не примет мук твоих
Страдалец-бог и к мертвым в темный Тартар,
Во глубину Аида, не сойдет.
Мои слова – не тщетная угроза.
Зевес не лжет и совершится воля
Всесильного. Подумай же: покорность
Не лучше ли строптивости твоей?..

Хор

Он прав. Смири, смири, титан могучий,
Свой гордый дух и богу покорись!
Послушайся советов добрых: стыдно
Упорствовать в ошибке мудрецу.

Прометей

Все, что молвил Гермес, я предвидел давно!
Но врагу от врага не позорно

Пасть в открытой борьбе. Пусть же мечет в меня
Бог снопами огней смертоносных,
Пусть Эфир поколеблет раскатом громов,
Пусть такой ураган он подымет,
Чтоб земля содрогнулась на вечных корнях,
Пусть, безумствуя, в буре смешает
Волны моря с огнями небесных светил,
Увлечет в глубину мое тело,
В преисподнюю сбросит, – убить до конца
Он не может меня: я бессмертен!

Гермес

Это дикий бред безумца!
Разве мог бы муж разумный
Не смирить в таких страданьях
Бурной гордости своей.
Девы, полные участием
И любовью, удалитесь,
Отойдите, чтобы сердца
Не потряс вам грохот тяжкий
Оглушительных громов!

Хор

Неужель совет коварный
Мы исполним? Слушать больно...
Сестры, сестры, не покинем
Одинокого страдальца,
Будем горе с ним делить
И покажем, что измену
Ненавидим всей душой!

Гермес

Если так, не забывайте
Вы предсказанного мною,
Не корите Олимпийца:
Вы избрали добровольно,
Вы предвидели беду.
Не внезапно, не коварно
Скоро будете, о, нимфы,
Вы уловлены сетями
Неминуемой судьбы.

Прометей

Исполняется слово Зевеса: земля
Подо мною трепещет.
Загудело раскатами эхо громов,
И блеснули перуны,
Закружилася вихрями черная пыль,
Налетели и сшиблись
Все противные ветры. Смешались в борьбе
Волны моря и воздух...
Узнаю тебя, Зевс! Чтоб меня ужаснуть,
Ты воздвиг эту бурю.
О, Земля, моя мать! о, небесный Эфир,
Свет единый, всеобщий,
Посмотрите, какие страданья терплю
Я от бога – невинный!

(Скала вместе с Прометеем обрушивается в бездну.)

1890

Ворон
Поэма Эдгара Поэ

Погруженный в скорбь немую и усталый, в ночь глухую,
Раз, когда поник в дремоте я над книгой одного
Из забытых миром знаний, книгой, полной обаяний, —
Стук донесся, стук неожиданный в двери дома моего:
«Это путник постучался в двери дома моего
Только путник – больше ничего».

В декабре – я помню – было это полночью унылой.
В очаге под пеплом угли разгорались иногда.
Груды книг не утоляли ни на миг моей печали —
Об утраченной Леноре, той, чье имя навсегда —
В сонме ангелов – Ленора, той, чье имя навсегда
В этом мире стерлось – без следа.

От дыханья ночи бурной занавески шелк пурпурный
Шелестел, и непонятный страх рождался от всего.
Думал, сердце успокою, все еще твердил порою:
«Это гость стучится робко в двери дома моего,
Запоздалый гость стучится в двери дома моего,
Только гость – и больше ничего!»

И когда преодолело сердце страх, я молвил смело:
«Вы простите мне, обидеть не хотел я никого;
Я на миг уснул тревожно: слишком тихо, осторожно, —
Слишком тихо вы стучались в двери дома моего...»
И открыл тогда я настежь двери дома моего —
Мрак ночной, – и больше ничего.

Все, что дух мой волновало, все, что снилось и смущало,
До сих пор не посещало в этом мире никого.
И ни голоса, ни знака – из таинственного мрака...
Вдруг «Ленора!» – прозвучало близ жилища моего...
Сам шепнул я это имя, и проснулось от него
Только эхо – больше ничего.

Но душа моя горела, притворил я дверь несмело.
Стук опять раздался громче; я подумал: «Ничего,

Это стук в окне случайный, никакой здесь нету тайны:
Посмотрю и успокою трепет сердца моего,
Успокою на мгновенье трепет сердца моего.
Это ветер, – больше ничего».

Я открыл окно, и странный гость полночный,
гость неожиданный,
Ворон царственный влетает; я привета от него
Не дождался. Но отважно, – как хозяин, гордо, важно
Полетел он прямо к двери, к двери дома моего,
И вспорхнул на бюст Паллады, сел так тихо на него,
Тихо сел – и больше ничего.

Как ни грустно, как ни больно, – улыбнулся я невольно
И сказал: «Твое коварство победим мы без труда,
Но тебя, мой гость зловещий, Ворон древний, Ворон
вещий,
К нам с пределов вечной Ночи прилетающий сюда,
Как зовут в стране, откуда прилетаешь ты сюда?»
И ответил Ворон: «Никогда».

Говорит так ясно птица, не могу я надивиться,
Но казалось, что надежда ей навек была чужда.
Тот не жди себе отрады, в чьем доме на бюст Паллады
Сядет Ворон над дверями; от несчастья никуда, —
Тот, кто Ворона увидел, – не спасется никуда,
Ворона, чье имя: «Никогда».

Говорил он это слово так печально, так сурово,
Что, казалось, в нем всю душу изливал; и вот, когда,
Недвижим, на изваянье он сидел в немом молчанье,
Я шепнул: «Как счастье, дружба улетели навсегда,
Улетит и эта птица завтра утром навсегда».
И ответил Ворон: «Никогда».

И сказал я, вздрогнув снова: «Верно, молвить это слово
Научил его хозяин в дни тяжелые, когда

Он преследуем был Роком, и в несчастье одиноком,
Вместо песни лебединой, в эти долгие года
Для него был стон единый в эти грустные года —
Никогда, – уж больше никогда!»

Так я думал и невольно улыбнулся, как ни больно.
Повернул тихонько кресло к бюсту бледному, туда,
Где был Ворон, погрузился в бархат кресел и забылся.
«Страшный Ворон, мой ужасный гость, – подумал
я тогда, —
Страшный древний Ворон, горе возвещающий всегда,
Что же значит крик твой: «Никогда?»»

Угадать стараюсь тщетно; смотрит Ворон безответно.
Свой горящий взор мне в сердце заронил он навсегда.
И в раздумье над загадкой, я поник в дремоте сладкой
Головой на бархат, лампой озаренный. Никогда
На лиловый бархат кресел, как в счастливые года,
Ей уж не склоняться – никогда!

И казалось мне: струило дым незримое кадило,
Прилетели Серафимы, шелестели иногда
Их шаги, как дуновенье: «Это Бог мне шлет забвенье!
Пей же сладкое забвенье, пей, чтоб в сердце навсегда
Об утраченной Леноре стерлась память – навсегда!..»
И сказал мне Ворон: «Никогда».

«Я молю, пророк зловещий, птица ты иль демон вещий,
Злой ли Дух тебя из Ночи или вихрь занес сюда
Из пустыни мертвой, вечной, безнадежной,
бесконечной, —
Будет ли, молю, скажи мне, будет ли хоть там, куда
Снизойдем мы после смерти, – сердцу отдых
навсегда?»
И ответил Ворон: «Никогда».

«Я молю, пророк зловещий, птица ты иль демон вещий,

Заклинаю небом, Богом, отвечай, в тот день, когда
Я Эдем увижу дальней, обниму ль душой печальной
Душу светлую Леноры, той, чье имя навсегда
В сонме ангелов – Ленора, лучезарной навсегда?»
И ответил Ворон: «Никогда».

«Прочь! – воскликнул я, вставая, – демон ты иль
птица злая.
Прочь! – вернись в пределы Ночи, чтобы больше
никогда
Ни одно из перьев черных не напомнило позорных,
Лживых слов твоих! Оставь же бюст Паллады навсегда,
Из души моей твой образ я исторгну навсегда!»
И ответил Ворон: «Никогда».

И сидит, сидит с тех пор он там, над дверью, черный
Ворон,
С бюста бледного Паллады не исчезнет никуда.
У него такие очи, как у злого Духа Ночи,
Сном объятого; и лампа тень бросает. Навсегда
К этой тени черной птицы пригвожденный навсегда, —
Не воспрянет дух мой – никогда!

1890

Morituri[\[21\]](#)

Мы бесконечно одиноки,
Богов покинутых жрецы.
Грядите, новые пророки!
Грядите, вещие певцы,
Еще неведомые миру!
И отдадим мы нашу лиру
Тебе, божественный поэт..
На глас твой первые ответим,
Улыбкой первой твой рассвет,

О, Солнце, будущего, встретим,
И в блеске утреннем твоём,
Тебя приветствуя, умрем!
«Salutant, Caesar Imperator,
Te morituri»^[22]. Весь наш род,
Как на арене гладиатор,
Пред новым веком смерти ждёт.
Мы гибнем жертвой искупленья,
Придут иные поколения.
Но в оный день, пред их судом,
Да не падут на нас проклятья:
Вы только вспомните о том,
Как много мы страдали, братья!
Грядущей веры новый свет,
Тебе от гибнущих привет!

Новые стихотворения 1891 – 1895

Посвящается С. Н. Р.

Венеция

Прощай, Венеция! Твой Ангел блещет ярко
На башне городской, и отдаленный звон
Колоколов Святого Марка
Несется по воде, как чей-то тихий стон.
Люблю твой золотой, твой мраморный собор,
На сон, на волшебство, на вымысел похожий,
Народной площади величье и простор
И сумрак галерей в палаццо древних Дожей,
Каналы узкие под арками мостов
И ночью в улице порою звук несмелый
Ускоренных шагов;
Люблю я мрамор почернелый
Твоих покинутых дворцов,
Мадонны образок с лампадой одинокой
Над сваями, в немых лагунах Маломокко,
Где легче воздуха прозрачная вода:
Она живет, горит, и дышит, и синееет,
И, словно птица, в ней гондола, без следа,
Без звука, – черная, таинственная реет.

Расслабленный

Легенда

Схоластик некий, именем Евлогий,
Подвинутый любовью, мир презрел
И в монастырь ушел, раздав именье,
Но, ремесла не ведая, меж братий
В бездействии невольном пребывал.
Однажды он расслабленного встретил,
Лежавшего на улице, без рук,
Без ног; молил он гласом лишь и взором
О помощи. Евлогий же сказал:
«Возьму к себе расслабленного, буду
Любить его, покоить до конца,
И так спасусь. Терпенья дай, о, Боже,
Мне, грешному, чтоб брату послужить!»

Он, приступив к расслабленному, молвил:
«Не хочешь ли, возьму тебя к себе
И скоро твой недуг и старость упокою?»
«Ей, Господи!» – расслабленный в ответ,
Тогда Евлогий: «Приведу осла,
Чтоб отвезти тебя в мою обитель».
И с радостью великой ожидал
Его бедняк. Привел осла Евлогий,
Больного взял, отвез к себе домой
И стал о нем заботиться, и пробыл
Пятнадцать лет расслабленный в дому
Евлогия, и тот его покоил,
Служил ему, как дряхлому отцу,
Кормил его, как малого ребенка,
На собственных руках его носил.
Но дьявол стал завидовать обоим:
Хотел он мзды Евлогия лишить.
И, развратив расслабленного, ярость

Вдохнул в него, и начал тот во гневе
Евлогия хулить: «Ты – беглый раб,
Похитивший именье господина!
Ты чрез меня спасаешься, ты принял
Калеку в дом, чтоб назвали тебя
И праведным, и милосердным люди!..»
Но с кротостью отвечивал Евлогий:
«Не будь ко мне несправедливым, брат,
И лучше ты скажи, какое зло
Я сотворил тебе, – и я покаюсь».
Но возопил калека: «Не хочу
Любви твоей! Неси меня из дома,
На улице повергни! Не хочу
Ни ласк твоих, ни твоего покоя!»
Евлогий же: «Молю тебя, утешься!»
Но в ярости расслабленный кричал:
«Мне скучно здесь, противна эта жизнь!
И не терплю я твоего лукавства...
Дай мяса мне!.. Я мясо есть хочу!..»
Тогда принес ему Евлогий мяса.
«Один с тобою быть я не могу:
Хочу живых людей, хочу народа!» —
«Я много братий приведу тебе...» —
«О, горе мне, – больно ему в ответ, —
О, горе, окаянному! Противно
И на твое лицо смотреть: ужель
Еще толпу таких же праздноядцев
Ты приведешь ко мне?..» И разъярился,
И голосом он диким возопил:
«Нет, не хочу я, не хочу! Повергни
Опять меня туда, откуда взял:
На улицу хочу я, на распустье!
Там – пыль и солнце, пролетают птицы,
И по камням грохочут колесницы,
Там ветер пахнет морем, и вдали
Крылатые белеют корабли...
Мне скучно здесь, где лишь лампы, тлея,

Коптят немые лики образов,
Где – ладана лишь запах да елея,
И душный мрак, и звон колоколов...
О, если б были руки, – удавился
Иль заколол бы я себя ножом!..»

В смятении пошел Евлогий к братьям.
«Что делать мне?» – он старцев спросил.
Они его к Антонию послали.
И на корабль он посадил больного,
И выехал, и прибыл к той земле,
Где жил Антоний, схимник, и с калекой
Пришел к нему Евлогий и сказал:
«Пятнадцать лет больному я служил, —
Он за любовь меня возненавидел.
И я спросить пришел к твоей святыне,
Что сотворю я с ним?» Тогда в ответ
Проговорил Антоний гласом тяжким
И яростным: «Евлогий, если ты
Отвергнешь брата, – помни, что Спаситель
Бездомного вовеки не отвергнет:
Его в раю высоко над тобой
Он вознесет». Евлогий ужаснулся;
Антоний же – расслабленному: «Раб,
Земли и неба недостойный, ты ли
Дерзнул хулу на Господа изречь?..
Так помни же, что Сам тебе Спаситель
Во образе Евлогия служил!»
Потом он стал учить обоих: «Дети,
Не разлучайтесь друг от друга, – нет:
От сатаны пришло вам искушение.
Идите с миром, отложив печаль.
Я ведаю, что при конце вы оба,
Что близко смерть: вы у Христа венцов
Заслужите, ты – им, и он – тобою.
Но если б Ангел Смерти прилетел
И на земле вас не нашел бы вместе, —

То лишены вы были бы венцов.
Так те, кто любят – мученики оба,
Прикованы друг к другу навсегда:
И большего нет подвига пред Богом,
Нет в мире большей казни, чем любовь!»

Потом, когда они вернулись в келью
И в мире прожили двенадцать дней,
Исполнены любовью совершенной, —
Евлогий умер, и на третий день
Расслабленный за братом в лоно Бога
Для вечного покоя отошел.

Молчание

Как часто выразить любовь мою хочу,
Но ничего сказать я не умею,
Я только радуюсь, страдаю и молчу:
Как будто стыдно мне – я говорить не смею.

И в близости ко мне живой души твоей
Так все таинственно, так все необычайно, —
Что слишком страшною божественною тайной
Мне кажется любовь, чтоб говорить о ней.

В нас чувства лучшие стыдливы и безмолвны,
И все священное объемлет тишина:
Пока шумят вверху сверкающие волны,
Безмолвствует морская глубина.

Любовь-вражда

Мы любим и любви не ценим,
И жаждем оба новизны,
Но мы друг другу не изменим,
Мгновенной прихотью полны.
Порой, стремясь к свободе прежней,
Мы думаем, что цепь порвем,
Но каждый раз все безнадежней
Мы наше рабство сознаем.
И не хотим конца предвидеть,
И не умеем вместе жить, —
Ни всей душой возненавидеть,
Ни беспредельно полюбить.
О, эти вечные упреки!
О, эта хитрая вражда!
Тоскуя – оба одиноки,
Враждуя – близки навсегда.
В борьбе с тобой изнемогая
И все ж мучительно любя,
Я только чувствую, родная,
Что жизни нет, где нет тебя.
С каким коварством и обманом
Всю жизнь друг с другом спор ведем,
И каждый хочет быть тираном,
Никто не хочет быть рабом.
Меж тем, забыться не давая,
Она растет всегда, везде,
Как смерть, могучая, слепая
Любовь, подобная вражде.
Когда другой сойдет в могилу,
Тогда поймет один из нас
Любви божественную силу —
В тот страшный час, последний час!

<1892>

Обыкновенный человек

Он твердо шел прямой дорогой,
Ни перед кем не лицемерил,
И, безупречен в жизни строгой,
В богов толпы он свято верил.

И вдруг с улыбкою безумной
Ты все разрушила, смеясь;
Грозой блистательной и шумной
Над тихой жизнью пронеслась.

То верит он слепой надежде,
То вновь боязнь его тревожит,
И он не хочет жить как прежде
И за тобой идти не может.

Ты для него непостижима
В твоей загадочной красе.
А он весь век непогрешимо
Живет и думает как все.

Его душа – без вдохновенья:
С благоразумьем неразлучен,
Он чужд борьбы и разрушенья,
Он добродетелен и скучен.

Кто обвинит тебя сурово?
Ты плод запретный сорвала
И край священного покрова
Пред недостойным подняла.

Так этот мир был лучезарен,
Так были сладки эти звуки,
Что, может быть, за смерть и муки

Он будет вечно благодарен.

1892

Одиночество в любви

Темнеет. В городе чужом
Друг против друга мы сидим,
В холодном сумраке ночном,
Страдаем оба и молчим.

И оба поняли давно,
Как речь бессильна и мертва:
Чем сердце бедное полно,
Того не выразят слова.

Не виноват никто ни в чем:
Кто гордость победить не мог,
Тот будет вечно одинок,
Кто любит, должен быть рабом.

Стремясь к блаженству и добру,
Влача томительные дни,
Мы все – одни, всегда – одни:
Я жил один, один умру.

На стеклах бледного окна
Потух вечерний полусвет.
Любить научит смерть одна
Все то, к чему возврата нет.

Умолкнет гордость и вражда,
Забуду все, что я терплю,
И безнадежно полюблю,
Тебя утратив навсегда.

Темнеет. Скоро будет ночь.
Друг против друга мы сидим,
Никто не может нам помочь, —

Страдаем оба и молчим.

1892, Киев

DE PROFUNDIS

Из дневника

...В те дни будет такая скорбь, какой не было от начала творения, которое сотворил Бог, даже доныне и не будет. И если бы Господь не сократил тех дней, то не спаслась бы никакая плоть.

(Ев. Марка, гл. XIII. 19, 20)

I Усталость

Мне самого себя не жаль.
Я принимаю все дары Твои, о Боже,
Но кажется порой, что радость и печаль,
И жизнь, и смерть – одно и то же.

Спокойно жить, спокойно умереть —
Моя последняя отрада.
Не стоит ни о чем жалеть,
И ни на что надеяться не надо.

Ни мук, ни наслаждений нет.
Обман – свобода и любовь, и жалость.
В душе – бесцельной жизни след —
Одна тяжелая усталость.

II De Profundis [\[23\]](#)

Из преисподней вопию
Я, жалом смерти уязвленный:
Росу небесную Твою
Пошли в мой дух ожесточенный.

Люблю я смрад земных утех,
Когда в устах к Тебе моленья —
Люблю я зло, люблю я грех,
Люблю я дерзость преступленья.
Мой Враг плумится надо мной:
«Нет Бога: жар молитв бесплоден».
Паду ли ниц перед Тобой,
Он молвит: «Встань и будь свободен».
Бегу ли вновь к Твоей любви, —
Он искушает, горд и злобен:
«Дерзай, познанья плод сорви,
Ты будешь силой мне подобен».
Спаси, спаси меня! Я жду,
Я верю, видишь, верю чуду,
Не замолчу, не отойду
И в дверь Твою стучаться буду.
Во мне горит желаньем кровь,
Во мне таится семя тленья.
О, дай мне чистую любовь,
О, дай мне слезы умиленья.
И окаянного прости,
Очисти душу мне страданьем —
И разум темный просвети
Ты немерцающим сияньем.

Сеятель

Над холмами полосую
Побелел восток вдали,
Дышат сыростью ночною
Глыбы вспаханной земли.

Видишь, мерными шагами
Ходит сеятель в полях.
Тишина, как в Божьем храме,
На земле и в небесах.

Все кругом священным страхом,
Как пред таинством, полно,
И руки спокойным взмахом
Рассевает он зерно.

И для труженика снова
Грудь земли родить должна,
Жатву хлеба золотого
Из погибшего зерна,

Созидая жизнь из смерти,
Пред лицом святых небес,
О, молитесь же и верьте:
Это – чудо из чудес!

12 августа 1892

Вечерняя песня

Следы забот, как иглы терний,
Оставил в сердце скорбный день.
Гори же, тихий свет вечерний,
Привет тебе, ночная тень!

Я жду с улыбкою блаженной,
Я рад тому, что жизнь пройдет,
Что все прекрасное – мгновенно,
Что все великое умрет.

Покой печальный и бесстрашие —
Удел того, кто мир постиг:
На миг – любовь, на миг и счастье,
Но сердцу – вечность этот миг.

Без упования, без тревоги
От капли нектара вкушай,
И прежде, чем отнимут боги,
Ты кубок жизни покидай.

Любовь умрет, как луч заката.
Но память прошлое хранит,
И все, к чему уж нет возврата,
Душе навек принадлежит.

Да будет легким расставанье:
Ты мне, о солнце, подари
Еще последнее лобзанье,
Еще последний луч зари.

Я слышу в листьях слабый лепет,
Я слышу в море шепот струй:
Вот он – последний жизни трепет,

Любви последний поцелуй, —

И ты зашло, мое светило.
Тебя увижу ли я вновь?
Прости же все, что сердцу мило,
Прости, о солнце и любовь!

16 августа 1892

Нива

На солнце выхожу из тени молчаливой,
По влажной колее неведомой тропы,
Туда, где в полдень серп звенит над желтой нивой
И золотом блестят тяжелые снопы.

Благослови, Господь, святое дело жизни,
Их жатву мирную, – тебе угодный труд!
Жнецы родных полей когда-нибудь поймут,
Что не чужой и ты, певец, в своей отчизне.

Не праздна жизнь твоя, не лгут твои уста:
Как жатва Господом дарованного хлеба,
Святое на земле благословенье Неба
И вечных слов твоих живая красота.

Как в полдень свежести отрадной дуновенье
На лик согбенного, усталого жнеца —
За бескорыстный труд и на главу певца
Пошли, о Господи, Твое благословенье!

16 августа 1892

Ночь

И непорочна, и незлобна,
Небес таинственная дочь,
Нисходит на меня, амброзии подобна,
Благоухающая ночь
И несказанной грустью дышит.
Миры блестят, как пыль, как след ее ноги,
И сердце трепетное слышит
Воздушно-легкие шаги.

И обнажились бездны ночи,
Покров лучей дневных исчез,
Как золотая ткань отдернутых завес...
Да узрят Бога все, имеющие очи.

16 августа 1892

Тишина

Бури лишь в юности сердце пленяют,
Но пролетают:
Сила ничтожна их дикая,
И после них остается одна
Правда великая,
Ненарушимая —
В сердце – покой, в небесах – тишина,

Ибо лазурь
Вечно – безмолвная,
Недостижимая,
Так же, как истина, полная,
Выше всех бурь.

Бог – не в словах, не в молитвах,
Не в смертоносном огне,
Не в разрушенье и битвах,
Бог – в тишине.

Небо и сердце полны тишиной:
Глубже, чем все мимолетные звуки,
Глубже, чем радость и муки,
В сердце безбурном,
В небе лазурном —
Вечный покой.

3 сентября 1892

Осенние листья

Падайте, падайте, листья осенние,
Некогда в теплых лучах зеленевшие,
Легкие дети весенние,
Сладко шумевшие!..
В утреннем воздухе дым, —
Пахнет пожаром лесным,
Гарью осеннюю.
Молча люблюсь на вашу красу,
Поздним лучом позлащенные!
Падайте, падайте, листья осенние...
Песни поет похоронные
Ветер в лесу.
Тихих небес побледневшая твердь
Дышит бессмертной радостью,
Сердце чарует мне смерть
Неизреченною сладостью.

Сентябрь 1892

Будь что будет – все равно.
Парки дряхлые, прядите
Жизни спутанные нити,
Ты шуми, веретено.

Все наскучило давно
Трем богиням, вещим пряхам:
Было прахом, будет прахом, —
Ты шуми, веретено.

Нити вечные судьбы
Тянут Парки из кудели,
Без начала и без цели.
Не склоняют их мольбы,

Не пленяет красота:
Головой они качают,
Правду горькую вещают
Их поблеклые уста.

Мы же лгать обречены:
Роковым узлом от века
В слабом сердце человека
Правда с ложью сплетены.

Лишь уста открою, – лгу,
Я рассечь узлов не смею,
А распутать не умею,
Покориться не могу.

Лгу, чтоб верить, чтобы жить,
И во лжи моей тоскую.
Пусть же петлю роковую,

Жизни спутанную нить,

Цепи рабства и любви,
Все, пред чем я полон страхом,
Рассекут единым взмахом,
Парка, ножницы твои!

1892

Микеланджело

Тебе навеки сердце благодарно,
С тех пор, как я, раздумием томим,
Бродил у волн мутно-зеленых Арно,

По галереям сумрачным твоим,
Флоренция! И статуи немые
За мной следили: подходил я к ним

Благоговейно. Стены вековые
Твоих дворцов объята были сном,
А мраморные люди, как живые,

Стояли в нишах каменных кругом:
Здесь был Челлини, полный жаждой славы,
Боккачио с приветливым лицом,

Макиавелли, друг царей лукавый,
И нежная Петрарки голова,
И выходец из Ада величавый,

И тот, кого прославила молва,
Не разгадав, – да Винчи, дивной тайной
Исполненный, на древнего волхва

Похожий и во всем необычайный.
Как счастлив был, храня смущенный вид,
Я – гость меж ними, робкий и случайный.

И, попирая пыль священных плит,
Как юноша, исполненный тревоги,
На мудрого наставника глядит, —

Так я глядел на них: и были строги

Их лица бледные, и предо мной,
Великие, бесстрастные, как боги,

Они сияли вечной красотой.
Но больше всех меж древними мужами
Я возлюбил того, кто головой

Поник на грудь, подавленный мечтами,
И опытный в добре, как и во зле,
Взирал на мир усталыми очами:

Напечатлела дума на челе
Такую скорбь и отвращенье к жизни,
Каких с тех пор не видел на земле

Я никогда, и к собственной отчизне
Презренье было горькое в устах,
Подобное печальной укоризне.

И я заметил в жилистых руках,
В уродливых морщинах, в повороте
Широких плеч, в нахмуренных бровях —

Твое упорство вечное в работе,
Твой гнев, создатель Страшного Суда,
Твой беспощадный дух, Буонарроти.

И скукою бесцельного труда,
И глупостью людскою возмущенный,
Ты не вкушал покоя никогда.

Усиьем тяжким воли напряженной
За миром мир ты создавал, как Бог,
Мучительными снами удрученный,

Нетерпелив, угрюм и одинок.
Но в исполинских глыбах изваяний,

Подобных бреду, ты всю жизнь не мог

Осуществить чудовищных мечтаний
И, красоту безмерную любя,
Порой не успевал кончать созданий.

Упорный камень молотом дробя,
Испытывал лишь ярость, утоленья
Не знал вовек, – и были у тебя

Отчаянью подобны вдохновенья:
Ты вечно невозможного хотел.
Являют нам могучие творенья

Страданий человеческих предел.
Одной судьбы ты понял неизбежность
Для злых и добрых: плод великих дел —

Ты чувствовал покой и безнадежность
И проклял, падая к ногам Христа,
Земной любви обманчивую нежность,

Искусство проклял, но пока уста,
Без веры, Бога в муках призывали, —
Душа была угрюма и пуста.

И Бог не утолил твоей печали,
И от людей спасенья ты не ждал:
Уста навек с презреньем замолчали.

Ты больше не молился, не роптал,
Ожесточен в страданье одиноком,
Ты, ни во что не веря, погибал.

И вот стоишь, не побежденный роком,
Ты предо мной, склоняя гордый лик,
В отчаянье спокойном и глубоком,

Как демон, – безобразен и велик.

1892, Флоренция

Простое сердце

Блажен, в чьем сердце мир глубокий,
Кто верит в Бога и людей,
Кто никогда, от зла далекий,
Ни лгал пред совестью своей.

Он не один под небесами:
На каждый дружеский привет
Природа всеми голосами
С любовью шлет ему ответ...

Но Божьих звезд любовный взор,
Улыбка неба голубого
Для сердца темного и злого —
Живой, мучительный укор.

<1892>

Волны

Я бы людям не мог рассказать, почему
Вы для сердца, о волны, родные.
Только знаю, что чем непонятней уму,
Тем я глубже душою пойму
Ваши речи живые.

Я люблю вас, не знаю, зачем и за что,
Только знаю, что здесь, перед вами,
Наши песни ничтожны: вы скажете то,
Что вовеки не может никто
Рассказать никакими словами.

1892, Неаполитанский залив

Мать

С еще бессильными крылами
Я видел птенчика во ржи,
Меж голубыми васильками,
У непротоптанной межи.

Над ним и надо мной витала,
Боялась мать не за себя,
И от него не улетала,
Тоскуя, плача и любя.

Пред этим маленьким твореньем
Я понял благодать Вышних Сил,
И в сердце, с тихим умилением,
Тебя, Любовь, благословил.

Гриндельвальд

Букет альпийских роз мне по пути срывая,
В скалах меня ведет мой мальчик-проводник,
И, радуясь тому, что бездна – мне родная,
Я с трепетом над ней и с жадностью поник.

О, бледный Зильберггорн на бледном небосклоне,
О, сладкогласная мелодия, звонков —
Там где-то далеко чуть видимых на склоне
По злачной мураве пасущихся коров!

Уже в долинах зной, уже повсюду лето,
А здесь еще апрель, сады еще стоят
Как будто бы в снегу, от яблонного цвета,
И вишни только что надели свой наряд.

Здесь одиночеству душа безумно рада,
А в воздухе кругом такая тишина,
Такая тишина, и вечная прохлада,
И мед пахучих трав, и горная весна!

О, если б от людей уйти сюда навеки
И, смерти не боясь, лететь вперед, вперед,
Как эти вольные, бушующие реки,
Как эти травы жить, блестеть как этот лед.

Но мы не созданы для радости беспечной,
Как туча в небесах, как ветер и вода:
Душа должна любить и покоряться вечно, —
Она свободною не будет никогда!

Парфенон

Мне будет вечно дорог день,
Когда вступил я, Пропилеи,
Под вашу мраморную сень,
Что пены волн морских белее,
Когда, священный Парфенон,
Я увидал в лазури чистой
Впервые мрамор золотистый
Твоих божественных колонн,
Твой камень, солнцем весь облитый,
Прозрачный, теплый и живой,
Как тело юной Афродиты,
Рожденной пеною морской.
Здесь было все душе родное,
И Саламин, и Геликон,
И это море голубое
Меж белых, девственных колонн.
С тех пор душе моей святыня,
О скудной Аттики земля, —
Твоя печальная пустыня,
Твои сожженные поля!

1892, Ионическое море

Пролог на небе

Из «Фауста» Гете

Господь, Небесное воинство, потом Мефистофель. Три Архангела выступают вперед.

Рафаил

Как древле, солнце гимн сливает
С немолчной музыкой миров
И громоносный путь свершает,
И вид его толпе духов
Дарует силу и смирение:
Никто зажечь его не мог.
Кругом, как в первый день творенья,
Прекрасно все, что создал Бог.

Гавриил

С непостижимой быстротою
Земля вращается, – и день
И свет Эдема чередою
Сменяет грозной ночи тень,
И море пенится волнами
И шумно бьется о гранит,
И море вместе с берегами
Земля в одном движенье мчит...

Михаил

И свищут бури то над степью,
То над пучиною морской,
И разрушительною цепью
Объемлют вечно шар земной.

В них гром с раскатами глухими,
В них блеск губительных огней...
Но, Боже, здесь поем над ними
Мы тихий свет Твоих лучей.

Все трое

Даешь Ты силу и смиренье,
Тебя никто постичь не мог,
Кругом, как в первый день творенья,
Прекрасно все, что создал Бог.

Мефистофель

Ты снизошел опять, о Повелитель мой,
Проведать нас, рабов Твоих покорных.
Бывало, ты любил поговорить со мной,
И вот я снова здесь, в кругу Твоих придворных,
Пускай сочтут они смешным простой язык,
Но все же громких слов не буду тратить даром:
Я мог бы рассмешить Тебя притворным жаром,
Когда бы Ты давно смеяться не отвык.
О солнцах, о мирах я говорить не буду,
Но вижу я людей, страдающих повсюду.
Все тот же бедный царь природы, и во всем
Остался человек таким же чудаком.
Ты с ним сыграл плохую шутку:
Огонь небес в сердца людей
Ты заронил, и вот, благодаря рассудку,
В них больше зверского, чем у самих зверей,
Подобен человек цикаде (с позволенья
Его величества употреблю сравненья):
Пытается лететь и делает прыжок,
И песенку поет все ту же. Если б мог
Хоть мирно жить в траве. Но вот беда: с вопросом

О целях мира в грязь он попадает носом!

Господь

Ужели ни о чем не можешь говорить
Ты кроме зла? Ужель с упреками ты снова
Пришел ко мне? Скажи, иль ничего святого
Нет в мире?

Мефистофель

Хуже мир едва ли может быть:
Такая скорбь людей гнетет, такие беды,
Что мне порой их жаль, не хочется победы:
И без меня их ждет плачевная судьба.

Господь

Ты видел Фауста?

Мефистофель

Ученого?

Господь

Раба
Господня!

Мефистофель

Да. Он раб довольно странный:
Питается глупец лишь пищей неземной,
Куда-то рвется вдаль за грезой туманной,
Свое безумие он сознает порой,
У неба лучших звезд он требовать дерзает
И недоступного блаженства у земли...
Но все, что близко, что вдали —
Его измученной души не утоляет.

Господь

Пока он служит мне, еще объятый тьмой,
Но скоро дух его я озарю лучами.
Так, если деревцо чуть зелено весной,
Садовник знает, что с годами
Оно вознаградит и цветом, и плодами.

Мефистофель

Угодно об заклад побиться?
Я выиграю вновь, лишь дайте мне вести
Тихонько Фауста по моему пути.

Господь

Я знаю: человек грешит, пока стремится,
Пока он на земле живет, во власть твою
Раба Господня отдаю.

Мефистофель

Я благодарен вам от всей души, поверьте,
Я слабость издревле питал не к мертвецам,
А к тем, кто никогда не думает о смерти,

И к свежим ямочкам, и к розовым щекам.
Нарочно резвых выбираю,
И с ними весело, как с мышью кот, играю.

Господь

Да будет так.
Пытайся же затмить сей разум благородный
И за собой увлечь во мрак,
И овладеть душой свободной! —
Увидишь со стыдом, что есть в сердцах людей
Среди неясных дум, порывов и страстей
Сознание смутное божественного долга.

Мефистофель

Посмотрим! Ждать придется нам недолго.
Уверен я в победе. Об одном
Прошу Тебя: великим торжеством
Ты не мешай мне вволю наслаждаться.
Заставлю доктора во прахе пресмыкаться,
Он будет прах плотать, как некогда змея,
Тысячелетняя прабабушка моя!

Господь

Свободен ты во всем, и знай, тебе подобных
Без гнева слушаю, и Я прощаю смех,
Из духов отрицанья злобных
Мне дух насмешливый враждебен меньше всех.
Чтоб человек всю жизнь в бездействии не прожил,
Ты не даешь уснуть ни сердцу, ни уму.
Я демона послал в товарищи ему,
Чтоб спящих он будил и звал их, и тревожил.
А вы, сыны Господни, в простоте

Возрадуйтесь живой и вечной красоте,
И пусть творящая, Неведомая Сила
Вас цепью нежною любви соединит,
Чтоб ваша мысль навек, постигнув, укрепила,
Что в пролетающих видениях сквозит.

(Небо закрывается. Архангелы исчезают.)

Мефистофель *(один)*

Я поболтать люблю порой со Стариком.
С Ним связи порывать считаю бесполезным.
И в Нем приятно то, что, будучи царем,
Он даже с дьяволом умеет быть любезным.

1892

Иов

Библейская поэма

I

...И непорочного Иова струпьями лютой проказы
Бог поразил от подошвы ноги и по самое темя.
Иов сидел далеко за оградой селенья на пепле.
Острую взял он себе черепицу скоблить свои раны.
Молвит жена ему: «Все еще тверд ты в своем
благочестье?
Встань и Творца похули, чтоб тебе умереть».
Но смиренно
Иов жене отвечает: «Я доброе принял от Бога,
Должно и злое принять: да исполнится воля Господня!»

Мудрый Софар, Елифаз из Темани, Валдат из Савхеи^[25]
Вместе сошлись, чтобы сетовать с ним, утешая
страдальца.
Очи подняв, издали не узнали несчастного друга.
Жалобный голос возвысили, ризы свои разодрали,
Стали рыдать, неутешные, пыль над главами бросая.
С Иовом рядом семь дней и ночей просидели
в молчанье:
Слова никто не сказал, оттого что страдание было
Слишком велико. И первый открыл он уста и
промолвил:

II

Иов

Да будет проклятым навек
Тот день, как я рожден для смерти и печали,

Да будет проклятой и ночь, когда сказали:
«Зачался человек».

Теперь я плачу и тоскую:
Зачем сосал я грудь родную,
Зачем не умер я: лежал бы в тишине,
Дремал – и было бы спокойно мне.
И почивал бы я с великими царями,
С могучими владыками земли, —
Победоносными вождями,
Что войны некогда вели,
Копили золото и строили чертоги...
Я был бы там, где нет тревоги,
Где больше нет вражды земной,
Где равен малому великий,
Вкушают узники покой,
И раб свободен от владыки...
На что мне жизнь, на что мне свет?
Как знойным полднем изнуренный,
Тоскуя, тени ждет работник утомленный,
Я смерти жду, – а смерти нет.
О, если б на меня простер Ты, Боже, руку
И больше страхом не томил, —
Чтоб кончить сразу жизнь и муку,
Одним ударом поразил.

Елифаз

Ужель ты праведней Отца вселенной,
Ужель на суд Его зовешь?
Зачем же с речью дерзновенной
Ты против Бога восстаешь?
Безумец тот, кто не склоняет
Во прах главы перед Творцом.
Когда и небеса нечисты пред лицом
Всевышнего, когда не доверяет
Он даже ангелам Своим, —

То как же чистым быть пред Ним
Тому, кто рвется на свободу,
В темницу плоти заключен,
Тому, кто женщиной рожден
И беззаконье пьет, как воду?

Иов

О да, над бездной Бог грядет,
Столпы земли передвигает,
Печать на звезды налагает,
Прикажет, – солнце не взойдет.
Он пронесется, – не замечу,
Захочет взять, – кто запретит?
Он спросит, – как Ему отвечу,
Накажет, – кто меня простит?
Пред взором мудрости Господней
Открыты тайны преисподней,
И херувимы, падши ниц,
Не открывая в страхе лиц,
Трепещут у Его подножья,
И полон мир Его чудес,
И все величие небес —
От дуновенья Духа Божья.
Жив мой Создатель, жив Господь,
Мой Бог, суда меня лишивший,
Мне душу скорбью омрачивший:
Его нельзя мне побороть.
Но пусть страдаю, неутешный, —
Я вашей лжи не потерплю,
И правоты моей безгрешной,
Пока я жив, не уступлю.
Голодных я кормил, я утолял печали,
Я утешал больных, для сирот был отец,
И чресла бедняков меня благословляли,
Согретые руном моих овец.

За щедрость в дни былые славил
По всей земле меня народ.
В тени вечерней у ворот
Мое седалище я ставил.
И юноши ко мне, и старцы, приходя,
В благоговении молчали,
И слов моих смиренно ждали,
Как благодатного дождя.
За что же ныне я в позоре,
Людьми отвергнутый, живу,
Не знаю, где в слезах и горе
Склонить бездомную главу.
В пыли, со струпьями на почернелой коже,
Сижу и думаю: меня утешит ложе.
Но Бог виденьями пугает и во сне.
И ночью холодно в разодранных одеждах,
Во мне страдает дух, и плоть болит во мне,
Тень смерти – на усталых веждах.
И все-таки я прав, я чист перед Тобой,
Не ведаю, Господь, за что терплю мученье.
Земля, ты кровь мою невинную не скрой, —
Да вопиет она о мщенье!

Вилдат

Скажи, ты видел ли, чтоб Бог вознаграждал
Людей жестоких и лукавых,
Чтоб Он поддерживал неправых
И непорочных отвергал?
О нет, – в шатре у беззаконных
Померкнет радостный очаг,
Он восстановит угнетенных,
И будет к праведному благ,
И суд рабам своим дарует.
Но кары Божьей не минует
Творящий темные дела:

Когда в броне он бесполезной
Уйдет от палицы железной,
Настигнет медная стрела:
За грех твой скорбь вошла в обитель
И за вину твоих детей
Рукою любящей Своей
Тебя карает Вседержитель.
Терпи, смирайся и молчи.

Иов

Все утешения напрасны,
О бесполезные врачи!
Шатры злодеев – безопасны,
Дома грабителей полны
Благословенной тишины.
Я знаю: правды нет, и все ж о ней тоскую,
Без правды жить я не хочу,
Лишь только вспомню – негодную
И содрогаюсь и ропщу.
Не буду я молчать, не буду покоряться,
Невинен я, – и пусть меня накажет Бог.
О, если б с Ним я только мог,
Как равный с равным состязаться!
Но нет возмездья, нет суда.
Ужель Он праведных не любит,
И злых, и добрых вместе губит?
Зачем, о Господи, не ведаешь труда
И богатеет нечестивый?
Зачем обильный плод ему приносят нивы,
И множатся в полях его стада?
Зачем преступные живут среди веселий,
Пируют, смерти не боясь?
Их дети прыгают, смеясь,
Под звук тимпана и свирели.
Господь забыл Своих рабов,

Он не поможет угнетенным,
Он не утешит бедняков, —
Он землю отдал беззаконным.
И отторгают от сосцов
Младенцев плачущих, живут под кровом неба
Нагие без одежд, голодные без хлеба.
Меж тем, как должен быть злодей
Соломинкой, Господь, в живой руке Твоей,
Былинкой, ветром уносимой, —
Он жизнь кончает, невредимый.
«Его потомству Бог возмездье бережет», —
Так кто-нибудь из вас мне скажет.
Но пусть и сам злодей от мести Божьей пьет,
Пускай Господь самих грабителей накажет,
А до детей и до грядущих бед
Им после смерти – дела нет.
Скопилось в мире слишком много
Неотомщаемых обид, —
И это видят очи Бога,
Он это терпит и молчит!

Софар

Не говори, что Бог несправедлив,
Но люди Вечного постигнуть не умеют.
Лишь сердцем мудрые, гордыню укротив,
Пред Ним благоговеют, —
Затем, что свят Его закон,
И в сонме ангелов небесных
Он страшным для очей телесных
Великолепьем окружен.
И если б отнял Он на миг Свое дыханье,
И сердце обратил к Себе Господь, —
Погиб бы человек и всякое созданье,
И возвратилась бы во прах живая плоть.
Ты сам избрал свою дорогу:

На бремя жизни не ропщи.
Будь добрым для себя, не угождая Богу,
И за добро свое награды не ищи.
Мы по земле пройдем, как тени,
Учись у древних мудрецов,
Учись у прошлых поколений,
У наших дедов и отцов.
А мы – вчерашние и ничего не знаем,
Во всем ничтожные – во благе и во зле,
Мы, не достигнув на земле
Ни мудрости, ни счастья, – умираем.

Иов

О, если б мог судьбой я поменяться с вами,
Не так же ли, как вы, главой бы я кивал,
Старался бы помочь в страданиях словами,
Движеньем губ вас утешал.
Но тот, чье сердце в счастье дремлет,
Понять чужую скорбь не может никогда.
Кричу: обида! Бог не внемлет,
Я вопию, – и нет суда.
И что мы – для Него? Зачем подстерегает,
Зачем испытывает нас
Он каждый день и каждый час,
И мстит, и горечью нам душу пресыщает?
Не Ты ль образовал, скрепил костями плоть,
И жизнь не Сам ли Ты вдохнул в меня, Господь,
Не Ты ли надо мной трудился, как ваятель?
За что невинного губить?
Ужели хочешь истребить
Ты дело рук Твоих, Создатель?
И в нескончаемой борьбе
Зачем меня врагом поставил Ты Себе?
Кого преследуешь? Как ураган – пылинку,
Меня похитит смерть. Я слаб и одинок.

Не гонишь ли, Господь, Ты сорванный листок,
Не сокрушаешь ли увядшую былинку?
Кто знает, доживу ль до завтрашнего дня.
Вот скоро я умру, – поищешь, – нет меня.
Уйду – и не вернусь – в страну могильной сени,
В страну безмолвия и ужаса, и тени.
Когда могучий ствол повалит дровосек,
Еще надежда есть, что вновь зазеленеет
Полузасохший пенек и даст живой побег,
Как только брызнет дождь и сыростью повеет;
А если человек с лица земли исчез, —
Он не вернется вновь, из гроба не воспрянет,
Во прахе ляжет и не встанет
Он до скончания небес.
О, если у Тебя могущество и благодать,
Господь, что значит грех людей,
Зачем бы не простить и осуждений тягость
Не снять с души моей?
Ответь же, выслушай, Владыка, оправданье,
Иль лучше, – нет, оставь, оставь меня, забудь,
Чтоб мне опомниться, перевести дыханье,
Не мучай, отступи и дай мне отдохнуть!

III

Смертному Бог отвечал несказанным глаголом из бури.
Иов лежал пред лицом Иеговы в прахе и пепле:
«Вот я ничтожен, о Господи! Мне ли с Тобою бороться?
Руку мою на уста полагаю, умолкнув навеки».
Но против воли, меж тем как лежал он во прахе
и пепле —
Ненасыщенное правдою сердце его возмущалось.

Бог возвратил ему прежнее счастье, богатство умножил.
Новые дети на празднике светлом опять пировали.
Овцы, быки и верблюды в долинах паслись

безмятежных.

Умер он в старости, долгими днями вполне насыщенный,

И до колена четвертого внуков и правнуков видел.

Только в морщинах лица его вечная дума таилась,
Только и в радости взор омрачен был неведомой скорбью:

Тщетно за всех угнетенных алкала душа его правды, —
Правды Господь никому никогда на земле не откроет.

Недолговечная

Нет, ей не жить на этом свете:
Она увянет, как цветок,
Что распустился на рассвете
И до зари дожить не мог.

Оставь ее! Печальной жизни
Она не знает, но грустит:
Иной, неведомой отчизне
Ее душа принадлежит.

Она лишь ласточкой залетной
Издалека примчалась к нам, —
И вновь вернется беззаботно
К своим родимым небесам.

<1893>

Неуловимое

Всю жизнь искать я буду страстно,
И не найду, и не пойму,
Зачем люблю Его напрасно,
Зачем нет имени Ему.

Оно – в моей высокой мысли,
Оно – в тени плакучих ив,
Что над гробницею повисли,
Оно – в тиши родимых нив.

В словах любви, и в шуме сосен
И наяву, и в грезах сна,
В тебе, торжественная осень,
В тебе, печальная весна!

В страницах древних книг, в лазури,
В согретом матерью гнезде,
В молитвах детских дней и в буре,
Оно – везде, Оно – нигде.

Недостижимо, но сияет.
Едва найду, едва коснусь,
Неуловимо ускользает,
И я один, и я томлюсь.

И восстаю порой мятежно:
Хочу забыть, хочу уйти,
И вновь тоскую безнадежно, —
И знаю, нет к Нему пути.

В лунном свете

Дремлют полною луной
Озаренные поляны.
Бродят белые туманы
Над болотную травой.

Мертвых веток черный ворох,
Бледных листьев слабый лепет,
Каждый вздох и каждый шорох
Пробуждает в сердце трепет.

Ночь, под ярким блеском лунным
Холодеющая, спит,
И аккордом тихострунным
Ветерок не пролетит.

Неразгаданная тайна
В чаще леса, и повсюду —
Тишина необычайна...
Верю сказке, верю чуду.

Самому себе

Леопарди

Теперь ты успокоишься навеки,
Измученное сердце:
Исчез обман последний,
Который вечным мне казался – он исчез,
И чувствую глубоко, что во мне
Не только все надежды
Соблазнов дорогих,
Но и желанья самые потухли.
Навеки успокойся. Слишком сильно
Ты трепетало. Здесь ничто не стоит
Биенья твоего. Земля
Страданий наших недостойна.
Жизнь – горечь или скука. Ничего
В ней больше нет. Мир – грязь.
В отчаянье навеки успокойся:
Нам ничего судьбою, кроме смерти,
Не суждено. Отныне презираю
Я сокровенное могущество природы,
Бессмысленное, правящее всем,
Чтоб уничтожить все —
И беспредельную тщету вселенной.

6 февраля 1893

Песня Маргариты

Гете

Склони Твой взор,
О Мать Скорбящая,
За нас у Бога предстоящая,
На мой позор!

Ты смотришь, сокрушенная,
Мечом пронзенная,
На муки Сына Твоего.

К Отцу подъемлешь очи ясные
И шлешь мольбы напрасные
И за Себя, и за Него.

Кто угадает,
Как плоть страдает,
Чем грудь моя полна?
Все, что сердце в страхе чует,
Чем дрожит, о чем тоскует, —
Знаешь Ты, лишь Ты одна.

С людьми грущу невольно, —
Мне больно, больно, больно...
Когда же все уйдут, —
Я дни без цели трачу,
Я плачу, плачу, плачу —
И муки сердце рвут.

Я розы не водою —
Слезами полила,
Когда сегодня утром
Цветы Тебе рвала.
Еще не заблестели

Лучи в мое окно,
Когда уж на постели
Я плакала давно...

От ужаса, от смерти защиты,
За нас у Бога предстоящая,
О Мать Скорбящая,
Прости, прости!

<1893>

Цветы

Не рви, не рви цветов, но к ним чело склони.
Лелеет их весна и радует свобода.
Не разрушай того, что создает Природа:
Прими их чистый дар, их аромат вдохни.

Они живут, как ты, но зло им недоступно.
О, радуйся тому, что осквернить не мог
Доныне на земле рукой своей преступной
Ты хоть один еще забытый уголок.

Слова людских молитв и суетны, и жалки.
Из ваших же сердец, не ведающих зла,
О, дочери земли, смиренные фиалки,
Возносится к Творцу безмолвная хвала!

Счастья нет

Под куполом бесстрастно молчаливым
Святых небес, где все лазурь и свет,
Нам кажется, что можно быть счастливым,
А счастья нет.

Мы каждое мгновение умираем,
Но все звучит таинственный обет,
И до конца мы верим и желаем;
А счастья нет.

И в ужасе, и в холоде могилы
Нас манит жизнь и солнца милый свет,
Их разлюбить мы не имеем силы,
А счастья нет.

Свою печаль боимся мы измерить.
С предчувствием неотвратимых бед,
Мы не хотим и не должны мы верить,
Что счастья нет!

9 мая 1893, С.-Петербург

Успокоенные

Успокоенные Тени,
Те, что любящими были,
Бродят жалобной толпой
Там, где волны полны лени,
Там, над урной мертвой пыли,
Там, над Летой гробовой.

Успокоенные Тучи,
Те, что днем, в дыханье бури,
Были мраком и огнем, —
Там, вдали, где лес дремучий,
Спят в безжизненной лазури
В слабом отблеске ночном.

Успокоенные Думы,
Те, что прежде были страстью,
Возмущеньем и борьбой, —
Стали кротки и угрюмы,
Не стремятся больше к счастью,
Полны мертвой тишиной.

Весеннее чувство

С улыбкою бесстрастия
Ты жизнь благослови:
Не нужно нам для счастья
Ни славы, ни любви.

Но почки благовонные
Нужны, – и небеса,
И дымкой опухшие
Прозрачные леса.

И пусть все будет молодо.
И зыбь волны, порой,
Как трепетное золото
Сверкает чешуей,

Как в детстве, все невиданным
Покажется тогда
И снова неожиданным —
И небо, и вода,

Над первыми цветочками
Жужжанье первых пчел,
И с клейкими листочками
Березы тонкий ствол.

С младенчества любезное,
Нам дорого – пойми —
Одно лишь бесполезное,
Забытое людьми.

Вся мудрость в том, чтоб радостно
Во славу Богу петь.
Равно да будет сладостно

И жить, и умереть.

1893

Нищий

Вижу ль в скорбных лицах муку,
Мимо ль нищего иду
И в протянутую руку
Лепту жалкую кладу, —

За беспечною толпою
Тороплюсь, потупив взгляд,
Словно в чем-то пред тобою
Я глубоко виноват.

Ты молил меня напрасно,
Брат мой, именем Христа!
Сердце мертвое бесстрастно,
И молчат мои уста.

С безнадежною тоскою
И с неверьем подаю
Я не братскою рукою
Лепту скудную мою.

Лучше б гнев и возмущенье!
Ты же, кротко осеня
Лик крестом, благословенье
Призываешь на меня.

Пред собою лгать обидно:
Не люблю я никого, —
Только страшно, только стыдно
За себя и за него!

10 мая 1893

Белая ночь

Столица ни на миг в такую ночь не дремлет:
Едва вечерняя слетает полутьма,
Как снова бледная заря уже объемлет
На небе золотом огромные дома.
Как перья, облаков прозрачные волокна
Сквозят, и на домах безмолвных и пустых
Мерцают тусклые завешенные окна
Зловещей белизной, как очи у слепых,
Всегда открытые безжизненные очи.
Уходит от земли светлеющая твердь.
В такие белые томительные ночи —
Подобен мраку свет, подобна жизни смерть.
Когда умолкнет все, что дух мой возмущало,
Я чувствую, что есть такая тишина,
Где радость и печаль в единое начало
Сливаются навек, где жизни смерть равна.

12 мая 1893, С.-Петербург

Изгнанники

Есть радость в том, чтоб люди ненавидели,
Добро считали злом,
И мимо шли, и слез твоих не видели,
Назвав тебя врагом.

Есть радость в том, чтоб вечно быть изгнанником
И, как волна морей,
Как туча в небе, одиноким странником,
И не иметь друзей.

Блаженны вы, бездомные, томимые
Печалью неземной,
Блаженны вы, презренные, гонимые
Счастливою толпой.

Прекрасна только жертва неизвестная:
Как тень хочу пройти,
И сладостна да будет ноша крестная
Мне на земном пути.

О, верь – твое сокровище нетленное
Не здесь, а в небесах,
В твоём стыде – величье сокровенное,
Восторг в твоих слезах.

Умри, как жил, – лелея грезы нежные,
Не слыша дольних бурь,
И серафимов крылья белоснежные
Умчат тебя в лазурь.

18 июня 1893

Родник

Где ствол сосны гнилой над кручей
Корнями мшистыми поник,
Бежит холодный и певучий
Неиссякаемый родник.

Я видел: на песке размытом
Тяжелоногий сонный вол,
Оставив грубый след копытом,
В струи кощунственно вошел.

И вдруг источник помутился,
И в нем померкли небеса,
Но скоро вновь он покатился
Волною чистой, как слеза.

Смотри, – он царственно ответил
На зло добром, – учись, поэт:
Как он, будь щедр, глубок и светел
И помни, что награды нет.

Пчелы

Они, решая все вопросы,
Друзей и недругов язвят,
Они, как суетные осы,
Как трутни праздные, жужжат.

Но ты своим смертельным жалом,
Поэт, не делаешь им зла...
Ты знаешь, прелесть жизни – в малом,
Ты извлекаешь, как пчела,

Для Божьих сот в земном скитанье,
Презрев земную суету,
Из всех цветов – благоуханье,
Из всех мучений – красоту!

И счастье для тебя возможно,
И мир твой – первобытный рай;
Из каждой радости ничтожной
Ты мед по капле собирай.

Ювенал о Древнем Риме

Наше сердце огрубело,
И, к свободе не привык,
А кощунствует он смело,
Лживый, рабский наш язык!

Мы смиренны, – Бог свидетель!
Скучен подвиг, скучен грех...
Трусость – наша добродетель,
Наша мудрость – жалкий смех.

Но, смеясь над целым миром,
Только сильных мира чтим,
Перед мерзостным кумиром
На коленях мы стоим.

Мы – послушны, мы – незлобны,
Что же нет награды нам?
Наши праздники подобны
Погребальным торжествам.

Не хотим или не смеем?
Почему так скучно жить?
Или, мертвые, умеем
Только мертвых хоронить?

Кто был счастлив, кто был молод?
Где веселье? Где любовь?
Вечный мрак и вечный холод...
Влага Леты – наша кровь!..

Братьев гибнущих не видим,
Сами гибнем без борьбы,
Мы друг друга ненавидим

И боимся, как рабы.

Пред таким позорным веком
И среди таких людей —
Стыдно быть мне человеком,
Сыном родины моей!

25 июня 1893

Краткая песня

Порой умолкнет завыванье
Косматых ведьм, декабрьских вьюг,
И солнца бледное сиянье
Сквозь тучи робко вспыхнет вдруг...

Тогда мой сад гостеприимней,
Он полон чуткой тишины,
И в краткой песне птички зимней
Есть обещание весны!..

26 декабря 1893

Старость

Чем больше я живу – тем глубже тайна жизни,
Тем призрачнее мир, страшней себе я сам,
Тем больше я стремлюсь к покинутой отчизне —
К моим безмолвным небесам.

Чем больше я живу – тем скорбь моя сильнее,
И неотзывчивей на голос дольних бурь,
И смерть моей душе все ближе и яснее,
Как вечная лазурь.

Мне юности не жаль: прекрасней солнца мая,
Мой золотой сентябрь, твой блеск и тишина.
Я не боюсь тебя, приди ко мне, святая,
О, Старость, лучшая весна!

Тобой обвеянный, я снова буду молод
Под светлым инеем безгрешной седины,
Как только укротит во мне твой мудрый холод
И боль, и бред, и жар весны!

1 января 1894

Дети ночи

Устремляя наши очи
На бледнеющий восток,
Дети скорби, дети ночи,
Ждем, придет ли наш пророк.
И, с надеждою в сердцах,
Умирая, мы тоскуем
О несозданных мирах.
Дерзновенны наши речи,
Но на смерть осуждены
Слишком ранние предтечи
Слишком медленной весны.
Погребенных воскресенье
И, среди глубокой тьмы,
Петуха ночное пенье,
Холод утра – это мы.
Наши гимны – наши стоны;
Мы для новой красоты
Нарушаем все законы,
Преступаем все черты.
Мы – соблазн неутоленных,
Мы – посмешище людей,
Искра в пепле оскорбленных
И потухших алтарей.
Мы – над бездною ступени,
Дети мрака, солнца ждем,
Свет увидим и, как тени,
Мы в лучах его умрем.

1894, Pallanza

Сладок мне венец забвенья темный.
Посреди ликующих глупцов
Я иду, отверженный, бездомный
И бедней последних бедняков.

Но душа не хочет примиренья
И не знает, что такое страх.
К людям в ней – великое презренье,
И любовь, любовь в моих очах.

Я люблю безумную свободу:
Выше храмов, тюрем и дворцов,
Мчится дух мой к дальнему восходу,
В царство ветра, солнца и орлов.

А внизу меж тем, как призрак темный,
Посреди ликующих глупцов
Я иду, отверженный, бездомный
И бедней последних бедняков.

Март

Больной, усталый лед,
Больной и талый снег...
И все течет, течет...
Как весел вешний бег
Могучих мутных вод!
И плачет дряхлый снег,
И умирает лед.
А воздух полон нег,
И колокол поет.
От стрел весны падет
Тюрьма свободных рек,
Упрямых зим оплот, —
Больной и темный лед,
Усталый, талый снег...
И колокол поет,
Что жив мой Бог вовек,
Что Смерть сама умрет!

Март 1894

Песня вакханок

Певцы любви, певцы печали,
Довольно каждую весну
Вы с томной негой завывали,
Как псы на бледную луну.

Эван-Эвоэ! К нам, о младость.
Унынье – величайший грех:
Один есть подвиг в жизни – радость,
Одна есть правда в жизни – смех.

Подобно теплой, вешней буре,
Мы, беспощадные, летим.
Наш вечный смех – как блеск лазури,
Мы смехом землю победим.

Смирим надменных и премудрых.
Скорее – к нам, и, взяв одну
Из наших дев змеинокудрых,
Покинь и скуку, и жену.

Ханжам ревнивым вы не верьте
И не стыдитесь наготы.
Не бойтесь ни любви, ни смерти,
Не бойтесь нашей красоты.

Эван-Эвоэ! К нам, о младость.
Унынье – величайший грех:
Один есть подвиг в жизни – радость,
Одна есть правда в жизни – смех.

Подобны смеху наши стоны.
Гряди, всесильный Вакх, дерзай,
И все преграды, все законы

С невинным смехом нарушай.

Мы нектор жизни выпиваем
До дна, как боги в небесах,
И смехом смерть мы побеждаем
С безумьем Вакховым в сердцах.

3 июля 1894, Ольгино

Лев

Как хищный лев, пророк блуждает
И, вечным голодом томим,
Пустыню мира пробуждает
Рыканьем царственным своим.

Не робкий девственный мечтатель,
Он – разрушитель и творец,
Он – ненасытный пожиратель
Всех человеческих сердец.

Бегут шакалы и пантеры,
Когда услышат львиный рев,
Когда он выйдет из пещеры,
Могуч и свят, как Божий гнев.

И благодатный, и суровый,
Среди безжизненных песков,
Встречает солнце жизни новой
Он на костях своих врагов.

Признание

Не утешай, оставь мою печаль
Нетронутой, великой и безгласной,
Обоим нам порой свободы жаль,
Но цепь любви порвать хотим напрасно.

Я чувствую, что так любить нельзя,
Как я люблю, что так любить безумно,
И страшно мне, как будто смерть, грозя,
Над нами веет близко и бесшумно...

Но я еще сильнее тебя люблю,
И бесконечно я тебя жалею, —
До ужаса сливаю жизнь мою,
Сливаю душу я с душой твоею.

И без тебя я не умею жить.
Мы отдали друг другу слишком много,
И я прошу, как милости у Бога,
Чтоб научил Он сердце не любить.

Но как порой любовь ни проклинаяю —
И жизнь, и смерть с тобой я разделю.
Не знаешь ты, как я тебя люблю,
Быть может, я и сам еще не знаю.

Но слов не надо: сердце так полно,
Что можем только тихими слезами
Мы выплакать, что людям не дано
Ни рассказать, ни облегчить словами.

6 июля 1894, Ольгино

Титаны

К мраморам Пергамского жертвенника

Обида! Обида!
Мы – первые боги,
Мы – древние дети
Праматери Геи, —
Великой Земли!
Изменою братьев,
Богов Олимпийцев,
Низринуты в Тартар,
Отвыкли от солнца,
Оглохли, ослепли
Во мраке подземном,
Но все еще помним
И любим лазурь.
Обуглены крылья,
И ног змеевидных
Раздавлены кольца,
Тройными цепями
Обвиты тела, —
Но все еще дышим,
И наше дыханье
Колеблет громаду
Дымящейся Этны,
И землю, и небо,
И храмы богов.
А боги смеются,
Высоко над нами,
И люди страдают,
И время летит.

Но здесь мы не дремлем:
Мы мщенье готовим,
И землю копаем,

И положем, и роем
Когтями, зубами,
И нет нам покоя,
И смерти нам нет.

Источим, пророем
Глубокие корни
Хребтов неподвижных
И вырвемся к солнцу, —
И боги воскликнут,
Бледнея, как воры:
«Титаны! Титаны!»
И выронят кубки,
И будет ужасней
Громов Олимпийских,
И землю разрушит
И Небо – наш смех!

17 июля 1894

Леда

I

«Я – Леда, я – белая Леда, я – мать красоты,
Я сонные воды люблю и ночные цветы.
Каждый вечер, жена соблазненная,
Я ложусь у пруда, там, где пахнет водой, —
В душной тьме грозовой,
Вся преступная, вся обнаженная, —
Там, где сырость, и нега, и зной,
Там, где пахнет водой и купавами,
Влажными, бледными травами,
И таинственным илом в пруду, —
Там я жду.
Вся преступная, вся обнаженная,
Изнеможденная,
В сырость теплую, в мягкие травы ложусь
И горю, и томлюсь.
В душной тьме грозовой,
Там, где пахнет водой,
Жду – и в страстном бессилии,
Я бледнее, прозрачнее сломанной лилии.
Там я жду, а в пруду только звезды блестят,
И в тиши камыши шелестят, шелестят.

II

Вот и крик, и шум пронзительный,
Словно плеск могучих рук:
Это – Лебедь ослепительный,
Белый Лебедь – мой супруг!
С грозной нежностью змеиною
Он, обвив меня, ласкал

Тонкой шеей лебединою, —
Влажных губ моих искал,
Крылья воду бьют,
Грозен темный пруд, —
На спине его щетиною
Перья бледные встают, —
Так он горд своей победою.
Где я, что со мной, – не ведаю;
Это – смерть, но не боюсь,
Вся бледнея,
Страстно млея,
Как в ночной грозе лилея,
Ласкам бога предаюсь.
Где я, что со мной, – не ведаю».
Все покрыто тьмой,
Только над водой —
Белый Лебедь с белой Ледою.

III

И вот рождается Елена,
С невинной прелестью лица,
Но вся – коварство, вся измена,
Белее, чем морская пена, —
Из лебединого яйца.
И слышен вопль Гекубы^[26] в Трое
И Андрوماхи^[27] вечный стон:
Сразились боги и герои,
И пал священный Илион^[28].
А ты, Елена, клятвы мира
И долг нарушив, – ты чиста:
Тебя прославит песнь Омира^[29],
Затем, что вся надежда мира —
Дочь белой Леды – Красота.

28 июля 1894

Голубое небо

Я людям чужд и мало верю
Я добродетели земной:
Иною мерой жизнь я мерю,
Иной, бесцельной красотой.

Я только верю в голубую
Недосягаемую твердь,
Всегда единую, простую
И непонятную, как смерть.

Над всем, что любит и страдает,
Дрожит, как лист в дыханье бурь,
Улыбкой вечною сияет
Неумолимая лазурь.

О, небо, дай мне быть прекрасным,
К земле сходящим с высоты,
И лучезарным, и бесстрастным,
И всеобъемлющим, как ты.

Пустая чаша

Отцы и деды, в играх шумных
Все истощили вы до дна,
Не берегли в пирах безумных
Вы драгоценного вина.

Но хмель прошел, слепой отваги
Потух огонь, и кубок пуст.
И вашим детям каплей влаги
Не омочить горящих уст.

Последним ароматом чаши, —
Лишь тенью тени мы живем,
И в страхе думаем о том,
Чем будут жить потомки наши.

1 августа 1894

Смех

Эту заповедь в сердце своем напиши:
Больше Бога, добра и себя самого
Жизнь люби, – выше нет на земле ничего.
Смей желать. Если хочешь – иди, согреши,
Но да будет бесстрашен, как подвиг, твой грех.
В муках радостный смех сохрани до конца:
Нет ни в жизни, ни в смерти прекрасней венца,
Чем последний, бесстрастный, ликующий смех,
Смех детей и богов,
Выше зла, выше бурь,
Этот смех, как лазурь —
Выше всех облаков.
Есть одна только вечная заповедь – жить
В красоте, в красоте, несмотря ни на что,
Ужас мира поняв, как не понял никто,
Беспредельную скорбь беспредельно любить.

1894, Палланца

Леонардо да Винчи

О, Винчи, ты во всем – единый:
Ты победил старинный плен.
Какою мудростью змеиной
Твой страшный лик запечатлен!

Уже, как мы, разнообразный,
Сомненьем дерзким ты велик,
Ты в глубочайшие соблазны
Всего, что двойственно, проник.

И у тебя во мгле иконы
С улыбкой Сфинкса смотрят вдаль
Полуязыческие жены, —
И не безгрешна их печаль:

Они и девственны и страстны;
С прозрачной бледностью чела,
Они кощунственно прекрасны:
Они познали прелесть Зла.

С блестящих плеч упали ризы,
По пояс грудь обнажена,
И златоокой Мона-Лизы
Усмешка тайною полна.

Все дерзновение свободы,
Вся мудрость вещая в устах,
И то, о чем лепечут воды
И ветер полночи в листьях.

Пророк, иль демон, иль кудесник,
Загадку вечную храня,
О, Леонардо, ты – предвестник

Еще неведомого дня.

Смотрите вы, больные дети
Больных и сумрачных веков:
Во мраке будущих столетий
Он, непонятен и суров, —

Ко всем земным страстям бесстрастный,
Таким останется навек —
Богов презревший, самовластный,
Богopodobный человек.

1894, Милан

Скука

Страшней, чем горе, эта скука.
Где ты, последний терн венца,
Освобождающая мука
Давно желанного конца?

Приди, открой великолепье
Иных миров моих очам:
Я сброшу тело, как отрепье,
И праху прах мой я отдам.

С ее бессмысленным мученьем,
С ее томительной игрой,
Невыносимым оскорбленьем
Вся жизнь мне кажется порой.

Хочу простить ее, но знаю,
Уродства жизни не прощу,
И горечь слез моих потою
И умираю, и молчу.

Сентябрь 1894

Надежда

Надежда милая, нельзя тебя убить!
Ты кажешься порой мне страшною химерой,
И все-таки я полн беспомощною верой.
Несчастливая! как я, должна ты лгать, чтоб жить.

Ты в рубище зимой встречалась мне порою
На снежных улицах, в мерцанье фонаря;
Как изгнанная дочь великого царя,
С очами гордыми, с протянутой рукою.

И каждый раз, глупец, я брал тебя домой,
И посиневшие от холода, в тревоге,
Отогревал в руках твои босые ноги;
И рад был, что ты вновь смеешься надо мной.

На золотых кудрях еще снежинки тают,
Но мой очаг горит, наполнен мой бокал...
Мне кажется, что я давно тебя искал...
И легкою чредой мгновенья улетают.

Я знаю, что меня ты к бездне приведешь,
Но сердцу надо быть счастливым хоть ошибкой,
Я знаю, что ты – смерть, я знаю, что ты – ложь,
И все-таки тебя я слушаю с улыбкой.

Уйди, оставь меня! Что значит эта власть?
Но нет, ты не уйдешь – до вечного порога.
Я проклинал любовь, и проклинал я Бога,
А не могу тебя, безумную, проклясть.

25 сентября 1894

Сталь

Гляжу с улыбкой на обломок
Могучей стали, – и меня
Быть сильным учишь ты, потомок
Воды, железа и огня!

Твоя краса – необычайна,
О, темно-голубая сталь...
Твоя мерцающая тайна
Отраднa сердцу, как печаль.

А между тем твое сиянье
Нежней, чем в поле вешний цвет:
На нем и детских уст дыханье
Оставить может легкий след.

О, сердце! стали будь подобно —
Нежней цветов и тверже скал, —
Восстань на силу черни злобной,
Прими таинственный закал!

Не бойся ни врага, ни друга,
Ни мертвой скуки, ни борьбы,
Неуязвимо и упруго
Под страшным молотом Судьбы.

Дерзай же, полное отваги,
Живую двойственность храня,
Бесстрастный, мудрый холод влаги
И пыл мятежного огня.

28 сентября 1894

Ноябрь

Бледный месяц – на ущербе.
Воздух – звонок, мертв и чист.
И на голой, зябкой вербе
Шелестит увядший лист.

Замерзает, тяжелеет
В бездне тихого пруда,
И чернеет и густеет
Неподвижная вода.

Бледный месяц на ущербе
Умирающий лежит,
И на голой черной вербе
Луч холодный не дрожит.

Блещет небо, догорая,
Как волшебная земля,
Как потерянного рая
Недоступные поля.

24 ноября 1894

Осенью в Летнем саду

В аллее нежной и туманной,
Шурша осеннею листвою,
Дитя букет собирает странный,
С улыбкой жизни молодой...

Все ближе тень октябрьской ночи,
Все ярче мертвенный букет.
Но радует живые очи
Увядших листьев пышный цвет...

Чем бледный вечер неутешней,
Тем смех ребенка веселей,
Подобный пенью птицы вешней
В холодном сумраке аллей.

Находит в увяданье сладость
Его блаженная пора:
Ему паденье листьев – радость,
Ему и смерть еще – игра!..

На озере Комо

Кому страдание знакомо,
Того ты сладко усыпишь,
Тому понятна будет, Комо,
Твоя безветренная тишь.
И по воде, из церкви дальней,
В селенье бедных рыбаков,

«*Ave Maria*» – стон печальный,

Вечерний звон колоколов...
Здесь горы в зелени пушистой
Уютно заслонили даль,
Чтобы волной своей тенистой
Ты убаюкало печаль.
И обещанье так прекрасно,
Так мил обманчивый привет,
Что вот опять я жду напрасно,
Чего, я знаю, в мире нет.

1894

Средиземное море

Я уйду из глубоких аллей
И от виллы, где дышит в тени колоннады
Дух Эллады,
От счастливых людей,
Прочь от жизни усталой,
Я уйду в эти скалы,
Где лишь мох, солнцем выжженный, чахнет,
Где свободнее ветра порыв и сильней
Меж изглоданных влагой, колючих камней
Море солью и свежестью пахнет.

Наша радость и горе,
Все, что стоит любить, все, чем можно страдать
И что люди словами умеют сказать, —
Пред тобою ничтожно, о море!
Забываю друзей и прощаю врагу,
И полно мое сердце такого бесстрастья,
Что любить на земле никого не могу,
И не страшно мне смерти, не надо мне счастья.

Между 1891 и 1895

Шум волн

Скажите мне, за что люблю, о волны,
Ваш сладостный и непонятный шум,
Когда всю ночь ему внимаю, полный
Таинственных и несказанных дум.

Изменчивы, как я, и неизменны,
Вы боретесь, и нет вам тишины,
И все-таки вы праздны и блаженны,
И олимпийской резвостью полны.

И страстного вы учите бесстрастью,
Не верить злу людскому и добру,
Быть радостным и не стремиться к счастью,
И жизнь любить как вечную игру.

И мудрости вы учите свободной:
Все пением и смехом побеждать,
Чтоб в красоте великой и холодной
Бесцельно жить, бесцельно умирать.

Ваш вольный шум – для сердца укоризна.
Мой дух влечет к вам древняя любовь:
Не прах земли, а вы – моя отчизна,
То, чем я был и чем я буду вновь.

Апрель 1895, Ницца

Ласточки

Вечером нежным, как твой поцелуй,
Полным то теплых, то свежих изменчивых струй,
Милые ласточки вьются.

Неподвижный камыш чуть заденут крылом
И стремглав унесутся,
Тонут с криками в небе родном,
Словно с дерзостным хохотом.
Нет им дела до туч,
Что ползут, застилая испуганный луч,
С медленным грохотом.

Милые ласточки, вас я люблю.
Может быть, жизнь я бы отдал мою,
Бедную гордую душу мою,
Только б иметь ваши крылья
И без усилья
В небе, как вы, потонуть.

Но надо мной вы смеетесь, играете
И подставляете
Алому вечеру белую грудь.
Жизни меня научите веселой:
Видите, как по земле я влачусь,
Скорбный, больной и тяжелый, —
Так я и в темную землю вернусь.

О, научите меня
Жизни крылатой, жизни веселой,
Петь научите меня,
Славить рождение дня,
Славить и бурю, идущую с медленным грохотом,
Петь и летать,

Все побеждать
Дерзостным хохотом!

<1895>

Не надо звуков

Дух Божий веет над землею.
Безмолвен пруд, недвижим лес.
Учись блаженному покою
У вечеряющих небес.

Не надо звуков: тише, тише!
У лучезарных облаков
Учись тому теперь, что выше
Земных желаний, дел и слов.

23 июня 1895

Слепая

Боюсь, боюсь тебя, слепая
С очами белыми, о дочь
Проклятой совести, нагая
И нестыдящаяся Ночь!

Покрова нет и нет обмана.
И после всех дневных обид
Зари мучительной горит
Незаживающая рана.

1895

Нирвана

И вновь, как в первый день созданья,
Лазурь небесная тиха,
Как будто в мире нет страданья,
Как будто в сердце нет греха.

Не надо мне любви и славы:
В молчанье утренних полей
Дышу, как дышат эти травы...
Ни прошлых, ни грядущих дней

Я не хочу пытаться и числить,
Я только чувствую опять,
Какое счастье – не мыслить,
Какая нега – не желать!

Июль 1895

Темный ангел

О, темный ангел одиночества,
Ты веешь вновь
И шепчешь вновь свои пророчества:
«Не верь в любовь.

Узнал ли голос мой таинственный?
О милый мой,
Я – ангел детства, друг единственный,
Всегда – с тобой.

Мой взор глубок, хотя не радостен,
Но не горюй:
Он будет холоден и сладостен,
Мой поцелуй.

Он веет вечною разлукою, —
И в тишине
Тебя, как мать, я убаюкаю:
«Ко мне, ко мне!»

И совершаются пророчества:
Темно вокруг.
О, страшный ангел одиночества,
Последний друг,

Полны могильной безмятежностью
Твои шаги.
Кого люблю с бессмертной нежностью,
И те – враги!

19 августа 1895, Роцино

Проклятие любви

С усиьем тяжким и бесплодным
Я цепь любви хочу разбить.
О, если б вновь мне быть свободным,
О, если б мог я не любить!

Душа полна стыда и страха,
Влачится в прахе и крови,
Очисти душу мне от праха,
Избавь, о Боже, от любви!

Ужель непобедима жалость?
Напрасно Бога я молю:
Все безнадежнее усталость,
Все бесконечнее люблю.

И нет свободы, нет прощенья.
Мы все рабами рождены,
Мы все на смерть, и на мученья,
И на любовь обречены.

Две песни шута

I

Если б капля водяная
Думала, как ты,
В час урочный упадая
С неба на цветы,
И она бы говорила:
«Не бессмысленная сила
Управляет мной.
По моей свободной воле
Я на жаждущее поле
Упаду росой!»
Но ничто во всей природе
Не мечтает о свободе,
И судьбе слепой
Все покорно – влага, пламень,
Птицы, звери, мертвый камень;
Только весь свой век
О неведомом тоскует
И на рабство негодует
Гордый человек.
Но, увы! лишь те блаженны,
Сердцем чисты те,
Кто беспечны и смиренны
В детской простоте.
Нас, глупцов, природа любит,
И ласкает, и голубит,
Мы без дум живем,
Без борьбы, послушны року,
Вниз по вечному потоку,
Как цветы, плывем.

То не в поле головки сбивает дитя
С одуванчиков белых, играя:
То короны и митры сметает, шутя,
Всемогущая Смерть, пролетая.
Смерть приходит к шуту: «Собирайся, Дурак,
Я возьму и тебя в мою ношу,
И к венцам и тиарам твой пестрый колпак
В мою общую сумку я брошу».
Но, как векша, горбун ей на плечи вскочил
И колотит он Смерть погремушкой,
По костлявому черепу бьет, что есть сил,
И смеется над бедной старушкой.
Стонет жалобно Смерть: «Ой, голубчик, постой!»
Но герой наш уняться не хочет;
Как солдат в барабан, бьет он в череп пустой,
И кричит, и безумно хохочет:
«Не хочу умирать, не боюсь я тебя!
Жизнь, и солнце, и смех всей душой любя,
Буду жить-поживать, припевая:
Гром побед отзвучит, красота отцветет,
Но Дурак никогда и нигде не умрет, —
Но бессмертна лишь глупость людская!»

**Из «Собрания стихов» (1904),
«Собрания стихов» (1910) и «Полного
Собрания Сочинений» (1912)**

«Так жизнь ничтожеством страшна...»

Так жизнь ничтожеством страшна,
И даже не борьбой, не мукой,
А только бесконечной скукой
И тихим ужасом полна,
Что кажется – я не живу,
И сердце перестало биться,
И это только наяву
Мне все одно и то же снится.
И если там, где буду я,
Господь меня, как здесь, накажет —
То будет смерть, как жизнь моя,
И смерть мне нового не скажет.

3 июля 1900

Двойная бездна

Не плачь о неземной отчизне
И помни, – более того,
Что есть в твоей мгновенной жизни,
Не будет в смерти ничего.

И жизнь, как смерть, необычайна...
Есть в мире здешнем – мир иной.
Есть ужас тот же, та же тайна —
И в свете дня, как в тьме ночной.

И смерть и жизнь – родные бездны:
Они подобны и равны,
Друг другу чужды и любезны,
Одна в другой отражены.

Одна другую углубляет,
Как зеркало, а человек
Их съединяет, разделяет
Своею волею навек.

И зло, и благо, – тайна гроба
И тайна жизни – два пути —
Ведут к единой цели оба.
И все равно, куда идти.

Будь мудр, – иного нет исхода.
Кто цепь последнюю расторг,
Тот знает, что в цепях свобода
И что в мучении – восторг.

Ты сам – свой Бог, ты сам свой ближний,
О, будь же собственным Творцом,
Будь бездной верхней, бездной нижней,

Своим началом и концом.

Между 1895 и 1899

«О, если бы душа полна была любовью...»

О, если бы душа полна была любовью,
Как Бог мой на кресте – я умер бы любя.
Но ближних не люблю, как не люблю себя,
И все-таки порой исходит сердце кровью.

О, мой Отец, о, мой Господь,
Жалею всех живых в их слабости и силе,
В блаженстве и скорбях, в рожденье и могиле.
Жалею всякую страдающую плоть.

И кажется порой – у всех одна душа,
Она зовет Тебя, зовет и умирает,
И бредит в шелесте ночного камыша,
В глазах больных детей, в огнях зарниц сияет.

Душа моя и Ты – с Тобою мы одни,
И смертною тоской и ужасом объятый,
Как некогда с креста Твой Первенец Распятый,
Мир вопиет: Ламма! Ламма! Савахфани^[30].

Душа моя и Ты – с Тобой одни мы оба,
Всегда лицом к лицу, о, мой последний Враг.
К Тебе мой каждый вздох, к Тебе мой каждый шаг
В мгновенном блеске дня и в вечной тайне гроба.

И в буйном ропоте Тебя за жизнь кляня,
Я все же знаю: Ты и Я – одно и то же,
И вопию к Тебе, как сын твой: Боже, Боже,
За что оставил Ты меня?

Между 1895 и 1899

Детское сердце

Я помню, как в детстве нежданную сладость
Я в горечи слез находил иногда,
И странную негу, и новую радость —
В мученье последних обид и стыда.

В постели я плакал, припав к изголовью;
И было прощением сердце полно,
Но все ж не людей, – бесконечной любовью
Я Бога любил и себя, как одно.

И словно незримый слетал утешитель,
И с ласкою тихой склонялся ко мне;
Не знал я, то мать или ангел-хранитель,
Ему я, как ей, улыбался во сне.

В последней обиде, в предсмертной пустыне,
Когда и в тебе изменяет мне всё,
Не ту же ли сладость находит и ныне
Покорное, детское сердце мое?

Безумье иль мудрость, – не знаю, но чаще,
Все чаще той сладостью сердце полно,
И так, – что чем сердцу больнее, тем слаще,
И Бога люблю и себя, как одно.

16 августа 1900

Трубный глас

Под землею слышен ропот,
Тихий шелест, шорох, шепот.
Слышен в небе трубный глас:
– Брат, вставай же, будят нас.
– Нет, темно еще повсюду,
Спать хочу и спать я буду,
Не мешай же мне, молчи,
В стену гроба не стучи.
– Не заснешь теперь, уж поздно.
Зов раздался слишком грозно,
И встают вблизи, вдали,
Из разверзшейся земли,
Как из матерней утробы,
Мертвецы, покинув гробы.
– Не могу и не хочу,
Я закрыл глаза, молчу,
Не поверю я обману,
Я не встану, я не встану.
Брат, мне стыдно – весь я пыль,
Пыль и тлен, и смрад, и гниль.
– Брат, мы Бога не обманем,
Все проснемся, все мы встанем,
Все пойдем на Страшный суд.
Вот престол уже несут.
Херувимы, серафимы.
Вот наш царь дориносимый^[31].
О, вставай же, – рад не рад,
Все равно ты встанешь, брат.

27 мая 1901

Молитва о крыльях

Ниц простертые, унылые,
Безнадежные, бескрылые,
В покаянии, в слезах, —
Мы лежим во прахе прах,
Мы не смеем, не желаем,
И не верим, и не знаем,
И не любим ничего.
Боже, дай нам избавленья,
Дай свободы и стремленья,
Дай веселья Твоего.
О, спаси нас от бессилья,
Дай нам крылья, дай нам крылья,
Крылья духа Твоего!

<1902>

Веселые думы

Без веры давно, без надежд, без любви,
О странно веселые думы мои!

Во мраке и сырости старых садов —
Унылая яркость последних цветов.

1900

Возвращение

Глядим, глядим все в ту же сторону,
За мшистый дол, за топкий лес,
Вослед прокаркавшему ворону,
На край темнеющих небес.

Давно ли ты, громада косная
В освобождающей войне,
Как Божья туча громоносная,
Вставала в буре и в огне?

О, Русь! И вот опять закована,
И безглагольна, и пуста,
Какой ты чарой зачарована,
Каким проклятьем проклята?

А все ж тоска неодолимая
К тебе влечет: прими, прости.
Не ты ль одна у нас, родимая,
Нам больше некуда идти.

Так, во грехе тобой зачатые,
Должны с тобою погибать
Мы, дети, матерью проклятые
И проклинаящие мать.

28/15 сентября 1909, Веймар

Старинные октавы Octaves du passé

Песнь первая

I

Хотел бы я начать без предисловья,
Но критики на поле брани ждут,
Как вороны, добычи для злословья,
Слетаются на каждый новый труд
И каркают. Пошли им Бог здоровья.
Я их люблю, хотя в их толк и суд
Не верю: все им только брани повод...
Пусть вьется над Пегасом жадный овод.

II

Обол – Харону^[32]: сразу дань плачу
Врагам моим. В отваге безрассудной
Писать роман октавами хочу.
От стройности, от музыки их чудной
Я без ума; поэму заключу
В стесненные границы меры трудной.
Попробуем, – хоть вольный наш язык
К тройным цепям октавы не привык.

III

Чем цель трудней – тем больше нам отрады:
Коль женщина сама желает пасть,
Победе слишком легкой мы не рады.
Зато над сердцем непокорным власть,

Сопротивленье, холод и преграды
Рождают в нас мучительную страсть:
Так не для всех доступна, величава,
Подобно гордой женщине, – октава.

IV

Уж я давно мечтал о ней: резец
Ваятеля пленяет мрамор твердый.
Поборемся же с рифмой, наконец,
Чтоб победить язык простой и гордый.
Твою печаль баюкают, певец,
Тройных созвучий полные аккорды,
И мысль они, как волны, вдаль несут,
Одна другой, звуча, передают.

V

Но чтобы труд был легок и приятен,
Я должен знать, что есть в толпе людей
Душа, которой близок и понятен
Я с Музою отвергнутой моей.
Да будет же союз наш благодатен,
Читатель мой: для двух иль трех друзей
Бесхитростный дневник пишу, не повесть.
Зову на суд я жизнь мою и совесть.

VI

И не боюсь оружие дать врагу:
Не все ли мы у смерти, – у преддверья
Верховного Суда? – я не солгу,
В словах моих не будет лицемерья:

Что видел я, что знаю, как могу,
Без гордости, стыда иль недоверья,
Тому, кто хочет слышать, расскажу, —
Живым – живое сердце обнажу.

VII

Тревоги страстной, бурной и весенней
Я не люблю: душа моя полна
И ясностью, и тишиной осенней...
И, вечная, святая тишина:
Час от часу светлей и вдохновенней
Мне прошлой темной жизни глубина:
Там, в сумерках, горит воспоминанье,
Как тихое, вечернее сиянье.

VIII

От шума дня, от клеветы людской,
От глупых ссор полемики журнальной
Я уношусь к младенчеству душой —
Туда, туда, к заре первоначальной.
Уж кроткая Богиня надо мной
Поникла вновь с улыбкою печальной,
И я, как в небо, в очи ей смотрю,
О чистых днях, о детстве говорю.

IX

От Невского с его толпою чинной
Я ухожу к Неве, прозрачным льдом
Окованной: люблю гранит пустынный
И Летний сад в безмолвии ночном.

Мне памятен печальный и старинный,
Там, рядом с мостом, двухэтажный дом:
Во дни Петра вельможею построен,
Он – неуклюж, и мрачен, и спокоен.

X

Свидетель грустный юных лет моих,
Вдали от жизни, суеты и грома
Столичного, по-прежнему он тих.
Там сердцу мелочь каждая знакома:
Узор обоев в комнатах больших,
Подъезд стеклянный, двор и окна дома.
Не радостный, но милый мне приют,
Где бледные видения встают.

XI

Забывшие молитвы, сказки няни
С улыбкою твержу я наизусть,
Родные лица вижу, как в тумане...
Там, в детстве счастья было мало, – пусть!
Как сумрак лунный, даль воспоминаний
В поэзию, в пленительную грусть
Все обращает – радость и мученье:
В душе моей – великое прощенье.

XII

Чиновником усердным был отец,
В делах, в бумагах канцелярских меру
Земных трудов свершил и наконец,
Чрез все ступени, трудную карьеру

Пройдя, упорной воли образец,
Был опытен, знал жизнь, людей и веру,
Ничем не сокрушимую, питал
В практический суровый идеал.

XIII

Любил семью, – для нас он жил на свете;
Был сердцем добр, но деловит и строг.
Когда порой к нему являлись дети,
Он с ними быть как с равными не мог.
Я помню дым сигары в кабинете,
Прикосновенье желтых бритых щек,
Холодный поцелуй, – вся нежность наша —
В словах «bonjour» иль «bonne nuit^[33], папаша».

XIV

И скукою томительной царил
В семье казенный дух, порядок вечный.
Он все копил, он все для нас копил,
Но наших игр и болтовни беспечной,
И хохота, и шума не любил,
Подозревая в нежности сердечной
Лишь баловства избыток иль причуд,
Смотря на жизнь, как на печальный труд.

XV

Не тратилось на нас копейки лишней.
Коль дети мимо кабинета шли,
Как можно незаметней и неслышной
Старались проскользнуть; от всех вдали,

Хранимые лишь волею Всевышней,
Мы в куче десять человек росли,
Покинутые немке и природе,
Как овощи в забытом огороде.

XVI

Володя, Саша, Надя... без конца, —
И в этом мертвом доме мы друг друга
Любили мало; чтоб звонком отца
Не потревожить, так же как прислуга,
Мы приходили с черного крыльца.
А между тем, не ведая досуга,
Здоровья не щадя, отец служил
И все копил, он все для нас копил.

XVII

Под бременем запасов гнулись полки
В березовых шкапах – меха, фарфор,
Белье, игрушки, лакомства для елки.
Зайдешь, бывало, в пыльный коридор,
Во внутренность шкапов глядишь сквозь щелки,
И то, чего не видишь, манит взор,
И чувствуешь в восторге молчаливом,
То миндалем пахнет, то черносливом.

XVIII

Я с ключницей всегда ходить был рад
В таинственный подвал, где кладовая.
Здесь тоже длинные шкапы стоят;
На мрачных сводах – плесень вековая,

Мешков с картофелем и банок ряд...
Трещит тихонько свечка, догорая,
И мышшь из-под огромного куля
На нас глядит, усами шевеля.

XIX

И только раз в году на именинах
Вся роскошь вдруг являлась на столе.
Сидели дамы в пышных кринолинах
И старички – ряд лиц, как в полумгле
На старомодных, выцветших картинах...
И в мараскинном трепетном желе
Свеча, приятным пламенем краснея,
Мерцала – тонких поваров затея.

XX

Но важный вид гостей пугал меня...
Холодных блюд – остатков именинной
Трапезы нам хватало на три дня.
Все приходило вновь в порядок чинный:
Сестра сидела, скучный вид храня,
С учительницей музыки в гостиной, —
Навстречу ранним пасмурным лучам
Был слышен звук однообразных гамм.

XXI

Унылый знак привычек экономных, —
Торжественная мебель – вся в чехлах.
Но чудилась мне тайна в нишах темных,
В двух гипсовых амурах, в зеркалах,

В чуланах низких, в комнатах огромных, —
Все наведало непонятный страх;
И скучную казенную квартиру
Уподоблял я сказочному миру.

XXII

Мне жития угодников святых
Рассказывала няня, как с бесами
Они боролись в пустынях глухих.
Почтенная старушка в бедном хламе
Меж душегреек в сундуках своих
Хранила четки, ладонку с мощами
И крестика Афонского янтарь.
Я узнавал, как люди жили встарь;

XXIII

Как некое заклятие трикраты
Монах над черным камнем произнес
И в воздухе рассыпался проклятый,
Подобно стае воронов, утес;
Я слушал няню, трепетом объятый
И любопытством, полный чудных грез,
От ужаса я «Отче наш» в кровати
Твердил всю ночь в мерцании лампадки.

XXIV

Познал я негу безотчетных грез,
Познал я грусть, – чуть вышел из пеленок.
Рождало все мучительный вопрос
В душе моей; запуганный ребенок,

Всегда один, в холодном доме рос
Я без любви, угрюмый, как волчонок,
Боясь лица и голоса людей,
Дичился братьев, бегал от гостей

XXV

И ждал чудес в тревоге непрестанной:
Порой не мог заснуть и весь дрожал,
Все кто-то длинный, длинный и туманный,
Чернее мрака в комнате стоял...
Мне ужас веял в душу несказанный,
И громко звал я няню и кричал.
И старшие, вокруг моей постели,
То на меня сердились, то жалели.

XXVI

И лакомств мне давала мать, отец
Шутил; его насмешливые речи
Я слушал молча, бледный, как мертвец.
И приносили в спальню лампы, свечи:
«Вон там, в углу... смотрите!..» – Наконец

Он исчезал; но жду я новой встречи

С Неведомым и знаю, что опять
Его пред смертью должен увидеть.

XXVII

С тех пор доньше в бурях и в покое,
Бегу ли я в толпу или под сень
Дубрав пустынных, – чую роковое
Всегда, везде, – и в самый светлый день.
То древнее, безумное, ночное
Присутствует в душе моей, как тень,
Как ужаса непобедимый трепет,
Как вещей Парки неотвязный лепет.

XXVIII

Но, на прогулку с нянею спеша,
В знакомой лавке у Цепного моста
Я покупал себе на два гроша
Коврижки белой, твердой, как береста,
И, утреннюю свежестью дыша,
Опять на мир смотрел легко и просто;
И для меня был счастья венец
Малиновый прозрачный леденец.

XXIX

В суровом доме, мрачном, как могила,
Во мне лишь ты, родимая, спасла
Живую душу, и святая сила
Твоей любви от холода и зла,
От гибели ребенка защитила;
Ты ангелом-хранителем была,
Многострадальной нежностью твоею
Мне все дано, что в жизни я имею.

XXX

Отец сердился, вредным баловством
Считал любовь; бывало, ты украдкой
Меня спешила осенить крестом,
Склонясь в лампадном свете над кроватью,
И засыпал я безмятежным сном
При шепоте твоей молитвы сладкой,
Но чувствовал сквозь поцелуй любви
Я жалобы безмолвные твои.

XXXI

Однажды денег взяв Бог весть откуда,
Она тайком осмелилась купить
Игрушку мне, чудесного верблюда;
Отец увидел, стал ее бранить.
Внутри была бисквитов сладких груды:
И жадности не мог я победить, —
За мать страдая, молча, — как убитый, —
Я с горькими слезами ел бисквиты.

XXXII

Когда на службе был отец с утра,
Мать в кабинет за стол меня пускала.
Я помню дел казенных нумера,
Сургуч, портрет старинный генерала,
Из хризолита ручку для пера,
Из камня цвета млечного опала
Коробочку для марок, нож, бювар,
Карандаши и ящик для сигар:

XXXIII

Предметы жадных, робких наслаждений!..
Но как-то раз я рукавом свалил
Чернильницу с головкою оленьей:
Ни жив ни мертв, смотрю, как потопил
(Что мне казалось верхом преступлений)
Зеленое сукно поток чернил.
Вдруг – голоса, шаги отца в передней;
Вот, думаю, пришел мой час последний.

XXXIV

Я убежал, чтоб грозного лица
Не увидеть; и начались упреки,
Неумолимый гневный крик отца,
На трату денег вечные намеки,
И оправданья мамы без конца.
Я понимал, что грубы и жестоки
Его слова, и слышал я мольбы,
Усилия беспомощной борьбы...

XXXV

В них – долгих лет покорная усталость —
Хотя бы мог я розог ожидать, —
Лишь простоял в углу за эту шалость:
Спасла меня заступничеством мать.
Я чувствовал мучительную жалость,
Семейных драм не в силах угадать, —
За маму, тихий и покорный с виду,
Я затаил в душе моей обиду.

XXXVI

И с нею вместе я жалел себя:
Под одеялом спрятавшись в кровати,
Молился я, родная, за тебя,
Твой поцелуй в бреду и лихорадке,
Твое дыханье чувствовал, любя:
Так жгучие те слезы были сладки,
Что, все прощая, думал об отце
Я с радостной улыбкой на лице.

XXXVII

Он не чины, не ордена, не ленты
Наградю трудов своих считал:
В невидимо растущие проценты,
В незыблемый и вечный капитал,
В святыню денежных бумаг и ренты,
Как в добродетель, веру он питал,
Хотя и не был скуп, но слишком долго
Для денег портил жизнь из чувства долга.

XXXVIII

Чиновник с детства до седых волос,
Житейский ум, суровый и негибкий,
Не думая о счастье, молча нес
Он бремя скучной жизни без улыбки,
Без малодушья, ропота и слез,
Не ведая ни страсти, ни ошибки.
И добродетельная жизнь была —
Как в серых мутных окнах — дождь и мгла.

XXXIX

Кругом в семье царила безмятежность:
Детей обилье – Божья благодать, —
Приличная супружеская нежность.
За нас отец готов был жизнь отдать...
Но, вечных мук предвидя неизбежность,
Уже давно им покорилась мать:
В хозяйстве, в кухне, в детской мелочами
Ее он мучил целыми годами.

XL

Без горечи не проходило дня.
Но с мужеством отчаянья, ревниво,
Последний в жизни уголок храня,
То хитростью, то лаской боязливой,
Она с отцом боролась за меня.
Он уступал с враждою молчаливой,
Но дружба наша крепла, и вдвоем
Мы жили в тихом уголке своем.

XLI

С ним долгий путь она прошла не даром:
Я помню мамы вечную мигрень,
В лице уже больном, хотя не старом,
Унылую, страдальческую тень...
Я целовал ей руки с детским жаром, —
Духи я помню, – белую сирень...
И пальцы были тонким цветом кожи
На руки девственных Мадонн похожи...

XLII

О, только бы опять увидеть вас
И после долгих, долгих дней разлуки
Поцеловать еще единый раз,
Давно в могиле сложенные руки!
Когда придет и мой последний час, —
Ужели там, где нет ни зла, ни муки, —
Ужель напрасно я, горюя, жду, —
Что к вам опять устами припаду?

XLIII

Отец по службе ездил за границу,
На попеченье старой немки дом
С детьми покинув; и старушка в Ниццу
Писала аккуратно обо всем.
Порой от мамы нежную страницу
С отцовским кратким деловым письмом
И с ящиком конфет мы получали,
И забывал я о моей печали.

XLIV

Бывало, с горстью лакомых конфет,
С растрепанным арабских сказок томом
Садился я туда, где ярче свет
Знакомой лампы на столе знакомом,
И большего, казалось, счастья нет,
Чем шоколад с благоуханным ромом.
Был сумерек уютный тихий час;
В стекле шумел голубоватый газ.

XLV

Я до сих пор люблю, Шехеразада,
Твоих султанов, евнухов и жен,
Скитаньями волшебными Синдбада
И лампой Алладиновой пленен.
Порой – увы! – среди чудес Багдада
Я, лакомством и книгой увлечен,
Мать забывал, как забывают дети, —
Как будто не было ее на свете,

XLVI

И только в горе вспоминал опять.
Из Ревеля почтенная старушка
Умела так хозяйством управлять,
Чтоб лишняя не тратилась полушка:
Случится ль детям что-нибудь сломать,
В буфете ль чая пропадет осьмушка, —
Она весь дом бранила без конца,
Предвидя строгий выговор отца.

XLVII

Я помню туфли, темные капоты,
Седые букли, круглые очки,
Чепец, морщины, полные заботы,
И ночью трепет старческой руки,
Когда она записывала счета
И все твердила: «Рубль за башмаки...
Картофель десять, масло три копейки...»
И цифру к цифре ставила в линейки.

XLVIII

Старушки тень я видел на стене
Огромную, поднять не смея взгляда:
И магией порой казались мне
Все эти банки, шпильки и помада,
Щипцы на свечке в трепетном огне, —
От них знакомый едкий запах чада:
Она седую жиденькую прядь
Привыкла на ночь в букли завивать.

XLIX

До старости была она кокеткой:
И, сморщившись давно и пожелтев, —
Хотя у нас бывали гости редко, —
С лукавством трогательным старых дев
Шиньон свой древний, с новой черной сеткой,
На голову дрожащую надев,
Еще пришиллит красненькую ленту,
И как бедняжка рада комплименту!

L

Душа моя печальна и светла,
И жалко мне моей старушки дряхлой.
Священна жизнь, хотя бы то была
Невидимая жизнь былинки чахлой.
Мы любим, славя громкие дела,
Чтоб от людей великих кровью пахло, —
Но подвиг есть и в серых скучных днях,
В невидимых презренных мелочах.

LI

Старушки взгляд всегда был жив и зорок:
К нам девушкой молоденькой вошла
И поседела, сгорбилась, лет сорок
С детьми возилась, жизнь им отдала.
Ей каждый грош чужой был свят и дорог...
Амалии Христьяновне – хвала:
Она свершила подвиг без награды,
Как мало в жизни было ей отрады!

LII

Как много скуки, горестных минут,
Людских обид, и холода, и злости!
И вот она забыта, и гниют
В неведомой могиле на погосте,
Найдя последний отдых и приют,
Измученные старческие кости...
Как по земле – теней людских тьмы тем, —
И ты пришла, – Бог весть куда, зачем...

LIII

Увы, что значит эта жизнь? Над нею,
Как над загадкой темною, стою,
Мучительный, чем над судьбой твоею,
Герой бессмертный, – душу предаю
Вопросам горьким, отвечать не смею...
Неведомых героев я пою.
Простых людей, о, Муза, помоги мне
Восславить миру в сладкозвучном гимне.

LIV

Да будут же стихи мои полны
Гармонией спокойной и унылой.
Ничтожество могильной тишины
Мгновенный шум великих дел покрыло:
Последний будет первым, – все равны.
Как то поют, что в древнем Риме было, —
В торжественных октавах я пою
Амалию Христьяновну мою.

LV

Старушка Эмма у нее гостила
В очках и тоже в буклях, как сестра.
Я помню всех, кого взяла могила,
Как будто видел лица их вчера.
Амалия Христьяновна любила,
С ней наслаждаясь кофеем с утра
И ревельскими кильками в жестянках, —
Посплетничать о кухне и служанках.

LVI

Был муж ее предобрый старичок
В ермолке, с трубкой; кофту, вместо шубы,
Он надевал и длинный сюртучок,
С улыбкой детской морщил рот беззубый.
Пусть мелочи ненужных этих строк
Осудит век наш деловой и грубый, —
Но я люблю на прозе давних лет
Поэзии вечерний полусвет...

LVII

На Островах мы лето проводили:
Вокруг дворца я помню древний сад,
Куда гулять мы с нянею ходили, —
Оранжереи, клумбы и фасад
Дух флигелей в казенном важном стиле,
Дорических колонн высокий ряд,
Террасу, двор и палисадник тощий,
И жидкие елагинские рощи.

LVIII

Там детскую почувствовал любовь
Я к нашей бедной северной природе.
Я с прошлогодней ласточкою вновь
Здоровался и бегал на свободе,
И с радостным волнением морковь
И огурцы сажал на огороде,
Ходил с тяжелой лейкою на пруд:
Блаженством новым мне казался труд.

LIX

В двух грядках все работы земледелья
Я находил, про целый мир забыв...
О, где же ты, безумного веселья
Давно уже неведомый порыв,
И суета, и хохот новоселья.
«Milch trinken, Kinder!»^[34], – форточку открыв,
За шалость детям погрозив сначала,
Амалия Христьяновна кричала.

LX

И ласточек, летевших через двор,
Был вешний крик пронзителен и молод...
Я помню первый чай на даче, сор
Раскупоренных ящичков и холод
Сквозного ветра, длинный коридор
И после игр счастливый, детский голод,
И теплый хлеб с холодным молоком
В зеленых чашках с тонким ободком —

LXI

Позолоченным: их любили дети, —
Особенная прелесть в них была.
В сосновом, пахнущем смолой, буфете
Стоял сервиз для дачного стола.
С тех пор забыл я многое на свете —
Любовь, обиды, важные дела,
Но, кажется, до смерти помнить буду
Ту милую зеленую посуду.

LXII

И связан с ней был чудный летний сон,
Всегда один и тот же, мимолетней,
Чем облачные тени, озарен
Таинственным лучом, – и беззаботней
Я ничего не знаю: дальний звон,
Как будто тихий благовест субботний...
Большая комната, – где солнца нет,
Но внутренний прозрачно-мягкий свет...

LXIII

Гляжу на свет, не удивляясь чуду,
И не могу насытить жадный взор...
На длинных полках вижу я посуду, —
Пронизанный сиянием фарфор,
И золотой, и разноцветный, всюду —
На чашках белых тоненьких – узор...
Я – как в раю, – такая в сердце сладость
И чистота, и неземная радость.

LXIV

Той радостью душа еще полна,
Когда проснусь, бывало: я беспечен
И тих весь день под обаяньем сна.
Хотя для сердца памятен и вечен,
Как молодость, как первая весна, —
О, милый сон, ты был недолговечен
И в темные порочные года
Уже не повторялся никогда.

LXV

Я полюбил Эмара, Жюля Верна,
И Робинзон в те дни был мой кумир.
Я темными колодцами – безмерна
Их глубина – сходил в подземный мир,
И быстрота была неимоверна,
Когда помчался в бомбе чрез эфир
Я на луну; мечтой любимой стали
Мне корабли подводные из стали.

LXVI

Я находил в елагинских полях
Пустынные и дикие Пампасы;
Блуждал – в приюте воробьев – в кустах
Черемухи, как Немо, Гаттерасы
Иль Робинзоны в девственных лесах.
Я ждал порой меж тощих пальм террасы
Среди безумных и блаженных игр,
Что промелькнет гиппопотам иль тигр.

LXVII

Я не забуду в темном переплете
Разорванных библиотечных книг.
Фантазия в младенческом полете
Не ведала покоя ни на миг:
Я жил в волненье вечном и заботе, —
Мне в каждой яме чудился тайник
И ход подземный в глубине сарая.
Как я мечтал, дрожа и замирая,

LXVIII

Как жаждал я открытья новых стран!
Готов принять был дачников семейных
За краснокожих, пруд – за океан,
И часто, полный грез благоговейных,
Заглядывал в таинственный чулан
С осколками горшков оранжерейных,
И, на чердак зайдя иль сеновал,
Америку, казалось, открывал.

LXIX

Я с братьями ходить любил по крыше,
Чтоб сапогами не греметь, – в чулках.
Я в ужасе просил их: «Тише, тише, —
Амалия Христьяновна!..» В ушах
Был ветра свист, и мне хотелось выше.
У спутников на лицах видел страх, —
Но сам душою, страху недоступной,
Я наслаждался волею преступной.

LXX

За погребом был гладкий, как стекло,
И сонный пруд; на нем плескались утки;
Плакучей ивы старое дупло,
Где свесились корнями незабудки,
Потопленное, мохом обросло;
Играют в тине желтые малютки —
Семья утят, и чертит легкий круг
По влаге быстрый водяной паук.

LXXI

Я с книгой так садился меж ветвями,
Чтоб за спиной конюшни были, дом
И клумбы, мне противные, с цветами,
И, видя только чашу ив кругом
И дремлющую воду под ногами,
Воображал себя в лесу глухом:
Так страстно мне хотелось, чтобы диким
Был Божий мир, пустынным и великим.

LXXII

И, каждой смелой веткой дорожа,
Я возмущался, что по глупой моде
Акации стригут или, служа
Казенному обычаю в природе, —
Метут в лесу тропинки сторожа.
Стремясь туда, где нет людей, к свободе, —
Прибив доску меж двух ветвей к сосне,
Я гнездышко устроил в вышине.

LXXIII

И каждый день взлезал к нему, как белка.
За длинною просекою вдали
Виднелася Елагинская Стрелка,
На бледном тихом взморье корабли;
Нева желтела там, где было мелко...
Как по дорожкам дачники ползли,
Я наблюдал с презреньем, горд и весел,
И голый сук казался мягче кресел.

LXXIV

Идет лакей придворный по пятам
Седой и чинной фрейлины-старушки...
Здесь модные духи приезжих дам —
И запах первых листьев на опушке,
И разговор французский – пополам
С таинственным пророчеством кукушки,
И смешанное с дымом папирос
Вечернее дыханье бледных роз...

LXXV

В оранжереи, к плотничьей артели
Я уходил: там острая пила
Визжала, стружки белые летели,
И с дерева янтарная смола,
Как будто кровь из раны в нежном теле,
Сияющими каплями текла;
Мне нравился их ярославский говор,
Когда шутил с работниками повар,

LXXVI

Спеша на ледник с блюдом через двор;
И брал от них рукою неискусной
Я долото, рубанок иль топор,
Из котелка любил я запах вкусный,
И щи, и ложек липовых узор;
При звуке песни их живой и грустной
Кого-то вдруг мне становилось жаль:
Я сердцем чуял русскую печаль...

LXXVII

Мы под дворцом Елагинским в подвале
Однажды дверь открытую нашли:
Мышей летучих тени ужасали,
Когда мы в темный коридор вошли;
Казалось нам, что лабиринт едва ли
Ведет не к сердцу матери-земли.
Затрепетав, упал от спички серной
На плесень влажных сводов луч неверный.

LXXVIII

Не долетает шум дневной сюда;
Столетним мохом кирпичи покрыты,
Сочится с низких потолков вода;
Сквозь щель, сияньем голубым облиты,
Роняя на пол слезы иногда,
Неровные белеют сталактиты
В могильном сне... Как солнцу я был рад,
Из глубины подземной выйдя в сад.

LXXIX

Вдыхая запах влажный и тяжелый
Медовых трав, через гнилой забор
Перескочив, отважный и веселый,
В кустах малины крадусь я, как вор;
Над парником с жужжаньем выются пчелы,
И как рубин, висит, чаруя взор,
Под свежими пахучими листьями
Смородина прозрачными кистями.

LXXX

С младенчества людей пленяет грех:
Я с жадностью незрелый ем крыжовник,
Затем что плод запретный слаще всех
Плодов земных; царапает шиповник
Лицо мое, и, возбуждая смех
Напрасно пугало твое, садовник,
Как символ добродетели, стоит,
Храня торжественный и глупый вид.

LXXXI

Елагин пуст, – вдали умолк коляски
Последний гул, и белой ночи свет
Там, над заливом, полон тихой ласки,
Как неземной таинственный привет, —
Все мягкие болезненные краски...
Далекой тони черной силуэт,
Кой-где меж дач овес и тощий клевер...
Тебя я помню, бедный милый Север!

LXXXII

Когда сквозь дым полуденных лучей
С утесов Капри вижу даль морскую,
О сумраке березовых аллей
Я с нежностью задумчивой тоскую:
Люблю унынье северных полей
И бледную природу городскую,
И сосен тень, и с милой кашкой луг,
Люблю тебя, Елагин, старый друг.

LXXXIII

Но скоро дни забот пришли на смену
Веселым дням, и в мрачный старый дом
Вернулся вновь я к духоте и плену.
И в комнате перед моим окном
Неумолимую глухую стену
Доныне помню: вид ее знаком
До самых мелких трещинок и пятен,
Казенный желтый цвет был неприятен.

LXXXIV

Разносчицы вдали я слышать мог
Певучий голос: «Ягода морошка».
Небес едва был виден уголок
Над крышами, где пробиралась кошка
И трубочист; со сливками горшок
Кухарка ставит в ящик за окошко;
И как воркует пара голубей,
Я слышу в тихой комнате моей.

LXXXV

Когда же Летний сад увидел снова,
Я оценил свободу летних дней.
С презрением, не говоря ни слова,
Со злобою смотрел я на детей,
Играющих у дедушки-Крылова,
И, всем чужой, один в толпе людей,
Старался няню, гордый и пугливый,
Я увести к аллее молчаливой.

LXXXVI

В сквозной тени трепещущих берез
На мраморную нимфу или фавна
Смотрел я, полный нелюдимых грез;
И статуя Тиберия^[35] забавна, —
Меня смешил его отбитый нос,
Замаскою приклеенный недавно.
Сентябрь дубы и клены позлащал,
Крик ворона ненастье предвещал...

LXXXVII

Стучится дождь однообразно в стекла.
К экзаменам готовлюсь я давно,
Зевая, год рожденья Фемистокла^[36]
Твержу уныло и смотрю в окно:
В грязи шагая, охтинка промокла...
И сердце скукой мертвою полно.
Решить не в силах трудную задачу,
Над грифельной доской едва не плачу.

LXXXVIII

Но вот пришел великий грозный час:
Вступая в храм классической науки,
Чтобы держать экзамен в первый класс, —
Я полон дикой робости и муки.
Смотрю в тетрадь, не подымая глаз,
Лицо в чернилах у меня и руки,
И под диктовку в слове «осенять»
Не знаю, что поставить – е иль ъ.

LXXXIX

Я помню место на второй скамейке,
Под картою Австралии, для книг
Мой пыльный ящик, карандаш, линейки,
Казенной формы узкий воротник,
Мучительный для детской тонкой шейки.
Спряжение глаголов я постиг
С большим трудом; и вот я – в новом мире,
Где божество – директор в вицмундире.

XC

От слез дрожал неверный голосок,
Когда твердил я: lupus... conspicavit...
In rupe pascebatur...^[37] и не мог
Припомнить дальше; единицу ставит
Мне золотушный немец-педагог.
Томительная скука сердце давит:
Потратили мы чуть не целый год,
Чтобы понять отличие quid и quod^[38];

ХСІ

А говорить по-русски не умели.
И, в сокровенный смысл частицы ut^[39]
Стараясь вникнуть, с каждым днем глупели.
Гимнастика ума – полезный труд,
Направленный к одной великой цели:
Нам выправку казенную дадут
Для русского, чиновничьего строя,
Бумаг, служебных дел и геморроя.

ХСІІ

Так укрощали в молодых сердцах
Вольнолюбивых мыслей дух зловредный;
Теперь уже о девственных лесах,
О странствиях далеких мальчик бедный
Не помышлял: потухла жизнь в очах.
В мундир затянут, худенький и бледный,
По петербургской слякоти пешком
Я возвращался в наш холодный дом.

ХСІІІ

Манить ребенка воля перестала:
Царил над нами дух военных рот.
Как в тонких стенках твоего кристалла,
Гомункул, умный маленький урод,
Душа без жизни в детях жить устала...
Болезненный и худосочный род —
К молчанию, к терпению предназначен,
Чуть не с пеленок деловит и мрачен.

XCIV

В тот час, как темной грифельной доски
И словарей коснулся луч последний
Туманного заката, и тоски
Напев был полон в комнате соседней
Старухи няни, штопавшей чулки, —
Далекий шум слышался в передней...
Мне было скучно, и на груды книг
Я головой усталою поник...

XCV

Вдруг голос мамы, шорох платья милый,
Ее шагов знакомый легкий звук...
Я побледнел и алгебры постылой
Учебник на пол выронил из рук.
Не от любви с неудержимой силой
Забилось сердце, — это был испуг:
Я в классицизме, в мертвом книжном хламе
Так одичал, что позабыл о маме

XCVI

За год разлуки: как угрюмый зверь,
Со злобою смотрел на злые лица
Учителей; казалась теперь
Мне падежей неправильных таблица
Важней любви... От матери за дверь
Я спрятался; как пойманная птица,
Дрожал в углу, безмолвие храня, —
И вдруг она увидела меня...

ХСVII

Но я уж сам к ней бросился в объятия,
Про все забыв, – сестер не слышал крик
И не видал, как прибежали братья,
Закрыв глаза, к ее груди приник,
Вдыхая тонкий, нежный запах платья...
То был блаженства незабвенный миг.
Она меня ласкала: «Мальчик бедный,
Какой ты худенький, какой ты бледный!»

ХСVIII

Под взорами возлюбленных очей
Я воскресал от холода и скуки,
От этих долгих безнадежных дней;
Пугливый, все еще боясь разлуки,
Не веря счастью, прижимался к ней:
Она глаза мне целовала, руки
И волосы, и согревала вновь
Меня, как солнце, вечная любовь.

ХСIX

И, улыбаясь, плакали мы оба,
И все, в чем сердце бедное могло
Окаменеть – ожесточенье, злоба
И мертвенная скука – все прошло:
Так не боится зимнего сугроба,
Почуяв жизни первое тепло,
Когда ручей поет и блещет звонкий, —
На трепетном стебле подснежник тонкий.

С

Не мог расторгнуть наших вольных уз
Дух строгости, порядок жизни чинный,
И тайно креп наш дружеский союз:
Ловил я звук шагов ее в гостиной;
Бывало, рода женского на us
Она со мной твердила список длинный,
И находил поэзию при ней
Я в правилах кубических корней.

СИ

Под сладостной защитой и покровом,
Когда ласкался к маме при отце,
Я видел ревность на его суровом
Завистливо нахмуренном лице.
Я был пленен улыбкой, каждым словом,
И бриллиантом на ее кольце,
И шелестом одежды, и духами,
И девственными, юными руками.

СИИ

На завтрак белый рябчика кусок,
Обсахаренный вкусный померанец,
Любимую конфету, пирожок
Она тихонько прятала мне в ранец;
Когда я в классе вынимал платок
С ее духами, вспыхивал румянец
Любви стыдливой на моих щеках,
Сияла гордость детская в очах.

СШ

Я чувствовал ее очарованье
Среди учебных книг и словарей,
Как робкое весны благоуханье
В холодной мгле осенних мрачных дней, —
И по ночам любимых уст дыханье
Над детскою кроваткою моей:
Так ласк ее недремлющая сила
Меня теплом и светом окружила.

СIV

Коль в сердце, полном горечи и зла,
Доныне есть поэзия живая, —
Твоя любовь во мне ее зажгла.
Ты слышишь ли меня, о, тень родная?
Пусть не нужна тебе моя хвала,
Но счастлив я, о прошлом вспоминая, —
И вот неведомую песнь мою
Тебе, как эти слезы, отдаю.

CV

Когда стремлюсь я к неземной отчизне,
Слабея, грешный, на земном пути,
Я внемлю тихой нежной укоризне...
Не отвергай меня, молю, прости, —
Как ты дитя свое хранила в жизни,
Так пред Судом Верховным защити,
Отчаяньем и долгою разлукой
Измученное сердце убаюкай.

CVI

Слетаешь ты, незримая, ко мне,
Как сладкого покоя дуновенье,
Как дальний звук в полночной тишине...
Я чувствую твое благословенье
И к моему лицу, как бы во сне,
Твоих бесплотных рук прикосновенье...
О, милая, над бездною храня,
Любовью вечною спаси меня!

CVII

У волка есть нора, у птиц жилища, —
Лишь у тебя, служитель красоты, —
Нет на земле родного пепелища:
Один среди холодной пустоты,
Я собираю с тихого кладбища
Воспоминаний бледные цветы,
И в душу веет запахом могилы
Сквозь аромат их девственный и милый...

CVIII

Давно привык я будущих скорбей
Угадывать нелживые приметы;
Жизнь с каждым днем становится мрачней...
Ни славою, ни дружбой не согреты,
Лишь памятью невозвратимых дней
Питаемся мы, жалкие поэты,
Как собственной лапою медведь,
Чтоб с голода зимой не умереть.

СІХ

Пою, свирель на тихий лад настроя:
До подвигов нам с Музой дела нет.
Я говорю, увидев тень героя:
«Не заслоняй мне солнца вечный свет!»
От мировых скорбей ищу покоя
И ухожу я в прозу давних лет.
Как Диоген – в циническую бочку...
Но здесь для рифмы я поставлю точку.

СХ

Кто б ни был ты, о мой случайный друг, —
Студент ли в келье сумрачной и дымной,
Чиновник ли с бумагами вокруг,
Курсистка, барин ли гостеприимный,
Питомец ли классических наук, —
Не требую любви твоей взаимной, —
Но мне близка теперь душа твоя,
Но ты мне друг, ты человек, как я.

СХІ

Ты так же горьким опытом наказан...
Минутной благосклонности твоей
Я самой чистой радостью обязан:
Ты дальше всех, ты ближе всех друзей,
И я с тобой свободной дружбой связан.
Теперь, прощаясь с Музою моей,
Забудь вражду, прости, читатель, скуку:
Мы – люди, мы несчастны – дай мне руку!

СХII

Тебе на суд я отдаю себя:
Один ли ты иль в многолюдном свете,
Хлопочешь ли для славы жизнь губя
Или для денег, – вспомни о завете
Того, Кто, детство милое любя,
Учил нас: «Будьте просты вы, как дети»^[40].
Как ни был бы ты зол и мудр, и стар, —
Подумай, жизнь – прекрасный Божий дар;

СХIII

Смягчись на миг в борьбе ожесточенной,
На прошлое с улыбкою взгляни:
Не правда ли, там, солнцем озаренный,
Есть уголок родимый, есть они,
Мой брат, как я, познаьем отягченный,
Неведенья безоблачные дни!
От суеты и злобы на минуту
Вернись душою к тихому приюту, —

СХIV

И пусть морщины скуки и труда
Разглядятся!.. Как сон недолговечный,
Те дни прошли... Ты лучше был тогда,
Доверчивый, свободный и беспечный.
Ужели больше нет от них следа,
От этих дум, от простоты сердечной?..
О, только бы ты пожалел о них, —
И дела нет мне до врагов моих.

СХV

Пусть хмурит брови Аристарх^[41] журнальный:
В печальном сердце – тихо и светло;
Въезжаю в гавань, – кончен путь мой дальний...
О, друг, утешься, подыми чело
С улыбкою спокойной и печальной,
Прощая Богу смерть и людям зло:
В сияньи солнца есть еще отрада...
Ты улыбнулся, – вот моя награда!

Песнь вторая

I

Уже никто не вденет ногу в стремя, —
Ты одряхлел, классический Пегас,
Тебе подсекло крылья злое Время:
Влачишься ты по улицам у нас,
Где давит сердце вечной скуки бремя,
Где в мутной снежной тьме чуть брезжит газ,
Где нет ни воли, ни любви, ни солнца, —
Хромою клячей бедного чухонца...

II

От рифмы я отвык, и мне начать
Вторую песнь трудней, чем сдвинуть гору.
Но если час пришел – нельзя молчать:
Слетающих видений внемля хору,
Их голосам я должен отвечать;
И как цветник в полуденную пору —
Жужжаньем пчел, как берег – шумом волн,
Созвучьями недаром слух мой полн.

III

Их музыка подобна поцелую:
И рифма с рифмой – нежная чета —
Сливаются в гармонию живую;
Так ищут уст влюбленные уста.
Я близость бога сладостного чую:
Когда душа уныла и пуста, —
Поэзия – от всех скорбей лекарство.
Уйдем же к ней мы в призрачное царство!

IV

Там нет ни зла людского, ни добра,
Там даже смерти не страшна угроза.
Луна порой в немые вечера
На стеклах бледные цветы мороза
Вдруг оживит: что значит их игра
Бесцельная?.. Холодной жизни проза,
Гори, гори и ты в стихе моем,
Как этот лед, таинственным огнем!

V

О, юность бедная моя, как мало
Ты вольных игр и счастья мне дала:
Классической премудрости начало,
Словарь латинский, холод, скука, мгла...
Как часто я бранил тебя, бывало;
Но все прошло, – теперь не помню зла:
Не до конца сумели в пыльной гряде
Нелепых книг тебя испортить люди.

VI

За сладостный, невинный жар в крови,
За первые неопытные грезы,
За детское предчувствие любви
Среди унынья, холода и прозы,
За маленькие радости твои,
За одинокие, немые слезы,
О, молодость, за красоту твою
Тебя люблю, тебе я гимн пою!

VII

Врата несуществующего рая,
Ненаступивших радостей залог,
Благословлю обман твой, умирая.
Я никогда проклясть тебя не мог,
О горькая, о жалкая, святая,
Тебя непобедимой создал Бог:
В тебе есть холод, девственная нега
И чистота нетронутого снега...

VIII

Однажды мы весною в первый раз
Открыли окна слишком рано, в марте;
Пахнул к нам свежий воздух в душный класс;
На стенах с пятнами чернил, на парте,
Изрезанной ножами в скучный час
Закона Божьего, на пестрой карте
Америки луч солнечный блестел,
В листах грамматик ветер шелестел.

IX

Я думаю, Армидин^[42] сад, и ты бы
Нам более счастливых не дал грез,
Чем грязный двор, где льда седого глыбы
Кололи дворники; не запах роз,
А москательных лавок, мяса, рыбы —
Зефир весенний с рынка нам принес...
А воробьи на крышах стаяй шумной
Чирикали от радости безумной.

X

Смотрели жадно мы на красный дом,
Влюбившись сразу в барышню-соседку.
К окну подходит – видно за стеклом, —
Чтобы крупы насыпать птице в клетку.
Тетради, книги наши под столом:
Как мотылек, попавший детям в сетку,
Трепещет сердце, и волнует кровь
Мне глупая и милая любовь.

XI

Пусть наглухо опять окно закрыли:
Проснувшись вдруг от мертвенного сна,
Сквозь мутное стекло под слоем пыли,
Глядим, – душа надеждою полна,
Мгновенно всю грамматику забыли.
Ты победила, вечная весна!
Так молодость в тюрьме находит радость
И горечь жизни превращает в сладость...

XII

Мне эта улица мила с тех пор:
В галантерейной маленькой лавчонке
Доныне все еще пленяют взор
И те же чувства будят, как в ребенке, —
Знакомых ситцев пестренький узор,
Духи, помада, зеркальца, гребенки
И волны подвенечной кисеи —
Соблазны юной прачки и швеи.

XIII

Душа волненьем сладким вновь объята,
Когда по тем местам я прохожу;
Как тихий свет унылого заката,
Я в улице безмолвной нахожу
Следы тех дней, которым нет возврата...
И сам не знаю, чем в них дорожу;
Но жизнь кругом – холодная пустыня,
Лишь в прошлом все – отрада и святыня.

XIV

Люблю я запах елки в Рождество,
Когда она таинственно и жарко
Горит, и все мы ждем Бог весть чего...
Пускай беду пророчит злая Парка, —
Я верю в елку, верю в торжество,
По-прежнему от Бога жду подарка.
Как елка, ты – в огнях, ночная твердь.
Ужель подарок Бога – только смерть?

XV

Все мимолетно – радости и мука,
Но вечное проклятие богов —
Не смерть, не старость, не болезнь, а скука,
Немая скука долгих вечеров,
Скучать с приличным видом есть наука
Важнейшая для умных и глупцов:
Подруги наши – страсть, любовь иль злоба,
А скука – вечная жена до гроба.

XVI

О, темная владычица людей,
Как рано я узнал твои морщины,
Недвижный взор твоих слепых очей,
Лицо мертвее серой паутины
И тихий лепет злых твоих речей!..
Но оживлять унылые картины
Не буду вновь: уж я сказал о том,
Чем был наш мрачный и холодный дом.

XVII

Все важно в нем и сонно, и прилично.
Отец любил детей, но издали:
Он каждую субботу педантично,
Просматривая баллы, за нули
Нотации читать умел отлично.
Без дружбы, вечно ссорясь, мы росли
Все вместе, кучей, как в тени древесной
Семья грибов: нам было слишком тесно...

XVIII

С Сергеем мы ходили в тот же класс.
Напоминая бойкую лисичку,
Зрачки зеленоватых быстрых глаз
Лукаво щурить он имел привычку;
Лицо в веснушках помню как сейчас,
Пронырливый и острый носик; кличку
Всему давал он метко; был актер
И дипломат, насмешлив и хитер.

XIX

А неуклюжий Саша, молчаливый,
С лицом румяным и тупым, в очках, —
Как медвежонок, дикий и ленивый;
В монахи собирался он, в делах
Земных не видя толку; горделивый
Тот замысел погиб и стал монах —
Немало в жизни всяких превращений —
Чиновником особых поручений.

XX

Благоразумен, важен, как старик,
Был Коля гимназистом идеальным;
Премудрость всех учебников постиг.
С лицом худым, бескровным и печальным,
Питая страсть, как первый ученик,
К пятеркам с плюсом и листам похвальным,
Смиряться он умел, терпеть и ждать
И всякому начальству угождать.

XXI

Но иногда, романтик добродушный,
Про все забыв, каких-то ведьм и фей,
И рыцарей, и замок их воздушный
Чертил пером в тиши воскресных дней,
Воображенью странному послушный,
Он на полях латинских словарей,
Влюбленный в этот мир необычайный:
Он верил в сны, пророчества и тайны...

XXII

У нас в крови – неугасимый жар
Мистического бреда; это – сходство
Семейное, опасный людям дар,
Наследственный недуг иль превосходство,
Под пеплом жизни тлеющий пожар, —
Не ведаю – талант или уродство...
Вольнолюбивый, непокорный дух,
Доныне в нас огонь твой не потух.

XXIII

Обычный в жизни путь ему неведом,
Противен будничным и тесным круг.
Был Костя, старший брат мой, правоведам;
Но поступил он, возмущившись вдруг,
И полный нигилизма модным бредом,
На факультет естественных наук:
Не следуя отцовскому примеру,
Он погубил блестящую карьеру.

XXIV

Самонадеян и умен, и горд,
Наш мертвый дом, чиновничий и серый,
Он презирал: настойчив, волей тверд,
В добре и зле без удержу, без меры,
От микроскопов ждал он и реторт
Неведомых чудес и новой веры.
Любила мать его; с отцом всегда
Была у Кости тайная вражда.

XXV

Мне помнится под колбою стеклянной
Спиртовой лампочки дрожащий блеск
И жидкости опаловой, туманной
В прозрачных стенках легкий звон и плеск,
Волшебной искры голубой и странной
На гальванической машине треск...
В густой тени большого кабинета
Желтели кости пыльного скелета.

XXVI

Мне объяснял фанатик молодой
Открытья, чудеса лабораторий,
Неясные мелькали предо мной
Отрывки дерзновеннейших теорий;
Показывал он в капле водяной
Друг друга пожиравших инфузорий,
И слушал я, потупив робкий взор,
Про Дарвинов естественный подбор.

XXVII

Я чувствовал, что он не прав во многом:
Краснея, запинаясь я, дрожал,
Ребяческим и неумелым слогом
На доводы науки возражал,
Когда, смеясь над чертом и над Богом,
Он все, во что я верил, разрушал...
Хотя и страшно было мне и больно, —
Запретный плод прельщал меня невольно.

XXVIII

И любопытство жадное влекло
К опасности на крайние ступени,
И в первый раз на детское чело
Уже недетских дум ложились тени:
Пленяет душу человека зло.
Как некогда Адаму в райской сени —
«Вкуси и будешь богом», — мудрый Змей,
Коварный дал совет душе моей.

XXIX

В столовой раз за чаем мы сидели;
Здесь маятник медлительных часов,
Влачившихся без отдыха, без цели,
Вкус тех же булок, звуки тех же слов
И тусклые обои надоели
Знакомым видом желтеньких цветов.
На ужин экономно разогреты
Унылые вчерашние котлеты.

XXX

Из всех углов ползет ночная тень,
Цедится струйка жиденького чая
Сквозь ситечку; смотреть и думать – лень,
Царит безмолвье, мысли удручая...
У матери – всегдашняя мигрень.
И лампа бледная горит, скучая,
И силы нет дремоты превозмочь, —
Скорей бы сон бесчувственный и ночь.

XXXI

Вдруг настезь дверь, – и дрогнул воздух сонный,
И старший брат с улыбкой на устах
Вошел и, нашей скукой изумленный,
Тотчас притих; румянец на щеках
Еще горит, морозом оживленный,
Пылинки снега тают в волосах:
Он с улицы принес душистый холод,
Глаза блестят, – он радостен и молод.

XXXII

Отец спросил: «Откуда?» – «Из суда, —
Присяжные Засулич оправдали!»
«Как? ту, что в Трепова стреляла?» – «Да». —
«Не может быть!..» – «Такой восторг был в зале,
Какого не бывало никогда:
Мы полную победу одержали!»
Отец сердито молвил: «Что за вздор!»
И вспыхнул вдруг ожесточенный спор.

XXXIII

И шепотом беспомощных молений
Напрасно мама хочет их унять:
То спор был вечный, распря поколений, —
Не уступают оба ни на пядь,
Не слушают друг друга: «Убеждений
Вы права не имеете стеснять!» —
Кричит студент; они вскочили оба, —
В очах старинная слепая злоба.

XXXIV

«Наука доказала...» – «Чушь и гниль —
Твоя наука... Вечные основы
Религии...» – «Основы ваши – гниль!
Пред истиною все они готовы
Рассыпаться, как мертвый прах и пыль...
Нам Спенсер дал для жизни принцип новый!» —
«А Бог?...» – «Нет Бога!» – «Спенсер твой —
дурак!»
Дошли до Бога, – это скверный знак.

XXXV

Теперь конец уж ясен бедной маме, —
Ей скажет муж: «Во всем – твоя вина.
Детей избаловала!» В этой драме
Немою жертвой быть обречена,
Печальными и кроткими глазами,
Беспомощного ужаса полна,
Глядит на них и вся мольбою дышит:
Никто ее не видит и не слышит.

XXXVI

«Прочь, негодяй, из дома моего!..» —
Кричит отец, бледнея. «Ради Бога,
Не будь к нему жесток, прости его,
Ну, хоть меня ты пожалей немного!» —
«Нет, не просите, мама, – ничего —
Не надо! – Костя ей кричит с порога, —
Я рад уйти: мне воля дорога,
Не будет больше здесь моя нога!

XXXVII

Вам оскорблять себя я не позволю...»
И он дверями хлопнул. Мать жалел,
Но думал я, что Костя выбрал долю
Завидную: как был он горд и смел!
И за героем я рвался на волю,
Я сам дрожал от злобы и горел:
Душа была смятением объята;
Я разделить хотел бы участь брата.

XXXVIII

И долго я в ту ночь не мог уснуть:
Все чудились мне тихие рыдания;
Предчувствием беды сжималась грудь.
Я встал; лишь уличных огней мерцанье
По комнате мне озаряло путь,
Когда среди глубокого молчанья,
Как вор, прокравшись в темный длинный зал,
Я разговор из спальни услышал:

XXXIX

«Он может повредить моей карьере...
Каков щенок, мальчишка, нигилист!» —
«Ну, денег дай ему по крайней мере:
Он вспыльчив, сердцем же он добр и чист...»
Я ухо приложил к закрытой двери
И в темноте внимал, дрожа, как лист,
И страшно было мне, стучали зубы:
Слова отца безжалостны и грубы.

XL

С тех пор прошли года, но помню то,
Что слышал там: осталось в сердце жало.
«Он – сын твой, не губи его, – за что?..» —
«Ведь я сказал: дам сорок в месяц». – «Мало». —
«А сколько ж?» – «Сто». – «Ну, пятьдесят...» —
«Нет, сто...»
Мольбою долгой, долгой и усталой,
Упрямой силою любви своей
Она боролась с ним из-за грошей.

ХLI

Я слов уже не слышал – только звуки
Все тех же просьб: так падает вода
И точит твердый камень; лишь от скуки
Он делал ей уступку иногда.
Она ему в слезах целует руки,
Терпеньем побеждает, как всегда,
Смирением глубоким и притворством,
И жертв незримых медленным упорством.

ХLII

Мы грешны все: я не сужу отца.
Но ужаса я полн и отвращенья
К семейной пытке, к битве без конца,
Без отдыха, где нет врагу прощенья,
Где только бледность кроткого лица
Иль вздох невольный выдает мученья:
Внутри – убийство, а извне хранит
Законный брак благопристойный вид.

ХLIII

Когда же утром мы при лампе встали
И за окном, сквозь мокрый снег и тень,
С предчувствием заботы и печали
Рождался вновь ненужный серый день,
За кофею от няни мы узнали,
Что мать больна, что у нее мигрень:
И вещая тоска мне сердце сжала.
Три дня она в постели пролежала.

XLIV

И может быть, то первый приступ был
Болезни тяжкой, длившейся годами,
Неисцелимой; все же гневный пыл
Отца смягчен был долгими мольбами.
Хотя он ссоры с Костей не забыл,
Но поневоле, уступая маме,
Не одобряя баловства детей, —
Не сорок дал ему, а сто рублей.

XLV

И жизнь пошла, чредой однообразной:
Зазубрины и пятнышки чернил
Все те же на моей скамейке грязной,
Родной язык коверкая, долбил
Я тот же вздор латыни безобразной,
И года три под мышками теснил
Все в том же месте мне мундирчик узкий,
На завтрак тот же сыр и хлеб французский.

XLVI

Лимониус, директор, глух и стар,
Софокла нам читал и Одиссею,
Нас усыплять имея редкий дар;
Но до сих пор пред ним благоговею,
Лишь вспомню, с крепким запахом сигар,
Я вицмундир перед скамьей моею
И тонкий пух седых его волос
И в голубых очках багровый нос.

XLVII

Урок по спрятанной в рукав бумажке,
Бывало, всякий бойко отвечал.
При нем играли в карты мы и в шашки:
Нам добродушный немец все прощал;
Но вдруг за белый воротник рубашки
Неформенной, за галстук он кричал
С нежданным пылом ярости безмерной
И тем внушал нам трепет суеверный.

XLVIII

Честнейший немец Кесслер – латинист,
Заросший волосами, бородатый,
На вид угрюм, но сердцем добр и чист, —
Как древние Катоны^[43], Цинциннаты^[44]
И Сцеволы^[45]; большой идеалист,
Из года в год, отчаяньем объятый,
Всем существом грамматику любя,
Он нас терзал и не жалел себя.

XLIX

Ответов ждал со страхом и томленьем,
Краснея сам, смущаясь и дрожа:
Ему казалась личным оскорбленьем
Неправильная форма падежа,
Ему глагол с неверным удареньем
Из наших уст был как удар ножа.
Земному чуждый, пламенный фанатик,
Писал он ряд ученейших грамматик.

L

Читал Платона Бюрик – не педант,
Напротив, весельчак, но злейший в мире,
Весь белый, бритый, выхоленный франт,
В обрызганном духами вицмундире;
К жестоким шуткам он имел талант:
Того, кто знал урок, оставив в мире,
Он робкого лентяя выбирал
И долго с ним, как с мышью кот, играл.

LI

Несчастный мальчик, с мнимою отвагой,
К доске уже бледнея подходил;
Тот одобрял его, шутил с беднягой
И понемногу в дебри заводил,
Не торопясь; но покрывались влагой
Глаза его, он медленно цедил
Слова сквозь зубы и в дремоте сладкой
Ласкал тихонько подбородок гладкий.

LII

Как выступал на лбу ученика
Холодный пот, с улыбкой сладострастной
Следил, и мухой в лапах паука
Тот бился все еще в борьбе напрасной:
Томила жертву смертная тоска;
«Скорей бы нуль!» – мечтал уже несчастный,
В схоластике блуждая без руля,
А смерти нет, и нет ему нуля!

LIII

Но в старших классах алгебры учитель
Был хуже немцев – русский буквоед,
Попов, родной казенщины блюститель;
Храня военной выправки завет,
Незлобивый старательный мучитель,
Он страшен был душе моей, как бред...
В лице – подобье бледной мертвой маски —
Мерцали хитрые свиные глазки.

LIV

В нем было все противно: глупый нос
И на челе торжественном и плоском
Начальственная важность, цвет волос
Прилизанных и редких с желтым лоском;
Он – неуклюж, горбат, и хром, и кос, —
Казался жалким странным недоноском.
Всегда покорен и застенчив, раз
Я дерзким бунтом удивил наш класс.

LV

Мне от Попова слушать надоело —
«Ровней держитесь, выпрямите грудь!»
Я на скамью – неслыханное дело —
Сел, опершись локтем, чтоб отдохнуть,
И пуговиц, ему ответив смело,
На сюртуке дерзнул не застегнуть;
Он закричал, но я решил упрямо:
Умру, не застегну, не сяду прямо!

LVI

Лимониус с инспектором пришли,
И сторожа меня на новоселье
В сырой, холодный карцер повели
И заперли на ключ в позорной келье, —
Жилище крыс, но там, во тьме, в пыли,
Я чувствовал нежданное веселье:
Подвижником себя воображал
И в лихорадке сладостной дрожал.

LVII

Как жаждал сердцем правды я и мщенья!
Не все ль равно, за что восстать – за мир
И все его обиды и мученья
Или за право расстегнуть мундир?
Тебя познал я, демон возмущенья:
Утратив сердца прежний детский мир,
Я чувствовал, – хотя был бунт напрасен, —
Что ты, Злой Дух, мой темный Бог – прекрасен!

LVIII

Тебе остался верен я с тех пор
И, соблазненный ангелом суровым,
Не покорясь, всю жизнь веду я спор
Из-за несчастных пуговиц с Поповым:
Душа безумно рвется на простор.
За то, что я к мирам стремился новым,
За то, что рабства я терпеть не мог, —
Меня казнил Лимониус и Бог.

LIX

В те дни уж я томился у преддверья
Сомнений горьких, и когда наш поп,
Находчивый и полный лицемерья,
Доказывал, наморщив умный лоб,
Чтоб истребить в нас плевелы неверья,
Научною теорией потоп
Иль логикой – существованье Бога, —
Рождалась в сердце вещая тревога.

LX

И бес меня смущал: нас каждый день
Водили в церковь на Страстной неделе;
Напев дьячка внушал мне сон и лень:
Мы по казенным правилам говели;
И неуютною казалась тень,
Не дружески огни лампад блестели;
Рука творила знаменье креста,
Но мертвая душа была пуста.

LXI

Кошунственная мысль была упряма;
И чистая святая белизна
Просвирки нежной, запах фимиама,
Вкус теплого церковного вина,
И голубь, Дух Святой, на своде храма,
За царскими вратами глубина
Не веют в душу прежней сладкой тайной:
Рождает все лишь страх необычайный.

LXII

Но по привычке давней перед сном
Я начинал молитву, умиленный:
С подарком няни – сахарным яйцом
На алой ленте, с вербой запыленной,
Был образок так родствен и знаком...
Когда же вновь опомнюсь, пробужденный, —
Как будто вдруг в душе потухнет свет,
И ужасает мысль, что Бога нет.

LXIII

Скребется мышь, страшат ночные звуки,
На улице умолк последний шум.
А я сижу во тьме, ломая руки,
И отогнать не в силах грешных дум:
С мятежным духом, дьяволом науки,
Изнемогая борется мой ум,
И ангела-хранителя напрасно
На помощь я зову с надеждой страстной.

LXIV

Что избавление должно прийти,
Я чувствую, не ведая, откуда.
Целуя образ, я молил: «Прости!
Не верю я и знаю – это худо,
Но ведь Тебе легко меня спасти:
О, дай мне знак, о, только сделай чудо,
Теперь, сейчас, до наступленья дня, —
Хоть маленькое чудо для меня!»

LXV

Миссионер для обращенья Кости,
Ученый поп, был приглашен отцом:
Он приходил к нам по субботам в гости;
В лиловой рясе с золотым крестом.
Пить чай умел, в беседах, чуждых злости,
Лоб вытирая шелковым платком,
С баранками и сливками так вкусно
И Дарвина опровергал искусно.

LXVI

И спорам их о Боге без конца
Я с жадностью внимал, дохнуть не смея:
Доказывал он Промысел Творца,
И, объясняя книги Моисея,
С приятной тихой важностью лица
Цитатами из книг ученых сея,
По поводу Адама говорил
Он о строеньи черепа горилл.

LXVII

Но дерзкого неверья злое семя
В душе моей росло: я помню, раз
Наш батюшка в гимназии, в то время
К принятию Тайн Святых готовя класс,
Моих сомнений увеличил бремя:
Смутил меня о грешнике рассказ,
Вкусившем недостойно от Причастья:
Я слушал, полон жадного участия.

LXVIII

Как Тайнами Христовыми сожжен,
Язык его лукавый был раздвоен
И в трепетное жало превращен...
Я был, как этот грешник, недостоин;
В кощунственные мысли погружен,
Я ждал беды, угрюм и беспокоен,
И, веря, что меня накажет Бог,
Раскаяться хотел я и не мог.

LXIX

С непобедимым трепетом боязни
Об исповеди думал, и тоска
Мне грызла сердце, холод неприязни
Внушал один лишь вид духовника:
Я представлял весь ужас этой казни
И чувствовал, как вместо языка
Во рту моем шипело и дрожало
Змеиное раздвоенное жало.

LXX

Но вышло все так просто, без чудес,
Что я почти жалел о том, и с шумом
Весенних вод напев «Христос воскрес»
Теперь в молчанье слушал я угрюмом:
Веселый праздник для меня исчез, —
Уже ни Пасха белая с изюмом,
Ни с розаном, нежны и горячи,
Не радовали сердце куличи.

LXXI

Я с нянею пошел на балаганы:
Здесь ныла флейта, и пищал фагот,
И с бубнами гудели барабаны.
До тошноты мне гадов был народ:
Фабричные с гармониками, пьяный
Их смех, яйцом пасхальным полный рот,
Самодовольство праздничного вида, —
Все для меня – уродство и обида.

LXXII

А в тучках – нежен золотой апрель.
Царицын Луг уж пылен был и жарок;
Скрипя колеса вертят карусель,
И к облакам ликующих кухарок
Возносит в небо пестрая качель:
В лазури цвет платков их желтых ярок...
И безобразье вечное людей
Рождает скорбь и злость в душе моей.

LXXIII

И благовест колоколов победный,
Как приговор таинственный, гудел...
Я в эти дни, к прискорбью мамы бедной,
Как будто в злой болезни, похудел:
По комнатам, как тень, слонялся, бледный
И нелюдимый, плохо спал и ел,
И спрашивала мать меня порою
В отчаянье: «Мой мальчик, что с тобою?..»

LXXIV

Но я молчал, стыдился дум моих,
Лишь изредка, не говоря ни слова,
К ней подходил, беспомощен и тих,
И маленьким, не думающим снова
Я делался от ласк ее простых,
Когда она, жалея, как больного,
И мудрое безмолвие храня,
С улыбкою баюкала меня.

LXXV

Спасителем моим Елагин милый
Был, как всегда: экзамены прошли,
И, как покойник, вставший из могилы,
Я свежестью дышал сырой земли,
От солнца шурился, больной и хилый,
Но радовали в море корабли,
Знакомый пруд, и ледник, и дорожка
Меж грядками душистого горошка.

LXXVI

Все трогало меня почти до слез —
С полупрозрачной зеленью опушка
И первый шелест молодых берез,
И вещая унылая кукушка,
И дряхлая подруга детских грез —
Родная ива, милая старушка,
И дачный вкус парного молока,
И теплые живые облака.

LXXVII

Катались мы на лодке с братом Сашей:
Покинув весла, зонтик дождевой
Мы ставили, как парус, в лодке нашей;
Казался купол неба над водой
Лазурной опрокинутою чашей,
И на пустынной отмели порой
С гниющим остовом ладьи рыбацкой
Картофель мы пекли в золе горячей.

LXXVIII

Закусывая парой огурцов
И слушая великое молчанье
Зеркальных вод и медленных коров
Протяжное унылое мычанье,
И в стеблях желтых водяных цветов
Ленивых струек слабое журчанье, —
Я все мои грамматики забыл,
Не думал, есть ли Бог, и счастлив был.

LXXIX

Скучать в домашней церкви за обедней
По праздникам в Елагинский дворец
Водили нас; я помню, в арке средней
Меж ангелами реял Бог Отец.
Но суетных мой ум был полон бредней,
Я думал: службе скоро ли конец?
Смотрел, как небо в перистых волокнах
Высоких туч блестит в открытых окнах.

LXXX

Крик ласточек сквозь пение псалмов,
Шумящие под свежим ветром клены,
Дыхание сиреневых кустов, —
Все манит прочь из церкви в сад зеленый,
И кажется мне страшным лик Христов
Сквозь зарево свечей во мгле иконы:
Любовью, чуждой Богу, мир любя,
Язычником я чувствовал себя.

LXXXI

И в этой церкви раз в толпе воскресной,
Среди девиц уродливых и дам,
Увидел профиль девушки прелестной,
Смотрел я жадно, волю дав очам:
Мне было все в ней тайною чудесной,
Подобной райским непонятым снам,
И я в благоговенье не заметил,
Цвет глаз ее был темен или светел.

LXXXII

Лишь смутно помню, что она была
Вся в белом кружеве; глубокой тенью
Ресниц и томной бледностью чела
Я изумлен и предан был смятенью:
Казалась мне, воздушна и бела,
Она принцессой Белою Сиренью,
Окутанною в сказочный туман.
Тайком невинный начался роман.

LXXXIII

И образ твой, елагинская фея,
Доныне сердцу памятен и мил;
Там, где к пруду спускается аллея,
За белым платьем иногда следил
И прятался я, подойти не смея;
Ни разу в жизни с ней не говорил,
Любви неопытную душу предал,
Хоть имени возлюбленной не ведал.

LXXXIV

Когда в затишье знойных вечеров
Гармоника кухарок собирала
В конюшню – царство важных кучеров,
И в облаках был нежный цвет коралла,
С толпою неуклюжих юнкеров
В крокет моя владычица играла
И бегала, смеялась громче всех:
Доныне в сердце – этот милый смех.

LXXXV

И, крадучись, как вор, к решетке сада
За дачей, где она жила, тайком
Я подходил, и было мне отрада
Смотреть на ветхий деревянный дом,
Хотя мешала пыльная ограда
Кустов колючих; к тем, кто с ней знаком,
Я завистью был жгучей пожираем,
И садик бедный мне казался раем.

LXXXVI

Но холод жизни ранний цвет убил,
И все, что было мне еще неясно,
Что я в душе лелеял и хранил,
Едва родившись, умерло безгласно, —
И никогда я больше не любил
Так пламенно, так нежно и напрасно,
Как в тех мечтах, погибших навсегда
Без имени, без звука, без следа...

LXXXVII

Мы в сердце вечную таим измену:
Уж привлекал внимание мое
Иной предмет: однажды прачку Лену
Я увидал, стиравшую белье:
Я помню мыла тающую пену,
Когда сквозь пар смотрел я на нее,
Румяную, с веснушками, с глазами
Почти без мысли, с голыми руками.

LXXXVIII

А в прачешной и в кухне был пожар
Сияния вечернего: блеснули
Ведро, кофейник, яркий самовар,
Зрачки кота, дремавшего на стуле,
И полымем объятые, как жар,
Кругом на полках медные кастрюли;
И Лена, вся здоровьем дыша,
Была в огне заката хороша.

LXXXIX

И весело мне было рядом с нею:
Под нежным солнцем в тонких завитках
Коротеньких волос я видел шею
И ямочки на розовых локтях.
Хотя любил я сказочную фею,
Но эта баба с утюгом в руках,
Богиня синьки, мыла и крахмала,
Мое воображенье занимала.

XC

Зачем ты дал нам две души, Господь?
Друг друга ненавидя и страдая,
Напрасно в людях спорят дух и плоть,
Любовь небесная, любовь земная:
Одна другой не может побороть.
С Владыкой Тьмы враждует Ангел рая:
Кому из них я первенство отдам,
Кто победит меня, – не знаю сам.

XCI

Не смейся же, читатель благосклонный,
Что мы с тобой нежданно перешли
От прачки Лены с барышней-Мадонной
К противоречьям неба и земли:
Один закон владеет непреклонный
Созвездьями, горящими вдали,
С их правильным восходом и закатом
И силой, движущей незримый атом.

XCII

Так сразу я в двух женщин был влюблен:
Мне самому казалось это диким...
Уже тогда, с младенческих времен,
Лукавым духом, Янусом двуликим,
Неопытный мой ум был соблазнен,
И с этих пор я с ужасом великим
Всю жизнь внимал, как с Богом спорит бес,
Дух грешной плоти с ангелом небес.

XCIII

Тот узел Гордиев чей меч разрубит?
О, если бы решить я только мог.
Кого душа моя сильнее любит,
Кто сердцу ближе: Демон или Бог!
Их двойственный соблазн меня погубит:
Я все еще стою меж двух дорог,
И с прачкой Леной борется богиня —
С кощунством вечным – вечная святыня.

XCIV

Я осенью в тот год увидел Крым:
Казался край далекий сном волшебным.
Я не из тех, кому приятен дым
Отечества, и был всегда целебным
Мне путь далекий к небесам иным.
Отец мой ехал по делам служебным;
Его давно уже молила мать
Меня с собой на южный берег взять.

ХСV

Из царства моха, кочек и рябины
Перелетел я в дремлющий аул
В уютной неге солнечной долины;
Мне яркий месяц в очи заглянул;
В тиши ночной таинственной пучины
Я полюбил многоголосый гул,
Смотрел, как в небе серебрится тополь
И при луне белеет Севастополь.

ХСVІ

Там, где шумят немолчные валы,
Где вознеслись над морем великаны —
Из черного базальта две скалы,
И стелются над пропастью туманы,
Где реют с хищным клетотом орлы,
Был некогда великий храм Дианы, —
Там ныне мрачный и глухой пустырь,
А рядом – крест и бедный монастырь.

ХСVІІ

В обители Георгия Святого
Здесь иноки нашли себе приют,
Но по ночам на мысе диком снова
Колонны храма белого встают —
Языческие призраки былого,
И волны гимн торжественный поют...
Там я бродил, и сердце грустью ныло,
А колокол вдали звучал уныло.

ХСVIII

О, боги древности, я чуял вас,
Когда в безмолвной и печальной тризне
Сюда ваш рой слетал в предзвездный час:
Казалось мне, – в иной далекой жизни
Я с вами здесь бывал уже не раз
И ныне вновь пришел к моей отчизне;
С виденьями богов наедине
И сладостно, и страшно было мне...

ХСIX

Обвеян прелестью твоей, Эллада,
В какие был я думы погружен,
Чему душа была безумно рада,
Когда горел полдневный небосклон
И волн дышала вечная прохлада
На высоте меж греческих колонн
Той полукруглой маленькой веранды
Над рощами тенистой Ореанды.

С

Там я любил по целым дням мечтать:
В благоуханье мяты и шафрана
И в яркости твоей, морская гладь,
И в бледной дымке знойного тумана, —
Во всей природе южной – благодать
Великого языческого Пана.
О, древний бог, под сенью рощ твоих
Сложил я первый неумелый стих.

СІ

Но долго я скрывал подруги тайной,
Стыдливой Музы, нежные грехи:
Хромой сонет о бледной розе чайной
Восторженной был полон чепухи.
Но, музыкую рифм необычайной
Я упивался: глупые стихи
Казались мне пределом совершенства,
И я над ними плакал от блаженства.

СII

Я Пушкину бесстыдно подражал,
Но, ослеплен туманом романтизма,
В «Онегине» я только рифм искал:
Нужна была мне сказочная призма —
Луна и пурпур зорь, и груды скал;
Мятежный Пушкин, полный байронизма
И пышных грез, мне нравился тогда,
Каким он был в двадцатые года.

СIII

Я пел коварных дев, красы Эдема
И соловья над розой при луне,
И лучшую из тайных роз гарема,
Тебя, которой бредил я во сне
И наяву, о, милая Зарема.
Стихи журчали, и казалось мне,
Что мой напев был полон неги райской,
Как лепет твой, фонтан Бахчисарайский!

CIV

Я не люблю родных моих, друзья
Мне чужды, брак – тяжелая обуза.
В томительной пустыне бытия
Гонимая отверженная Муза —
Единственная спутница моя.
И более надежного союза
Нет на земле: с младенчества храня,
Она, как мать, лелеяла меня.

CV

Не ведали мы с нею шумной славы,
Но в дни унынья ты была со мной,
Богиня кроткая, в тени дубравы
Или у вод, объятых тишиной,
Где сонные благоухают травы,
Ждала меня с улыбкой неземной,
Таинственную прелестью дышала
И ласкою невинной утешала.

CVI

И был в чертах прекрасного лица
Глубокий след божественной печали.
Лавровой тенью гордого венца
Твоей главы друзья не увенчали.
Ты слышала и брань и суд глупца,
Сообщников немногих мы встречали.
Но, совершая долг своим путем,
Всегда мы шли и до конца пойдем.

CVII

С тобой не страшен ночи мрак беззвездный:
Направь мои неверные стопы.
Над пропастью цветы тебе любезны,
Растущие не на путях толпы,
И ты ведешь меня по краю бездны
На узкие необщие тропы,
Откуда виден отблеск на вершинах
Зари, еще неведомой в долинах.

CVIII

Пусть годы память обо мне сотрут,
Слезой умильной юноши и девы
Не осветят мой незаметный труд,
Пусть не дано взошедшие посевы
Очам моим увидеть и замрут
Без отклика негромкие напевы:
Я сердцем чист, я делал все, что мог, —
Тебя, о, Муза, оправдает Бог.

CIX

Мы не нашли в сердцах людей ответа,
Но только бы он до конца горел,
Огонь, которым жизнь моя согрета, —
Недаром я любил, страдал и пел.
Благословен святой удел поэта,
Благословен изгнанников удел,
Мой угол бедный, тихая лампада —
Моих ночей и тайных слез отрада.

СХ

Когда я с Музой начинал мой путь
И ждал победы, дерзостен и молод,
Как страшно было в Лете потонуть,
Как мучил славы ненасытный голод!
Но в тридцать лет ровнее дышит грудь,
Сулит покой нам Леты вечный холод:
Отрада есть в ее ночной волне, —
В молчании, в забвенье, в тишине...

СХІ

А может быть и то: под слоем пыли
Меж тех, чьи книги только мышь грызет,
Кого давно на чердаке забыли,
Историк важный и меня найдет
И песнь мою о стародавней были
С улыбкою внимательной прочтет,
И гордую в изгнании суровом
Помянет Музу нашу добрым словом.

СХІІ

Теперь с тобой прощаясь, мы почтим,
Богиня, ту, что тихо спит во гробе,
Кто ангелом-хранителем твоим
Была во мраке, холоде и злобе.
Возлюбленную тень благословим:
Вы были мне заступницами обе,
И верую, что в час последний вновь
Меня спасет великая любовь.

СХІІІ

Ты в горестный и страшный час, родная,
Придешь ко мне не с горестным лицом,
Не слабая, не жалкая, больная,
Такой, как ты была перед концом,
Но с девственной улыбкой, молодая,
С торжественно сияющим венцом,
Меня в преддверье новой жизни встретишь
И радостно на мой призыв ответишь.

СХІV

Сотрешь с чела в предсмертной тишине
Холодный пот моей последней муки.
Чтоб слаще мне спалось в могильном сне,
Баюкая, на любящие руки
Возьмешь меня и тихо скажешь мне:
«Не бойся же, – нет смерти, нет разлуки.
Тебе я песню прежнюю спою, —
Усни, мой мальчик, баюшки-баю».

СХV

Великого обета не нарушу:
О, мама, скоро я к тебе приду!
Как погибающий пловец – на сушу,
Стремлюсь к тебе и радуюсь, и жду:
Душа обнимет родственную душу,
В твоих чертах любимых я найду, —
Как разрешишь ты все земные узы, —
Черты моей богини, вечной Музы.

Середина – конец 1890-х годов

Стихотворения разных лет

Лирика

Царство божие

Сам Христос молитвой благодатной
Нас учил: в ней голос сердцу внятней,
Дышит в ней святой любовью все,
И звучит, победу возвещая,
Как призыв, надежда дорогая:
Да приидет царствие Твое!

Будет все, во что мы верим, други,
И мечи перекуют на плуги,
И земля, тонущая в крови,
Позабудет яростные битвы,
И в одну сольются все молитвы:
Да приидет царствие любви!

Пусть природа нам отдаст покорно,
Повинуясь мысли чудотворной,
Все богатства тайные свои,
Пусть сольется с творчеством познания
С красотой – истины сиянье,
Чтоб прославить царствие любви.

И тогда стекутся все народы
Под священным знаменем свободы
Вспомнить братство древнее свое,
И насилье будет им ненужно,
И семья людей воскликнет дружно:
Да приидет царствие Твое!

Но пока... ужели беззащитной
Жертвой зла и смерти ненасытной,
Старой лжи не в силах побороть,

Ляжем мы, как мертвые ступени,
Под шаги грядущих поколений
В царство вечное Твое, Господь?..

Разум полон вечного сомненья.
Но безумно жаждет обновленья
Сердце, сердце бедное мое.
И пока не перестанет биться,
Будет страстно верить и молиться:
«Да придет царствие Твое!»

1 марта 1882, <1894>

Мудрецу

Речью уверенной, чуждой сомнения,
В смерти, мудрец, ты сулишь мне покой
И нескончаемый отдых забвения,
Сладостный отдых во тьме гробовой.

«Смерть, – говоришь ты, – глаза утомленные
Нам благотворной рукою смежит,
Смерть убаюкает думы бессонные,
Смерть наше горе навек усыпит».

Знай же, мудрец, той мечте обольстительной
Всю мою веру я в жертву принес;
Но подымается с болью мучительной,
С прежнею болью упрямый вопрос:

Что, если, там, за безмолвной могилою,
Нам ни на миг не давая уснуть,
Те же мученья, но с новою силою
Будут впиваться в усталую грудь?

Что, если, вырвав из мрака ничтожного

Душу, бессмертную душу мою,
Не потушу я сознания тревожного,
Жгучей тоски я ничем не убью?

Буду о смерти мольбой бесполезною
Я к безучастной природе взывать, —
Но отовсюду холодную бездную
Будет упрямая вечность зиять,

Вечность унылая, вечность бесцельная,
Вечность томленья и мук без конца,
Где не уснет моя скорбь беспредельная
И не изменится воля Творца;

А надо мной в красоте оскорбительной
Будет злорадное небо сиять,
Звездные очи улыбкой презрительной
Будут на стоны мои отвечать...

Нет, перед страхом немой бесконечности
Разум твой гордый бессилен, мудрец...
О, беспощадные призраки вечности,
Кто же вас вырвет из наших сердец?

<1883>

Мрамор
Сонет

Ваятель видел сон: дыханье затаив,
Казалось, глядит он, жаждой истомленный,
Как весь из мрамора, пустынно молчалив,
Возносится хребет в лазури распаленной.

На нем – ни ручейка, ни муравы зеленой;
Но млеет и горит искрящийся отлив...

Он им любит, художник упоенный,
Про жажду он забыл, и в муках он счастлив...

Тоскующий певец, ни мира, ни свободы
Себе ты вымолить не можешь у природы;
Ее краса и блеск души не утолят.

Но, стройных образов ваятель вдохновенный,
И в муках перед ней восторгом ты объят:
Она – бездушная, твой мрамор – драгоценный!

<1884>

«Уж дышит оттепель, и воздух полон лени...»

Уж дышит оттепель, и воздух полон лени,
Порой на улице саней неровный бег
Касается камней, и вечером на снег
Ложатся от домов синеющие тени.
В груди – расслабленность и кроткая печаль;
Голубка сизая воркует на балконе,
Меж колоколен, труб и крыш на небосклоне
Янтарные пары куда-то манят вдаль,
И капли падают с карнизов освещенных,
Щебечут воробьи на ветках обнаженных,
Из городских садов, обвеянных весной,
Уж пахнет сыростью и рыхлою землей;
И черная кора дубов уж разогрета.
Желанье смутное – в проснувшейся крови;
Как семя под землей, так зреет стих любви
В растроганной душе поэта.

1888

«Летние, душные ночи...»

Летние, душные ночи
Мучат тоскою, веют безумною страстью,
Бледные звездные очи
Дышат восторгом и непонятною властью.

С колосом колос в тревоге
Шепчет о чем-то, шепчет и вдруг умолкает,
Белую пыль на дороге
Ветер спросонок в мертвом затишье вздымает.

Ярче, все ярче зарница,
На горизонте тучи пожаром объяты,
Сердце горит и томится.
Дальнего грома ближе, все ближе раскаты...

1888

Смерть Всеволода Гаршина

Погиб и он – когда тот слух к нам долетел,
Не верилось, и в страхе мы внимали,
Мысль отрывалась вдруг от мелких, пошлых дел,
От будничной заботы и печали;
«И он, и он погиб», – бледнея, мы шептали.
Нас ужас леденил нежданного конца;
И что-то пронеслось, и душу нам смутило,
И содрогнулись беспечные сердца
Пред этой новою открывшейся могилой...
Как будто все почувствовали вдруг,
Что слишком близки нам его мученья
И что недуг его – для всех родной недуг;
Как будто поняли мы сердцем на мгновенье
Последний вопль его предсмертных мук...
Зачем так много сил дала ему природа?
Ведь с чуткой совестью и страстною душой
Нельзя привыкнуть жить меж нас во тьме глухой...

И он страдал всю жизнь, не находя исхода,
Истерзан внутренней, незримою борьбой.
О, горе тем, кто в наше время
Проснулся хоть на миг от рокового сна, —
Каким отчаяньем душа его полна,
И как он чувствует тоски гнетущей бремя!
О, горе тем, кто смел доньше сохранить
Живую душу человека,
Кто не успел в себе сознания задушить
И кто во прах не пал перед идолами века!
В нем скорбь за всех людей была так велика,
Что, нежным ландышем главу к земле склоняя,
На ниве жизненной он пал, изнемогая,
Как будто ядом «Красного цветка»
Была отравлена душа его больная...

Друзья, вот бесконечный ряд могил, —
Редееет круг бойцов... Не стало лучших сил.
Все честное хороним мы послушно,
Но долго ли еще нам, братья, хоронить?..
Ведь жизнь теперь, как склеп, где так от трупов
душно,
Что скоро нам самим нельзя в нем будет жить...

О, если правда в нас заглохла не совсем,
И голос совести еще не вовсе нем, —
Сюда, друзья, сюда на раннюю могилу!
Оплачем юные надежды и мечты...
Подавленную творческую силу,
Оплачем нежные, убитые цветы,
Мир отстрадавшему!.. Здесь, братья, мы сойдемся
Над гробом тесной, дружеской толпой
И в общей горести хотя на миг сольемся,
И прах его почтим горячею слезой.

«Кой-где листы склонила вниз...»

Кой-где листы склонила вниз
Грозою сломанная ветка,
А дождь сияющий повис,
Как бриллиантовая сетка.
И он был светел и певуч,
И в нем стрижи купались смело,
И там, где падал солнца луч,
Они сверкали грудью белой
На фоне синих грозных туч.

**«В темных росистых ветвях встрепенулись веселые
птицы...»**

В темных росистых ветвях встрепенулись веселые птицы;
Ласточки в небо летят с щебетаньем приветным,
В небо, что тихо наполнилось светом денницы,
Словно глубокая чаша – вином искрометным.

И вот в победной багрянице
Блеснуло солнце в облаках,
Как триумфатор в колеснице
На огнедышащих конях.

Все, что живет, в это утро – светло и беспечно,
Ропщет один лишь поток, от мятежного горя усталый,
И, как титан Прометей, безответные скалы
Он оглашает рыданьем и жалобой вечной.

Май 1888, Боржом

Два сонета

1. Лилия

С тех пор, как расцвела ты, бледная, немая,
Доступная зари лишь розовым огням, —
Никто не прижимал, о лилия святая,
Горячих уст к твоим холодным лепесткам.

Не зримая никем, без жалоб увядая,
Последний вздох любви, последний фимиам
Отдав безропотно пустынным небесам,
Ты, одинокая, умрешь, благоухая.

Но расцветешь опять, как там, в лесной глуши,
Ты в сумерках моей тоскующей души,
Цветок поэзии, цветок уединенный.

И, набожный певец, в полуночной тиши
Склонюсь я пред тобой с молитвой, умиленный,
Как перед образом коленопреклоненный.

2. Тайна

Январь кристаллами наполнил воздух льдистый.
От ярких фонарей на улице огромной,
От белых глобусов волною серебристой
Обильно льется свет, чарующий и томный.

В нем кружатся, летят и падают снежинки;
Чуть радугой блеснут – и в сумрак бесконечный
Уносятся навек алмазные пылинки,
Очей не утолив красой недолговечной.

Смотрю, но нет в душе старинного вопроса, —
Пуускай уносятся созвездий хороводы,
Как этот снежный вихрь в немую даль хаоса,

Пускай вся наша жизнь ничтожна и случайна,
Но в призме радужной изменчивой природы —
Я верю, верю – есть божественная тайна!

<1888>

Свободная любовь

О, если хочешь ты, чтоб робко и смиренно
Я голову склонил к твоим ногам,
Как побежденный —
Напрасно!..
Оставь меня, уйди! – еще ни перед кем,
Ни пред одним земным кумиром, —
Ни пред людьми, ни перед Богом, —
Я не склонял свободного чела.
Моей любви я не унижу,
Я не паду во прах перед тобой, —
Пусть лучше сердце разорвется
От муки!

Но если ты мне просто,
Как брату брат,
Как равный равному, протянешь руку
И скажешь: «Вместе легче
И веселей работать!»
Как радостно схвачу я эту руку,
Товарищ милый!
Не дам тебе я неги и покоя,
Не дам тебе я счастья и забвенья,
Я не зову тебя
На пир веселый,
На праздник жизни молодой, —
Зову тебя на гордые страданья,
На темную суровую работу,

Зову тебя под ношей крестной
Изнемогать
И, может быть, погибнуть, но зато
Смотри, смотри, – какая ширь пред нами,
Какая слава в муках и позоре!..
И если сердце не трепещет
Над этой бездной,
Дай руку мне, свободная подруга,
Порвем все цепи,
Откроем крылья
Навстречу буре,
Как два товарища-орла,
Летим, летим под тучу грозовую.

1888?

«Дома и призраки людей...»

Дома и призраки людей —
Все в дымку ровную сливалось,
И даже пламя фонарей
В тумане мертвом задыhalось.
И мимо каменных громад
Куда-то люди торопливо,
Как тени бледные, скользят,
И сам иду я молчаливо
Куда – не знаю, как во сне,
Иду, иду, и мнится мне,
Что вот сейчас я, утомленный,
Умру, как пламя фонарей,
Как бледный призрак, порожденный
Туманом северных ночей.

Зима – весна 1889

«Трепетные зори...»

Трепетные зори
Потухают в море,
В сумрачном просторе.

И поднялся туман,
И заснул океан.

Мертвой зыби волны,
Тяжки и безмолвны,
Подымают челны.

Мягко стелется мгла,
И заря умерла.

Звезды ночи рады
И, полны отрады,
Тихо, как лампы,

В небе блещут – и вновь
В сердце мир и любовь.

2 апреля 1889

«Возьми бокал с вином, венок из роз одень...»

Возьми бокал с вином, венок из роз одень,
Живи без помыслов, забот и упования,
Как будто завтра смерть, как будто каждый день —
Последний день существованья...

.....

1889

Степь

Целый день – только гладь бесконечных полей,
Только синее небо над ними...
Как я рад, что здесь нет ни домов, ни людей,
Что один я с цветами степными...
Ароматною сыростью пахнет земля,
И, как шелк, мурава зеленеет,
Убегают в безбрежную даль тополя,
Одинокая церковь белеет...
Вот они, мои степи... Подальше от книг,
От томительной жизни столицы, —
Вновь я прост, как дитя, и свободен на миг,
И беспечен, как вольные птицы...
Ничего не желать, не мечтать, – всей душой
С этой далью холодной слиться...
Здесь, в природе – я чую с блаженной тоской —
Правда, вечная правда таится!

<1889>

«Мы в одной долине о любви мечтали...»

Мы в одной долине о любви мечтали,
Чуждые друг другу, полные печали, —
Ночью звезды те же к нам в окно глядели,
Мы внимали той же соловьиной трели,
И, следя, как меркнут на закате горы,
Сколько раз встречались в небе наши взоры.
И, любви не зная, оба одиноки —
Были мы так близки, близки – и далеки...
Мы нашли друг друга и, полны надежды,
Любим беспредельно... Но зачем ты вежды
Грустно опустила, стала молчаливей...
Разве в этом мире можно быть счастливей?..
Понял я, родная, сердце хочет снова

Прежней тихой грусти, сумрака ночного,
Хочет звезд тех самых, что в окно глядели,
И давно умолкшей соловьиной трели...
Как о мертвом друге, с нежностью во взоре,
В эти дни блаженства ты грустишь о горе.

<1889>

Туман

Туманов млечных покрывало
Долины, горы, небеса
И необъятные леса
Ревнивым облаком скрывало.
Но вдруг безжизненная мгла,
Цепляясь за верхушки леса,
Как исполинская завеса,
Разорвалась и поплыла...
Открылся мир прекрасной грезы,
И засинели небеса,
Как благодарственные слезы,
На розах вспыхнула роса.
И мягкий свет упал на доли,
На берег с пеною валов,
На скалы – вечные престолы,
Жилища царственных орлов.
Уж море теплое дышало,
И, торжествуя, предо мной
До края небо трепетало
Своей воздушной синевой.

1889?, Крым

«Ты поклялась мне в любви...»

Ты поклялась мне в любви...
Слушал я грустно и холодно,
Сердце сжималось от боли и страха,
Словно в тот миг предо мной святотатство свершилось...
Клятвы любви!
Клятвы – тяжелые, грубые цепи.
Цепи любовь оскорбляют:
Чувство великое
Светится внутренней правдой
И, безгранично свободное,
Верит в себя и верить других заставляет.
Разве так мало мы любим друг друга, что будем
Рабской, бессильной любви
В клятвах опоры искать?..
Милая, лучше мы сразу навек разойдемся,
Лучше погибнем,
Лучше мы с корнем
Вырвем из сердца любовь —
Но не солжем, не солжем никогда
Друг перед другом.

<1890>

«Кто нам решит...»

Кто нам решит,
Что это – жажда любви или любовь?
Страшно пред Богом, пред собственной совестью,
Страшно сказать – «я люблю».
Ведь для нас это слово —
Не беззаботный призыв к наслаждению,
Для нас это клятва
Вечного долга,
Для нас – это крест,
Крест отречения и жертвы.
Сказка любви,

Светлая, лунная, нежная,
Жаль прикоснуться к тебе,
Надо и жаль превратить тебя в жизнь,
Кровью и плотью облечь!
Время несется,
Люди не ждут,
Жизнь беспощадная
Грубой, костлявой рукою стучится
В двери Эдема.
Что же нам делать?
Разве с тобой мы не дети,
Бедные, глупые!
Сказки мы любим, а жизни боимся.
Думать так страшно, так больно.
Будем же дольше детьми,
Отдадимся потоку
Светлому,
Позабудем о людях, о жизни, о горе.
Дай мне склониться челом на колени твои,
Дай мне слезами простыми и тихими
Выплакать счастье мое!..

<1890>

«Как негодуют эти волны...»

Как негодуют эти волны,
Как ропщет бурный океан,
Непобедимый, злобы полный,
Гранитом скованный титан!
Но тщетно все: изнемогая,
Падут мятежные валы,
В борьбе за волю умирая,
К подножью царственной скалы.
А там, в венцах из звезд, как боги,
Вершины снежные полны

Презренья к суетной тревоге,
К борьбе и к ропоту волны.
И, созерцая бесконечность,
Не для земли они живут,
С немymi звездами про вечность
Беседу тихую ведут.
Но как решить, кто прав: вершины,
В их созерцании немом,
Иль эти гордые пучины,
В борьбе и гневе роковом?

<1890>

«О, нет, молю, не уходи...»

О, нет, молю, не уходи!
Вся боль ничто перед разлукой,
Я слишком счастлив этой мукой,
Сильней прижми меня к груди.

Скажи: «Люблю». Пришел я вновь,
Больной, измученный и бледный.
Смотри, какой я слабый, бедный,
Как мне нужна твоя любовь...

Мучений новых впереди
Я жду, как ласк, как поцелуя,
И об одном молю, тоскуя:
О, будь со мной, не уходи!..

<1890>

«Как от рождения слепой...»

Как от рождения слепой
Своими тусклыми очами
На солнце смотрит и порой,
Облитый теплыми лучами,

Лишь улыбается в ответ
На ласку утра, но не может
Ее понять, и только свет
Его волнует и тревожит:

Так мы порой на смерть глядим,
О смерти думаем, живые,
И что-то в ней понять хотим,
Понять не можем, как слепые...

1890

«Как странник, путь окончив дальний...»

Как странник, путь окончив дальний,
Вернувшись радостно домой,
Вступает в дверь опочивальни,
Где вечный сумрак и покой, —

Где ложе, полное отрады,
Где мирной роскоши дары —
Сквозь шелк завесы луч лампы,
Узорно-темные ковры:

Так я пляжу на мир природы,
На берег дремлющий, на лес,
На упоительные воды,
На даль темнеющих небес,

И снова рад душой усталой,
Что там, в природе, отдых ждет...

О чем ты, сердце, горевало?
Забудь, не стоит, все пройдет, —

Пройдет любовь, пройдут мученья,
И, погружаясь в тишину,
Я, непробудным сном забвенья
Уснув, от жизни отдохну.

Без дум, без мук, без грезы прежней
Я внемлю шелесту волны:
Ах, эти звуки безмятежней,
Еще спокойней тишины!..

Так странник, путь окончив дальний,
Вернувшись радостно домой,
Вступает в дверь опочивальни,
Где вечный сумрак и покой.

<1891>

«Пусть темна моя дорога...»

Пусть темна моя дорога,
Пусть ничтожно бытие,
Но недаром чует Бога
Сердце скорбное мое:

Кто под гнетом нестерпимым
Вечных мук готов был пасть,
Но любил и был любимым,
Тот не может жизнь проклясть!

<1891>

Светляк

Сняла, шутя, с былинки нежной,
С родного, бедного цветка
И в сердце розы белоснежной
Ты положила светляка.

И роза кажется дворцом
Волшебным, белым и прохладным,
Вся озаренная лампадным,
Зеленоватым огоньком.

Но он потух... Мой друг, опять
Верни его родному полю:
Он любит ночь, он любит волю, —
В тюрьме не хочет он сиять!

<1891>

На древнем Форуме в Риме

Холод священный опять пробегает по сердцу, о камни
Площади древней, где жил Рима свободный народ!
Что же так трогает душу в этом божественном прахе?
Что мне, о Рим, до тебя, что мне до славы твоей?
Разве я здесь меж развалин твоих не пришлец одинокий,
Разве не скиф – я, не сын чуждой, холодной земли?
Ни для какого величья, ни для какого народа
Бедной отчизне моей не изменю я вовек!..
Но почему же твой Форум мне кажется новой отчизной?
Чувствую в Риме себя сыном великой земли!
Дети грядущих веков, дети России любимой,
С общею жизнью племен жизнь нашей родины слить, —
Вот ваш божественный долг!..

1891, Рим

Сплин
Из Бодлэра

Je suis comme le roi d'un pays pluvieux.

C<harle> B<audelaire> [\[46\]](#).

Подобен я царю страны дождем обильной,
Что в цвете лет – старик, богатый, но бессильный:
Он презирает лесть своих учителей,
Скучает меж собак и меж других зверей.
Ни соколиною охотою, ни стоном
Народов, гибнущих перед его балконом, —
Не занят он ничем, как тяжело больной.
Его любимый шут балладою смешной
Уже не веселит. С гербами лилий ложе
Великолепное на темный гроб похоже.
И дамы, – им всегда прекрасны короли, —
Изобрести наряд бесстыдный не могли,
Чтоб удостоиться улыбки иль привета
От повелителя, от юного скелета.
Алхимик золото готовит, а меж тем
Из тела злой недуг не мог извлечь ничем,
И даже ваннами из крови – их узнали
От римлян, их цари пред смертью вспоминали, —
Не мог согреть он труп, в чьих жилах – навсегда
Не кровь, а мертвая, зеленая вода.

<1892>

Неразрешимые вопросы

Если, Боже, хочешь всех
Ты спасти, зачем от века
Слишком слабым человека,
Слишком сильным сделал грех?

Если тело – прах и тлен
И, любя его, нарушу
Твой закон, зачем Ты душу
Заклучил в постыдный плен?

Если кроткий лишь спасен,
То зачем Злой Дух, восставший,
Дух Мятежный, все поправший, —
Обаяньем окружен?

Если смерть виновных ждет,
То зачем же преступленье,
Обещая упоенье,
Ужасает и влечет?

Если знанье – лишь обман,
Если грех – пытаться и мерить,
Если надо только верить,
То зачем мне разум дан?

.....
.....
.....
.....

1892

Молитва язычника

Молчанье страшное Неведомого Бога!..
«Ищите! – Ты сказал, – обрящете». Зачем,
Зачем я верую! У Твоего порога
Стучуся в дверь, ищу, зову Тебя... Ты – нем!..

И все-таки стою у Твоего порога...

О, если б только луч, о, если б только знак!..
Но Ты безмолвствуешь, и дней моих итога
Ты ждешь, как Судия, как вездесущий Враг.

Смотри, я падаю, я верю и страдаю,
Под тяжестью креста, весь в тернях и крови,
Молю и требую, и плачу, и взываю:
Не справедливости, о нет, любви, любви!..

Пощады, отклика, иль знаменья, иль чуда!
К Тебе подьемлю взор, не знаю сам, зачем,
Еще спасенья жду, не знаю сам, откуда...
И верю, помоги!.. Но тщетно все: Ты – нем!

1892

Надгробные цветы

На бледном мраморе, тоскуя, увядали —
Последний дар любви, последний дар печали —
Надгробные цветы, и с жадностью пила
Их нектор сладостный весенняя пчела,
Не думая о том, кто с горькими слезами
Их на могилу нес дрожащими руками.
И, беззаботная, в свой улей унесет
Она с немых гробов благоуханный мед.

Весна 1892, Ницца

Утренний гимн

Радость пробуждения,
Ты сменила ночь.
Мрачные видения,
Уноситесь прочь!..

Пред светилом царственным
В утренних лучах
Встанем с благодарственным
Гимном на устах.
Слышишь: дятел стучает
По коре стволов,
Ветерок баюкает
Венчики цветов.
Надо мной колышется
Позлащенный лес...
Утром легче дышится,
Глубже свод небес.
В сердце – умиление,
Веры детской жар.
Каждое мгновение —
Новый Божий дар.
Пусть же омрачаема
Смертью жизнь моя,
Но неисчерпаема
Радость бытия.
Свет и пробуждение,
Вы сменили ночь...
Мрачные видения,
Уноситесь прочь!

16 августа 1892

Одна природа

Одно – всегда прекрасно,
Одно – не изменяет,
Что в небе так бесстрастно,
Так далеко сияет.

Обман – в словах великих,
Обман – в любовных взорах,

Но правда – в чашах диких,
В тебе – дубровный морок.

Любить того не стоит,
Что в жизни сердце манит;
Природа успокоит,
Природа не обманет.

Баюкая, обнимет
Детей своих усталых,
Еще нежнее примет
Отверженных и малых.

Не лгу, не лицемерю:
Я потерял дорогу.
И уж давно не верю
Ни людям я, ни Богу.

Но верю я доньше
Тому, что скажет колос
И моря вечный голос,
И тишина пустыни.

1892

Два сонета Петрарки

1. «О красоте твоей молчать стыжусь, Мадонна...»

О красоте твоей молчать стыжусь, Мадонна,
Ты в незабвенный день предстала мне такой,
Что холоден с тех пор я к прелести иной,
К иной любви душа навеки непреклонна.

Как часто я гранить тебе сонет хочу,

Но слишком тверд алмаз, напилек изменяет,
И пред Лаурою душа изнемогает,
И холодней мой стих, чем лед, – и я молчу.

Открою ли уста, чтоб говорить – напрасно!
Немеет песнь любви в груди моей безгласной,
И ни единый звук к тебе не долетал...

Едва мое перо касается бумаги —
Ни вдохновения, ни мысли, ни отваги...
И с первым опытом я струны покидал!

2. «Лукавый бог любви, я вновь в твоей темнице...»

Лукавый бог любви, я вновь в твоей темнице...
О пленник, покорись и воли не ищи:
Все двери заперты, и отданы ключи
Тюремщиком твоей безжалостной царице.

Уже я был рабом, когда заметил плен.
(Клянусь, – хотя никто не верит мне, я знаю)
С усилием вырвавшись из-за тюремных стен,
О них со вздохами, жалея, вспоминаю.

К темнице так привык, что воли не хочу,
И порванную цепь повсюду я влачу...
Таким огнем любви горит мой взор унылый,

Что, если бы теперь ты видела певца,
Сказала бы: «Судя по бледности лица,
Друзья, мне кажется, он на краю могилы».

<1893>

Спокойствие

Мы в путь выходим налегке,
Тому, что жизнь пройдет, не верим
И видим счастье вдалеке,
И взором прошлого не мерим.

Но день за днем, за годом год
Уходит медленное время,
И тяжесть прошлых лет растет,
И сердце давит жизни бремя.

Теперь, когда я вспомню вдруг,
Как в жизни дней счастливых мало
И сколько сердце зла и мук,
Чтоб только жить, судьбе прощало —

В душе усталой нет следа, —
Хотя и грешен я во многом, —
Ни покаянья, ни стыда
Ни пред людьми, ни перед Богом.

И я молиться не хочу:
Страданья веру победили,
Нет даже слез – и я молчу,
И мне спокойно, как в могиле.

Зачем дрожать? О чем молить?
И от кого мне ждать прощенья?
Я сам не должен ли простить
Того, кто мне послал мученья!

<1893>

Бумажные цветы

На ограде церковной
Божьей Матери лик

И с улыбкой любовной,
И с печалью поник.

Равнодушные лица,
Пыль, и говор, и зной...
Шумно бредит столица,
Воздух пахнет весной.

Распускаются почки...
Над тобой, образок,
Из бумаги цветочки —
Неискусный венок,

Слабо ветром волнуем...
И на нем, горячи,
Чуть дрожат поцелуем
Золотые лучи.

Что Царице Небесной,
Что Тебе, мой Творец,
Дар любви неизвестной —
Этот скудный венец?

Но на миг я забылся,
Зло я людям простил:
Кто-то здесь и молился,
И страдал, и любил.

Пыльный венчик дороже
Всех душистых цветов...
О, помилуй нас, Боже,
Твоих грешных рабов!

10 мая 1893, С.-Петербург

«В моей душе – ни трепета, ни звука...»

В моей душе – ни трепета, ни звука,
И ни одной слезы в моих очах.
Еще дрожать за эту жизнь?.. О скука!
За эту жизнь! О малодушный страх.

Я радуюсь порывам сладострастья,
Усталости, и голоду, и сну,
Страх смерти тонет в них и жажда счастья.
Они приносят мрак и тишину.

Но сердце мне, как тяжесть, давит время,
И каждый день прошедший, каждый миг
Все прибавляет, отягчает бремя,
Под ношею согбенный, я поник.

Покой в душе, как в доме опустелом...
И жизнь моя, как пыль в немых гробах:
Что было некогда прекрасным телом,
Теперь – безмолвный и холодный прах.

25 мая 1893, Луга

Родное

Далеких стад унылое мычанье,
И близкий шорох свежего листа...
Потом опять – глубокое молчанье...
Родимые, печальные места!

Протяжный гул однообразных сосен,
И белые сыпучие пески...
О бледный май, задумчивый, как осень!..
В полях – затишье, полное тоски...

И крепкий запах молодой березы,
Травы и хвойных игл, когда порой,

Как робкие, беспомощные слезы,
Струится теплый дождь во тьме ночной.

Здесь – тише радость и спокойней горе.
Живешь, как в милом и безгрешном сне.
И каждый миг, подобно капле в море,
Теряется в бесстрастной тишине.

Май 1893

Серый день

Как этот серый день и нежен, и отраден!
К нам, детям страждущим своим, как мать, полна
Природа жалостью. И ветерок прохладен,
И все смиренная объемлет тишина.

Как благодарен я и как доволен малым!
Не надо солнца нам: милей, чем яркий луч,
Уютный полумрак – очам моим усталым —
И темных хвойных игл, и теплых серых туч.

Я смерти не боюсь и жизни покоряюсь:
Как это облако, уснувшее вдали,
И как цветы – без дум, я только наслаждаюсь
Спокойствием небес, спокойствием земли...

18 июня 1893

«Не надо желаний...»

Не надо желаний,
Не надо боязни,
Не надо страстей!
Один только нужен

Восторг беспредельный,
Глубокий, бесстрастный,
Как небо – в сиянье
Вечерней зари.
Одно лишь прекрасно —
Что кажется людям
Преступным, безумным
И страшным, как смерть!

Привет вам, привет,
Священные грезы
Великих безумцев —
О том, что когда-то
И было, и будет,
О том, чего нет!

Отец мой Небесный,
Тебя я прославлю
За то, что от сильных,
Разумных и гордых
Ты все это скрыл, —
Открыл только детям,
Мечтателям жалким
И слабым, как я!

1893

«Напрасно видела три века...»

Напрасно видела три века
Дубов могучая краса:
Рукою хищной человека
Обезображены леса.

Здесь – листья мертвые черники,

Берез обугленные пни...
Здесь люди, сумрачны и дики,
Влачат нерадостные дни.

И скуден мох, и сосны тощи...
Грустя, я вижу вас в мечтах,
О, кипарисовые рощи
На милых южных берегах —

И под скалою Артемиды
Роскошно зыблющийся Понт,
Как лоно нежной Амфитриды, —
И необъятный горизонт,

Родную сердцу Ореанду —
Волшебный и далекий сон, —
Я помню белую веранду
Высоких греческих колонн.

И запах волн в соленом ветре,
И сквозь туман, в полдневный жар,
Величье грозное Ай-Петри —
И сакли бедные татар,

Магнолий запах слишком сладкий,
Подобный пряному вину,
И жгучий день, и вечер краткий,
И восходящую луну.

И там, где слышен моря шелест
В скалах, изъеденных волной,
Эллады девственную прелесть
Я чуял детскою душой.

Ода человеку

«*Ессе homo*»^[47].

Божественный родник чистейшего огня —
В свободном разуме и в сердце человека:
«Я – слово мира, – без меня
Он глух и нем от века.

Слабеет гром небес пред волею моею,
И слезы чистые грозы
Не стоят, Господи, одной моей слезы!..
Умею связывать и разрешать умею.

Все трепетания полночного эфира
И шорох листика в дубравной тишине,
Все звуки, все лучи и все дороги мира
Сливаются в *моей* сердечной глубине.

Природа для меня – как царское подножье!
Я – человек, я – цель, я – радость, я – венец.
Всего живущего начало и конец,
Я – образ и подобье Божье!»

1893

Песня во время грозы

Птичка с крыльев отряхает
Капли теплого дождя...
Слышишь? – туча громыхает,
К чуждым нивам уходя.
Ветер с листьев отряхает
Капли светлого дождя...

Сердцу нашему веселье —

Только в голосе громов, —
Олимпийское похмелье
Вечно радостных богов —
И свобода, и веселье —
Только в голосе громов!..

Жизни! Жизни!.. Я тоскую...
Нет ни счастья, ни скорбей...
О, пошли грозу святую,
Боже, родине моей!..
Бури! Бури! Я тоскую...
Дайте слез душе моей!..

1893

Развенчанный лес

Как царь развенчанный стоит могучий лес.
У ног его лежит пурпурная одежда...
А в светлой глубине торжественных небес
Не хочет умереть последняя надежда.

Есть ласка вешняя и в нежности лучей,
Уже слабеющих, склоненных и прощальных...
Есть радость вешняя и в ясности моей,
В бесстрастье этих дум, глубоких и печальных.

Листы увядшие и мертвые шуршат.
И как у мертвых тел, упитанных мастями,
Унылый есть у них могильный аромат,
Мне в душу веющий бесстрастными мечтами.

И радует меня покой души моей,
И сердце кроткая пленяет безнадежность.
Объемлет всех врагов, объемлет всех друзей,

Как ласка осени – прощающая нежность.

Сентябрь 1893

Дети

Увы, мудрец седой,
Как ум твой гордый пуст
И тщетен – пред одной
Улыбкой детских уст.

Твои молитвы – грех,
Но, чужд страстей и битв,
Ребенка милый смех —
Священной всех молитв.

Родного неба весть —
Его глубокий взгляд,
Он рад всему, что есть,
Он только жизни рад.

Он с горней вышины
Как ангел к нам слетел,
От райской тишины
Проснуться не успел.

Душа хранит следы
Своих небесных грез,
Как сонные цветы —
Росинки Божьих слез.

29 декабря 1893

Люди, опомнитесь! Вот она – смерть!
Вот она, страшная, кроткая, вечная.
Тайна над вами – небесная твердь,
Тайна в сердцах ваших – жизнь бесконечная...

Ваше проклятье – бессмысленный труд,
Стадо слепое – толпа ваша грязная...
Скука, безумье, обжорство и блуд,
Жизнь ваша – смерть безобразная!..

В небе звучит громовая труба,
В темной земле мертвецы содрогаются,
Полные тлена зияют гроба,
Очи для вечного дня разверзаются.

Как же нам стать пред лицом Судии,
Солнцу подобного, грозно-великого?
Как же подымешь ты очи твои,
Полные мрака и ужаса дикого?

Люди, опомнитесь!.. Дети Отца,
Страшного Бога, судить вас грядущего,
Не отвращайте от Света лица,
Я заклинаю вас именем Сущего!..

Конец 1893

Природа

1. «Когда под куполом огромного собора...»

Когда под куполом огромного собора,
В таинственных лучах мерцающих лампад,
При песнопениях торжественного хора
Я недвижим стою, потупив робкий взгляд,
Очами строгими и полными укора

Угодники с икон так пристально глядят,
И над бесчисленной молящихся толпою
Струится фимиам душистою волною, —

Тогда я ужасом невольно поражен,
И горько плачу я, томимый угрызеньем,
Я сознаю опять, что к бездне приведен —
Дорогою греха, сердечным ослепленьем,
Воспоминания летят со всех сторон,
И голос совести гремит мне осужденьем,
И сердцу слабому так тесно, тяжело,
И страшно мне поднять поникшее чело.

2. «Когда же дивный храм природы...»

Когда же дивный храм природы
В лучах торжественного дня
Свои блистающие своды, —
Обитель мира и свободы, —
Распростирает для меня.

Когда в эфире ночи ясной
Миров я вижу стройный хор,
Что в небе движутся согласно,
Толпой бессмертной и бесстрастной
Плывут в загадочный простор, —

Тогда в отрадном умиленье
Я слышу голос Божества,
Я сознаю в благоговеньи
Свое с природой единенье, —
С ней связи древнего родства.

Равно заботливо и щедро
Питают влагой дождевой
Природы любящие недра

И ствол развесистого кедра,
И цвет былинки полевой.

Опять я в счастье верю твердо,
И сердце радости полно.
Сознание шепчет мне так гордо:
«Ты – звук всемирного аккорда,
Ты – цепи жизненной звено».

И вот стою под небесами
Я в умилении святом,
На все в природе, в Божьем храме,
Гляжу я светлыми очами
С высоко поднятым челом.

<1894>

Солнце и сердце

Сердце мое – неизменно, как Солнце...
Верю я Солнцу и Сердцу.
Видишь – приходят, уходят
Зло и Добро,
Вечно меняясь, как тучи под Солнцем.
Ты же, о Солнце, великое Сердце, —
Выше, чем тучи, чем Зло и Добро, —
Ибо твоя олимпийская Мудрость
Вечно смеется над Злом и Добром.
Будь же, мой дух, лучезарным,
Темные тучи рассеи,
Зло и Добро победи;
Радость – для Сердца, сиянье – для Солнца, —
Вот их единый закон!

1894

Песня Солнца

Я наливаю колос хлеба
Благоухающим зерном,
И наполняю чашу неба
Я золотым моим вином;

Приди и пей – кто только жаждет!
Что значит подвиг или грех?..
Не бойтесь – надо всем, что страждет,
Непобедим мой вечный смех!

Из всех певцов – я лучший в мире:
Как на эоловых струнах,
Люблю играть на вечной лире —
На золотых моих лучах.

И песнь моя есть первый лепет
Весенних листьев, гул морей
И в тучах радуг легкий трепет,
И ужас бурь, и смех детей.

И полны дивного значенья,
В неоцененной красоте,
Спят драгоценные каменья,
Мои любимцы, в темноте, —

Мои загадочные дети
Там, под землею, ждут меня,
Безмолвный ряд тысячелетий
Мой первозданный луч храня.

Люблю, что молодо и смело,
Люблю я силу в красоте
И нестыдящееся тело
В богоподобной наготе.

Зачем, безумец, ты не внемлешь,
Потупив взор слепых очей,
И мертвым сердцем не приемлешь
Ты евхаристии моей?

Приди и пей – кто сколько жаждет!
Что значит подвиг или грех?
Не бойтесь – надо всем, что страждет,
Непобедим мой вечный смех!

11 августа 1894

Октябрь

Уж вещей ворон каркал над дубровой,
И мертвенного пурпура ветвей
Вихрь не щадил, свободный и суровый,
Как древнего величия царей...

И падает их пышная одежда,
И бледен солнца луч сквозь облака,
Как на бессмертье тщетная надежда,
Как жалкое веселье старика.

<1894>

Последние травы

Дни все короче, а ночи морознее...
Вы, ни живые, ни мертвые, бедные, бледные
Травы осенние, поздние.
Там, среди зябнущих, голых стволов,
Вы из-под савана первых снегов,
К солнцу с последней мольбой простираетесь,
Не покоряетесь, —

Тускло-зеленые, нежные, —
Боретесь вы с белизною снегов,
О, безнадежные!

Солнца ненастного злые лучи
Не согревают,
Только играют,
Как в поединке стальные мечи...
Острые, злые лучи,
Не лицемерьте!..
Лживому солнцу, о травы, не верьте,
Верьте покою, отдайтесь же смерти!

Ниже, все ниже свинцовая твердь,
Злая, как смерть... Над деревьями голыми
Каркает ворон и крыльями машет тяжелыми,
Празднует смерть...
Ниже, все ниже свинцовая твердь.
Сердце мое, как былинка, — в снегу, — безнадежное,
Слабое, нежное!
Солнцу не верь ты холодному,
Вечно бесплодному,
Страшному, злему, как смерть!..

1894

Зимний вечер

О бледная луна
Над бледными полями!
Какая тишина —
Над зимними полями!
О тусклая луна
С недобрыми очами...
Кругом — покой велик.
К земле тростник поник,

Нагой, сухой и тощий...
Луны проклятый лик
Исполнен злобной мощи...
К земле поник тростник,
Больной, сухой и тощий...
Вороны хриплый крик
Из голой слышен рощи.
А в небе – тишина —
Как в оскверненном храме...
Какая тишина —
Над зимними полями!
Преступная луна,
Ты ужасом полна —
Над яркими снегами!..

26 февраля 1895

Дождь

Мы – бедные капли, мы – серые капли
Холодных упорных дождей,
В болотах, где дремлют недвижные цапли,
Мы слабые, вечные капли
В безветрии мертвом ночей.
Боишься ты нашего тихого звука
На плоской равнине полей торфяных,
Как будто отраднее смерть или мука,
Чем наша покорная тихая скука.
Боишься ты шепота струй дождевых.
Мы жалкие, серые, что же мы значим,
Не бойся, мы сделать не можем вреда,
По крыше твоей только пляшем и скачем,
Как дети большие, мы плачем и плачем,
Ни ночью, ни днем не уснем никогда.
И песню поем мы все ту же и ту же,
Мы братья твои, ты от нас не беги:

Как ты, умираем и тонем мы в луже,
За нами – другие, и песню всю ту же
Поют, умирая во мраке и в луже,
И тают в воде дождевые круги.
И дремлют в болоте недвижимые цапли,
С опущенных перьев стекают струи,
Мы – слабые капли, мы – бедные капли,
Мы – тихая скука, мы – слезы твои.

28 июня 1895, Ораниенбаум

Часы

Не наслаждение, не мука,
Не вдохновение страстей,
Удел живых – тупая скука,
Пустое бремя лишних дней.

Я не ропщу и не страдаю,
Я к одиночеству привык:
Часы, часы, я понимаю
Ваш утомительный язык.

На жизнь смотрю я хладнокровно,
Где нет друзей и нет врагов.
И бьется сердце ровно, ровно,
Как сердце мертвое часов.

31 августа 1895

«Еще огнем горит мой взор...»

Еще огнем горит мой взор,
Еще есть в сердце благородство,
Но жизнь – какое в ней уродство,

Какой бессмысленный позор.

Я покорился и молчу:
Кто гибнет – гибели достоин.
Мой дух печален и спокоен,
И не молюсь, и не ропщу.

И с каждым шагом беспощадней
Мой путь под ношей бытия.
Была печальной жизнь моя,
Хоть смерть не будет ли отрадней?

1895

Сорренто

Ведут дороги длинные
Меж каменных оград,
Сквозь рощи апельсиновые —
Эдема вечный сад.

Кругом – благоухание
Бесчисленных плодов,
И теплое дыхание,
И сырость парников.

Ручьи лепечут звонкие...
И солнце в тихий лес
Сквозит сквозь щели тонкие
В соломенный навес —

Под эти крыши зимние,
Где нежатся плоды...
Зимой гостеприимные
Лимонные сады...

Сорренто безмятежное,
В дремотной тишине
Так тускло солнце нежное,
Подобное луне,

В твоих садах единственных
И памятных навек,
Как в сумерках таинственных
На дне глубоких рек.

Не водоросли чудные,
На стенах травы спят,
Их нити изумрудные,
Как волосы, висят,

Блестят росой холодною...
А там, в сыром углу,
Как будто сквозь подводную,
Загадочную мглу, —

Под кущей благовонною —
От всех людей далек —
Пред бледною Мадонною
Мерцает огонек.

Здесь молит – ненасытное, —
Здесь верит сердце вновь
В блаженство первобытное
И в райскую любовь.

<1896>

«Увы! Что сделал жизни холод...»

Увы! Что сделал жизни холод
С душой печальною: туда,

Где ты был радостен и молод,
Не возвращайся никогда!

Все так же розов цвет миндальный,
И ночью море дышит вновь.
Но где восторг первоначальный,
Где наша прежняя любовь?

Мгновенья счастья стали реже.
На высях гор вечерний свет,
Долины, рощи, волны – те же,
И только молодости нет!

<1896>

Перед грозой

Не пылит еще дорога, —
Но везде уже тревога,
Непонятная тоска.
Утомительно для слуха
Где-то ноет, ноет муха
В тонкой сетке паука.

И похож далекий гром
На раскат глухого смеха.
В черной тьме, в лесу ночном —
Грозовой тяжелый запах
Удушающего меха,
В небе – гул глухого смеха.
О тяжелый, душный запах!
Этот мрак не успокоит, —
Сердце бьется, сердце ноет.
В сердце – вещая тоска.
Где-то муха ноет в лапах,

В страшных лапах паука...

<1896>

Спокойствие

Мы близки к вечному концу,
Но не возропщем на Создателя...
Уже не в зеркале гадателя,
Мы видим смерть лицом к лицу.

Всю жизнь безвыходным путем,
Сквозь щели узкие, бездонные,
Во тьме, кроты слепорожденные,
К могиле ощупью ползем, —

К той черной яме, к западне,
Где ожидает неизвестное, —
Сквозь подземелье жизни тесное
Идем и бредим, как во сне,

И шепчем: скоро ли конец?
Верховной Воле покоряемся,
За жизнь безумно не цепляемся,
Как утопающий пловец...

С печатью смерти на челе
Искали правды в беззаконии,
Искали в хаосе – гармонии,
Искали мы добра во зле, —

Затем, что нас покинул Бог:
Отвергнув ангела-хранителя,
Мы звали духа-соблазнителя,
Но нам и Дьявол не помог.

Теперь мы больше не зовем,
Перед дверями заповедными,
Блуждая призраками бледными,
Мы не стучимся и не ждем.

Мы успокоились давно:
Надежды нет и нет раскаянья,
И, полны тихого отчаянья,
Мы опускаемся на дно.

<1896>

Зимние цветы

В эти белые дни мы живем, как во сне.
Наше сердце баюкает нега
Чьих-то ласк неживых в гробовой тишине
Усыпительно мягкого снега.

Если в комнате ночью при лампе сидишь,
Зимний город молчит за стеною,
И такая кругом бесконечная тишь,
Как на дне, глубоко под водою.

Даже снег в переулке ночном не хрустит.
С каждым днем в моей келье все тише,
Только саван холодный и нежный блестит
При луне на белеющей крыше.

И подобье прозрачных невиданных роз —
По стеклу ледяные растенья.
Ночью в лунном сиянии чертит мороз —
Невозможных цветов сновиденья.

<1897>

Воля

Слышишь, где-то далеко
Плачет колокол?
Как душе моей легко
В одиночестве!
По неведомой тропе,
В бледных сумерках,
Ухожу к немой толпе
Скал нахмуренных
От врагов и от друзей.
В тихой пропасти, —
Только там, где нет людей,
Легче дышится...
В счастье друга не зови:
Молча радуйся.
Сердцу сладостней любви —
Воля дикая.

<1897>

«Синеет море слишком ярко...»

Синеет море слишком ярко,
И в глубине чужих долин
Под зимним солнцем рдеет жарко
Благоуханный апельсин.

Но, целомудренны и жалки,
Вы сердцу чуткому милей,
О, безуханные фиалки
Родимых северных полей!

<1897>

Любовь к земному

Хотя влечет меня, о Боже,
И тишина Твоих глубин, —
Но мне пока еще дороже
Знакомый шум земных долин.

Хотя зовут ночные бездны
И в сердце нет весенних грез,
Но вы мне все еще любезны,
Листочки клейкие берез.

Быть может, Господи, я грешен:
Прости! Но солнцем кратких дней
Я все же более утешен,
Чем темной вечностью Твоей.

Вторая половина 1890-х годов

«Еще люблю тебя, родная...»

Еще люблю тебя, родная,
Хотя, как смерть, любовь – тиха,
Как зелень вечно молодая
Неумирающего мха.

И пусть потух весенний пламень:
Я душу верную твою
Любовью верною люблю,
Как любит мох – надгробный камень.

<1899>

«Октябрьский снег первоначальный...»

Октябрьский снег первоначальный...
В тиши покинутых садов
Как листья желтые печальны
На раннем саване снегов!

Дивясь немых аллея безлюдью,
На темном зеркале пруда
Как режет лебедь белой грудью
Стекло предутреннего льда!

И там, у солнечного берега,
Как в первый раз побеждена
Сей мертвой белизною снега
Живая крыльев белизна!

<1899>

Stabat mater

На Голгофе, Матерь Божья,
Ты стояла у подножья
Древа Крестного, где был
Распят Сын Твой, и, разящий,
Душу Матери скорбящей
Смертной муки меч пронзил.
Как Он умер, Сын Твой нежный,
Одинокий, безнадежный,
Очи видели Твои...

Не отринь меня, о Дева!
Дай и мне стоять у Древа,
Обагренного в крови,
Ибо видишь – сердце жаждет
Пострадать, как Сын Твой страждет.
Дева дев, родник любви,
Дай мне болью ран упиться,

Крестной мукой насладиться,
Мукой Сына Твоего;
Чтоб, огнем любви сгорая,
И томясь, и умирая,
Мне увидеть славу рая
В смерти Бога моего.

<1899>

Опять весна

И опять слепой надежде
Люди сердце отдают.
Соловьи в лесах, как прежде,
В ночи белые поют

И опять четы влюбленных
В рощи юные бегут,
Счастью взоров умиленных
Снова верят, снова лгут.

Но не радует, не мучит,
Негой страстною полна,
Лишь бесстрастью сердце учит
Сердцу чуждая весна.

15 мая 1899

«Люблю мой камень драгоценный...»

Люблю мой камень драгоценный:
В его огне заключено —
Знак искупленья сокровенный —
В кровь претворенное вино.

О сердце, будь как этот камень:
Своей судьбе не прекословь
И претворяй в бессмертный пламень
Всех мук своих живую кровь.

1904

«Кто ты, он или она...»

Кто ты, он или она,
Мой сообщник ли таинственный,
Мне сестра, или жена,
Враг ли мой, иль друг единственный, —

Я не знаю, но люблю
С вечной нежностью напрасною
Душу темную твою,
Душу темную и ясную.

Если в жалости к себе
Малодушно я упорствую, —
Все же верен я тебе
И судьбе моей покорствую.

Там, в заре иного дня,
Где стезя светлеет мрачная,
Знаю, встретишь ты меня —
И свершится тайна брачная.

1904

«Ослепительная снежность...»

Л. Н. В<ильки>ной

Ослепительная снежность,
Усыпительная нежность,
Безнадежность, безмятежность —
И бело, бело, бело.
Сердце бедное забыло
Все, что будет, все, что было,
Чем страдало, что любило —
Все прошло, прошло, прошло.

Все уснуло, замолчало,
Где конец и где начало,
Я не знаю, – укачало,
Сани легкие скользят,
И лечу, лечу без цели,
Как в гробу иль в колыбели,
Сплю, и ласковые ели
Сон мой чуткий сторожат.

Я молюсь или играю,
Я живу иль умираю,
Я не знаю, я не знаю,
Только тихо стынет кровь.
И бело, бело безбрежно,
Усыпительно и нежно,
Безмятежно, безнадежно,
Как последняя любовь!

10 января 1906, Иматра

Амалии

Ты – горящий, устремленный,
В темноте открытый глаз.
От руды неотделенный
И невспыхнувший алмаз.

Ты – стесненное ножами
Пламя острого меча.
Пред святыми образами
Незажженная свеча.

Но не бойся: многоцветный,
Загорится твой алмаз.
Первой бледности рассветной
Не пропустит жадный глаз.

В Змея темного вопьется
Пламя светлое меча,
И пред Господом зажжется
Негасимая свеча.

Ты откроешь ли мне душу,
Как цветок – ночной росе.
Хочешь – сны твои нарушу?
Хочешь – спи и будь как все?

Всем, кто спит, – видений сладость,
Сонный плач и сонный смех,
Но божественная радость
Пробужденья – не для всех.

Ты не можешь? Ты не смеешь?
Берегись же: так уснешь,
Что проснуться не успеешь,
Жизнь без жизни проживешь.

Ты едва открыла очи.
Да иль нет? Ответ. Я жду.
Нет? Ну, что же, доброй ночи,
Спи спокойно. Я уйду.

1907, Париж

Чужбина-родина

Нам и родина – чужбина,
Всюду путь и всюду цель.
Нам безвестная долина —
Как родная колыбель.
Шепчут горы, лаской полны:
«Спи спокойно, кончен путь!»
Шепчут медленные волны:
«Отдохни и позабудь!»

Рад забыть, да не забуду;
Рад уснуть, да не усну.
Не любя, любить я буду
И, прокляв, не прокляну:
Эти бледные березы,
И дождя ночные слезы,
И унылые поля...
О, проклятая, святая,
О, чужая и родная
Мать и мачеха земля!

1907

«Ты ушла, но поздно...»

Ты ушла, но поздно:
Нам не разлюбить.
Будем вечно розно,
Вечно вместе жить.

Как же мне, и зная,
Что не буду твой,
Сделать, чтоб родная
Не была родной?

1907

«Я всех любил, и всех забыли...»

Я всех любил, и всех забыли
Мои неверные мечты.
Всегда я спрашивал: не ты ли?
И отвечал всегда: не ты.

Так дольних роз благоуханье,
Увядших в краткий миг земной,
Не есть ли мне напоминанье
О вечной Розе, об Одной?

<1908>

«Ужель мою святыню...»

Ужель мою святыню
Ты не поймешь вовек,
И я люблю рабыню,
Свободный человек?

Ужели тщетны муки, —
Цепей не разорвать,
И скованные руки
Могу ли целовать?

<1909>

«В небе, зеленом, как лед...»

В небе, зеленом, как лед,
Вешние зори печальней.
Голос ли милый зовет?

Плачет ли колокол дальний?

В небе – предзвездная тень,
В сердце – вечерняя сладость.
Что это, ночь или день?
Что это, грусть или радость?

Тихих ли глаз твоих вновь,
Тихих ли звезд ожидаю?
Что это в сердце – любовь
Или молитва – не знаю.

<1909>

Да не будет

Надежды нет и нет боязни.
Наполнен кубок через край.
Твое прощенье – хуже казни,
Судьба. Казни меня, прощай.

Всему я рад, всему покорен.
В ночи последний замер плач.
Мой путь, как ход подземный, черен —
И там, где выход, ждет палач.

<1909>

Ночная песня странника

Der du von Himmel bist

Goethe^[49].

Ты, о, неба лучший дар,
Все печали исцеляющий, —
Чем болезненнее жар,
Тем отрадней утоляющий!

Путь все тот же впереди —
Что мне, грустный или радостный...
Ах, устал я! Отдых сладостный,
О, приди, приди!

13 сентября 1909, Гамбург

«Люблю иль нет, – легка мне безнадежность...»

Люблю иль нет, – легка мне безнадежность:
Пусть никогда не буду я твоим,
А все-таки порой такая нежность
В твоих глазах, как будто я любим.

Не мною жить, не мной страдать ты будешь,
И я пройду, как тень от облаков;
Но никогда меня ты не забудешь,
И не замрет в тебе мой дальний зов.

Приснилась нам неведомая радость,
И знали мы во сне, что это сон...
А все-таки мучительная сладость
Есть для тебя и в том, что я не он.

<1910>

«На те холмы, в леса сосновые...»

На те холмы, в леса сосновые,
Где пахнет горькая полынь,

Уйти бы в верески лиловые
Благоухающих пустынь.

Там безмятежней грусть закатная
И умиленной тишина,
Свежее в травах свежесть мятная
И непорочнее весна.

А чуть блеснет сквозь хвои сонные,
Как сквозь ресницы, луч светил, —
Курятся смолы благовонные,
Как дым бесчисленных кадил.

22 апреля 1910

«И снилось мне: заря туманная...»

И снилось мне: заря туманная,
В полях густеющая мгла,
И сосен кровь благоуханная —
Светлотекущая смола.

И кто-то мне родимым голосом
Все то же на ухо твердит, —
Так в сентябре несжатым колосом
Пустая нива шелестит.

Но тайна слов тех не разгадана...
Гори, последний свет, гори,
И смолью сосен, дымом ладана
Куришь, кадельница зари!

12 августа 1910

«Затихших волн сиянье бесконечно...»

Затихших волн сиянье бесконечно
Под низким, жарким солнцем декабря.
Прозрачно все и так нетленно-вечно,
Как мотылек в обломке янтаря.

Багровых скал в бездонной чаше синей
Волшебное сомкнулося кольцо.
У ног моих ночной седеет иней,
И дышит зной полуденный в лицо.

О, зимних дней уютная короткость,
В очаровании застывший лес,
И хвойных игл недвижимая четкость
В неизъяснимой ясности небес.

О, райская, блаженная пустыня,
Где и доднесь, как древле, сходит Бог,
Где все – одна любовь, одна святыня —
Уже и здесь нездешнего залог.

И пусть на миг, – но сердце не забудет
Того, что ныне сердцем я постиг.
И знаю: там уже навеки будет,
Что здесь – на миг.

1910, Эстерель-Агэ

«Как наполняет храм благоуханье...»

Как наполняет храм благоуханье
Сожженных смол,
Так вересков наполнило дыханье
Вечерний дол,
И сладостно, как бред любви, жужжанье
Декабрьских пчел.

<1912>

Осеннее-весеннее

1. «Еще роса на сжатый колос...»

Еще роса на сжатый колос
Хрустальной сеткой не легла,
И желтых лент в зеленый волос
Еще береза не вплела.

О, как медлительно прощанье
Склоненных солнечных лучей!
О, как торжественно молчанье
Уже пустеющих полей!

И мнится: кончены боренья,
Исчезло время, смерть и зло, —
И видит вновь, как в день творенья,
Господь, что все добро зело.

2. «Купальницы болотные...»

Купальницы болотные,
Вы снова зацвели,
О, дети беззаботные,
Доверчивой земли!

Поля уже пустынное,
Леса уже молчат,
А ваш еще невиннее
Весенний аромат.

Весенние, осенние, —
Начало и конец,

Еще мне драгоценнее
Ваш золотой венец.

Вы снова пламенеете,
Как будто в первый раз:
Вы любите, вы смеете, —
И август – май для вас.

<1913>

Не-Джиоконде

И я пленялся ложью сладкою,
Где смешаны добро и зло;
И я Джиокондовой загадкой
Был соблазнен, – но то прошло;

Я всех обманов не-таинственность,
Тщету измен разоблачил;
Я не раздвоенность – единственность
И простоту благословил.

Люблю улыбку нелукавую
На целомудренных устах
И откровенность величавую
В полумладенческих очах.

Люблю бестрепетное мужество
В пожатье девственной руки
И незапятнанное дружество
Без угрызенья и тоски.

Я рад тому, что ложью зыбкою
Не будет ваше «нет» и «да».
И мне Джиокондовой улыбкою

Не улыбнетесь никогда.

1913

«О, как порыв любви бесплоден...»

О, как порыв любви бесплоден,
Мой огонек в ночных степях!
Как бесполезно я свободен,
Как безнадежно ты в цепях!

Но пусть нас ужас ждет безвестный,
Пусть вся в крови, едва дыша
И падая под ношей крестной,
Влачится бедная душа.

Любовь есть ожиданье чуда,
Любовь безумно чуда ждет,
Не знаю, как, когда, откуда, —
Но знаю, что оно придет.

<1914>

«Все кончается смертью, все кончается сном...»

Все кончается смертью, все кончается сном.
Буйных надежд истощил я отвагу...
Что-то устал я... ну-ка прилягу...
Все кончается смертью, все кончается сном.

Гроб – колыбель... теперь и потом...
Было и будет, будет и было...
Сердце любило, сердце забыло...
Все кончается смертью, все кончается сном.

<1914>

Отшельник и фавн
Из Гете

Раз отшельник повстречал
Козлоногого в пустыне.
«Я пришел к твоей святыне, —
Так смиренно Фавн сказал, —
Помолись-ка в добрый час,
Чтобы в рай пустили нас».
«Я бы рад, – подвижник строгий
Отвечает, – но прости:
Не дадут вам козьи ноги
В царство Божие войти».
«Чем мешает, – Фавн ответил,
Вам козлиная нога?
Уж не слишком ли строга
Ваша милость? Я заметил,
Как входили в рай святой
И с ослиной головой!»

<1914>

«Опять горит меж темных сосен...»

Опять горит меж темных сосен
Весны вечерняя звезда,
И всех увядших милых весен
Мне вспоминается череда.

И пусть тоскую неутешней
С весною каждою, но есть
В дыханье первом неги вешней
Для сердца слышащего весть.

И пусть вся жизнь – глухая осень;
Ведет в правдиво-лживом сне
Меня череда увядших весен
К неувядающей весне.

1914

«О, мука вечной жажды...»

О, мука вечной жажды!
О, тщетная любовь!
Кто полюбил однажды,
Тот не полюбит вновь.

Смиренью учат годы:
Как все, терпи, живи;
Нет любящим свободы,
Свободным нет любви.

Узла ты не развяжешь,
Не сможешь ты уйти
И никогда не скажешь:
«Я не люблю, – прости».

Но жизни злая сила
Навек меня с тобой,
Как смерть, разъединила
Последнею чертой.

Мы любим и не любим,
Живем и не живем;
Друг друга не погубим,
Друг друга не спасем.

И, как о милой тени,
Хотел бы я рыдать,

Обняв твои колени, —
И ничего не ждать.

1914

«Я от жажды умираю...»

Я от жажды умираю,
Дай мне пить, – тебя молю.
Грех ли, свято ли, – не знаю,
Только знаю, что люблю.

Заколдованного круга
Никогда не разомкнешь,
И таинственного друга
От себя не оттолкнешь.

Счастлив я или страдаю,
Гибну я или гублю,
Ничего уже не знаю, —
Только знаю, что люблю.

1914

«Пусть же дьявол ликует...»

Пусть же дьявол ликует,
Как еще никогда;
Древний хаос бушует,
И пылает вражда;

Пусть любовь холодеет,
Каменеют сердца, —
Кто любить еще смеет,

Тот люби до конца.

<1915>

Из дневника

1

Я знаю: счастья будет мало,
Еще страшнее будет жить,
Но так устало, так устало,
Устало сердце не любить,

Что вот на все душа готова,
И я судьбу благословлю
За то, что я страдаю снова,
За то, что снова я люблю.

2

Мне жаль, что жизнь твоя бесследной
И мимолетней сна пройдет
И что заря любви последней
Над жизнью темной не блеснет;

Твои опущенные веки
Никто не будет целовать,
И не узнаешь ты вовеки,
Какое счастье – счастье дать.

3

Суждены пути нам розные, —
Не сойдемся никогда.
От былого годы грозные
Не оставят и следа.

Но того, что сердцу радостно,
Рок не может изменить:
Быть любимым как ни сладостно
Все же сладостней любить.

4

Уж хлопья снега вверх и вниз,
Как мухи белые, летали,
Уже цветы мои увяли,
И умер, умер Адонис...

И в черной стуже ноября
О светлом боге я тоскую
И с тайной нежностью целую
Холодный пепел алтаря.

5

Мне ничего не надо:
В душе моей покой,
И тихо сердце радо,
Что я опять с тобой.

С тобою быть – отрада;
О большем не молю.
Как тихо сердце радо,
Как просто я люблю!

6

Моей любви святая сила
Тебя навеки оградила;
Мое спокойно торжество,
И так, как ты меня любила,
Ты не полюбишь никого.

7

– Кто ты? Друг? – Не друг. – А кто же?
– Я чужой среди чужих,
Дальше всех и всех дороже —
Твой таинственный жених.

Наш чертог во мраке светит,
Ризу брачную готовь:
На пороге смерти встретит
Нас Бессмертная Любовь.

8

Я край одежд Твоих лобзаю,
Я жизнь готов Тебе отдать,
Но не дерзаю, не дерзаю
Тебя по имени назвать.

И пусть над жадною пучиной
Разбита утлая ладья, —
Моя любовь – Тебе Единой,
Тебе Единой – песнь моя!

Кассандра

Испепелил, Святая Дева,
Тебя напрасный Фэбов жар;
Был даром божеского гнева
Тебе предзнанья грозный дар.

Ты видела в нетщетном страхе,
Как вьется роковая нить;
Ты знала все, но пальцев пряжи
Ты не могла остановить.

Провыла псица Аполлона:
«Огонь и меч!» – народ не внял,
И хладный пепел Илиона
Кассандру поздно оправдал.

Ты знала путь к заветным срокам,
И в блеске дня ты зрела ночь.
Но мщение судеб пророкам:
Все знать – и ничего не мочь.

<1922>

Вечерняя песнь

Склоняется солнце, кончается путь;
Ночлег недалеко – пора отдохнуть.

Хвала Тебе, Господи! Все, что Ты дал,
Я принял смиренно, – любил и страдал.

Страдать и любить я готов до конца
И знать, что за подвиг не будет венца.

Но жизнь непонятна, а смерть так проста;

Закройтесь же, очи, сомкнитесь, уста!

Не слаще ли сладкой надежды земной —
Прости меня, Господи! – вечный покой?

<1923>

Песнь парок

Из «Ифигении» Гете

«О, смертное племя,
Бессмертных страшись!
Бразды они держат
В предвечной деснице,
И делают боги
С людьми, что хотят.

Кто ими возвышен,
Тот бойся их дважды!
На скалах и тучах
Расставлены стулья
У трапез златых.
Подъемлется распря —
И падают гости
С бесчестьем и срамом
В ночные глубины,
И, скованы мраком,
Вотще правосудья
Невинные ждут.

А боги пируют,
В веселии вечном,
У трапез златых;
С вершин на вершину
Ступают чрез бездны, —
И к ним из ущелий

Дыханье титанов,
Задушенных в безднах,
Восходит туманом,
Как жертвенный дым.

Свой взор благодатный
Они отвращают
От целых родов,
И вновь повторенный
Лик деда во внуках,
Когда-то любимый,
Узнать не хотят».

Так пели три Парки.
И старец-изгнанник
В подземной пещере,
Той песне внимая
И думая думу
О детях и внуках,
Качал головой.

<1924>

Царскосельский барельеф

Памяти В. А. Жуковского

Euridicen toto referebant flumine ripae

Vergilii, Georg. IV^[50].

Шел, возвращаясь из ада, Орфей со своей Евридикой.
Все миновали преграды, и только на самом пороге
Остановился и, клятву забыв, на нее оглянулся,

Светом уже озаренную. «Горе! – она возопила. —
Горе! Какое безумье тебя и меня погубило!
Неумолимая участь обратно меня отзывает,
Друг мой, прости же навеки! Дремой затуманились очи,
И от тебя уношусь я, объятая тьмой бесконечной,
Слабые руки к тебе я – уже не твоя – простираю!»
Так простонала и дымом растаяла в воздухе легком.
Ловит он тень ее, с ней говорит, но ее уж не видит...

Там на высокой скале у пустынного Стримона плачет
Горький певец, изливая печаль свою в хладных пещерах,
И укрощаются звери, и дубы сдвигаются песнью.
Так Филомела в тени серебристого тополя плачет,
Если птенцов из гнезда ее пахарь жестокий похитит;
Плачет она по ночам, повторяя унылую песню,
И наполняет стенящую жалобой темные дали...

Раз он любил – и уже никогда никого не полюбит;
В льдистой пустыне Рифеевой, в вечных снегах Танаиса,
В полночи Гиперборейской певец одинокий блуждает,
Тщетную милость Аида клянет и зовет Евридику...

Презрены им Киконийские жены, но отомстили:
В таинствах Вакха ночных, в исступленьях святых
растерзали
Юное тело и по полю члены его разметали,
Голову жалкую волны глубокого Эбра катили,
А замирающий голос все еще звал Евридику.
«О, Евридика!» – душа его повторяла и в смерти,
И отзывалось эхо в прибрежных скалах: «Евридика!»

<1924>

Псалом царя Ахенатона

Чудно явление твое на востоке,
Жизнenaчальник Атон!

Когда восходишь ты на краю небес,
То наполняешь землю красотой твоей.
Ты прекрасен, велик, лучезарен, высок!
Всю тварь обнимают лучи твои,
Всех живых пленил ты в свой плен —
Заклучил в узы любви.

Ты далек, но лучи твои близко;
Шествуешь в небе, но день – твой след на земле.
Когда же почишь на западе —
Люди лежат во тьме, как мертвые;
Очи закрыты, головы закутаны;
Из-под головы у них крадут – не слышат во сне.
Всякий лев выходит из логова,
Из норы выползает всякая гадина:
Воздремал Творец, и безглагольна тварь.

Ты восходишь – земля просвещается;
Посылаешь лучи твои – мрак бежит.
Люди встают, омывают члены свои,
Облекаются в ризы свои.
Воздевают руки, молятся;
И выходит человек на работу свою.

Всякий скот пасется на пастбище,
Всякий злак зеленеет в полях;
Птицы порхают над гнездами,
Подымают крылья, как длани манящие;
Всякий ягненок прыгает,
Всякая мошка кружится:
Жизнью твоей оживают, Господи!

Лодки плывут вверх и вниз по реке;
Все пути тобой открываются.

Рыбы пляшут в воде пред лицом твоим;
Проникают лучи твои в сердце морей.

Ты образуешь зародыш в теле жены,
В теле мужа семя творишь.
Сохраняешь дитя во чреве матери,
Утешаешь его, чтоб не плакало,
Прежде чем его утешит мать.

Шевелится ли птенчик в яйце своем —
Ты даешь ему дыхание
И силу разбить скорлупу.
Выходит он из яйца, шатается,
А голосом своим уже зовет тебя.

Как многочисленны дела твои, Господи,
Как сокровенны, Единый, Ему же нет равного!
Создал ты землю по сердцу твоему,
Когда никого с тобой не было в вечности;
И человеков создал, и скотов полевых,
И ходячее на ногах по земле,
И парящее на крыльях в воздухе.

Создал Сирию, Нубию, а также Египет.
Каждый народ утвердил ты в земле его,
Каждому все сотворил на потребу,
Меру жизни и пищу отмерил им,
Разделил племена их поговору,
И по цвету лица, и по образу.

Нил извел ты из мира подземного,
Да насытишь благами людей твоих;
Нил другой сотворил ты на тверди небес,
Чтобы воды его низвергались дождем,
Напоили диких зверей на горах
И поля и луга орошали.
Как велики дела твои, Господи!

Нил небесный ты дал чужеземцам,
Нил подземный – египтянам.

Кормишь всякий злак, как дитя свое.
Времена года ты создал для тварей своих:
Зиму – да прохлаждаются,
Лето – да вкушают тепло твое.

Создал небеса далекие,
Дабы созерцать из них всю тварь свою.
Приходишь, уходишь, возвращаешься
И творишь из себя, из Единого,
Тысячи тысяч образов:
Племена, города и селенья,
И поля, и дороги, и реки, —
Видят все вечное солнце твое.
Твой восход – им жизнь, твой закат – им смерть.

Когда полагал основание земли,
Открыл ты мне волю свою,
Сыну своему, вечно существу, от Отца исходящему...
Ты, Отец, в сердце моем,
И никто тебя не знает,
Знаю только я, твой сын,
Ахенатон Уаэнра!
Радость-Солнца, Сын-солнца-единственный!

<1926>

«Плавает лебедь в воде замерзающей...»

Плавает лебедь в воде замерзающей,
Но уже с трудом;
Скоро сожмет ее лед мерцающий
Мертвым кольцом.

Выйдет на лед птица белая,
Будет скользить.
Глупая, бедная,
Не умеет ходить.

А звездная тайна полночная,
Как улыбка моя.
И падает лебедь беспомощно,
Как я, как я!

<1926>

Вдруг

Иногда бывает так скучно,
Что лучше бы на свет не смотреть,
Как в подземном склепе, душно,
И мысль одна: умереть!

Может быть, России не будет, —
Кто это понял до дна?
Разве душа забудет,
Разве забыть должна?

И вдруг все меняется чудно,
Сердце решает: «пусть!»
И легко все, что было так трудно,
И светла, как молитва, грусть.

Кто сотрет главу Змия, —
Знаю, веря, любя.
Только из рук Господних, Россия,
Только из них мы примем тебя!

1928

Сонное

Что это – утро, вечер?
Где это было, не знаю.
Слишком ласковый ветер,
Слишком подобное раю,
Все неземное – земное.
Только бывает во сне
Милое небо такое, —
Синее в звездном огне.
Тишь, глушь, бездорожье,
В алых маках межи.
Русское, русское – Божье
Поле зреющей ржи!
Господи, что это значит?
Жду, смотрю не дыша,
И от радости плачет,
Богу поет душа.

1928

Одуванчики

«Блаженны нищие духом...»
Небо нагорное сине;
Верески смольным духом
Дышат в блаженной пустыне;
Белые овцы кротки,
Белые лилии свежи;
Геннезаретские лодки
Тянут по заводи мрежи.
Слушает мытарь, блудница,
Сонм рыбаков Галилейских;
Смуглы разбойничьи лица
У пастухов Идумейских.
Победоносны и грубы,

Слышатся с дальней дороги
Римские медные трубы...
А Равуни босоногий
Все повторяет: «Блаженны...»
С ветром слова улетают.
Бедные люди смиренны, —
Что это значит, не знают.
Слушают, не разумея;
Кто это, сердце не спросит.
Ветер с холмов Галилеи
Пух одуванчиков носит.
«Блаженны нищие духом...»
Кто это, люди не знают,
Но одуванчики пухом
Ноги Ему осыпают.

1928

Я не был счастлив никогда

Я не был счастлив никогда,
Из чаши сладостной я не пил.
Так за годами шли года;
Огонь потух, остался пепел.

И в вечер поздний и туманный
Огня у пепла не прошу,
Лишь теплотой благоуханной,
Склонясь к нему лицом, дышу.

О, пусть же все несовершенно, —
Во всем – таинственная весть,
И Бога моего смиренно
Благодарю за все, что есть.

1929

Главное

Доброе, злое, ничтожное, славное, —
Может быть, это все пустяки,
А самое плавное, самое плавное,
То, что страшней даже смертной тоски, —

Грубость духа, грубость материи,
Грубость жизни, любви – всего;
Грубость зверихи родной, Эсээрии, —
Грубость, дикость – и в них торжество.

Может быть, все разрешится, развяжется?
Господи, воли не знаю Твоей,
Где же судить мне? А все-таки кажется,
Можно бы мир создать понежней!

<1930>

Пятая

Бедность, Чужбина, Немошь и Старость,
Четверо, четверо, все вы со мной,
Все возвещаете вечную радость —
Горю земному предел неземной.

Темные сестры, древние девы,
Строгие судьбы во зле и добре,
Сходитесь ночью, шепчетесь все вы,
Сестры, о пятой, о старшей Сестре.

Шепот ваш тише, все тише, любовней;
Ближе, все ближе звездная твердь.
Скоро скажу я с улыбкой сыновней:

Здравствуй, родимая Смерть!

<1930>

Легенды и поэмы

Восточный миф

Взлелеянный в тиши чертога золотого,
Царевич никогда не видел мук и слез,
Про зло не говорил никто ему ни слова,
И знал он лишь одно о силе черных гроз,
Что после них в саду свежее пурпур роз.
Он молвил раз: «Отец, мешает мне ограда
Смотреть, куда летят весною журавли,
Мне хочется узнать, что там, за дверью сада,
Мне что-то чудится волшебное вдали...
Пусти меня туда!..» И двери отворились,
И, светлый, радостный, едва блеснул восход,
Царевич выехал на север из ворот.
Из шелка веера и зонтики склонились,
Гремела музыка, и амброй дорогой
Кропили путь его, как свежую росой.
Но вдруг на улице, усеянной цветами,
В ликующей толпе он видит, как старик
С дрожащей головой, с потухшими очами
На ветхую клюку беспомощно поник.
И конюха спросил царевич изумленный:
«О что с ним?.. Взор его мне душу леденит...
Как страшен бледный лик и череп обнаженный.
Беги ему помочь!..» Но конюх говорит:
«Помочь ему нельзя: то старость роковая,
С тех пор, как потерял он юность и красу,
Покинутый людьми, живет он, угасая,
Забыв и одинок, как старый пень в лесу.
Таков удел земной!..» – «О, если так, – довольно,
Не надо музыки и песен, и цветов.
Домой, скорей домой!.. Мне тягостно и больно
Смотреть на счастье бессмысленных глупцов.

Как могут жить они, любить и веселиться,
Когда спасенья нет от старости седой;
И стоит ли желать и верить, и стремиться,
Когда вся жизнь – лишь бред! Домой, скорей домой!..»

Семь дней прошло, и вновь, едва блеснул восход,
Царевич выехал на полдень из ворот.
Душистой влагою пропитанные ткани
Над пыльной улицей раскинули навес,
Светился золотом в дыму благоуханий
Хоругвий и знамен колеблющийся лес.
Но в праздничной толпе, что весело шумела,
Забывтый, брошенный им встретился больной.
И пес ему в пыли на ранах лижет гной,
И в струпьях желтое, измученное тело
От холода дрожит, меж тем как знойный бред
Зрачки воспламенил, и юноша несмело
Спросил о нем раба, и раб ему в ответ:
«Недуг сразил его: мы немощны и хрупки,
Как стебли высохшей травы: недуг – везде,
В лобзаньях женщины и в пенящемся кубке,
В прозрачном воздухе, и пище, и воде!..»
И юноша в ответ: «О горе! жизнь умчится!
Как детская мечта, как тень от облаков,
И вот, где цель борьбы, усилий и трудов,
И вот, во что краса и юность превратится!..
О горе, горе нам!..» И бледный и немой
Вернулся в свой чертог царевич молодой.

Семь дней прошло, и вновь, едва блеснул восход,
Царевич выехал на запад из ворот.
Гирлянды жемчуга таинственно мерцали,
И дети лепестки раздавленных цветов
За колесницею с любовью подымали,
И девы, падая у ног коней, лобзали
На мягком пурпуре разостланных ковров
Глубокие следы серебряных подков.

Но вдруг пред ним – мертвец: без страха, без надежды,
Окутан саваном и холоден, и нем —
В недоумении сомкнувшиеся вежды
Он в небо обратил, чтобы спросить: зачем?
Рыдали вокруг него – отец, жена и братья,
И волосы рвала тоскующая мать,
Но слышать не хотел он ласки и проклятья,
На жаркие мольбы не мог он отвечать.
И юноша спросил в мучительной тревоге:
«Ужель не слышит он рыдающую мать,
Зачем уста его так холодны и строги?..»
Слуга ему в ответ: «Он мертв, он навсегда
Ушел от нас, ушел неведомо куда,
В какой-то чуждый мир, безвестный и далекий.
И яму выроют покойнику в земле,
Он будет там лежать в сырой, холодной мгле,
Без помыслов, без чувств, забытый, одинокий,
И черви труп съедят, и от того, кто жил,
Исполненный огня, любви, надежд и страха,
Останется лишь горсть покинутого праха.
Потом умрут и те, кто так его любил,
Кто ныне гроб его со скорбью провожают,
За листьями листья под вьюгой улетают —
И люди за людьми под бурю времен.
Вся жизнь – о гибнущих один лишь стон печальный,
Весь мир – лишь шествие великих похорон,
И солнце вечное – лишь факел погребальный!..»
И юноша молчал, и бледный, как мертвец,
Без ропота, без слез вернулся во дворец.
Как в нору зверь больной, настигнутый врагами,
Бежал он от людей и в темном уголке
К колонне мраморной припал в немой тоске
Пылающим лицом с закрытыми глазами,
Забыв себя и мир, забыв причину мук,
Лежал, не двигаясь – бесчувственный, безмолвный...
Ночные сумерки плывут, плывут, как волны,
И все темней, темней становится вокруг...

С тех пор промчались дни; однажды, в час вечерний
Царевич вышел в степь; без свиты и рабов,
Один среди камней и запыленных терний
Глядел он на зарю, глядел без прежних снов
На дальние гряды темневших облаков.
И вдруг он увидал: по меркнувшей дороге
В смиренной простоте идет к нему старик:
В приветливых чертах – ни горя, ни тревоги,
И тихой благостью спокойно дышит лик.
Он не был мудрецом, учителем, пророком,
Простым поденщиком он по миру бродил,
Не в древних письменах, не в книгах находил,
А в сердце любящем, свободном и широком —
Все то, что о добре он людям говорил.
Одежда грубая, котомка за плечами
И деревянный ковш – вот все, чем он владел,
Но, дружный с волею, пустыней и цветами,
На пышные дворцы он с жалостью глядел.
С открытой головой, под звездной ширью неба
Ночует он в степи и не боится гроз,
Он пьет в лесных ключах, он сыт лишь коркой хлеба;
Не страшны для него ни солнце, ни мороз,
Ни муки, ни болезнь, ни злоба, ни гоненья.
Он жаждет одного: утешить, пожалеть,
Помочь – без дум, без слов и разделить мученья,
И одинокого любовью отогреть.
Он весь был жалостью и жгучим состраданьем
К животным, париям, злодеям и рабам,
Ко всем страдающим, покинутым созданьям,
Он их любил, как брат, за что – не зная сам.
Он понял их нужду, он плакал их слезами,
Учил простых людей и делал все, что мог,
Страдал и жил, как все, не жалуясь на рок,
И в будничной толпе работал с бедняками.

Как удивился он – веселый, простодушный —

Из уст царевича услышав детский бред,
Что верить нечему, что в жизни цели нет,
Что человек – лишь зверь порочный и бездушный.
Меж тем как пламенный мечтатель говорил,
Качал он головой с улыбкой добродушной
И с кроткой жалостью одно ему твердил,
Не внемля ничему: «О, если б ты любил!..»
И от него ушел царевич раздраженный,
Озлобленный, больной вернулся он в чертог,
На ложе бросился, но задремать не мог,
И кто-то в тишине холодной и бессонной
Упрямо на ухо твердил ему, твердил
Безумные слова: «О, если б ты любил!..»
Тогда он встал, взглянул на блестящие вазы,
На исполинский ряд порфировых столбов
С кариатидами изваянных слонов,
На груды жемчуга, и пурпур, и алмазы,
И стыд проснулся в нем, к лицу во тьме ночной
Вся кровь прихлынула горячею волной:
«Как в этой роскоши, не видел слез и муки,
Я жизнь дерзнул назвать ничтожной и пустой,
Чтоб, не трудясь, сложить изнеженные руки,
Владея разумом и силой молодой!..
Как будто мог понять я смысл и цель вселенной,
Больное, глупое, несчастное дитя,
Без веры, без любви решал я дерзновенно
Вопросы вечные о тайнах бытия.
А за стеной меж тем – все громче крик и стоны,
И холодно взирал я с высоты моей,
Как там во тьме, в крови теснятся миллионы
Голодных, гибнущих, истерзанных людей.
На ложе золотом, обливаемый ароматом,
Смотрел, как тысячи измученных рабов
Трудились для меня под тяжестью оков,
Упитанный вином, пресыщенный развратом,
Я гордо спрашивал: «Как могут жить они,
Влача позорные, бессмысленные дни?»»

Но прочь отсюда, прочь!.. Душе пора на волю —
Туда, к трудящимся, смиренным и простым,
О, только б разделить их сумрачную долю,
И слиться, все забыв, с их горем вековым!
О, только б грудь стыдом бесплодно не горела,
Последним воином погибну я в борьбе,
Чтоб жизнь отдать любви, я выберу себе
Глухое, темное, неведомое дело.
Не думать о себе, не спрашивать: зачем?
На муки и на смерть пойти, не размышляя,
О, лишь тогда в любви, в простой любви ко всем
Я счастье обрету, от счастья убегая!»

1887

Старый Гуд *Осетинское предание*

«Отец, о чем это стонет метель?..»

Из горских песен

Там, где смерть и вечный холод,
Бури вой и рев лавин,
Старый Гуд живет, владыка
Гор, потоков и стремнин.

В ледниках за облаками
Белый снег – его постель,
Черный вихрь – его одежда,
Борода его – метель.

И когда он над горами
Мчится, бешенством объят, —
Водопады цепенеют,
Скалы вечные дрожат.

Но однажды гений смерти,
Этот дух враждебных сил,
Одинокую пастушку
Гор окрестных полюбил.

Бог стихий неукротимых,
Разрушенья мрачный бог
Целовал в траве весенней
Легкий след девичьих ног.

Он хранил ее, лелеял,
Баловал и на венки
Ей растил по горным кручам
Алый мак и васильки.

Чтобы мягче было ножкам —
Мох зеленый расстилал,
На пути ее горстями
Землянику рассыпал.

А заблудится, бывало, —
Через бешеный поток
Изо льда ей перекинет
Он серебряный мосток.

Сколько раз ее от смерти
Он спасал, но от греха
Не сберег, – его малютка
Полюбила пастуха.

Старый Гуд не может сердце
Гордой девы победить,
И ревнует, и не знает,
Как счастливцам отомстить.

Раз любимого ягненка

Не могли они найти,
Заблудились, – ночь и вьюга
Их застали на пути.

Тьма кругом; зашли в пещеру,
Разложили огонек;
Озарился теплым светом
Их уютный уголок.

Между тем как за стеною
Вой метели все грозней,
Разговор их тише, тише,
Поцелуй – горячей...

Стонет Гуд, ревет от злобы, —
А они за огоньком,
Беззаботные, смеются
Над ревнивым стариком.

«Будь моей!..» – Она слабеет,
Отдается... Вдруг скала
Страшно вздрогнула, и буря
Всю пещеру потрясла.

Гром затих, – настала сразу
Тишина. Он поднял взгляд,
Побледнел – и мщенье Гуда
Понял, ужасом объят.

Вход пещеры был завален
Глыбой камня, и страшна
После бешеной метели
Гробовая тишина...

Чтоб забыться на мгновенье,
Он прижал ее к груди
И шептал ей: «О подумай,

Сколько счастья впереди!

Будь моей... Не бойся смерти...
Старый Гуд, любовь сильнее
Всех стихий твоих враждебных,
Всех мучений и скорбей!»

Но прошло три дня, и голод
Потушил у них в крови
То, что вечным им казалось —
Мимолетный жар любви.

Разошлись они безмолвно,
Как враги, и в их очах
Только ненависть блеснула
И животный, дикий страх.

По углам сидят, как звери,
Смотрят пристально, без слов,
И глаза у них сверкают
В темноте, как у волков.

На четвертый день он тихо
Встал; безумьем взор горел,
Он, дрожа, как на добычу
На любовницу смотрел.

Бродит страшная улыбка
На запекшихся губах,
Нож сверкает в неподвижных,
Грозно поднятых руках.

Подошел, но вдруг протяжно,
Словно ведьма иль шакал,
В щель стены над самым ухом
Старый Гуд захохотал.

А потом все громче, громче,
Необъятней и страшней
Загремела, бог могучий,
Песня ярости твоей.

Визг и хохот, словно в пляске
Мчатся тысячи бесов
И скликаются пред битвой
Миллионы голосов.

Старый Гуд, кружась в метели,
Опьяненный торжеством,
Заливается, хохочет
И ревет сквозь вихрь и гром:

«Не меня ли ты отвергла?
Что же, радуйся теперь!
Посмотри-ка, полюбуйся —
Твой любовник – дикий зверь!»

Но, из рук убийцы вырвав,
В сердце собственное нож
Дева гордая вонзила
И воскликнула: «Ты лжешь!»

Я сама ему на пищу
Кровь и тело отдаю,
Я любовью победила
Силу грозную твою!..»

Старый Гуд завыл от боли,
Свод пещеры повалил
И несчастных под огромной
Глыбой скал похоронил.

В ледники свои родные
Возвратился мрачный бог,

Но напрасно было мщенье:
Он забыть ее не мог.

Оттого-то зимней ночью
Чей-то долгий, долгий стон
Прозвучит порой в метели:
«Горе мне, я побежден!..»

<1889>

Родриго Испанская легенда

Жил-был честный Родриго, солдат отставной.
Он со службы в село возвращался домой.
Вот идет он и думает: «Что же,
Верой-правдой царю тридцать лет я служил,
И за все восемь медных грошей получил,
Но веселость мне денег дороже,
Я не буду роптать». Между тем по пути —
Видит – нищий стоит: «Христа ради!» – «Прости!
Вот копеечка, братец, не много,
Да уж ты не взыщи: тридцать лет я служил, —
И за все восемь медных грошей получил,
Но не буду роптать я на Бога».
И он дальше пошел, а бедняга опять:
«Христа ради!» – И снова пришлось ему дать.
Восемь раз подходил к нему нищий.
И Родриго давал, все давал от души,
Бедняку он последние отдал гроши
И остался без крова, без пищи.
«Что ж, вольней мне и легче без денег идти».
Он смотрел на цветы, шел и пел на пути:
«Милосердных Господь не забудет».
Говорил ему нищий: «Скажи мне, чего
Ты хотел бы?» – «Чего? Вот мешок. Пусть в него
Все войдет, что желаю!» – «Да будет!» —

Молвил нищий, взглянул на него и исчез:
То Христос был – Владыка земли и небес.
И пошел себе дальше Родриго.
Видит – площадь базарная, лавочник спит,
Перед ним колбаса на прилавке лежит
И баранки, и хлеба коврига.
«Полезайте-ка, эй!» – поманил их солдат,
И в мешок колбаса и баранки летят, —
Пообедал на славу Родриго.
Он вернулся в родное село: земляков
Было жаль, да и нечего взять с земляков,
Он забыл про мешок свой чудесный
И работал в полях от зари до зари,
Ближе к Богу в избушке своей, чем цари,
До конца прожил добрый и честный.
«Ох, грехи, – сокрушался порою бедняк, —
Что же праздник – из церкви я прямо в кабак,
Не могу удержаться, хоть тресни.
Как не выпить с товарищем чарки, другой».
Возвращался он за полночь пьяный домой,
Распевая солдатские песни.
Так он жил. Наконец Смерть пришла: «Поскорей
В путь, Родриго!» – «Пойдем, я готов!» – и за ней
Он пошел бодро, весело с палкой
И походным мешком: «Тридцать лет я служил,
И за все восемь медных грошей получил!
Что ж, мне с жизнью расстаться не жалко!»
Он идет прямо к раю; со связкой ключей
В светлой ризе привратник стоит у дверей.
Старый воин, как в крепость, бывало,
Входит в рай победителем. «Эй, ты куда? —
Молвил грозно привратник. – Не в рай ли?» – «Ну да!» —
«Подожди-ка, голубчик. Сначала
Расскажи, как ты жил?» – «Тридцать лет я служил,
И работал, и свято отчизну любил.
Разве мало, по-твоему?» – «Мало!
Вспомни, братец, как часто ходил ты в кабак».

Рассердился солдат, закричал: «Если так, —
Полезай-ка в мешок!» – «Что с тобою,
Как ты смеешь!» – «В мешок!» – «Слушай, братец...» —
«В мешок!...»

Тот послушаться воли Христовой не мог,
Делать нечего, влез с головою
Он в солдатский мешок; а Родриго меж тем
Молвил, гордо и смело вступая в Эдем:
«Пусть темна наша жизнь и убога:
Неужели тому, кто работал и жил,
Кто родимой стране тридцать лет прослужил,
Не найдется местечка у Бога».

<1890>

«Пастырь добрый»

Легенда

Пришел в Эфес однажды Иоанн,
Спасителя любимый ученик,
И юношу среди толпы заметил
Высокого, прекрасного лицом.
И восхотел души его для Бога,
И научил, и, в вере утвердив,
К епископу привел его, и молвил:
«Меж нами – Бог свидетель: предаю
Тебе мое возлюбленное чадо,
Да соблюдешь ты отрока от зла!»
И град Эфес покинул Иоанн,
И за море отплыл в другие страны.

Епископ же, приняв ученика,
Хранил его и наставлял прилежно,
Потом крестил. Но отрок впал в соблазн
И стал к мужам безумным и блудницам
На вечера роскошные ходить,

И пил вино. Ночным любодееяньем
И кражами он совесть омрачил.
И увлекли его друзья в ущелье
Окрестных гор, в разбойничий вертеп.
Грабители вождем его избрали.
И многие насилья он творил
И проливал людскую кровь...

Два года
С тех пор прошло. И прибыл Иоанн
Опять в Эфес и молвил пред народом
Епископу: «О, брат, отдай мне то,
Что предал я тебе на сохраненье».
Дивился же епископ и не знал,
О чем плаголет Иоанн, и думал:
«О некоем ли золоте меня
Он испытует?» Видя то, Учитель
Сказал ему: «Скорее приведи
Мне юношу того, что на хранение
Доверил я тебе». И, опустив
Главу, епископ молвил со слезами:
«Сей отрок умер». Иоанн спросил:
«Духовною ли смертью иль телесной?»
Епископ же в ответ ему: «Духовной:
К разбойникам на горы он ушел...»
И в горести воскликнул Иоанн:
«Но разве я пред Богом не поставил
Тебя хранителем его души
И добрым пастырем овцы Христовой?..
Коня, скорей коня мне приведи!»

И на коня он сел, и гнал его,
И гор достиг, и путника в ущелье
Разбойники схватили. Он же молвил:
«К вождю меня ведите». Привели.
Суровый вождь стоял во всеоружье,
Склонясь на меч. Но вдруг, когда увидел

Святителя, грядущего вдали, —
Затрепетал и бросился бежать
В смятении пред старцем безоружным.
Но Господа любимый ученик,
Исполненный великим состраданьем,
По терниям, по остриям камней,
Над пропастью, как за овцою – пастырь,
За грешником погнался, возопив:
«Зачем, мое возлюбленное чадо,
От своего отца бежишь? Молю,
Остановись и пожалей меня,
Бездомного и немощного старца!
Я слаб: тебя догнать я не могу...

Не бойся: есть надежда на спасенье:
Я за тебя пред Богом отвечаю...
О, сын мой милый, верь: меня Спаситель
Послал тебе прощенье даровать.
Я пострадаю за тебя: на мне
Да будет кровь, пролитая тобою,
И тяжесть всех грехов твоих – на мне».

Остановился отрок и на землю
Оружие поверг, и подошел,
Трепещущий, смиренный, к Иоанну,
И край его одежд облобызал,
И, пав к ногам, воскликнул: «Отче!»
Под ризою десницу от него
Укрыв: она была еще кровавой.

Учитель же привел его в Эфес.
И юноша молитвой и слезами
Грехи свои омыл, и в оный день,
Когда пред всем народом в Божьем храме
К Святым Дарам разбойник приступил,
Как над овцой любимой «пастырь добрый»,
Над грешником склонился Иоанн;

И радостью великою сияло
Лицо его, меж тем как подавал
Он кровь и плоть Спасителя из чаши,
И солнца луч обоих озарил —
И патриарха с чашей золотою,
И в белых ризах отрока пред ним,
Как будто бы ученика Христова
И грешника соединил Господь
В одной любви, в одном луче небесном.

<1892>

Шуточные стихотворения и дружеские послания

Ода Аларчину мосту

Опять мы здесь – окончен пост,
Опять мы в стенах безмятежных,
Где вкус так верен, ум так прост.
Аларчин мост, Аларчин мост,
Обитель муз и граций нежных.

Где Вейнберг с длинной бородой,
Где Гиппиус и Мережковский,
Где веют в воздухе порой,
Сменяясь быстрой чередой,
То Хитрово, то Михайловский.

Здесь Андреевский – Ламартин,
Наш легкомысленный оратор
И легкой моды властелин,
Всегда болтающий один —
Петр Боборыкин, и сенатор —

Муж с государственным умом,
Поклонник Газе, друг законов,
И Минский с пасмурным челом,
Разочарованный во всем,
С полдюженой своих мэонов.

Не унывавший никогда
Желанный гость на горизонте,
С лучом рассвета иногда
Всходил, как поздняя звезда,
Сей робкий юноша Висконти.

О золотые вечера,
О с Джиоржиадзе светлым <?> чаша,
И парадоксами игра,
И неизменная икра,
Ты, утешительница наша.

Аларчин мост, приют певцов,
Прими торжественную оду,
Тебя прославить я готов
За величайший дар богов —
За безграничную свободу!

1889 или 1890

Полонскому

Желаю от души, Полонский, мой Учитель,
Чтоб радость тихая вошла в твою обитель,
И сына Фебова, Асклепия, молю,
Да немощь исцелит докучную твою.
Еще тому легка докучных лет обуза,
С кем разделяет путь пленительная Муза —
Бессмертно юная, и трижды счастлив тот,
Кто гимн свой до конца восторженно поет...
Чреду златых годов без горя и тревоги
Пошлите Якову Петровичу, о боги!..
Я верю, из друзей поэта ни один
Не позабудет дня священных именин!

26 декабря 1892

<А. В. Половцову>

Поклонник Муз и чистых Граций,
Я жду тебя под сень дубов,

Пушистых елей и акаций,
Как Мецената ждал Гораций —
Во мгле Тибурских вечеров.
Одни за чаем на балконе
Мы можем в сельской тишине
Поговорить о Парфеноне,
О Половецкой старине.
Беседы гневным восклицаньем
Здесь Боборькин не прервет, —
Лишь стадо мирное с мычаньем
В полях темнеющих пройдет.
И в светлом сумраке лампы
Мы снова вызовем с тобой,
Полны задумчивой отрады, —
Святые призраки Эллады,
Земли, обоим нам родной.

Июнь 1894

notes

Примечания

1

Воля стоит над мышлением (*лат.*)

Ланчелотт (Ланселот) Озерный – герой романа Кретьена де Труа «Ланселот или Рыцарь Телеги» – один из рыцарей Круглого Стола, влюбленный в королеву Генъевру, жену короля Артура.

Уголино дела Герардеска, граф Донаротико, вождь гвельфов (сторонников римских пап и защитников интересов народа) Пизы. В 1288 г. пизанские гвельфы потерпели поражение от гибеллинов (сторонников императоров и аристократии) во главе с архиепископом Пизы Руджери дельи Убальдини. Уголино убил его племянника и был заключен в башне, ключи от которой бросили в Арно. Эту историю Уголино рассказывает Данте в «Божественной комедии» («Ад», песнь тридцать третья).

Все проходящее
Есть только Символ...

(Гете. «Фауст», II часть)

5

Ланч, обед (*англ.*).

6

Ваша бедная матушка (*франц.*).

7

Тетушка (*франц.*).

8

Вон! (*франц.*)

Идущие на смерть тебя приветствуют, Император Цезарь! (*лат.*)

10

Хлеб, рыба, волос (*лат.*)

Любить (*лат.*).

Горе побежденным! (*лат.*)

Счастливы владеющие (обладающие) (*лат.*).

Основной сказочный мотив этой поэмы тот же, что и в известной пьесе Кальдерона «Жизнь – только сон» (*Примеч. автора*).

15

Прозвище танцовщицы, дословно: решетка сточного люка
(франц.).

Официант – кружку пива (*франц.*).

Конец века (*франц.*).

Никогда (*англ.*).

Свобода, равенство, братство (*франц.*).

Мне девятнадцать лет, я хорошо сложена и очень красива
(франц.).

Идущие на смерть (*лат.*).

Идущие на смерть приветствуют тебя, император Цезарь (*лат.*).

Из глубины (взываю к Тебе, Господи) (*лат.*) – Псалом 129, 1.

Дочери Зевса и Фемиды, богини судьбы.

Трое друзей Иова: Елифаз Феманитянин, Вилдат Савхейнин и Софар Наамитянин (Книга Иова, 11, 11).

Гекуба – жена царя Трои Приама и мать Гектора – отважнейшего из троянских воинов, погибшего в поединке с Ахиллом.

Андромаха – жена Гектора.

Илион – Троя.

Омир – Гомер.

«Или! Или! ламма савахфани?» – «Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты меня оставил?» (Евангелие от Матфея, XXVII, 46.) Христос произносит эти слова на арамейском языке.

Дориносимый – носимый на копьях. Образ заимствован из древнеримской истории: подобно тому, как дружина поднимала на копьях стоящего на щите царя, небесное воинство несет на копьях Господа Сил небесных.

Перевозчик теней умерших через Стикс – реку подземного царства (*греч. миф.*).

Здравствуйте, спокойной ночи (*франц.*).

Дети, пить молоко! (*нем.*)

Тиберий, Клавдий-Нерон (42 до н. э. – 37 н. э.) – римский император.

Фемистокл (ок. 525 – ок. 460 до н. э.) – афинский полководец.

Волк... увидел... пасущихся на горе... (*лат.*).

Зачем и почему (*лат.*).

Как, когда, чтобы, о если бы (*лат.*).

Слова Христа: «...если... не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Евангелие от Матфея, XVIII, 3).

Аристарх Самофракийский (1-я пол. II в. до н. э.) – греческий филолог; его имя стало нарицательным для обозначения доброжелательного критика и подлинного ученого.

Волшебница Армида – персонаж из поэмы Торкватто Тассо (1544 – 1595) «Освобожденный Иерусалим». В свои сады заманивала рыцарей-крестоносцев.

По-видимому, имеется в виду Катон Старший (234 – 149 до н. э.) – римский государственный деятель и писатель, поборник общественных интересов и чистоты нравов.

Цинциннат (V в. до н. э.) – римский патриций; по преданию, был олицетворением верности гражданскому долгу, доблести и скромности.

Сцевола, Гай Муций – по преданию, римский юноша-герой, пробравшийся в лагерь этрусков, чтобы убить этрусского царя. Будучи схвачен, сам опустил правую руку в огонь, чтобы показать презрение к боли и смерти.

Я подобен королю некой ненастной страны.

Ш<арль> Б<одлер> (франц.)

Се человек (*лат.*).

День гнева (*лат.*).

Ты, кто от Небес... Гете (*нем.*).

Берега по всей реке повторяли: «Эвридика». Вергилий, Георг. IV
(лат.).